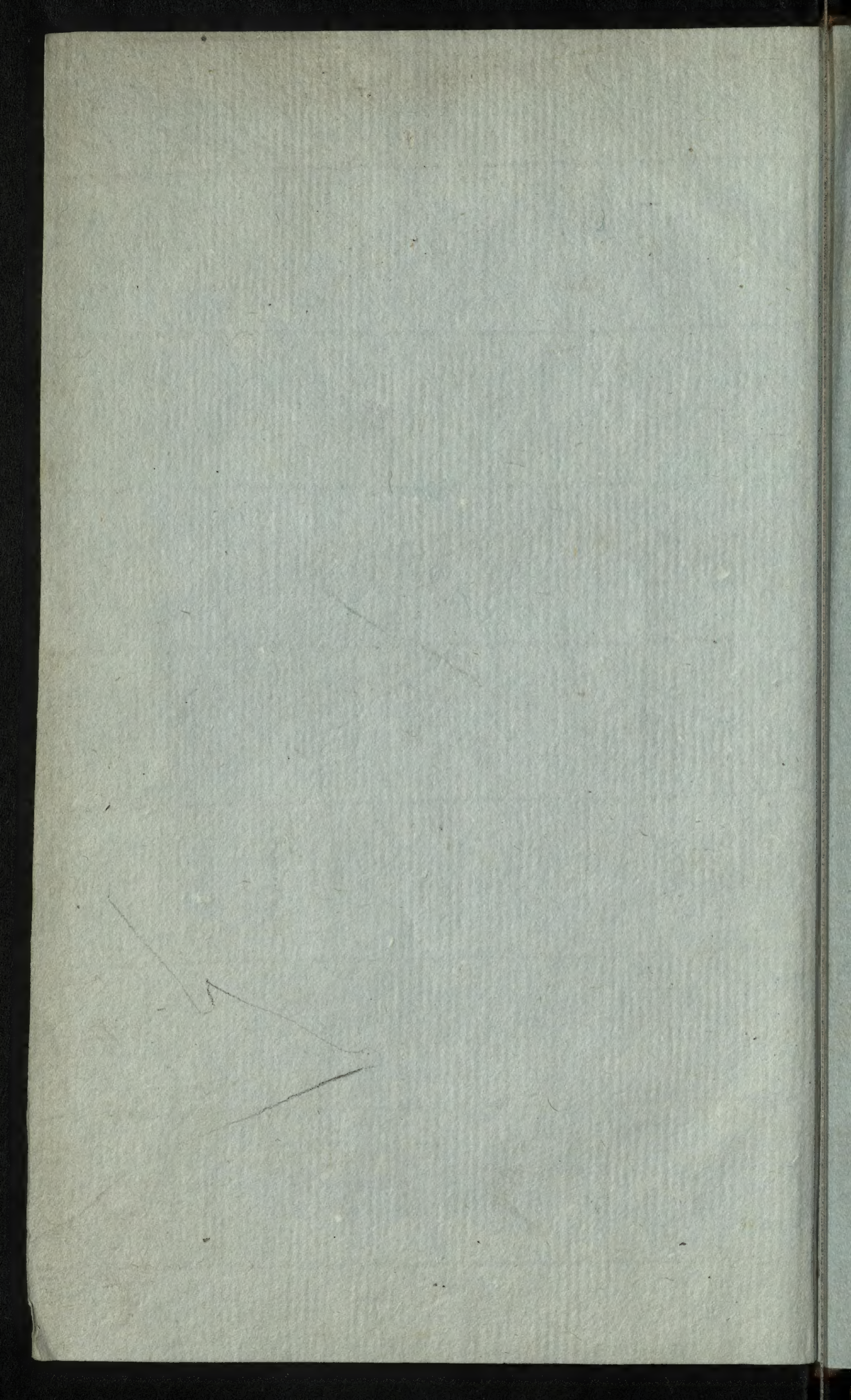

ИСТОРІЯ
КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ.

ИСТОРІЯ КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ,

или

СОБРАНІЕ

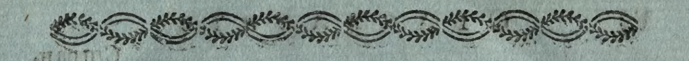
Любопытнѣйшихъ Повѣствованій о Кораблекрушеніяхъ, Зимованіяхъ, Пожарахъ, Голодѣ и другихъ нещастныхъ Приключеніяхъ, случившихся на морѣ, извѣстныхъ свѣту отъ пятагонадесять вѣку до нынѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Перевелъ съ Французскаго

МОСКВА, 1800.
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Повѣствованій, содержащихся въ третьей Части.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

о

КОРАБЛЕКРУШЕНІИ

Оккюмъ-Шамнана, Сіамскаго Мандарина, близъ Игольнаго Мыса, что на полуденномъ краю Африки, въ 1686.

Изданное въ свѣтъ Іезуитомъ Ташардомъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Іезуитъ *Ташардъ*, одинъ изъ шести Машемашиковъ, отправленныхъ отъ Короля Французскаго въ Индію въ 1685 году, при посольствѣ къ Королю Сіамскому, возвратился во Францію въ слѣдующій годъ съ двумя Посланниками отъ сего Государя. Многіе Мандарины сопровождали ихъ, и между про-

чими *Оккюмъ-Шамнанъ.* Сей Вельможа Сіамской былъ человѣкъ ученой, и говорилъ на многихъ языкахъ. Онъ весьма полюбилъ Ташарда, а сей испросилъ у Короля Сіамскаго позволенія, ѣхать ему въ свитѣ Посланниковъ.

Во время ихъ путешествія, когда они приближились къ полуденному краю Африки, то сей Мандаринъ не могъ удержаться отъ слезъ, увидя мысъ Игольной. Онъ вспомнилъ тогда о томъ кораблекрушеніи, которое онъ претерпѣлъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, плывши на одномъ Португальскомъ суднѣ. Ташардъ слышалъ уже прежде о семъ жалостномъ приключеніи, а теперь пожелалъ услышать о томъ подробно отъ самаго Оккюмъ-Шамнана. Повѣствованіе его онъ записалъ. Послѣ, имѣя случай познакомиться со многими достовѣрными Португальцами, которые вмѣстѣ съ Мандариномъ были при томъ путешествіи, распрашивалъ онъ и ихъ о семъ нещастномъ случаѣ, и нашелъ вообще совершенное сходство въ повѣствованіи. И такъ увѣренъ будучи, что оно достойно любопытства всѣхъ чувствительныхъ Читателей, пріобщилъ и его въ повѣствованіяхъ о второмъ своемъ путешествіи въ Сіамъ.

Король Португальской послалъ къ Королю Сïамскому знатное посольство, желая возобновить прежнïя свои съ нимъ связи, и для нѣкоторыхъ коммерческихъ видовъ. Государь Сïамской почелъ себя обязаннымъ отвѣчать на сей отличный знакъ почтительности къ нему Короля Португальскаго, и для того отправилъ трехъ знатныхъ Мандариновъ въ качествѣ Посланниковъ, и еще шестерыхъ другихъ нижшаго рангу, ко Двору Португальскому. Они отправились въ Гою въ концѣ мѣсяца Марта 1684 года, сѣвши на Сïамской фрегатъ, подъ командою Португальскаго Капитана. Хотя Гоя не весьма далеко отъ Сïама, однако сей переѣздъ ихъ продолжался болѣе пяти мѣсяцовъ. Неискусство ли Офицеровъ и кормчихъ, или противные вѣтры были тому причиною: только они не могли прïѣхать туда прежде отъѣзда Португальскаго флота. Такимъ образомъ путешествïе ихъ въ Европу отложено до другаго году.

Посланники принуждены были проводить одиннадцать мѣсяцовъ въ Гоѣ, ожидая прïѣзду флота изъ Лиссабона. Впрочемъ сïе время показалось имъ очень не долго, ибо они провели его съ удовольствïемъ. Прекрасныя строенïя

сего города были для нихъ новымъ и весьма удивительнымъ зрѣлищемъ. Великое множество огромныхъ зданій, монастырей и богатыхъ церквей, занимало надолго ихъ любопытство. А какъ они не выѣжжали никуда изъ своей страны, то весьма удивились, увидя теперь, что есть въ свѣтѣ городъ прекраснѣе Сіама (1). Вицерой назначилъ великолѣпный домъ для ихъ жилища, и на щетъ Короля Португальскаго содержалъ ихъ пышно.

Наконецъ Мандарины отправились въ Европу, сѣвши на Португальской корабль о 30 пушкахъ, съ 150 человѣками экипажу. Кромѣ Посланниковъ и ихъ свиты, находилось на немъ много духовныхъ особъ разныхъ Орденовъ, также множество пассажировъ, Креольцовъ, Индѣйцовъ и Португальцовъ. 27 го Генваря 1686 года выѣхали изъ рейды Гойской. Путь ихъ былъ благополученъ даже до 27 го Апрѣля.

Оставимъ продолжать любопытное повѣствованіе самому Оккюмъ-Шамнаиу, послѣдуя въ семъ случаѣ примѣру Ташарда, которой увѣряетъ, что онъ тщательно сохранилъ слова сего Мандарина, и даже не опустилъ ни малѣйшихъ его разсужденій.

„Со времени нашего отъѣзду изъ Гои, даже до 27 го Апрѣля, плаванїе было весьма благополучно. Даже въ самой этотъ день при захожденїи солнечномъ посыланы матросы на мачты и на райны опознать землю, которую видѣли мы нѣсколько вправо передъ собою, и которая замѣчена была уже дня съ три. По словамъ ихъ и по другимъ примѣтамъ заключилъ Капитанъ и кормчїй — но весьма ложно, — что это былъ мысъ Доброй Надежды. Въ семъ *чаянїи продолжали мы* путь даже до двухъ или трехъ часовъ ночи, и послѣ думали уже, что проѣхали видѣнную нами землю. Тогда перемѣнивши дорогу, направили путь нѣсколько болѣе на сѣверъ. Погода была ясная, вѣтеръ умѣренной; Капитанъ будучи увѣренъ, что проплыли уже мысъ, не оставилъ на мачтахъ ни одного часоваго. *Правда*, очередные *караульные* были на палубѣ; но они болѣе занимались маневрами, также играли между собою, не думая ни о малѣйшей опасности. Я прежде всѣхъ увидѣлъ землю. Не знаю, какое - то предчувствїе приближавшагося нещастїя тревожило меня во всю ночь, и не давало мнѣ уснуть ни на минуту. Въ такомъ безпокойствѣ вышелъ я

на верхъ, и любовался смотря на корабль, какъ онъ летѣлъ по верху водъ. Взглянувъ нѣсколько далѣе, вдругъ увидѣлъ я въ правой сторонѣ не очень далеко отъ насъ прегустую тѣнь. Это меня устрашило; я сказалъ о томъ кормчему, стоявшему у кормила. Въ самое то время закричали на носу корабля: „*Земля, земля передъ нами. Мы* „*пропали! . . . Скорѣй руль на другую* „*сторону.*„ Тотчасъ кормчій велѣлъ повернуть кормило, чтобъ своротить съ дороги; но мы были уже такъ близко отъ берегу, что на семъ поворотѣ корабль ударился три раза кормою о камень, и сдѣлался недвижимъ. Сіи три удара были прежестокіе: мы думали, что корабль проломился. Всѣ побѣжали на корму; но видя, что нигдѣ вода не прошла, нѣсколько ободрились.

„Для отвращенія предстоявшей погибели срубили мачты, и начали облегчать корабль; но не успѣли всего кончить. Вѣтеръ вѣялъ къ берегу, и волны принесли туда же наше судно. Вода подымалась на подобіе высокихъ горъ, и разбивалась о скалы; то подымала насъ до облаковъ, то ударяла о камни съ такою силою, что корабль не могъ долго устоять. Услышали мы

трескъ во всѣхъ его частяхъ. Сія огромная масса разломалась и развалилась съ ужаснымъ трескомъ. Прежде всего ударилась корма и отвалилась. Тщетно рубили мачты, бросали въ море пушки, сундуки и все тяжелое, чтобы облегчить корабль. Онъ такъ часто ударялся о камни, что треснулъ наконецъ подъ оружейною, полилась вода ливмя, и скоро наполнила камеру. Черезъ минуту была уже въ большой комнатѣ, а еще черезъ нѣсколько *минутъ* по поясъ человѣку на второй палубѣ.

„Поднялся вопль. Всѣ побѣжали на самой верхъ корабля; но всеобщее смятенїе еще болѣе умножало опасность. Между тѣмъ вода прибавлялась; мы чувствовали, какъ корабль опускался въ море, пока наконецъ киль легъ на дно и корабль сталъ недвижимъ на нѣсколько времени.

„Трудно изобразить ужасъ и отчаянїе, поразившее бѣдныхъ потопавшихъ: крики, рыданїе и вопли наполнили воздухъ. Всѣ тѣснились и толкались другъ о друга поминутно. Иные мирились съ своими врагами; иные стояли на колѣняхъ, или растянувшись лежали на палубѣ, и молили Бога о помощи; иные бросали въ море боль-

нія бочки, пустые сундуки, и все, что имъ попадалось въ руки. Крикъ и тревога заглушали и трескъ корабля, разбивавшагося въ куски, и шумъ волнъ ударявшихся о скалы съ невообразимою яростію. Между тѣмъ нещастные видя, что вопли и рыданіе безплодны, иные бросились вплавь, а иные искали спасенія своего другими способами: начали дѣлать плоты изъ досокъ и мачтъ корабельныхъ. Прочіе, пренебрегшіе сіе средство, или поглощены были волнами, или разбиты о камни прибрежные.

„Что касается до меня, я сперва не меньше другихъ пораженъ былъ страхомъ и отчаяніемъ. Но когда меня увѣрили, что есть еще надежда къ спасенію, то я ободрился. У меня были двѣ прекрасныя одежды; я надѣлъ на себя обѣ, сѣлъ на нѣсколько связанныхъ досокъ и силился вплавь достигнуть до берега. Второй изъ нашихъ Посланниковъ, человѣкъ самаго крѣпкаго сложенія и искусный пловецъ, былъ уже въ водѣ. Онъ взялъ къ себѣ Царскую грамоту, и привязалъ ее къ ефесу у сабли, подаренной ему отъ Его Величества. Такимъ образомъ мы оба въ одно время приплыли къ берегу. Тамъ было уже много Португаль-

довъ. Но мы хотя и спаслись отъ одной опасности, однако здѣсь ожидала насъ другая не меньше ужасная. Правда, оставшись на кораблѣ, могли бы мы утонуть; но сошедши на землю, видѣли передъ собою голодную смерть. У насъ не было ни воды, ни вина, ни сухарей. Между тѣмъ и холодъ былъ пронзительной, и я тѣмъ болѣе его чувствовалъ, что не былъ къ нему привыченъ. Видѣлъ, что долго противиться ему буду не въ состоянїи. Это побудило меня рѣшиться, ѣхать на другой день къ кораблю, и взять тамъ одежду потеплѣе, также и другаго запасу. Знатнѣйшïе Португальцы жили на верхней палубѣ; и такъ я надѣялся найти тамъ много драгоцѣннаго, а особливо хорошихъ съѣстныхъ припасовъ, которые намъ были всего нужнѣе въ тогдашнемъ состоянїи. Сѣлъ я на сплоченой плотъ и поплылъ къ кораблю.

„Не трудно было къ нему пристать, ибо онъ видѣнъ былъ еще надъ водою. Я думалъ найти тамъ золота, дорогихъ камней, или драгоцѣнную мебель, что легко можно бы взять съ собою; но прїѣхавши на корабль, увидѣлъ всѣ каюты, наполненныя водою, и не было способу ничего достать, кромѣ золотыхъ парчей; еще взялъ я по-

гребецъ съ шестью штофами вина и нѣсколько сухарей, что все нашелъ въ каютѣ одного кормчаго. Привязавши свою добычу къ плоту, пустился назадъ, и съ великимъ трудомъ и опасностями достигъ въ другой разъ берега, утомившись гораздо болѣе прежняго.

Тамъ нашелъ я нѣсколько Сіамцовъ, спасшихся голыми. Сжалился надъ ними, видя, какъ они дрожали отъ холоду, и далъ имъ часть изъ привезенныхъ мною матерій. Однако не говорилъ имъ ни слова о погребцѣ, боясь, что его не надолго станетъ, естьли имъ повѣрю. И для того поручилъ его одному Португальцу, которой всегда былъ со мною друженъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ намъ вмѣстѣ съ нимъ пользоваться. При семъ случаѣ узналъ я, какъ слаба дружба противъ нужды. Португалецъ, прежній мой другъ, дня два или три давалъ мнѣ по полустакану вина, въ той надеждѣ, что можетъ быть между тѣмъ найдутъ ручей или источникъ; но видя, что прѣсной воды нигдѣ не находили, и жажда становилась несносна, онъ не давалъ мнѣ ни капли вина, сколько я ни умолялъ его. Онъ всегда отвѣчалъ, что не уступилъ бы ни отцу родному. Сухари

намъ не годились: они вымокли въ морской водѣ и стали несносно горьки.

Какъ скоро всѣ сошли на землю, по крайней мѣрѣ никто больше не выходилъ изъ корабля: то мы сочли, сколько всѣхъ насъ спаслось на берегъ, и нащитали около двухъ сотъ человѣкъ; изъ чего заключили, что потонуло не больше семи или осьми человѣкъ. Нѣкоторые Португальцы успѣли захватить ружья и порохъ, чтобъ защищаться отъ Кафровъ (2), и стрѣлять дичь по лѣсамъ. Это же оружіе служило намъ къ разведенію огня во все время нашего странствованія, даже до Голландскихъ сельбищъ; особливо же въ первыя двѣ ночи послѣ кораблекрушенія, которыя провели мы на берегу всѣ измокшіе. Стужа была столь жестокая, что естьлибъ не развели мы огня и не высушили своего платья, то можетъ быть скорая смерть избавила бы насъ отъ послѣдовавшихъ бѣдствій.

На другой день послѣ нашего кораблекрушенія, то есть, въ воскресенье, Португальцы окончивши свои молитвы, пустились въ путь; мы за ними послѣдовали. Капитанъ и кормчіе увѣряли насъ, что мы не больше, какъ за двадцать миль отъ мыса Доброй Надежды, гдѣ у Голландцовъ есть

большое селенїе, и намъ можно достигнуть туда въ день, или по крайней мѣрѣ въ два дня. Суетная сїя надежда заставила многихъ побросать съѣстной запасъ, свезенной съ корабля, чтобы облегчить себя на ходу. Шли мы лѣсомъ, или лучше сказать, кустарникомъ: ибо во все время нашего странствованїя мало видали большихъ деревъ. Цѣлой день продолжали путь, и только два раза останавливались для отдохновенїя. Скоро почувствовали голодъ и жажду, не имѣя никакого съѣстнаго припасу; особливо же усталость и дневной жаръ, которой мы цѣлой день терпѣли въ дорогѣ, надѣясь въ тотъ же день дойти до Голландскихъ селенїй. Въ четыре часа послѣ полудни усмотрѣли большое водяное болото: тамъ утолили жажду. Португальцы согласились провести тутъ остатокъ дня и всю ночь. Развели огни; стали искать раковъ, жарили ихъ и ѣли. Но большая часть напившись въ другой разъ, легли спать: ибо сонъ былъ для нихъ нужнѣе послѣ долгаго и труднаго пути, нежели голодъ; хотя уже два дни они ничего не ѣли.

„Поутру на другой день очень рано пустились опять въ путь, напив-

тись въ запасъ на впредь. Португальцы взяли у насъ передъ: мы принуждены были отъ нихъ отстать, потому что первый нашъ Посланникъ по крайней своей слабости и изнеможенію не могъ поспѣшно итти. Но какъ намъ не должно было терять изъ виду Португальцовъ, то мы рѣшились раздѣлиться на три партіи. Первая не выпускала Португальцовъ изъ виду, а прочія двѣ шли также въ такомъ разстояніи, чтобъ можно было видѣть сигналы, въ которыхъ мы условились, и знать, гдѣ Португальцы остановятся, и гдѣ перемѣнятъ дорогу. Съ великимъ трудомъ переходили чрезъ попадавшіяся намъ небольшія горы. Во весь тотъ день нашли только одинъ колодезь; но вода въ немъ была желта и вонюча, такъ что никто не могъ ее пить. Въ самое то время данъ былъ знакъ передовою нашею шайкою, что Португальцы остановились; это подало намъ надежду, что они нашли хорошую воду, и для того мы удвоили свои шаги. Однако при всѣхъ нашихъ усиліяхъ не могли довести туда своего слабаго Посланника прежде вечера. Тамъ услышали отъ передоваго нашего отряду, что Португальцы не хотѣли насъ дожидаться, подъ тѣмъ предло-

томъ, что медлительность будетъ стоить всѣмъ намъ жизни, и что гораздо полезнѣе, естьли они поспѣшно пойдутъ впередъ, и когда Богъ приведетъ ихъ къ какому нибудь селенїю, то не замедлятъ прислать намъ вспоможенїе.

„Послѣ такой непрїятной вѣсти главный Посолъ велѣлъ собраться вмѣстѣ всѣмъ Сїамцамъ. Онъ намъ сказалъ, что силы его совершенно истощились, и онъ никакъ не можетъ слѣдовать за *Португальцами*; увѣщалъ насъ, чтобъ мы ихъ догнали; обнадеживалъ, что Голландскїя селенїя конечно не далеко, и только просилъ прислать къ нему лошадь и телегу съ пищею, чтобы можно ему было доѣхать до мыса еще въ живыхъ.

„Горестна была для насъ такая разлука, но необходима. Остался при Посланникѣ только одинъ молодой человѣкъ, пятнадцати лѣтъ, сынъ одного Мандарина; онъ не хотѣлъ его покинуть, будучи имъ нѣжно любимъ, и самъ любя его душевно. Такая привязанность его къ своему благодѣтелю вселила въ него мысль умереть, или спастись съ нимъ вмѣстѣ. Еще одинъ старой служитель не хотѣлъ покинуть своего господина.

Второй Посолъ, я и еще одинъ Мандаринъ простились съ нимъ, обѣщая, какъ скоро можно будетъ, доставить ему всякое вспоможенiе. Разставшись съ нимъ, пошли мы далѣе со всею своею свитою, и старались догнать Португальцовъ. Данной знакъ передовыми нашими съ верху горы, умножилъ нашу бодрость; однако мы не могли соединиться съ ними прежде десяти часовъ вечера. Они намъ сказали, что Португальцы отъ насъ весьма далеко. Въ самомъ дѣлѣ мы усмотрѣли огни, разложенные ими вдали. Надежда найти тамъ прѣсную воду придавала намъ бодрости и силы. Больше двухъ часовъ шли мы лѣсомъ, и пробирались по утесамъ съ великою трудностiю; наконецъ пришли туда въ крайнемъ изнеможенiи. На верху высокой горы расположились Португальцы, и заснули около большихъ огней. Всякой спрашивалъ, гдѣ вода? Одинъ Сiамецъ изъ человѣколюбiя принесъ и мнѣ напиться, ибо я самъ отъ крайней усталости не въ состоянiи былъ дотащиться до ручья, которой былъ не близко. Я растянулся у огня и уснулъ, пока утреннiй холодъ разбудилъ меня.

„Чувствуя крайнюю слабость, и будучи мучимъ нестерпимымъ голодомъ, тысячу разъ желалъ я умереть, и даже рѣшился ожидать смерти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ. „Къ чему, говорилъ я самъ себѣ, итти далеко, искать новыхъ мученій и смерти?„ Но отчаяніе мое уменьшилось, какъ скоро я увидѣлъ Португальцовъ и Сіамцовъ, не меньше меня изнуренныхъ, но готовившихся итти далѣе, въ надеждѣ сохранить жизнь. Не могъ не слѣдовать ихъ примѣру. Идучи нѣсколько я согрѣлся. Даже выпередилъ своихъ товарищей, и достигнулъ прежде ихъ вершины одного холма, гдѣ нашелъ высокую и густую траву. Поспѣшность моя лишила меня всѣхъ силъ; принужденъ былъ повалиться на сію прекрасную зелень и уснулъ. Проснувшись почувствовалъ, что не могу тронуться ни руками, ни ногами; это заставило меня принять прежнее мое намѣреніе, какое я имѣлъ по утру, т. е. умереть на мѣстѣ, и съ великимъ нетерпѣніемъ ждалъ послѣдней минуты, которая прекратитъ вдругъ всѣ мои бѣдствія. Сонъ засталъ меня въ такихъ печальныхъ мысляхъ. Одинъ Мандаринъ, мой вѣрной другъ, и мои слуги думая, что я заблудился, долго

меня искали. Нашедши наконецъ, разбудили, и этотъ Мандаринъ такъ усильно убѣждалъ меня ободриться, что я склонился наконецъ оставить то мѣсто, гдѣ безъ сомнѣнія умеръ бы безъ его помощи. Мы опять догнали Португальцевъ, остановившихся у одной водяной рытвины. Голодъ мучилъ всѣхъ несказанно; они вздумали зажечь траву полусухую, и поискать какихъ нибудь ящерицъ или змѣй себѣ въ пищу. Одинъ изъ нихъ, отошедши нѣсколько далѣе, нашелъ траву, росшую у самой воды, сорвалъ ее и осмѣлился ѣсть, сколько она ни была горька. Скоро почувствовалъ, что тѣмъ голодъ свой утолилъ. Тотчасъ прибѣжалъ къ прочимъ съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ. Всѣ туда бросились и ѣли траву съ жадностію. Такимъ образомъ провели мы ночь.

На другой день, а странствованія нашего уже на пятой, пошли мы далѣе рано поутру, будучи надежны, что въ этотъ день непремѣнно достигнемъ до Голландскихъ селеній. Эта мысль придала намъ силы. Шли не останавливаясь до половины дня, и тутъ усмотрѣли вдали нѣсколько человѣкъ на нѣкоторомъ возвышеніи. Никто уже не сомнѣвался, что скоро кончатся

всѣ наши мученія; мы спѣшили впередъ съ неописанною радостію. Но она не долго продолжалась: мы весьма обманулись въ своей надеждѣ. То было трое или четверо Готтентотовъ (3); они увидѣвъ насъ прежде, нежели мы ихъ примѣтили, шли къ намъ на встрѣчу съ копьями въ рукахъ, чтобы узнать, что мы за люди. Но вскорѣ потомъ увидя многолюдную нашу толпу съ ружьями, устрашились не меньше насъ. Мы сь своей стороны думали, что не далеко отъ нихъ и другіе ихъ товарищи; почему и не сомнѣвались, что сіи варвары нападутъ на насъ и всѣхъ умертвятъ. Посовѣтовавъ между собою, единодушно положили ожидать сихъ дикихъ, рѣшившись умереть вдругъ, нежели влачить нещастную жизнь, продлить ее на нѣсколько дней, и наконецъ кончить въ жесточайшихъ мученіяхъ. Но Готтентоты увидя насъ въ такомъ множествѣ, какого они и не ожидали, остановились также съ своей стороны; и когда мы къ нимъ приближились, то они пошли впередъ насъ, дѣлая знаки, чтобъ мы за ними слѣдовали, и указывая рукою на нѣсколько домиковъ, или лучше сказать, бѣдныхъ шалашей, которыхъ было не больше трехъ. Мы увидѣли ихъ на вершинѣ

холма; къ которому какъ скоро мы приближились, то они поворотили по другой небольшой тропинкѣ, давая намъ знаки, чтобъ мы слѣдовали за ними; между тѣмъ часто оборачивались къ намъ и смотрѣли на насъ съ нѣкоторымъ подозрительнымъ видомъ.

„Наконецъ пришли мы въ другую деревню, въ которой было около сорока хижинъ, покрытыхъ древесными вѣтвями. Жителей тамъ было человѣкъ четыреста или пятьсотъ. Скоро они сдѣлались смѣлѣе, подходили къ намъ и насъ оглядывали съ ногъ до головы. Больше всего дивились одеждамъ Сіамцовъ. Скоро наскучило намъ это ихъ любопытство; всѣ мы давали знаками разумѣть, что умираемъ съ голоду; но только хохотали изъ всей мочи, и казалось, не хотѣли насъ понимать. Нѣкоторые безпрестанно повторяли намъ только два сіи слова: табакъ, патакъ. Я предложилъ имъ два большіе алмаза, которые отдалъ мнѣ при разставаньѣ первой нашъ Посолъ; но это ихъ мало тронуло. Наконецъ первой нашъ кормчій, у котораго было нѣсколько патаку, догадался, что этотъ товаръ у нихъ служитъ вмѣсто денегъ; онъ далъ имъ четыре свертка, за которые привели намъ быка. (Готтенто-

пы обыкновенно продаютъ Голландцамъ быковъ, мѣряя ихъ на пряди табаку, длиною противъ скотины.) Но какъ могли насытиться однимъ быкомъ такое множество людей, полумертвыхъ отъ голоду, и питавшихся цѣлые шесть дней одною травою и древесными листьями? Кормчій раздѣлилъ быка между своими соотечественниками и лучшими изъ друзей своихъ. Ни одинъ Сіамецъ не получилъ ни куска. Такимъ образомъ съ горестію должны мы были видѣть, какъ наши товарищи насыщаются, должны были видѣть множество скота на поляхъ, и истаевать отъ голода. Португальцы запрещали намъ трогать скотъ Готтентотовъ, равно какъ и того не позволяли, чтобъ мы прикасались къ ихъ жареной говядинѣ; иначе же грозили предать насъ ярости сихъ варваровъ.

„Одинъ Мандаринъ видя, что Готтентоты не берутъ золотыхъ денегъ, вздумалъ надѣть себѣ на голову нѣкоторой золотой уборъ, и въ такомъ видѣ предсталъ передъ нихъ. Эта новость полюбилась дикимъ. За это убранство дали ему четверть барана, хотя тѣ драгоцѣнности стоили больше ста пистолей. Расхватали мы мясо почти сырое, но тѣмъ умножили только по-

зывъ на пищу. Примѣтилъ я, что Португальцы содравъ кожу съ быка, бросили ее. Она была для меня безцѣннымъ сокровищемъ. Я увѣдомилъ о томъ своего друга Мандарина, которой прежде вывелъ меня изъ отчаянія. Пошли мы съ нимъ, сыскали кожу, изжарили ее, и она служила намъ пищею только на два раза; прочіе Сіамцы провѣдали про нашу находку, и должно было съ ними подѣлиться. Одинъ изъ Готтентотовъ пристально смотрѣлъ на золотые пуговицы у моего платья; я далъ ему разумѣть, что охотно уступлю ихъ, естьли онъ принесетъ мнѣ чего нибудь въ пищу. Онъ отвѣчалъ знаками, что на это согласенъ; я ожидалъ уже по крайней мѣрѣ цѣлаго барана, но онъ принесъ мнѣ не много молока, и я долженъ быть доволенъ.

„Эту ночь провели мы на семъ мѣстѣ, разведши большіе огни около хижинъ Готтентотовъ. Дикіе до самаго разсвѣту не переставали плясать и кричать во все горло; почему намъ никакъ не льзя было спать, а должно было безпрестанно ихъ караулить. Наступилъ день, мы направили путь къ морю, и около полудня вышли на берегъ. Тамъ по утесамъ нашли мор-

скихъ раковинъ, и они составили для насъ Королевской обѣдъ. Насытившись, не преминули всякъ для себя набрать ихъ въ запасъ для ужина. Надобно было войти въ лѣсъ и искать тамъ воды. Не могли найти прежде вечера, но и та была солона. Должно было дать ей устояться; однако никто не имѣлъ столько терпѣнія. Расположились провести эту ночь на берегу сего ручья, принявши предосторожность отъ Кафровъ, коихъ должно было намъ бояться.

„На другой день пришли мы къ подошвѣ высокой горы, которую намъ перейти должно было. Голодъ снова началъ насъ мучить больше прежняго, а нѣчемъ было утолить его. Съ вершины горы увидѣли пригорокъ, покрытой травою и цвѣтами. Побѣжали туда, начали рвать и ѣсть тѣ травы, которыя не столько были горьки. Тѣмъ утолили голодъ хотя нѣсколько; но жажда умножилась, и мы мучились ею несказанно. Ночью уже нашли воду при подошвѣ той же горы. Какъ скоро всѣ вмѣстѣ собрались, то начали совѣтоваться, и положили согласно, не удаляться отъ моря, какъ-то мы часто дѣлали. Капитанъ и кормчіе признались, что они обманулись въ

своихъ догадкахъ, и теперь совсѣмъ не знаютъ, гдѣ мы находимся, куда идемъ, какую избрать дорогу, и скоро ли можемъ достигнуть до жилищъ Голландскихъ. Впрочемъ насъ утѣшала надежда, что естьли мы будемъ держаться моря, то всегда можемъ найти раковины, и ими утолять голодъ. Кромѣ того не могли мы опасаться и жажды, потому что большая часть рѣкъ, ручьевъ и источниковъ впадаютъ въ море.

„На разсвѣтѣ поворотясь къ морю, вышли мы на берегъ за два часа до полудни. Представилась глазамъ нашимъ неизмѣримая равнина, въ концѣ которой возвышалась высокая гора. Это зрѣлище всѣхъ ободрило: ибо кормчїе увѣряли, что это мысъ Доброй Надежды. Это прїятное обнадеживанїе оживило наши силы; мы продолжали итти до самой ночи, не останавливаясь ни на минуту. Но прошедши миль пять или шесть, узнали, что это не тотъ мысъ, котораго мы искали. Смертельное унынїе заступило мѣсто надежды. Однако вскорѣ потомъ утѣшилъ насъ одинъ матросъ, которой пошедши за часъ до захожденїя солнечнаго для рекогносцированья, нашелъ не въ дальнемъ разстоянїи не-

большой островокъ, на которомъ было множество раковинъ и прекрасная прѣсная вода. Тотчасъ мы поспѣшили туда, чтобъ провести тамъ ночь; а на другой день здѣшнее пребыванïе столько намъ понравилось, что рѣшились провести тутъ цѣлой день и слѣдующую ночь. Тутъ мы весьма хорошо отдохнули, а обилïе пищи подкрѣпило нѣсколько наши силы. Ввечеру, когда мы Сïамцы, по обыкновенïю, собрались нѣсколько поодаль отъ Португальцевъ, то весьма удивились, видя, что не было съ нами одного Мандарина. Тщетно искали его вездѣ и громко кликали; не могли найти его при всѣхъ нашихъ исканïяхъ. Конечно онъ отсталъ далеко отъ совершеннаго изнеможенïя. Во все наше странствованïе не могъ онъ себя принудить питаться такъ, какъ прочïе, травою и цвѣтами. Онъ умеръ отъ голоду и слабости, не будучи никѣмъ примѣченъ. За четыре дня передъ тѣмъ то же случилось и съ другимъ Мандариномъ, моимъ лучшимъ другомъ. Конечно бѣдствïе ожесточаетъ сердца: въ иное время потеря друга была бы для меня слишкомъ горестна; теперь утрата сïя почти меня не трогала.

„Во время суточнаго нашего пребыванія на семъ островѣ, примѣтили мы нѣкоторой родъ деревъ сухихъ и довольно толстыхъ, которые были пусты и дупловаты съ обоихъ концовъ. Жажда, столь несносно мучившая насъ прежде, поселила въ насъ мысль воспользоваться сею находкою. Всякой изъ насъ взялъ съ собою длинную трубку тѣхъ деревъ; съ одного конца мы заткали дупло, а съ другаго налили въ середину воды, и запаслись ею на день. Кормчіе находясь въ неизвѣстности, далеко ли мы отъ мыса Доброй Надежды, предложили взойти на тотъ мысъ, которой представился нашимъ глазамъ и былъ довольно высокъ, надѣясь оттуда сдѣлать желанное открытіе. Это предложеніе всѣ одобрили. Стоило намъ великаго труда взползти на превысокую крутизну, и во весь тотъ день мы питались только одними травами и цвѣтами. Къ крайней нашей горести не примѣтили мы съ вершины той горы, чего искали; но сходя съ нея, усмотрѣли за полмили отъ себя на пространномъ лугу стадо слоновъ посредственной величины. Ночь провели на берегу у подошвы сей горы; но еще прежде захожденія солнечнаго всѣ разсѣялись по всѣмъ сто-

ронамъ искать какой нибудь пищи; однако не нашли ничего. Изъ всѣхъ Сіамцовъ одному только мнѣ удалось найти поужинать. Долго искалъ я травъ и цвѣтовъ, отвѣдывалъ всѣ; но онѣ были нестерпимо горьки. Наконецъ утомившись отъ безуспѣшнаго поиску, возвращался назадъ, какъ вдругъ увидѣлъ змѣю; она была не толще пальца, но длиною съ аршинъ. Тотчасъ погнался за нею и убилъ ее кинжаломъ. Мы ее изжарили и съѣли всю вмѣстѣ съ кожей, костьми и головою. Она показалась намъ отмѣнно вкусна. Послѣ такого ужина примѣтили мы, что у насъ не достаетъ одного изъ трехъ нашихъ толмачей. На другой день пустились въ путь нѣсколько позже обыкновеннаго. На разсвѣтѣ поднялся густой туманъ, помрачившій весь горизонтъ. Едва прошли мы съ четверть мили, какъ началъ насъ безпокоить такой холодной и сильной вѣтеръ, какого я не наживалъ въ жизнь свою. Можетъ быть самое изнеможеніе и слабость наша была причиною тому, что вѣтеръ казался намъ столько свирѣпымъ; почти не могли мы передвигать ногъ; шатало насъ изъ стороны въ сторону, и такимъ образомъ лавируя на подобіе

судна на морѣ, подавались мы впередъ по-немногу. Въ два часа по полудни пошелъ проливной дождь, и продолжался до вечера. Лило какъ изъ ведра; не льзя было итти; всякой искалъ, гдѣ бы скрыться отъ дождя и бури; иные прятались подъ сухими деревьями, другїе влазали въ ущелины утесовъ; прочїе прислонялись спинами къ рытвинѣ, прижались одинъ къ другому, чтобъ хотя не много согрѣться и выдерживать бурю. Нѣтъ словъ изобразить претерпѣнныя нами мученїя. Прошелъ цѣлой день, и мы ничего не ѣли, пили только дожжевую воду; но при всемъ томъ голодъ не столько насъ мучилъ, сколько стужа въ наступившую ночь; всѣ дрожали отъ усталости и холода; никто не могъ сомкнуть глазъ на минуту; даже не льзя было лечь, чтобы отдохнуть хотя не много.

„Наступившїй день облегчилъ въ половину наши страданїя. Не смотря на крайнюю нашу слабость, и такъ сказать, одеревененїе всего тѣла, мы прежде всего старались догнать Португальцовъ. Но какое было наше удивленїе, какой ужасъ, когда мы ихъ нигдѣ не нашли! Тщетно глаза наши искали ихъ по всѣмъ сторонамъ; не только

не видали изъ нихъ ни одного, но даже не могли догадаться, какую они избрали дорогу. Въ эту ужасную минуту возобновились всѣ тѣ бѣдствія, какія мы доселѣ испытали; голодъ, жажда, усталость и боль соединились вмѣстѣ и лишили насъ послѣдняго терпѣнія; бѣшенство и отчаяніе объяло сердца наши. Мы смотрѣли одинъ на другаго, смущенны, полумертвы въ глубокомъ молчаніи и почти въ совершенномъ безчувствіи.

Второй Посолъ прежде всѣхъ ободрился. Онъ собралъ насъ, дабы посовѣтоваться вмѣстѣ о общей судьбѣ. Онъ намъ представлялъ, что Португальцы конечно не безъ причины насъ оставили; приводилъ намъ на память, что мы сами прежде принуждены были оставить нашего перваго Посла въ ужасной пустынѣ; далѣе объяснилъ, что намъ нѣчего жалѣть о такой потерѣ: ибо мы весьма мало пособія получали отъ Португальцовъ, и можно намъ безъ нихъ слѣдовать вдоль берега, какъ то и прежде условились. „Одно только, говорилъ онъ намъ, должны мы предпочитать всему прочему: „это долгъ нашъ. Вы всѣ свидѣтели „благоговѣнія моего къ грамотѣ нашего Государя, намъ порученной. Видѣ-

„ли вы, что послѣ нашего кораблекру-
„шенія, первое мое стараніе было, со-
„хранить ее; да я и увѣренъ, что соб-
„ственнымъ своимъ избавленіемъ обя-
„занъ сей грамотѣ: щастїе всегда
„сопутствуетъ тому, что принадле-
„житъ нашему Государю. Вы были
„свидѣтелями и того, съ коликимъ
„тщаніемъ я ее сберегалъ. Когда мы
„проводили ночь на горѣ; то я всегда
„клалъ ее на вершинѣ, по крайней мѣрѣ
„выше того *мѣста*, гдѣ мы располага-
„лись; самъ ложился всегда ниже,
„однако въ такомъ отдаленіи, что она
„была въ моихъ глазахъ. Когдажъ оста-
„навливались мы въ лѣсахъ, то я всег-
„да привязывалъ ее на вершинѣ какого
„нибудь дерева; а дорогою, когда мы
„шли, всегда несъ ее на плечахъ, пока
„силы мои позволяли, и только тогда
„ввѣрялъ ее другому, когда былъ въ
„крайнемъ изнеможенїи. Теперь сомнѣ-
„ваясь, чтобъ долго могъ я продолжать
„съ вами путь, повелѣваю именемъ Госу-
„даря моего третьему Послу хранить къ
„сей священной грамотѣ такое же почи-
„танїе, и соблюдать ее; а по немъ, въ слу-
„чаѣ его смерти, также пещися перво-
„му Мандарину, и такъ далѣе. Есть-
„лижъ нещастнымъ случаемъ ни кому
„изъ насъ не удастся достигнуть мы-

„са Доброй Надежды: то послѣдній, „у котораго останется сія грамота, „прежде смерти своей зароетъ ее въ „землю на высокой горѣ, или на ка„комъ либо возвышенномъ мѣстѣ; и „такимъ образомъ предохранивши сей „драгоцѣнный залогъ отъ всякаго руга„тельства, повергнется предъ нимъ „на землю, и умретъ на томъ же мѣ„стѣ, храня при самой смерти то „благоговѣніе, какимъ мы обязаны наше„му Монарху при нашей жизни. Вотъ „мое завѣщаніе. Теперь ободримся, не „покинемъ другъ друга; пойдемъ, сколь„ко силы наши позволятъ; щастіе „великаго нашего Государя будетъ на„шею защитою и покровомъ.„

„Эта рѣчь ободрила насъ; однако вмѣсто того, чтобъ итти по берегу, какъ прежде было положено, рѣшились мы попробовать, не можемъ ли опять соединиться съ Португальцами, пошедши тѣмъ путемъ, какимъ по нашимъ догадкамъ они пошли. Передъ нами была большая гора, а вправо отъ насъ небольшіе холмы. Мы разсудили, что Португальцы, по причинѣ своей усталости, конечно не могли выбрать прямой дороги: ибо должно было подвергнуться крайнимъ трудностямъ; и такъ намъ вѣроятно показалось, что они выбрали

послѣднюю дорогу. Мы также пошли вправо по холмамъ. Въ этотъ день страдалъ я несносною болѣзнію; не только онѣмѣли у меня ноги, но и стали пухнуть, равно какъ и на всемъ тѣлѣ появилась опухоль. Черезъ нѣсколько дней растрескалась кожа и полила бѣловатая жидкость съ пѣною; это продолжалось во все продолженіе нашего пути. Мы шли очень скоро, по крайней мѣрѣ намъ такъ казалось, хотя въ самомъ дѣлѣ весьма мало подавались впередъ. Около полудни пришли въ крайней усталости къ берегу рѣки, шириною въ шестьдесятъ футовъ, а глубиною въ семь или восемь, сколько можно было судить по глазомѣру. Сомнѣвались, какъ могли Португальцы чрезъ нея перейти, потому что, кромѣ ея широты, она была весьма быстра. Нѣкоторые изъ насъ покушались переплыть; но стремленіе было столь сильно, что они принуждены были ворочаться назадъ, боясь быть увлечены волнами. Не смотря на то, рѣшились мы попробовать еще разъ, не можно ли переправиться чрезъ рѣку, и для этого выдумали связать вмѣстѣ всѣ кушаки, сколько можно было собрать у всей толпы. Одинъ изъ нашихъ Мандариновъ, человѣкъ

крѣпкой и сильной, взялъ за одинъ конецъ кушаковъ, и поплылъ за рѣку, въ намѣренiи прикрѣпить его къ толстому пню, которой мы видѣли на другомъ берегу. Но лишь только достигъ онъ на средину рѣки, какъ помчало его внизъ, и онъ принужденъ былъ бросить конецъ поясовъ, чтобъ облегчить себя и добраться до того берега. И однако не смотря на его искусство плавать, волны бросили его на мысъ, о которой онъ былъ избитъ и израненъ во многихъ мѣстахъ. Потомъ пошелъ онъ вдоль по берегу вверхъ рѣки, и поравнявшись противъ насъ, кричалъ намъ, что нѣтъ возможности, чтобъ Португальцы пошли этой дорогой. Мы кричали ему, чтобъ онъ переплылъ къ намъ назадъ, и онъ учинилъ сiе, отошедши вверхъ по берегу весьма далеко.

„Наконецъ мы положили за вѣрное, что Португальцы шли берегомъ, не переплывая рѣки; и мы рѣшились выбрать тотъ же путь. Прошедши далѣе около полумили, нашли разорванной чулокъ, и это утвердило насъ въ нашемъ мнѣнiи. Продолжая путь съ невѣроятнымъ трудомъ, достигли до одной горы, у подошвы которой была пещера, какъ бы нарочно изрытая для

виталища прохожихЪ. ВЪ ней могли всѣ мы помѣститься весьма удобно. ТутЪ провели ночь самую холодную, а слѣдовательно и самую мучительную для насЪ. Еще сЪ того времени, какЪ ноги у меня распухли, не могЪ я надѣвать ни чулокЪ, ни башмаковЪ; а теперь, когда проснулся, то нашелЪ себя лежащаго вЪ пѣнистой водѣ, вытекшей изЪ моихЪ ногЪ. Не смотря на то, чувствовалЪ вЪ себѣ довольно силЪ итти впередЪ сЪ своими товарищами.

„ВЪ этотЪ день продолжали мы путь, держась рѣчнаго берега; сЪ нетерпѣнїемЪ старались догнать ПортугальцовЪ: ибо по нѣкоторымЪ признакамЪ, какїе находили мы иногда на дорогѣ, могли догадываться, что они отЪ насЪ не далеко. ВЪ нѣкоторомЪ разстоянїи отЪ той пещеры, гдѣ мы спали, одинЪ изЪ людей нашихЪ нашелЪ брошенное ружье сЪ лядункой; вѣроятно, что какой нибудь ПортугалецЪ бросилЪ его, не вЪ состоянїи будучи нести далѣе: эта находка была намЪ весьма полезна. СЪ того самаго времени, какЪ мы шли вдоль по берегу рѣки, не находили для себя никакой пищи, и почти умирали отЪ голоду. ТотчасЪ развели огонь. Мои

башмаки стали мнѣ не надобны, и я давно уже хотѣлъ облегчить себя отъ этой безполезной ноши; тотчасъ мы ихъ изжарили и съѣли съ великою жадностію. Попробовали также ѣсть шляпу, взявши ее у одного изъ нашей свиты, и изжаривши прежде; однако никто не могъ ее разжевать. Разрѣзали ее въ куски, изжарили и истолкли въ порошокъ; но и тутъ не возможно было ее глотать.

„Продолжая далѣе путь, нашли мы новой признакъ тому, что Португальцы выбрали ту же дорогу, по которой и мы слѣдовали, т. е. вдоль берега рѣки; увидѣли тѣло одного изъ нашихъ толмачей, приставшаго было къ Португальцамъ, и умершаго на пути; онъ стоялъ на колѣняхъ, прислоня руки, голову и все тѣло къ небольшому бугру. Прочіе два толмача будучи метивы, (т. е. рожденные отъ отцевъ Европейцовъ и матерей Сіамокъ) не хотѣли отдѣлиться отъ Португальцовъ, и для того оставили насъ прежде. Можно было думать, что этотъ умеръ отъ холоду. Холмъ покрытъ былъ прекрасною зеленью; всякъ изъ насъ нарвалъ себѣ травъ и цвѣтовъ, которыя меньше были горьки, для запасу на вечеръ. Воображая, что

Португальцы отъ насъ далеко, стали мы жалѣть, что оставили тотъ небольшой прекрасной островокъ, гдѣ была вкусная вода и множество раковинъ; а вмѣсто того пошли догонять Европейцовъ, которыхъ никакъ догнать не можемъ. Досада и ропотъ умножились между нами еще болѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы рѣшились проводить ночь. Открылись намъ два пути, оба претрудные; никакъ не можно было узнать, по которому пошли Португальцы. Съ одной стороны была неприступная гора, съ другой непроходимое болото, по которому текло множество ручьевъ, разлившихся далеко по окрестностямъ. Не возможно, казалось, чтобъ Португальцы пошли черезъ гору; но и то было невѣроятно, чтобъ они перешли болото, которое казалось намъ почти вездѣ покрыто глубоко водою, и не было нигдѣ слѣда стопъ человѣческихъ. Ночью разсуждали мы, должно ли намъ итти впередъ, или возвратиться назадъ. Трудно было выбрать ту или другую дорогу, почему всѣ единогласно положили не іитти далѣе. Не возможно казалось переходить черезъ болото, не подвергаясь тысячи смертямъ; а естьли итти по горѣ, то необходимо должно было ожидать,

что умремъ отъ жажды: ибо не имѣли никакой надежды найти тамъ воды; а потребно было не меньше двухъ дней на то, чтобъ перейти такую преогромную гору. Наконецъ рѣшились возвратиться на прежней малой островъ, раскаиваясь, что его оставили; тамъ хотѣли ожидать нѣсколько дней извѣстія отъ Португальцовъ, а не дождавшись и истощивши весь съѣстной запасъ, добровольно положили отдаться въ рабство Готтентотамъ, и пасти у нихъ стада. Это низкое состояніе казалось намъ гораздо сноснѣе, нежели тѣ бѣдствія, отъ которыхъ мы вздыхали столь долгое уже время.

„Рѣшившись такимъ образомъ, съ нетерпѣливостію ожидали наступленія дня. На разсвѣтѣ отправились возвратнымъ путемъ съ новою бодростію, въ надеждѣ увидѣть желанной островокъ, и утолить тамъ голодъ, которой день отъ дня становился болѣе несносенъ; на третій день приближились къ нему. Съ восторгомъ увидѣли его издали. Всякъ старался притти туда прежде другихъ; но съ какою горестію мы примѣтили, что окружавшее его болото разлилось и преградило дорогу. Островъ сей былъ не иное что, какъ высокой, круглой

каменной холмъ, въ окружности около ста шаговъ при случающемся приливѣ; но онъ увеличивался, когда бывалъ отливъ; и въ такомъ случаѣ около него видно было множество небольшихъ каменныхъ утесовъ, разсѣянныхъ по песку. Съ нетерпѣнїемъ ждали мы отлива, которой наконецъ послѣдовалъ, и открылъ намъ свободной путь къ острову. Всѣ бросились сбирать раковины; набравши ихъ довольно на цѣлой день, часть изъ нихъ съѣли, а прочїя или сушили на солнцѣ, или жарили на огнѣ для вечера. Повсюду не видали ничего, кромѣ песчаныхъ степей, совершенно безплодныхъ; изрѣдка стояли сухїя деревья, которыя мы употребляли на разведенїе огня. Безъ этого пособїя не можно было жить; лишь только засыпали, какъ стужа и сырость воздуха возбуждали насъ вновь къ мученїямъ. Скоро перевели всѣ дрова, какїя были на берегу; принуждены были ходить за ними далеко; къ нещастїю вездѣ были мѣста песчаныя и каменистыя, нигдѣ ни одного дерева, ни травки. Только нашли много слоноваго помету, и дня два или три разводили имъ огонь. Наконецъ лишились и сего послѣдняго пособїя; жестокая стужа принудила

насъ оставить то мѣсто, въ которомъ мы находили себѣ достаточную пищу цѣлые шесть дней. Рѣшились искать Готтентотовъ, и предаться въ руки сихъ варваровъ. Да и на что не отважились бы для спасенія той жизни, которая намъ такъ дорого стоила?

„И такъ мы пошли изъ острова, скорбя, что оставляемъ тутъ и раковины и прѣсную воду. Болѣе всего утвердило насъ въ нашемъ намѣреніи то, что Португальцы не присылали къ намъ никакого извѣстія; а изъ того мы заключали, что или они сами померли въ дорогѣ, или почитали насъ умершими, или по крайней мѣрѣ посланные отъ нихъ не захотѣли искать насъ мертвыхъ на семъ отдаленномъ острову. Прежде нежели отправились мы въ путь, каждой изъ насъ запасся пресною водою и раковинами, сколько могъ снести. Первую ночь провели на берегу одного соленаго озера, близъ той горы, у которой мы уже прежде стояли. Весьма были ради, что взяли съ собою воды и припасу: ибо здѣсь не находили ничего, чтобы можно было употребить въ пищу. На другой день на разсвѣтѣ стали мы искать травы, или древесныхъ листьевъ, желая сберечь остальныя свои раковины

на случай большей крайности. Иные вошли въ озеро, думая наловить рыбы; но все напрасно: озеро было соленое, мутное и дно превязкое.

„Между тѣмъ, какъ всѣ мы разсѣялись и искали себѣ пищи, тѣ изъ насъ, которые не удалялись отъ озера, усмотрѣли трехъ Готтентотовъ, шедшихъ прямо къ нимъ. Тотчасъ сдѣлали знакъ, въ которомъ мы заранѣе условились, и мы немедленно собрались всѣ вмѣстѣ, и дожидались дикихъ, шедшихъ къ намъ весьма поспѣшно. Какъ скоро они къ намъ подошли, то мы узнали по ихъ трубкамъ, изъ которыхъ они курили табакъ, что они имѣли коммерцію съ Европейцами. Они подняли вверхъ шесть пальцевъ и кричали во все горло: *Голлинда, Голланда!* Нѣкоторые изъ насъ приняли ихъ за подсыльныхъ отъ тѣхъ Готтентотовъ, коихъ мы *прежде* видѣли; почему и опасались, что они ищутъ средствъ умертвить насъ всѣхъ коварнымъ образомъ. Другіе же растолковали себѣ ихъ знаки такъ, что мы находимся отъ мыса Доброй Надежды не далѣе, какъ на шесть дней пути. Посовѣтовавъ нѣсколько между собою, рѣшились итти за Готтентотами, кудабъ они насъ ни повели; подумавъ, что съ на-

ми не можетъ случиться ничего бѣдственнѣе того, что уже мы перенесли, и даже самая смерть была бы для насъ вожделѣннымъ средствомъ, избавиться отъ той жизни, которая сдѣлалась уже намъ несносна. Къ великому для насъ обрадованію, мы скоро примѣтили, что наши провожатые совсѣмъ не подсыльные отъ тѣхъ дикихъ Готтентотовъ, которыхъ мы столько страшились. Можно было видѣть, что они гораздо вѣжливѣе первыхъ, и имѣютъ нѣкоторую связь съ Европейцами. Они несли съ собою четверть барана; голодъ принудилъ насъ у нихъ попросить его. Они отвѣчали намъ знаками, что уступятъ за деньги; а примѣтя по нашимъ знакамъ, что у насъ денегъ нѣтъ, указывали пальцами на наши золотыя и серебряныя пуговицы. Я подалъ имъ шесть золотыхъ пуговицъ, а они уступили мнѣ четверть барана, котораго мы тотчасъ изжарили, и всѣ вмѣстѣ съѣли.

,,Вожатые наши принуждали насъ итти скорѣе; нѣсколько времени шли они передъ нами; когдажъ наша медлительность становилась имъ скучна, то ворочались къ намъ, и ободряли насъ удвоить шаги. Мы оставили озеро около полудня, а они привели насъ

ввечеру къ одному холму, около котораго мы расположились отдохнуть на ночь. Дорога была претрудная. Изъ пятнадцати человѣкъ насъ семеро выбились изъ силъ, такъ что на другой день, когда мы поднялись опять въ путь, они никакъ не были въ состоянiи слѣдовать за нами. Посовѣтовавъ между собою, рѣшились оставить ихъ на этомъ мѣстѣ, и дали имъ сушенаго мяса изъ раковинъ, сколько у насъ было, обнадеживая при томъ, что какъ скоро достигнемъ до Голландскихъ сельбищъ, то немедленно пришлемъ покойную повозку за ними. Сколько ни тягостна имъ была сiя разлука, но должно было согласиться по необходимости. Правда, мы и всѣ были въ прежалкомъ состоянiи; не было изъ насъ ни одного, у котораго не опухло бы все тѣло, а особливо ноги; однако тѣ нещастные, которыхъ мы принуждены были оставить, почти не имѣли образа человѣческаго; страшно было глядѣть на нихъ. Горько намъ было разставаться съ сими любезными соотечественииками и товарищами общаго нещастiя; тѣмъ болѣе, что едва ли имѣли надежду когда либо съ ними увидѣться; но хотябъ мы и остались съ ними, какого пособiя могли они

отъ насъ ожидать, кромѣ того только утѣшенія, что умерли бы съ ними вмѣстѣ? Простившись съ горестію въ послѣдній разъ, пошли мы за нашими вожатыми, которые разбудили насъ очень рано. Я, будучи исправнѣе всѣхъ моихъ товарищей; былъ на этотъ разъ свидѣтелемъ весьма отвратительнаго зрѣлища. Здѣсь повѣствую объ немъ только для того, чтобъ показать, сколько неопрятны Готтентоты. Они развели огонь, чтобъ согрѣться отъ стужи послѣ холодной ночи; вынимали погасшіе уголья и клали ихъ въ яму, вырывши ее заранѣе; послѣ пускали на нихъ свою урину, толкли угли и потомъ мазали тѣмъ себѣ лице и все тѣло. Запачкавшись такъ мерзко, пришли къ намъ, и весьма досадовали, что не всѣ изъ насъ готовы въ дорогу. Наконецъ не стало у нихъ терпѣнія: они нѣсколько минутъ совѣтовались между собою; двое изъ нихъ отдѣлились, пошли впередъ съ великою поспѣшностію; а третій остался съ нами, никогда отъ насъ не удалялся, и останавливался всякой разъ, когда намъ угодно было.

„Шесть дней странствовали мы, претерпѣвая несравненно большія трудности, нежели прежде. Безпрестанно

должно было то всходить вверхъ, то внизъ опускаться, по такимъ мѣстамъ, на коихъ одно воззрѣніе приводило насъ въ трепетъ. Проводникъ нашъ, привыкшій лазить по утесистымъ горамъ, во многихъ мѣстахъ едва самъ могъ держаться. Нѣкоторые Сіамцы увидя, что онъ пошелъ по дорогѣ къ неприступной горѣ, приняли было намѣреніе умертвить его, думая, что онъ ищетъ нашей погибели. Но второй нашъ Посолъ устыдилъ ихъ въ такомъ жестокомъ намѣреніи; онъ представлялъ имъ, что этотъ бѣдной Готтентотъ служитъ намъ, не будучи къ тому ничѣмъ обязанъ, и далъ имъ почувствовать, что въ нашемъ состояніи неблагодарность была бы ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ пороковъ. Но чѣмъ ближе подходили мы къ той горѣ, которая издали казалась намъ совершенно неприступною, тѣмъ яснѣе усматривали, что она довольно поката, и можно взойти на нее хотя не безъ трудности. Однимъ словомъ: не было такихъ нещастій, такихъ препятствій, которыхъ не преодолѣла бы наша бодрость.

„Во все это время питались мы только нашимъ сушенымъ мясомъ изъ раковинъ, да и его тщательно сберегали. Великимъ щастьемъ для себя по-

читали, когда находили листья нѣкотораго кустарника, вкусомъ нѣсколько кисловатые: они служили намъ приправою къ нашимъ раковинамъ; ѣли также съ удовольствіемъ лягушекъ, находя ихъ не рѣдко, а особливо въ мѣстахъ, покрытыхъ зеленью; кузнечики не столько были намъ пріятны. Но изъ всѣхъ насѣкомыхъ вкуснѣе для насъ казались большія мухи, или черные жуки, водящіяся въ навозѣ. Мы много ловили ихъ на слоновомъ пометѣ. Приправа къ нимъ была не великая: мы только ихъ жарили; и я признаюсь, что они мнѣ показались отмѣнно вкусны. Сіи свѣденія, можетъ быть, нужны будутъ для тѣхъ, которыхъ судьба приведетъ въ подобныя обстоятельства.

„Наконецъ въ тридцать первой день нашего странствованія, а въ шестой щастливой нашей встрѣчи съ Готтентотами, спускаясь съ небольшаго холма, усмотрѣли мы четырехъ человѣкъ на вершинѣ превысокой горы, лежавшей передъ нами, черезъ которую должно было намъ проходить. Сначала мы почли ихъ за Готтентотовъ, потому что отдаленность мѣста не позволяла точнѣе ихъ разсмотрѣть, и притомъ мы никакъ не воображали увидѣть дру-

тихъ тварей въ этихъ пустыхъ степяхъ. Они шли прямо къ намъ, и какъ скоро мы сближились, то съ какимъ удовольствїемъ выведены были изъ нашей ошибки! Легко узнали, что двое изъ нихъ были Голландцы, а другїе двое тѣ самые Готтентоты, которые оставили насъ въ дорогѣ. Наше восхищенїе было соразмѣрно тѣмъ бѣдствїямъ, какїя мы доселѣ испытали. Чѣмъ болѣе приближались къ намъ наши избавители, тѣмъ болѣе увеличивался нашъ восторгъ. Наконецъ они подошли къ намъ, и первой ихъ вопросъ былъ: мы ли Сїамцы, и гдѣ Послы нашего Государя? Мы ихъ указали. Голландцы подступили къ нимъ, привѣтствовали ихъ со многими учтивостями и просили насъ сѣсть. Послѣ чего подозвали Готтентотовъ, ихъ провожавшихъ, и поставили передъ нами кушанья, ими принесенныя. Какъ скоро мы увидѣли хлѣбъ, вареное мясо и вино, то не могли удержаться, не изъявивши живѣйшей нашей признательности. Иные бросились въ ноги къ Голландцамъ и обнимали ихъ колѣна, другїе называли ихъ своими отцами, избавителями. Что касается до меня, то я столько былъ тронутъ благодарностїю, что тотъ же часъ хо-

тѣлъ изъявить имъ, какъ дорого ихъ великодушное объ насъ попеченіе. Первый нашъ Посолъ разставаяся съ нами, и приказавъ, сколько можно скорѣе, прислать къ нему повозку, отдалъ намъ много дорогихъ вещей, ввѣренныхъ ему отъ нашего Государя съ тѣмъ, чтобъ онъ раздарилъ ихъ разнымъ особамъ. Особенно мнѣ далъ онъ пять большихъ алмазовъ въ пяти золотыхъ перстняхъ. Я тотчасъ подарилъ каждому Голландцу по одному изъ сихъ перстней, дабы возблагодарить имъ за то благодѣяніе, какое они намъ оказали, спасши жизнь нашу.

„Впрочемъ удивительно покажется, что какъ скоро мы поѣли и напились, вдругъ стали такъ слабы, что почти не могли итти далѣе, и даже подняться съ мѣста не могли безъ несносной боли. Тщетно Голландцы увѣряли насъ, что до ихъ жилищъ остается только одинъ часъ пути, и тамъ можемъ мы отдохнуть, сколько намъ угодно; ни у однаго изъ насъ не было довольно силъ и духу предпріять такой близкой путь. Принуждены они были послать Готтентотовъ за повозками, которыхъ мы и увидѣли вмѣстѣ съ лошадьми часа черезъ два или менѣе. Никто не имѣлъ силъ сѣсть верьхомъ на лошадь; поче-

му мы всѣ повалились въ повозки и поѣхали въ Голландское селенїе. Оно отстояло не далѣе, какъ за одну милю оттуда. Тамъ провели ночь, и хотя спали на соломѣ, однако намъ казалось, что никогда въ жизни не сыпали такъ покойно. Проснувшись на другой день, съ какимъ восторгомъ вспоминали о томъ, что теперь кончилься уже всѣ наши страданїя, продолжавшїяся тридцать одинъ день!

„Прежде всего стали просить Голландцовъ, послать телѣгу со всякою нужною пищею тѣмъ семерымъ Сїамцамъ, которыхъ мы оставили на дорогѣ. Какъ скоро сїе было исполнено и телѣга поѣхала, то мы на двухъ другихъ отправились въ другое Голландское селенїе, отстоявшее за четыре или за пять миль отъ перваго. Лишь только мы туда прїѣхали, какъ явились къ намъ солдаты, посланные отъ Губернатора, для прикрытїя насъ, а съ ними и двѣ верховыя лошади для двоихъ Посланниковъ. Но и на этотъ разъ верховыя лошади остались не нужны: наши Посланники были такъ больны, что не могли ѣхать верьхомъ. И такъ мы опять сѣли въ телеги, и въ провожанїи солдатъ отправились въ Голландскую крѣпость при мысѣ До-

брой Надежды (1). Коммендантъ увѣдомясь о нашемъ прибытїи, выслалъ своего Секретаря на встрѣчу Посламъ, дабы отдать имъ свое почтенїе. Насъ ввели въ крѣпость между двумя рядами построившихся солдатъ. Привели насъ къ дому Коммендаnта: онъ самъ встрѣтилъ Посланниковъ на крыльцѣ, и принялъ какъ ихъ, такъ и Мандариновъ, съ отмѣнными знаками почтенїя и дружбы. Мы вошли въ залу; онъ просилъ насъ сѣсть, и тотчасъ велѣлъ принести намъ всякихъ кушаньевъ, а между тѣмъ одиннадцатью пушечными выстрѣлами почтилъ Короля Сїамскаго въ лицѣ его Посланниковъ. Мы усильно просили его, послать какъ наискорѣе, какую нибудь помощь первому Посланнику, котораго мы оставили не далеко отъ того берегу, близъ коего претерпѣли кораблекрушенїе. Онъ намъ отвѣчалъ, что въ теперешнее время года никакъ не возможно удовольствовать насъ въ этой прозьбѣ; но какъ скоро это время пройдетъ, то онъ не преминетъ обратить на то все свое попеченїе. Къ тому прибавилъ, что мы весьма щастливы, что держались берегу; въ противномъ же случаѣ, естьли бы удалились въ лѣса, то бы конечно попались въ руки Кафрамъ,

которые умертвили бы насъ безъ милосердія.

„Приближаясь къ мысу, когда мы примѣтили на рейдѣ стоявшія суда, то почувствовали надежду увидѣть когда нибудь свое отечество и родныхъ. Обѣщанія Коммендантa утвердили насъ въ сихъ утѣшительныхъ мысляхъ, и почти привели въ забвеніе претерпѣнныя нами бѣдствія. Онъ сдержалъ свое слово. Секретарь его получилъ повелѣніе, отвести насъ въ нарочно-приготовленной домъ, гдѣ мы довольствованы были избыточно всѣмъ нужнымъ. Правда, что всѣ расходы были записаны съ точностію; даже и за наемъ дома положена была нѣкоторая сумма, и послѣ весь этотъ щетъ посланъ въ Сіамъ къ Министрамъ нашего Государя, и по немъ съ точностію все было заплачено. Даже послано было жалованье тому Офицеру и солдатамъ, которые высланы намъ на встрѣчу, и послѣ стояли у насъ на караулѣ въ бытность нашу на мысѣ.

„Португальцы, прежніе наши спутники, пришли сюда осьмью днями прежде насъ, претерпѣвши еще болѣе. Былъ между ними монахъ Августинскаго Ордена, коему повелѣно было отъ Короля проводить Пословъ, назначен-

ныхъ ко Двору Португальскому: онъ-то разсказалъ намъ о своихъ бѣдствїяхъ и извлекъ слезы сожалѣнїя изъ очей нашихъ. Тигры тронулись бы, говорилъ онъ, воплями и стенанїемъ тѣхъ, которые падали на пути, удрученные равно и голодомъ и болѣзнїю. Они призывали къ себѣ на помощь друзей своихъ и ближнихъ: но всѣ, какъ будто безчувственны, не внимали ихъ страданїямъ. Изъявляли только тѣмъ свое сожалѣнїе, когда видѣли ихъ упавшихъ, что поручали души ихъ Богу. Всякой отвращалъ глаза, затыкалъ уши, чтобы не устрашиться, слыша горестныя ихъ рыданїя, и видя почти ежечасно падающихъ и умирающихъ. Разставшись съ нами, они потеряли въ семъ пути человѣкъ пятьдесятъ или шестьдесятъ различнаго возраста и состоянїя, не считая тѣхъ, которые прежде умерли, между коими былъ Іезуитъ, человѣкъ старой и хворой.

„Но не можно вообразить бо́льшаго бѣдствїя, и можетъ быть никогда не видано подобнаго примѣра, какъ то, которое постигло корабельнаго Капитана. Онъ былъ человѣкъ знатнаго рода, богатъ и добродѣтеленъ. Оказалъ знатныя услуги своему Государю, и былъ имъ уваженъ за его храбрость

и вѣрность. Я не могу вспомнить его имени; только помню, что онъ происходилъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ Португалліи. Онъ привезъ съ собою въ Индїю своего единственнаго сына, мальчика лѣтъ десяти или двенадцати, для того ли, чтобъ заблаговременно прїучить его къ трудностямъ морской службы, или для того, что не смѣлъ никому, кромѣ себя, ввѣрить воспитанїе своего любезнаго сына. Въ самомъ дѣлѣ этотъ мальчикъ соединялъ въ себѣ всѣ тѣ превосходныя качества, которыя привлекаютъ всеобщее уваженїе и любовь. Собою былъ статенъ и пригожъ; хорошо воспитанъ, уменъ, судя по лѣтамъ; имѣлъ отмѣнное почтенїе къ своему отцу; былъ такъ прилѣженъ, послушенъ и чувствителенъ, что можно бы представить его образцомъ для молодыхъ людей. Капитанъ, спасаясь послѣ кораблекрушенїя, никому не повѣрилъ, кромѣ себя, спасти вмѣстѣ и его. Дорогою велѣлъ нести его невольникамъ; но скоро всѣ они или померли, или сдѣлались такъ слабы, что сами не могли тащить ногъ. Бѣдное дитя скоро пришло въ безсилїе; въ одинъ день легъ онъ отдохнуть на пригоркѣ, и послѣ не въ состоянїи уже

былъ встать. Такимъ образомъ онъ лежалъ, не могши согнуть ногъ. Это зрѣлище поразило нещастнаго отца какъ бы острымъ кинжаломъ. Онъ велѣлъ поднять его — онъ самъ помогалъ ему итти. Но какъ бѣдной мальчикъ не могъ переступать ногами, то должно было его волочь; наконецъ и тѣ, коихъ отецъ просилъ помогать ему, объявили, что они безсильны поддерживать его долѣе, и должны будутъ съ нимъ погибнуть. Тутъ онъ велѣлъ положить его къ себѣ на плеча; но не могши ступить ни одного шага, упалъ съ своею ношею. Робенокъ больше казался тронутымъ горестію своего отца, нежели собственнымъ своимъ нещастіемъ; заклиналъ его себя оставить, представляя, что слезы родительскія только умножаютъ его страданія, но не могутъ продлить жизни. Въ самомъ дѣлѣ не льзя было надѣяться, чтобъ онъ прожилъ до вечера. Наконецъ примѣтивъ, что слова его еще больше терзаютъ его отца, принявшаго наконецъ твердое намѣреніе умереть съ нимъ вмѣстѣ, онъ умоляетъ Португальцовъ самыми чувствительными прозьбами, удалить его отъ себя и пещись о его жизни. Два монаха представляли Капитану, что Религія

обязываетъ его сберегать жизнь свою. Потомъ всѣ прочїе Португальцы общими усилїями отвлекли его отъ сына, которой и кончилъ жизнь въ ту же ночь. Такая утрата была для него столь болѣзненна, что онъ нося съ собою повсюду унылость и отчаянїе, умеръ черезъ два дня по прибытїи своемъ на мысъ. —

„Около четырехъ мѣсяцовъ провели мы на мысѣ Доброй Надежды, ожидая, пока отправится какой нибудь Голландской корабль въ Батавїю. Но больше двухъ мѣсяцовъ потребно намъ было на возстановленїе нашего здоровья. Искусной врачь предписалъ намъ, какъ себя содержать, и это стоило намъ многихъ пожертвованїй. Мы имѣли превеликой аппетитъ; но онъ приказалъ намъ ѣсть очень мало, боясь, что желудокъ обременится. И такъ намъ должно было терпѣть голодъ и тогда, когда мы имѣли все нужное до излишества.

„Передъ отправленїемъ нашимъ изъ мыса узнали, что второй кормчїй разбившагося нашего корабля ушелъ на одинъ Аглїйской корабль и скрылся. Первой кормчїй хотѣлъ то же сдѣлать; но корабельщикъ отдалъ его подъ крѣпкую стражу, и всѣ Пор-

тугальцы тщательно его стерегли, въ намѣреніи отвезти его въ Португаллію, и тамъ за его оплошность предать заслуженному наказанію. Большая часть Португальцовъ сѣли на Голландскія суда, рѣшившись ѣхать въ Амстердамъ, откуда надѣялись возвратиться въ свое отечество. Прочіе сѣли вмѣстѣ съ нами на корабль, принадлежавшій Голландской Компаніи, на которомъ и прибыли мы благополучно въ Батавію. Въ этомъ городѣ провели мы Сіамцы шесть мѣсяцовъ, и потомъ въ Іюнѣ отправились въ Сіамъ, куда и пріѣхали въ Сентябрѣ. Нашъ Государь принялъ насъ съ отмѣнными знаками своего благоволенія и сострадання; тотчасъ приказалъ выдать намъ платья и денегъ; даже изъявилъ свое милостивое обнадеживаніе, что не забудетъ насъ при благопріятныхъ случаяхъ.

„Не прошло шести мѣсяцовъ нашего пребыванія въ Сіамѣ, какъ прибыли въ сей городъ Депутаты Короля Французскаго съ своею эскадрою. Ойя-Вишеженъ (Г. Констансъ), первый Министръ Короля, моего Государя, приказалъ мнѣ ѣхать отъ себя на Французскую эскадру, дабы возблагодарить ихъ за оказанную ему честь, изъявлен-

ную въ письмѣ и въ присланіи Депутата.

„Во время моего путешествія съ Португальцами, я привыкъ къ ихъ языку, и могъ довольно изъясняться по Португальски: по сей-то самой причинѣ выборъ Министра палъ на меня; и это же послужило поводомъ къ тому, что отецъ Ташардъ испросилъ у моего Государя позволеніе, ѣхать мнѣ въ посольствѣ во Францію и въ Римъ. Хотя я недавно только освободился *отъ понесенныхъ* мною золъ, однако слушая Мандариновъ, пріѣхавшихъ изъ Франціи и прославлявшихъ сію страну, воспылалъ желаніемъ видѣть сіе царство, о которомъ они разсказывали столько чудесъ; особенно же быть предъ лицемъ того Монарха, коего слава и удивленіе простерлась въ отдаленнѣйшія земли.„

ПРИМѢЧАНІЯ.

Описаніе Сіама.

Королевство Сіамское граничитъ къ сѣверу съ Королевствомъ Лаосъ, къ югу съ пространнымъ заливомъ Сіам-

скимъ, къ востоку съ Королевствомъ Камбайскимъ, а къ западу съ полуостровомъ Малакою. Длина его отъ сѣвера къ югу простирается почти на 220 миль, а самая большая ширина на сто миль. Столица сего Королевства и резиденція Короля Сіамскаго есть *Сіамъ*, или *Юѳіа*, величайшій и прекраснѣйшій городъ въ Азіи. — Все Королевство раздѣляется на Верхній и Нижній Сіамъ. Вся сія страна весьма богата золотыми, мѣдными и оловянными рудниками. Земля весьма обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ, хлопчатою бумагою и пріятнѣйшими плодами, которые весьма отличны отъ извѣстныхъ въ Европѣ. Равно и животныя почти всѣ приличны только сей странѣ.

Природные Сіамцы весьма похожи на Китайцевъ. Они не глупы, трезвенны, молчаливы и постоянны, однако лѣнивы. Покланяются идоламъ и вѣрятъ переселенію душъ.

Король Сіамской есть самовластной, неограниченной Деспотъ. Всѣ подданные суть его рабы: каждой изъ нихъ, какъ скоро достигнетъ шестнадцатилѣтняго возраста, обязанъ лично служить Королю по 6 мѣсяцовъ въ годъ, а другіе 6 мѣсяцовъ позволяется ему

промышлять о своемъ прокормленіи и воспитаніи. Сіе рабство и угнетеніе простирается даже до того, что естьли у какого Сіамца увидятъ хорошее плодовитое дерево въ саду, то плоды его возьмутъ на Короля, или на его Министровъ. И для того они не радятъ о земледѣліи, такъ что можно бы умереть съ голоду въ этой плодородной странѣ, естьлибъ не обработывали земли въ иныхъ мѣстахъ Китайцы или Кохинхинцы, которые, будучи иноземцы, *меньше подвержены притѣсненіямъ тиранна.*

Сіамцы худые солдаты, хотя и могли бы понять воинскую дисциплину. — Въ 1682 году Король Сіамской отправилъ двухъ Посланниковъ ко Двору Французскому. Людовикъ XIV отвѣтствовалъ въ 1685 году знаменитымъ посольствомъ на сіе привѣтствіе Индѣйскаго Монарха. Въ то время Французы имѣли въ сей странѣ много селеній; но ихъ надежды рушились вскорѣ возмущеніемъ Мандарина Опра-Питрака, которой захватилъ царство въ 1688 году. Французской гарнизонъ, занимавшій крѣпость Банкокъ, принужденъ былъ ее очистить и даже возвратиться во Францію.

Король Камбайскій и владѣльцы полуострова Малаки подчинены Королю Сіамскому и платятъ ему дань.

Самая большая рѣка въ семъ Королевствѣ есть Менамъ: она течетъ отъ сѣвера на югъ и вливается въ заливъ Сіамской.

На одномъ острову, обтекаемомъ сею рѣкою, построенъ городъ Сіамъ или *Юѳіа*, одинъ изъ богатѣйшихъ и наиболѣе процвѣтающихъ во всей Азіи. Въ немъ есть множество великолѣпныхъ пагодовъ. Въ Дворцовомъ пагодѣ находится главной идолъ Сіамцовъ, Соммонакодомъ: онъ весь позолоченъ; вышиною въ 45, а шириною въ 7 футовъ. Царской Дворецъ весьма богатъ и обширенъ; въ немъ держатъ множество слоновъ, и каждому изъ нихъ прислуживаютъ множество невольниковъ. Слона бѣлаго или Королевскаго кормятъ и поятъ изъ золотаго сосуда. Число жителей въ городѣ Сіамѣ полагаютъ до 600000. Въ предмѣстіяхъ сего города есть домы Августинскихъ и Доминиканскихъ монаховъ.

Въ Сіамѣ производится весьма знатная коммерція; тамъ торгуютъ фарфоровою посудою, слоновою костью, камедью и хлопчатою бумагою. Купцы пріѣжжаютъ туда со всѣхъ сторонъ; но

изъ всѣхъ Европейцовъ наиболѣе промышляютъ тамъ Голландцы. Они имѣютъ здѣсь прекрасную контору.

Кромѣ Юѳіи знатнѣйшіе города суть: Луво, Мергуй, Банкокъ, Талакоанъ, Метакъ, Тіанъ - Тонгъ, Лаконсеванъ, Шекатъ, Сокоцлай, Санке-Лукъ, Камбори и Коразема.

Королевство Сіамское и его столица весьма упали съ того величія, въ какомъ онѣ процвѣтали въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка: нападеніе Брамовъ было причиною ихъ упадка. Сей варварской народъ, пришедшій съ сѣвера, напалъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ на сіе нещастное Королевство и опустошилъ его совершенно.

(2) *Кафры* населяютъ нѣкоторую часть Южной Африки. Они раздѣляются на разныя націи, и всѣ почти столько жестоки и грубы, что Миссіонеры не могли проникнуть въ ихъ страны. Европейцы рѣдко торгуютъ съ ними, частію по тому, что тамъ мало коммерческихъ выгодъ, частію же по причинѣ трудности приставать къ ихъ берегамъ, и боясь вѣроломства самихъ жителей. Внутренности странъ, обитаемыхъ сими народами, весьма мало извѣстна.

Описаніе земли Гаттентотовъ.

(3) Нѣкоторые путешественники, Англійскіе и Французскіе, между прочими Вильгельмъ Тенъ-Рейнъ, Боевингъ, Фогель, отецъ Ташардъ и Абботъ дела Кальй, издали въ свѣтъ свои замѣчанія о Готтентотахъ; но ни одново изъ сихъ повѣствованій не можно сравнить съ повѣствованіемъ Петра Кольбеня (*), которое отличается отъ всѣхъ прочихъ двоякимъ преимуществомъ: вѣрностію и подробностію. Сей путешественникъ былъ человѣкъ весьма ученой, и прежде нежели издалъ въ свѣтъ свое сочиненіе, провелъ восемь лѣтъ на мысѣ Доброй Надежды. Правда критика не опустила оспоривать многія его наблюденія; но Капитанъ Кукъ останавливаясь на мысѣ въ 1772 и 1775 годахъ,

---

(*) Description du Cap de Bonne-Espérance, par *Pierre Kolben*, 1743. 3. vol. — Послѣ того вышло путешествіе Гна. *Шпарманна*, въ которомъ находятся превосходныя замѣчанія о исторіи натуральной сей страны и о ея жителяхъ. — *Прим. Сочин.*

Но мы по справедливости отдадимъ предъ всѣми преимущество Гну. *Вальяну*, коего путешествіе по Африкѣ еще не было извѣстно нашему Автору. — *Прим. Перев.*

оправдалъ его повѣствованїе, и увѣрилъ, что только несогласїе, раздиравшее тогда Голландскихъ поселенцовъ, было причиною той пристрастной критики.

Земля Готтентотовъ, окруженная съ трехъ сторонъ моремъ, лежитъ на южномъ краю Африки. Она простирается отъ мыса Доброй Надежды къ сѣверу далѣе Тропика Козерога. Границами ея полагаютъ съ запада Королевства Матаманъ; Абутуа и Имперїю Мономотаны, а съ востока землю Аатталь, приморскїя земли и туже Имперїю Мономотапы. Пространство, занимаемое землею Готтентотовъ, заключается между 22 мъ и 35 мъ градусомъ широты, и между 33 мъ и 47 мъ градусомъ долготы. Длина ея отъ сѣвера къ югу простирается почти на 780 миль, а ширина отъ запада къ востоку на 130 миль.

Кольбенъ, проѣхавшїй большую часть земель, населяемыхъ разными нацїями Готтентотовъ, полагаетъ ихъ числомъ семнадцать, и называетъ слѣдующими именами: Гунгеманцы, Коккакасы, Сусакасы, Одикасы, Киригрикасы, великая и малая нацїя Нумакасовъ, Атакасы, Корогаукасы, Копманы, Гессакасы, Сонкасы, Дункасы,

Дамакасы, Гаврикасы, Готтеникасы; Готтеникасы, Кантоверцы и Гейкомцы.

Изъ нихъ Гунгеманцы живутъ ближе всѣхъ къ мысу. Сія нація Готтентотовъ продала владѣніе своей земли Голландцамъ, получивши въ заплату разными товарами на 15000 флориновъ. Они живутъ теперь вмѣстѣ съ Голландцами, и удержали за собою только самую малую часть древняго своего владѣнія.

Нравы и обычаи Готтентотовъ весьма странны, и во многомъ даже отличны отъ обычаевъ сосѣдственныхъ имъ народовъ, Негровъ и Кафровъ. Но сія-то самая странность служитъ новою причиною тому, что мы намѣрены описать ихъ здѣсь въ удовлетвореніе любопытству нашихъ Читателей.

Мущины и женщины у Готтентотовъ весьма статны собою. Они похожи на Негровъ величиною глазъ, плоскимъ носомъ, толстыми губами, также короткими кудрявыми волосами; но цвѣтомъ тѣла весьма отъ нихъ отличны. Готтентоты оливковаго темноватаго цвѣту, а Негры чернаго лоснящагося; Кафры поменѣе темнаго цвѣту. Готтентоты сильны и крѣпки; трудолюбивы въ нуждѣ, скоры

и проворны до невѣроятности. Хорошій ѣздокъ на лошади едва поспѣваетъ за Готтентотомъ, когда онъ идетъ своимъ обыкновеннымъ шаговъ. Почти не льзя повѣрить, съ какимъ проворствомъ дѣйствуютъ они оружіемъ: стрѣлы и камни отражаютъ своими загами (*родъ короткихъ копій*).

Всѣ сіи народы весьма привязаны къ своимъ обычаямъ и къ отечественной землѣ. Они занимаются скотоводствомъ или охотою, смотря по выгодамъ и произведеніямъ той страны, какую населяютъ. Обвиняютъ ихъ въ лѣности и пьянствѣ, да и не безъ причины; однако, естьли вѣрить новѣйшимъ путешественникамъ, которые внимательнѣе ихъ примѣчали: то они не усугубляютъ сихъ пороковъ нескромностію и невоздержаніемъ, какъ-то въ Европѣ пьянство обыкновенно влечетъ за собою сіи слѣдствія. Даже Готтентоты вознаграждаютъ сіи пороки нѣкоторыми весьма благородными качествами: они человѣколюбивы, гостепріимны, скромны въ рѣчахъ и въ поступкахъ; вѣрные друзья, всегда готовы одолжать другихъ и благодѣтельствовать; будучи въ службѣ у своихъ соотечественниковъ, или у Голландцовъ; они трудолюбивы, исправны и столь-

ко вѣрны, что не смотря на ихъ жестокую страсть къ горячимъ напиткамъ, можно поручать оныя ихъ смотрѣнію безбоязненно; никогда не тронутъ ничего безъ имяннаго позволенія: рѣдкой примѣръ воздержности даже между просвѣщеннѣйшими націями!

Къ числу пороковъ, которымъ Готтентоты столько преданы, т. е. лѣности и пьянству, можно еще присоединить нечистоту въ одеждѣ и нечистоплотие; но Кольбень увѣряетъ, что этотъ порокъ болѣе происходитъ отъ ихъ лѣности или нужды, нежели отъ ихъ наклонности къ тому.

Одежда Готтентотовъ весьма странна. Мущины носятъ на плечахъ нѣкотораго роду епанчи, называемыя у нихъ кроссами. У богатыхъ они состоятъ изъ тигровыхъ кожъ, а у меньше достаточныхъ изъ бараньихъ. Сіи кроссы видомъ бываютъ различны, по различію націй. Готтентоты, живущіе на мысѣ, не опускаютъ ихъ ниже лядвій. Среднюю часть тѣла, какъ спереди, такъ и сзади, завѣшиваютъ кошечьею кожею. Ходятъ всегда босыми ногами; только когда стерегутъ скотъ, то надѣваютъ кожаные чулки или штиблеты нѣкотораго роду. Во время жаровъ не покрываютъ головы;

а зимою и въ дождливую погоду носятъ шапочки, привязанныя шнурками подъ бородою. Сверхъ того какъ мущины, такъ и женщины, носятъ на шеѣ небольшой кожаной мѣшечекъ, въ которой кладутъ ножикъ, трубку и табакъ.

Женщины отличаются отъ мущинъ въ одеждѣ только тѣмъ, что онѣ носятъ на головѣ острые высокіе колпаки, которые вверху сходятся шпицомъ; а у мущинъ плоскіе, какъ настоящія шапки. Кромѣ того женщины носятъ спереди и сзади нѣкотораго роду передники изъ бараньей кожи, подлиннѣе нежели у мущинъ. Прежніе путешественники, издавшіе въ свѣтъ свои замѣчанія о Готтентотахъ, смѣло утверждали, будто Готтентотки обвязываютъ ноги кишками бараньими, или другихъ животныхъ. Но это несправедливо; и вѣроятно ихъ ошибка произошла отъ того, что молодыя дѣвицы у сего народа, отъ самаго младенчества до 12 ти лѣтъ, обвиваютъ ноги тростникомъ; а какъ скоро выдутъ изъ сего возраста, то снимаютъ тѣ обвязки, а вмѣсто ихъ обвиваютъ ноги кожаными ремнями, шириною въ мизинецъ: впрочемъ это служитъ имъ больше защитою при ихъ

полевыхъ упражненіяхъ, нежели украшеніемъ.

Нѣкоторые мореплаватели утверждали также, будто сама Природа даетъ Готтентоткамъ нѣкоторой родъ передниковъ; но Лордъ Гордонъ, проѣхавшій нѣсколько земель сихъ народовъ, Г. Бергъ, врачь на Мысѣ, и Капитанъ Кукъ достовѣрно объявляютъ, что это есть одна выдумка хвастливыхъ путешественниковъ.

Болѣе же всего привязаны Готтентоты, какъ мущины, такъ и женщины, равно и дѣти, къ тому обычаю, чтобы мазать тѣло бараньимъ саломъ или жиромъ, смѣшаннымъ съ сажею; и какъ скоро высохнетъ эта мазь на солнцѣ, то они мажутся вновь, и такъ безпрестанно повторяютъ. Несносная вонь отъ сей мази заставляетъ Европейца бѣжать отъ нихъ, особливо отъ бѣднѣйшихъ, которые больше другихъ привязаны къ сему обычаю. Они сами не могутъ дать причины такого древняго обыкновенія; вѣроятно, что это придаетъ членамъ ихъ болѣе гибкости, и защищаетъ ихъ отъ чрезмѣрнаго солнечнаго зною. Безъ того силы ихъ скоро бы истощились въ такомъ жаркомъ климатѣ.

Готтентоты питаются мясомъ своихъ животныхъ, кореньями и плодами разнаго рода. Можно сказать: *они* пожираютъ мясо полусырое. Внутренности животныхъ, умерщвляемыхъ ими, служатъ имъ также обыкновенною пищею; но они сперва перемываютъ ихъ много разъ въ водѣ. Мущины и женщины ѣдятъ порознь. Для кушанья нѣтъ у нихъ назначеннаго времени: они ѣдятъ или когда вздумается, или когда придетъ аппетитъ, не *разбирая ни дня, ни ночи.* Обыкновенное ихъ питье есть вода или молоко, смѣшанныя или порознь. Страстно любятъ вино, водку, а особливо аракъ; но при торжественныхъ своихъ пиршествахъ не употребляютъ крѣпкихъ напитковъ. Къ табаку имѣютъ величайшее пристрастіе, какъ мущины, такъ и женщины. Кольбенъ говоритъ, „*что Готтентотъ* лучше согласится *лишиться* зуба, нежели малѣйшей части сего драгоцѣннаго растѣнія." Они лучше судятъ о его добротѣ, нежели самой разборчивой Европеецъ. Табакъ всегда составляетъ часть платы, когда они нанимаются у Европейцовъ.

Всѣ Готтентотскіе народы живутъ кочевьемъ на подобіе Татаръ, въ подвижныхъ жилищахъ, называемыхъ кра-

алами. Сїи краалы состоятъ по крайней мѣрѣ изъ двадцати хижинъ, построенныхъ весьма близко одна подлѣ другой.

Всего лучше можно сравнить сїи хижины съ печками. Втыкаютъ древесныя вѣтви въ землю съ обоихъ концовъ, и послѣ покрываютъ такой шалашъ соломой. Въ самой серединѣ шалашъ не выше четырехъ, или пяти футовъ, а въ поперечникѣ не болѣе четырнадцати футовъ. Снаружи надъ дверьми привязываютъ кожу какого нибудь звѣря, такъ чтобы можно было и поднимать ее и опускать: она служитъ защитою отъ вѣтра. Какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ шалашахъ, никогда не живетъ больше одной семьи, которая обыкновенно состоитъ изъ десяти, или двенадцати человѣкъ всякаго возраста. Кромѣ ихъ запасныхъ епанчей или кроесъ, и оружїй, висящихъ на стѣнахъ шалаша, вся ихъ домашняя мебель состоитъ изъ двухъ или трехъ горшковъ для варева, одного или двухъ для питья, и нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ для жиру и молока. Всякой краалъ построенъ въ кружокъ на лугу, большою частїю на берегу рѣки, и въ немъ только одинъ входъ весьма узкїй ме-

жду двумя хижинами. Въ серединѣ находится площадь. Ночью стережетъ собака всю фамилію и скотъ. Ихъ собаки весьма мерзки; но онѣ превосходятъ Европейскихъ вѣрностію и чуткостію.

Всѣ богатства сихъ народовъ состоятъ въ стадахъ: чѣмъ больше у нихъ скота, тѣмъ они достаточнѣе. Они имѣютъ объ нихъ великое попеченіе, тщательно оберегаютъ отъ дикихъ звѣрей, которыхъ въ той сторонѣ весьма много; и выискиваютъ для нихъ лучшую пасству. За службу свою и за работу всегда берутъ скотомъ вмѣсто платы.

Торговля ихъ съ Европейцами производится мѣною: они даютъ скотъ, слоновые зубы, струсовыя яйца и звѣриныя кожи; а сами получаютъ вино, водку, табакъ, желѣзо, ножи и проч. Цѣна всегда одинакова: за фунтъ табаку даютъ быка, за полфунта жирную овцу, за четверть фунта ягненка.

Кольбенъ утверждаетъ, что Готтентоты вѣруютъ всевышнему Существу, Творцу вселенныя. Они увѣрены также въ безсмертіи души; но всегда тщательно избѣгаютъ и самаго малѣйшаго объясненія о сихъ членахъ своей вѣры. Кажется только, что они по-

кланяются лунѣ. Жертвы, приносимыя ими сему свѣтилу, состоятъ въ скотѣ и молокѣ; при чемъ производятъ разные крики, пляски и пѣнія. Для этой церемонiи сходятся на чистое поле въ полнолунiе. У всякаго краала есть свой жрецъ, называемой Сюри. Онъ начальствуетъ надъ жертвоприношенiями, свадьбою, погребенiемъ и прочимъ.

Готтентоты имѣютъ также свое правленiе и свое судопроизводство. У всякой нацiи есть особенной Владѣлецъ, называемой Конкеромъ, коего дѣло начальствовать во время войны и трактовать о мирѣ. Онъ есть главный начальникъ своей нацiи; имѣетъ право предсѣдать при всенародныхъ сходбищахъ по срединѣ круга, которой составляютъ около него всѣ низшiе чиновники или Капитаны, сидя на ногахъ и уперши локти въ колѣна. Должность Конкера есть наслѣдственная; но онъ не имѣетъ ни особенныхъ доходовъ для своей особы, ниже какого либо малѣйшаго отличiя. Принимая на себя сiе званiе, обязывается онъ не предпринимать ничего противъ правъ другихъ чиновниковъ каждаго краала, ни противъ преимуществъ народныхъ. Государственныя преступленiя судитъ

Конкеръ вмѣстѣ со всѣми прочими чиновниками или Капитанами.

Кромѣ главнаго сего Владѣльца или Конкера, у всякаго краала есть свой начальникъ или Капитанъ, коего должность соблюдать тишину и производить судъ въ своемъ кругу. Сїе званїе есть также наслѣдственное; но всякой Капитанъ, принимая на себя сїю должность, обязывается не перемѣнять ничего въ законахъ и древнихъ обычаяхъ своего краала. Во время войны онъ командуетъ толпою своего селенїя, подъ предводительствомъ нацїональнаго владѣльца или Конкера. Онъ судитъ вмѣстѣ со всѣми членами краала случающїеся споры о правахъ и собственности каждаго. До него касается разбирать воровство, убїйство, прелюбодѣянїе и другїя преступленїя, учиненныя въ его области.

Сїи чиновники отличались прежде единственно прекрасными тигровыми мѣхами, или мѣхами дикихъ кошекъ; но съ нѣкотораго времени прибавили къ тому еще трости съ мѣдными наболдашниками, получивши ихъ въ подарокъ отъ Голландцовъ. Сверхъ того главные Владѣльцы носятъ также мѣдныя короны въ знакъ своего

достоинства, перенявши и сей обычай отъ Губернаторовъ на Мысѣ.

Судопроизводство какъ гражданскихъ, такъ и криминальныхъ дѣлъ, производится у Готтентотовъ столь же скоро, сколько и безпристрастно. Обѣ партiи, стоя по серединѣ круга, составленнаго изъ всѣхъ мущинъ своего краала, приносятъ свои жалобы или оправданiя. Какъ скоро они перестаютъ говорить, то рѣшится дѣло большинствомъ голосовъ, и приговоръ совершается на мѣстѣ безъ всякой отсрочки, или какого либо сопротивленiя. Такой же порядокъ соблюдается и въ криминальныхъ дѣлахъ. Обвиняютъ ли кого въ преступленiи? Тотчасъ даютъ о томъ знать всѣмъ жителямъ краала, которые, почитая себя каждой членами судопроизводства, ищутъ обвиняемаго и его хватаютъ; самъ Капитанъ подверженъ равной строгости, какъ и послѣднiй житель въ краалѣ. Какъ скоро схватятъ обвиняемаго, то заключаютъ его подъ крѣпкую стражу, чтобы имѣть время созвать общiй совѣтъ. Въ день суда приводятъ преступника въ середину круга; доносщики предлагаютъ обвиненiе; выслушиваютъ свидѣтелей; потомъ обвиняемый имѣетъ право говорить. Есть-

ли доносъ несправедливъ, то на доносщика кладутъ пеню, взыскивая съ него скотомъ. Естьлижъ напротивъ того обвиняемый будетъ осужденъ, то дѣлаютъ приговоръ и совершаютъ казнь на мѣстѣ. Капитанъ краала есть первый исполнитель сдѣланнаго приговора; онъ встаетъ, и однимъ палочнымъ ударомъ повергаетъ преступника къ ногамъ. Всѣ прочїе судьи довершаютъ казнь, умерщвляютъ его, и въ ту же минуту погребаютъ тѣло. Важное преимущество у сего грубаго народа, что такая казнь не оставляетъ ни малѣйщаго пятна на фамилїи преступника; даже память его остается необезславлена. Наслѣдникъ казненаго не теряетъ своихъ правъ, и въ цѣлости получаетъ все его имѣнїе.

Воровство, смертоубїйство, насилїе, прелюбодѣянїе, также во время войны *шпїонство* и *измѣна* почитаются у сихъ народовъ уголовными преступленїями, и виновной всегда бываетъ наказанъ смертїю.

Порядокъ наслѣдства и супружества у Готтентотовъ имѣетъ весьма много сходства съ обычаями нѣкоторыхъ странъ Европейскихъ. Все отцовское имущество переходитъ къ старшему изъ его сыновей; а естьли ихъ

нѣтъ, то къ ближайшему наслѣднику, безъ всякаго раздѣла. Когда же отецъ хочетъ наградить младшаго сына, то долженъ сдѣлать это при жизни; а безъ того судьба младшихъ братьевъ зависитъ всегда отъ старшаго. Такую же власть имѣетъ онъ и надъ сестрами: онѣ не могутъ ни его оставить, ни выйти за мужъ безъ его согласія. Онъ удѣляетъ имъ по своей волѣ изъ отцовскаго наслѣдства. Только законъ обязываетъ наслѣдника имѣть попеченіе о женахъ умершаго до ихъ вторичнаго замужства, или до самой смерти. Впрочемъ старшій сынъ лишается вѣхъ сихъ преимуществъ, естьли онъ женится прежде смерти своего отца: въ такомъ случаѣ всѣ братья раздѣлятъ между собою по ровну отцовское наслѣдство.

Родственное супружество у Готтентотовъ запрещается отъ перваго до втораго колѣна. Многоженство у нихъ позволено; но и между самыми богатыми рѣдко случается, чтобы кто имѣлъ больше трехъ женъ. Дѣвицы выходятъ за мужъ безъ приданаго. Готтентоты не ищутъ ничего болѣе въ своихъ женахъ, кромѣ ума, красоты и пріятностей. Кольбенъ увѣряетъ, что съ сими природными талантами

самая бѣдная дѣвушка часто дѣлается супругою Капитана, и даже самаго Владѣльца.

Законы ихъ позволяютъ разводиться. Мужъ можетъ отослать отъ себя жену, и жена можетъ оставить мужа; но надобно, чтобы были къ тому достаточныя причины, одобренныя судомъ цѣлаго краала: иначе же разводъ не будетъ позволенъ. Какъ скоро онъ будетъ утвержденъ, то мужъ можетъ опять жениться, естьли за благоразсудитъ; но жена не имѣетъ права выходить въ другой разъ за мужъ при жизни своего перваго мужа. Иначе же бываетъ наказана смертію, какъ прелюбодѣйка.

Готтентотъ, любя больше всего ту страну, въ которой произвела его натура, миролюбивъ и не ищетъ завоеваній; однако онъ не терпитъ и того, когда кто причиняетъ ему обиду, а особливо оскорбляя всю его націю. При малѣйшей несправедливости, малѣйшемъ нарушеніи ихъ правъ или собственности кого либо изъ нихъ, ярость ихъ воспламеняется; всѣ берутъ оружіе и идутъ противъ общаго непріятеля. Обыкновенныя причины къ войнѣ между націями Готтентотскими, суть грабежъ скота, похищеніе

женъ, или неправедное завладѣнїе чужими пасствами. Какъ скоро случилось какое насилїе, тотчасъ Владѣлецъ нацїи сзываетъ на совѣтъ всѣхъ Капитановъ: тутъ обыкновенно опредѣлятъ начать войну. Но прежде нежели предпримутъ непрїятельскїя дѣйствїя, посылаютъ Депутатовъ къ нападающему народу и требуютъ удовлетворенїя за причиненныя обиды или насилїя. Когдажъ имъ будетъ въ томъ отказано, тогда уже берутъ оружїе и мстятъ за себя силою. Обѣ стороны, равно раздраженныя, ищутъ себя взаимно, и скоро сходятся. Тогда одна баталїя обыкновенно рѣшитъ судьбу какой либо изъ воюющихъ нацїй; но побѣдителю всегда дорого достается побѣда. Готтентоты сражаются съ величайшимъ упорствомъ, и не прежде отступаютъ, развѣ въ самой крайности. Кольбенъ разсказываетъ нѣсколько примѣровъ храбрости Готтентотовъ и ихъ воинской хитрости: они могли бы дѣлать честь и самымъ воинственнымъ нацїямъ. Въ послѣднюю войну, которая прекращена мирнымъ трактатомъ 1660 года, они много разъ атаковали Голландцовъ на чистомъ полѣ, или заманивали ихъ въ дефилеи; часто въ виду крѣпости отгоняли скотъ,

принадлежавшій Компаніи. Только огнестрѣльное оружіе прекратило ихъ нападенія, и доселѣ ему одному обязаны Европейцы на Мысѣ своею безопасностію и спокойствіемъ.

Послѣ сраженія Готтентоты оставшіеся побѣдителями не грабятъ и не увѣчатъ побитыхъ; даже одежда и оружіе побѣжденныхъ остается на полѣ сраженія.

Кромѣ сихъ обыкновенныхъ причинъ къ войнѣ, Готтентоты не рѣдко принимаютъ участіе въ войнѣ своихъ сосѣдей, посылая имъ вспомогательныя войска. Естьли между двумя націями Готтентотскими существуетъ защитительный и нападательный союзъ, и когда одна изъ нихъ начнетъ войну, то и другая немедленно выступаетъ въ поле, сражается за своихъ союзниковъ съ такою же храбростію, какъ бы за себя, и не прежде положитъ оружіе, какъ по окончаніи войны.

Въ мирное время Готтентоты часто экзерцируются, дѣлая примѣрныя сшибки. Такія частыя экзерциціи служатъ навыкомъ для людей взрослыхъ, а для молодыхъ наставленіемъ.

Сія картина гражданскаго и воинскаго состоянія Готтентотовъ покажетъ ясно, справедливо ли то обвине-

нїе, какое учинили объ нихъ первые путешественники, побывавшїе на Мысѣ; а именно: будто Готтентоты есть самой варварской и презрѣнной народъ. Кольбенъ, жившїй тамъ восемь лѣтъ, и проѣхавшїй нѣсколько разъ ихъ кралы, увѣряетъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненїя, что иныхъ просвѣщенныхъ нацїй не можно сравнить съ Готтентотами.

Чтобы не опустить ничего нужнаго для свѣденїя о семъ народѣ, мы сообщимъ еще описанїе нѣкоторыхъ обычаевъ, ему одному свойственныхъ.

Вопервыхъ: матерямъ поручается воспитанїе дѣтей даже до 18 ти лѣтъ. Прежде ихъ вступленїя въ сей возрастъ, не могутъ дѣти имѣть обращенїя съ мущинами, даже съ своими собственными отцами, какъ дѣвочки, такъ и мальчики. Но какъ скоро минетъ 18 лѣтъ, то молодаго человѣка вводятъ въ общество, съ согласїя всего краала и съ разными церемонїями, которыя даютъ ему чувствовать цѣну и преимущества новаго своего званїя.

Вовторыхъ: всѣ мущины лишаются одного яйца, что обыкновенно бываетъ въ девять или десять лѣтъ у людей богатыхъ, а у бѣдныхъ въ двенадцать. Операцїю дѣлаетъ Сюри.

Причиною сего обычая полагаютъ Готтентоты единственно то, что имъ нужно быть скорыми какъ для охоты, такъ и для защищенія своего скота.

Третій обычай столько же страненъ, какъ и предыдущій: всякой разъ, когда вдова выходитъ опять за мужъ, обязана она разрѣзывать плоть свою между пальцами, начиная съ послѣдняго пальца лѣвой руки. Кольбенъ не могъ узнать истинной причины сего обычая.

Сіи обычаи, приличные Готтентотамъ, не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ странности и чудесности; но имъ приписываютъ еще два другія, которыя явно оскорбляютъ права Натуры. Всѣ Писатели, обнародовавшіе свои замѣчанія о Готтентотахъ, обвиняютъ ихъ, что они оставляютъ дряхлыхъ своихъ стариковъ, и бросаютъ одного изъ двухъ младенцовъ близнецовъ, когда отецъ бѣденъ, или когда у матери мало молока. Кольбенъ признается, что сіи варварскія обычаи замѣчены у всѣхъ Готтентотскихъ націй; но онъ нѣсколько извиняетъ жестокость ихъ въ семъ случаѣ, говоря, что безъ согласія всего краала не льзя приступить къ сему безчеловѣчію. Онъ присовокупляетъ также,

что сіи обычаи свойственны не однимъ Готтентотамъ; а многимъ еще другимъ Африканскимъ и Азіатскимъ народамъ; не выключая Японцовъ и Китайцовъ.

Готтентоты живутъ въ безпрерывномъ мирѣ и согласіи съ Голландцами съ 1660 года: сей миръ утверждается честностію сихъ народовъ и благоразуміемъ Губернатора Компаніи. Такое доброе согласіе соблюдается даже въ посольствахъ и подаркахъ, дѣлаемыхъ часто Губернатору отъ многихъ націй Готтентотскихъ. Въ 1708 Кольбенъ былъ свидѣтелемъ посольства отъ Нумакасовъ. Онъ со всѣми бывшими удивился искусству и благоразумію Депутатовъ.

Хотя же Готтентоты живутъ въ мирѣ съ Голландцами, и всегда хорошо ихъ принимаютъ, когда они проходятъ черезъ ихъ краалы: однако по привязанности къ своимъ обычаямъ и по любви къ вольности, они удаляются всегда отъ мѣстъ, обитаемыхъ Европейцами. Чѣмъ далѣе Голландцы распространяются, тѣмъ далѣе Готтентоты уклоняются во внутренность земли. Г. Кукъ замѣчаетъ, что ближайшій краалъ отстоитъ теперь почти на сто миль отъ города на Мысѣ.

Вообще въ селенiяхъ Голландскихъ на Мысѣ и почти во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ Готтентотами, земля весьма плодородна. Тамъ родится въ изобилiи хлѣбъ всякаго сорта, выключая овса; кофе и сахарной тростникъ не можно было тамъ развести. Дивиться должно, говоритъ Г. Форстеръ въ повѣствованiи своемъ о второмъ путешествiи Капитана Кука, сколь пре многоразличны растѣнiя въ сей землѣ. „Докторъ Шпарманъ и Ѳунбергъ нашли „тамъ больше тысячи растѣнiй совер„шенно неизвѣстныхъ прежде того. „Разныя роды алоя, которой столь „много употребителенъ въ разныхъ „случахъ у насъ въ Европѣ, и кото„раго столь рѣдко можно найти у насъ „во всей красѣ, тамъ родится цѣлы„ми полями безъ всякаго пособiя со „стороны искуства. Царство живот„ныхъ не меньше обильно: у бере„говъ множество разныхъ рыбъ пре„восходнаго вкуса, изъ коихъ весьма „многiя не извѣстны еще Испытате„лямъ Натуры.„

Изъ тамошняго винограда дѣлаютъ хорошiя вины, особливо славится вино Кантона Констанскаго. Сiе дерево перевезено туда въ первой разъ изъ Шираса, Персидскаго города. Послѣ того

насадили тамъ Испанской мушкатъ, и не безъ успѣху: сіи виноградные сады раздѣляются на верхній и нижній Констансъ, отдѣленныя плѣтнемъ и принадлежащіе двумъ разнымъ владѣльцамъ. „Несправедливо то, говоритъ Г. „Бонгенвиль, будто виноградные сады „Констанскіе принадлежатъ Компаніи. „Собираемое тамъ вино по свойству „своему почти одинаково, хотя инымъ „больше нравится вино изъ вышняго „Констанса, а другимъ изъ нижняго.„ Сіи вина бываютъ и красныя и бѣлыя блѣдножелтаго колера. Въ обыкновенной годъ собираютъ въ вышнемъ Констансѣ, коего вино вообще наиболѣе славится, сто тридцать бочекъ вина; и тамъ продается по тридцати піастровъ боченокъ, въ которой входитъ 70 бутылокъ. Прочіе виноградные сады насаждены прививками съ Реина, изъ Бургони, изъ Мартиньяна и проч. Вино ихъ иногда бываетъ превосходнѣе самаго того, откуда пересаженъ туда виноградъ. У Голландцовъ есть еще другое вино пониже сортомъ, и цѣною подешевлѣ. Вообще въ нѣкоторыхъ Кантонахъ земля столько благопріятствуетъ винограду, что тамъ въ три года родится его больше, нежели сколько въ Европѣ въ пять

лѣтъ. Вино на Мысѣ пріятно и крѣпко, но со временемъ дѣлается кисловато. Виноградные плантажи отдалены отъ города за десять миль.

На семъ краю Африки родятся въ великомъ обиліи и съ наилучшею добротою Европейскіе овощи и плодовитыя деревья. Но Азіатскія не сходствуютъ съ качествомъ той земли. Почти всѣ страны, населяемыя Готтентотами, покрыты пасствами и лѣсами безмѣрной величины. Жители находятъ въ нихъ плоды и коренья въ великомъ изобиліи, и роды оныхъ безчисленны. Но многіе изъ нихъ, хотя прекрасны на видъ, заключаютъ въ себѣ весьма крѣпкой ядъ. Однако Готтентоты для предосторожности не прежде употребляютъ новоотрываемые изъ нихъ, пока йожи и обезьяны ихъ не станутъ ѣсть. Области Кокакасовъ, Сусакасовъ и Атакасовъ меньше плодородны, нежели другія, по причинѣ недостатку въ рѣкахъ и источникахъ. Это мѣшаетъ тамошнимъ жителямъ водить большія стада, и для того они занимаются охотою.

Воздухъ на Мысѣ чрезвычайно здоровъ. Почти всѣ больные, пріѣжжающіе туда изъ Европы, выздоравливаютъ тамъ въ короткое время; но гораздо

медленнѣе получаютъ здоровье тѣ, которые прiѣжжаютъ изъ Индiи. Вода тамъ также прекрасна. Замѣчено, что она сохраняетъ свою прѣсность и чистоту въ самыхъ отдаленныхъ вояжахъ: даже подъ экваторомъ весьма не много портится, и скоро потомъ опять поправляется.

Мы бы не разпространялись столько подробнѣйшимъ описанiемъ о Готтентотахъ, естьли бы большая часть путешественниковъ были болѣе справедливы къ сему нещастному народу. Къ сему присовокупимъ еще особенное описанiе Голландскаго селенiя на Мысѣ Доброй Надежды. Сей знаменитый Мысъ, о которомъ столько говорятъ въ Европѣ, донынѣ еще неизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ своемъ положенiи. Почти всѣ мореплаватели, останавливающiеся тамъ, помѣщаютъ въ своихъ журналахъ нѣкоторыя частныя объ немъ извѣстiя; но никто еще не собралъ ихъ и не обнародовалъ, дабы подать достаточное свѣденiе о семъ Мысѣ.

ОПИСАНІЕ

Мыса Доброй Надежды.

1) Селеніе на Мысѣ Доброй Надежды принадлежитъ Голландской Восточно-Индѣйской Компаніи. Сей Мысъ есть самый южный край Африки, и находится подъ 34 мъ градусомъ южной широты. Бартелеми *Діацъ*, Португальской Адмиралъ, открылъ его въ 1487 году. Страшная гроза и сильныя бури были причиною, что онъ названъ былъ сперва *Мысомъ Мученій* (*Cap des Tourmentes*); но Іоаннъ II Португальской Король, перемѣнилъ сіе ненавистное имя, и назвалъ его *Мысомъ Доброй Надежды.* Съ того времени извѣстенъ онъ подъ симъ послѣднимъ названіемъ. Въ 1497 году, *Васко де Гами*, другой Португальской Адмиралъ, проплылъ его ѣдучи въ *Индію*, что почтено было тогда чудомъ. Но при всѣхъ выгодностяхъ, какія можно имѣть для отдохновенія при семъ Мысѣ, имѣющемъ самое выгодное положеніе, Европейцы не думали пользоваться ими больше полувѣка; пока наконецъ въ 1650 году, Индѣйская Компанія, по представленіямъ *Фанъ-Рибека*, взяла сей Мысъ во владѣніе.

Готтентоты долго защищали свою собственность; но въ 1660 году испросили они миръ и заключили съ Голландцами союзный трактатъ, существующій и донынѣ. Въ 1680 году построена крѣпость и городъ въ концѣ *Столоваго залива*, въ долинѣ того же имени: сія долина окружена горами Столовою, Вѣтряною и Львиною (les montagnes de la Table, du Vent, et du Lion).

Капитанъ Кукъ, остановясь въ 1772 году у Мыса, нашелъ въ городѣ около тысячи домовъ. Они построены изъ кирпича, снаружи обѣлены, но низки; покрыты соломою, по причинѣ жесточайшаго южнаго вѣтра, свирѣпствующаго на семъ берегу во всю зиму. Улицы широки и прямы; главная изъ нихъ усажена по сторонамъ дубовыми деревьями. По серединѣ проведенъ прекрасной каналъ съ свѣжею водою. Не далеко отъ города находится славный садъ, принадлежащій Компаніи. Въ длину полагаютъ его въ 1411 шаговъ, а въ ширину 235. Онъ пересѣкаемъ дубовыми алеями, и раздѣленъ большими квадратами, орошаемыми ручейкомъ. Большая часть сего сада обработывается для овощей; но два квадрата заняты ботаническими растѣніями.

Близъ саду находится гофшпиталь: обширное зданіе, снабженное обильно всѣмъ нужнымъ для больныхъ. Компанія содержитъ при ней искуснѣйшихъ Докторовъ и Лѣкарей. Во всякое время бываетъ тамъ отъ пяти сотъ до шести сотъ больныхъ. Вмѣсто матросовъ и солдатъ, входящихъ въ гофшпиталь для излѣченія болѣзни, можно тамъ набрать здоровыхъ людей, и съ ними продолжать путь въ Европу или въ Индію.

Противъ самой гофшпитали есть церковь: зданіе довольно красивое, но низкое, какъ и всѣ строенія въ городѣ. Возлѣ церкви учреждена публичная библіотека; но ее рѣдко посѣщаютъ.

На берегу, въ недальнемъ разстояніи отъ мѣста выгрузки, построены магазины, принадлежащіе Компаніи. Они *всегда наполнены* оружіемъ, всякими снастями и съѣстными припасами для снабженія флотовъ. Обыкновенной флотъ Компаніи состоитъ изъ 18 ти или 20 ти кораблей. Всѣ они останавливаются каждой годъ у Мыса, ѣдучи въ Индію, или возвращаясь оттуда. Кораблямъ иностранныхъ Державъ также не отказываютъ ни въ чемъ нужномъ для плаванія; но все должно ку-

жить тамъ дорогою цѣною; а особливо мачты стоятъ тамъ чрезвычайно дорого. Всѣ Европейскія націи платятъ у сего Мыса пошлину за право приставать къ нему, также и за право выходить на берегъ и запасаться съѣстными припасами.

Къ востоку отъ города, почти на 300 шаговъ разстоянія, построена крѣпость защищающая заливъ. Она составляетъ фигуру пятіугольника, и на ней поставлено 70 пушекъ. Въ 1771 году, когда Англичане останавливались у Мыса: то нашли сію крѣпость въ такомъ состояніи, что въ нея удобно можно палить изъ кораблей, и даже съ сухаго пути способно сдѣлать къ ней приступъ, естьли бы только непріятель рѣшился формально ее атаковать. Число гарнизонныхъ солдатъ въ сей крѣпости и въ редутахъ, выстроенныхъ по обѣимъ сторонамъ Мыса, простирается до осьми сотъ человѣкъ. Сверхъ того Компанія имѣетъ гражданскую милицію, состоящую изъ всѣхъ жителей, которые могутъ носить оружіе; числомъ ихъ полагаютъ до 4000 человѣкъ, и большую часть изъ нихъ можно собрать въ самое короткое время помощію сигналовъ.

Кромѣ города на Мысѣ есть еще много другихъ селеній, находящихся за Столовою горою въ пространствѣ болѣе тридцати миль. Также заведено тамъ множество плантажей и арендъ по всѣмъ берегамъ въ окружности почти на сто миль.

Поселенцы на Мысѣ суть смѣсь Голландцевъ, Нѣмцевъ и Французскихъ Протестантовъ. Много также Малайцевъ и Бенгальцевъ. Число невольниковъ весьма велико, и можно щитать по пяти невольниковъ на одного бѣлаго.

Губернаторъ на Мысѣ относится непосредственно къ Компаніи, не завися отъ Батавіи. Онъ начальствуетъ въ Совѣтѣ осьми Чиновниковъ, коимъ поручено правленіе всѣхъ дѣлъ гражданскихъ и воинскихъ. Второй по немъ членъ есть Коммендантъ; можно подавать апелляцію на его приговоры въ Голландію или въ Батавію. На Мысѣ всѣ имѣютъ отмѣнное почтеніе къ чиновнымъ особамъ, а особливо къ Губернатору. Впрочемъ его домъ ничѣмъ больше не отличенъ отъ другихъ домовъ, кромѣ однимъ карауломъ. Другое преимущество, странное для иноземцевъ, есть то, что передъ его воротами бьютъ въ барабанъ, когда онъ обѣдаетъ. Жалованья ассигнуется ему около шести тысячь флориновъ.

Чтобы вознаградить великія издержки на всѣ заведенія сего Мыса, Компанія собираетъ десятую долю со всѣхъ произведеній земли, также годовые доходы съ нѣкоторыхъ кантоновъ, собственно ей принадлежащихъ. Прежде Компанія уступала въ вѣчное владѣніе земли свои для обработыванія, а теперь отдаетъ ихъ на аренду. Сверхъ того доходы Компаніи умножены пошлиною съ судовъ, пристающихъ у Мыса, и сборомъ за проѣздъ. Сдѣланъ также нарочитой налогъ на табакъ, вино, водку, пиво и проч.

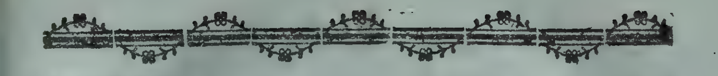
Заливъ Стола довольно обширенъ, но въ немъ опасно останавливаться по причинѣ сильныхъ морскихъ вѣтровъ, свирѣпствующихъ тамъ въ худое время, и рофаловъ, устремляющихся туда каждой день съ горы Столовой. Въ 1722 году весь флотъ Компаніи Индѣйской погибъ тамъ, стоя на якорѣ, и только спаслись два корабля. Съ того времени не позволено ни одному Голландскому судну приставать въ семъ заливѣ, начиная отъ 6 го Марта даже до Сентября; а должно имъ останавливаться въ Фалсъ-Баѣ за восемь миль разстояніемъ отъ города: тамъ они въ безопасности. Въ обыкновенной годъ полагаютъ число кораблей, пристающихъ къ Мысу, до ста пятидесяти.

Видъ Мыса не пріятенъ. Путешественникъ, приставши къ нему, видитъ пространную равнину, покрытую крупнымъ пескомъ и бѣловатою землею, съ одной стороны городъ, съ другой крѣпость; нѣсколько судовъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ на землѣ сухой и безплодной; не видишь даже ни деревъ, ни растѣній: вдали представляются страшныя громады горы Столовой, Львиной и Вѣтровой. Только у подошвы сихъ горъ перспектива дѣлается пріятнѣе: тамъ на покатости ихъ разсѣяны плантажи; тамъ видны также безчисленныя произведенія натуры разнаго рода.

Страна, обработываемая Голландцами, поселевшимися на Мысѣ, нынѣ столько уже распространилась, что иныя селенія отстоятъ отъ города за триста миль по западному берегу Африки, а по восточному за сто пятьдесятъ миль. Они заключаютъ въ себѣ крайній конецъ Африки, начиная отъ залива Салданскаго на западѣ до залива Носсель на востокѣ. Изъ среди сего круга простираются они болѣе нежели на 50 миль внутрь земли. Голландская Компанія не довольствуясь такою обширною землею, и надѣясь распространиться еще далѣе по мѣрѣ, какъ

число колонистовъ будетъ умножаться, купила за нѣсколько передъ симъ лѣтъ на восточномъ берегу Африки землю Наталь за триста тысячь флориновъ товарами.

Древнія владѣнія Голландцевъ на Мысѣ, выключая земли Наталь, раздѣляются на четыре области, а именно: область Мыса, Стелленбохская, Дракенштейнская и Ваференская. Область Стелленбохская изъ всѣхъ плодоноснѣе. Въ Дракенштейнской есть много Французскихъ Протестантовъ: та часть, которую они занимаютъ, говоритъ Г. Бугенвиль, называется малая Рошель: она превосходитъ всѣ прочія плодородіемъ земли и трудолюбіемъ, поселенцовъ: они придали сему новому отечеству имя прежняго, которое они всегда любятъ, сколько оно ихъ ни гнало.

II.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Португальской Паташи на песчаной отмѣли, противъ острововъ Каламіанскихъ, *на морѣ Индѣйскомъ, въ 1686 году.*

Жемели Карери, Неаполитанецъ, одинъ изъ благоразумнѣйшихъ мореплавателей, предпринимавшій путешествіе около земнаго шара, оставилъ намъ обстоятельное повѣствованіе о своей поѣздкѣ. Число его странствованій, правильныя замѣчанія о Китайской Имперіи, объ Индіи и Мексикѣ, разныя подробности, въ какія онъ входитъ о многихъ предметахъ; наконецъ благоразумныя совѣты, какія сообщаетъ путешествующимъ изъ любопытства по отдаленнымъ странамъ: все сіе занимаетъ Читателей пріятнѣйшимъ и полезнѣйшимъ образомъ. Изъ всѣхъ его повѣствованій мы выберемъ одно, коего обстоятельства заслуживаютъ мѣсто въ семъ Собраніи.

Карери, пріѣхавши въ Кантонъ, что въ Китаѣ, 1696 года въ мѣсяцѣ

Генварѣ, принужденъ былъ прожить много недѣль въ семъ городѣ, и даже въ томъ же году долженъ былъ еще возвратиться туда въ мѣсяцѣ Мартѣ. За нѣсколько дней передъ его отъѣздомъ, одинъ Миссіонеръ уговорилъ его съѣздить въ Маниль; почему Карери и отправился въ Макао, Португальской городъ подъ покровительствомъ Китайскаго Императора, лежащій на краю небольшаго острова, называемаго Гейшю, при входѣ въ рѣку Кантонъ. Сей городъ, бывшій нѣкогда славнымъ по всей Азіи, весьма низко упалъ съ своего величія съ того времени, какъ упало могущество Португальцовъ въ Индіи; не смотря на то, онъ удовлетворялъ еще вниманію странниковъ, пріѣжжавшихъ туда изъ полезнаго любопытства. Карери, осмотрѣвши сіе мѣсто и его окружности, переправился на островъ Вертъ, принадлежавшій прежде Іезуитской школѣ. Онъ отстоитъ на малое разстояніе отъ Макао, и въ окружности имѣетъ не болѣе мили. Хотя онъ не что иное есть, какъ только безплодная скала, однако Іезуиты построили тамъ довольно пріятный увеселительной домъ. Даже удалось имъ развести тамъ яворъ (дерево), ананасы и другія фруктовыя

деревья, и ими обсадить свои жилища. Между многими Iезуитами, тамъ находившимися, былъ тогда одинъ, столько же почтенный по своему Миссiонерскому сану, сколько и по прiятному обхожденiю. Между разговорами Карери имѣлъ удовольствiе услышать отъ него самаго подтвержденiе о томъ странномъ приключенiи, о которомъ онъ уже слышалъ отъ другихъ, но до того времени не хотѣлъ еще имъ вѣрить.

Въ 1668 году одна купеческая Португальская Паташа, отправленная съ берегу Коромандельскаго къ Филиппинскимъ островамъ, вошла благополучно въ гавань Кавитъ (1); потомъ спустя нѣсколько времени, нагрузившись разными произведенiями той страны, подняла якорь въ возвратной путь. На ней было около шестидесяти человѣкъ Араповъ, *природныхъ тамошнихъ жителей* и Португальцевъ, между коими находился и тотъ Iезуитъ Миссiонеръ, котораго Карери нашелъ на островѣ Вертѣ. Капитанъ и кормчiй положась на свою опытность, плыли съ великою безпечностiю по морю Филиппинскому, опасному своими подводными камнями. Паташа сѣла на мѣль противъ островов Каламiан-

скихъ (2), и разбилась въ одну минуту. Арабы и природные тамошніе жители, составлявшіе большую часть экипажа, тотчасъ захватили шлюпку, и спѣшили достигнуть ближняго острова; но во время ихъ переѣзду поднялась страшная буря, и шлюпка потонула: всѣ бывшіе на ней погибли также въ безднѣ. Прочіе къ щастію своему держались на мѣли, и воспользовались корабельными ящиками, приплывшими къ нимъ, чтобъ одинъ за другимъ достигнуть самаго ближняго острова. Онъ отстоялъ за двѣ мили отъ мѣста кораблекрушенія. Нещастные обѣжали его, но не нашли нигдѣ воды. Щастливой успѣхъ въ первомъ предпріятіи ободрилъ ихъ къ вторичному опыту, перебраться на другой островъ, отстоявшій почти на три мили. Они добрались до него одинъ за другимъ. Но и этотъ былъ безъ воды, безъ деревъ, равно какъ первый. Четыре дни принуждены они были отъ жестокой жажды пить кровь изъ черепахъ. Наконецъ нужда сдѣлала ихъ трудолюбивыми: они съ помощію досокъ, на которыхъ приплыли, стали рыть ровъ, пока дорылись до воды. И та вода, которая въ тѣхъ рвахъ простояла нѣсколько

дней, теряла частью свою соленость. Они употребляли ее сперва съ омерзѣнїемъ; но примѣтя, что она имъ не вредитъ, преодолѣли небольшое свое отвращенїе, и продолжали употреблять ее.

Провидѣнїе, благоволивъ привести на сей островъ малое число людей послѣ кораблекрушенїя, подало имъ и средства къ пропитанїю на сей землѣ, хотя совершенно безплодной. Одинъ способъ къ утоленїю ихъ жажды, мы теперь уже видѣли; а другой къ утоленїю голода, состоялъ въ томъ, что они находили великое изобилїе черепахъ, которыя въ самое то время клали свои яйца (*). Каждую ночь онѣ выходили изъ моря и клали яйца въ пескѣ. Оставленные наши островитяне стерегли ихъ, и какъ скоро находили такихъ, которыя подалѣ отъ моря отдалялись, тотчасъ переворачивали ихъ на спину. Весьма легко было ихъ убивать, и потому они всегда имѣли ихъ великое множество, и кормились ими цѣлые шесть мѣсяцовъ.

Наконецъ истощилась и сїя провизїя: едва уже оставалось ея на нѣсколь-

(*) Черепахи начинаютъ класть яйца въ Апрѣлѣ, а перестаютъ въ Сентябрѣ.

ко дней: тутъ увидѣли они прилетѣвшихъ на сей островъ родъ большихъ морскихъ птицъ, называемыхъ Португальцами Паксаросъ - Бобосъ, или глупія птицы. Каждой годъ прилетаютъ они на сей островъ въ одно время вить гнезда и класть яйцы. Ихъ яйцы и мясо ихъ дѣтей составляли тогда пищу нещастныхъ, спасшихся на островъ. Они убили также много и старыхъ самцовъ и самокъ. Убивали ихъ досками и отломками отъ ящиковъ, и собрали ихъ столько, что довольно имъ было на цѣлые 6 мѣсяцовъ. Такимъ образомъ черепахи и глупія птицы доставляли имъ безпереводно пищу на обѣ половины года, и только оставалось сушить мясо на солнцѣ. Они ѣли также и свѣжее мясо, варя его въ глиняныхъ горшкахъ.

Послѣ многихъ опытовъ удалось имъ наконецъ сдѣлать эти горшки; но они годились только на одинъ разъ, потому ли, что не было у нихъ печей, или потому, что земля, ими употребленная, была не довольно глиниста.

Болѣзни и разныя неудобства въ ихъ положеніи уменьшили число сихъ нещастныхъ страдальцевъ до того, что ихъ осталось только осмнадцать человѣкъ. Со временемъ какъ платье ихъ

обветшало, они стали обдирать птицъ, ими убиваемыхъ, и кожи ихъ сшивать вмѣстѣ. У одного изъ нихъ нашлись иглы; а молодыя пальмовыя деревья, росшїя кое-гдѣ не далеко отъ берегу, доставляли имъ нитки, которыя годились для сего употребленїя. При наступленїи зимы они скрывались въ подземныхъ пещерахъ, вырытыхъ ихъ руками, и тамъ защищены были отъ стужи. Сїи пещеры выкопали они на покатости холмовъ, обращенныхъ къ полудню.

Прошло много лѣтъ безъ всякой перемѣны въ ихъ состоянїи. Иногда видали они не подалеку отъ своего острова корабли, шедшїе на всѣхъ парусахъ. Тщетно призывали къ себѣ на помощь криками, тщетно махали кожами, подымая высоко на шестахъ, и разводили огни на холмахъ. Вѣроятно, что кормчїе страшились приближиться къ сему острову, окруженному мѣлями и подводными утесами; всѣ проходили мимо, не останавливаясь. Отъ времени до времени волны прибивали къ ихъ берегамъ множество досокъ и другихъ отломковъ; изъ чего нещастные островитяне заключали, что въ сихъ мѣстахъ бываютъ частыя кораблекрушенїя, и что не они одни нещастны.

Цѣлыя шесть лѣтъ переносили они съ терпѣнїемъ и бодростїю свою плачевную долю; лишь то подкрѣпляло ихъ, что каждой годъ перїодически являлись на берегахъ ихъ черепахи и птицы, доставлявшїя имъ всегда надежную пищу. Въ началѣ седмаго года надежда ихъ еще не упала, когда черепахи явились въ такомъ же множествѣ, какъ и прежде; но въ другую половину года они не были столько же щастливы. Глупїя птицы, конечно напуганныя чрезъ столько лѣтъ на семъ берегу безпрестанною ловлею, прилетѣли на этотъ разъ весьма въ маломъ числѣ, а это привело въ ужасъ и крайнее унынїе бѣдныхъ островитянъ. Въ то же время двое изъ нихъ пали подъ бременемъ золъ, ихъ угнетавшихъ, а еще болѣе страшась будущаго, и кончили дни свои въ сей землѣ изгнанїя. Прочїе, числомъ шестнадцать человѣкъ, столько истощали и изнурились, что болѣе походили на шатающихся тѣней, нежели на людей. Начались новыя совѣтованїя: иные изъ нихъ предались совершенному отчаянїю, а нѣкоторые еще освѣщены были хотя слабымъ лучемъ надежды.

Наконецъ послѣ долгаго совѣтованїя приняли послѣднее намѣренїе,

оставить сей островъ, и искать своего щастїя индѣ. Тотчасъ принялись всѣ за работу, и въ нѣсколько дней построили барку, или лучше назвать, ларь, употребивши къ тому доски и другїя корабельныя отломки, какїя море выбрасывало по временамъ на ихъ берегъ. Вмѣсто конопати служила имъ смѣсь птичьихъ перьевъ, песку и черепашьяго жиру; веревки сдѣлали изъ черепашьихъ жилъ, много разъ переплетеныхъ; а парусы изъ птичьихъ кожъ, сшитыхъ одна съ другою. Правда, барка была очень неуклюжа, однако воды въ себя не пропускала, и ее можно было поворачивать какъ веслами, такъ и съ помощїю парусовъ. Въ нее положили всю провизїю, какая у нихъ оставалась.

Въ такомъ бѣдномъ состоянїи пустились наконецъ въ путь при благопрїятномъ вѣтрѣ, призывая въ помощь милосердаго Промыслителя теплыми мольбами. Восемь дней плавали они въ неизвѣстности, бывши игралищемъ волнъ и вѣтровъ, которые пригнали ихъ наконецъ къ острову Гайнану, лежащему у южнаго берега Китая. Приставши къ сей землѣ, какъ скоро они узнали, что она обитаема: то первое ихъ дѣло было возвысить благодарныя

сердца свои къ Небу и прославить его щедроты. Послѣ того пошли они далѣе внутрь земли. Скоро увидѣли жителей, но сіи съ ужасомъ ударились въ бѣгство. Однако нѣкоторые изъ Португальцовъ, разумѣвшіе Китайской языкъ, удвоили шаги; и тогда иные изъ жителей, не столько устрашившіеся, примѣтили, что сіи чужеземцы безъ оружія, почему и стали ихъ дожидаться. Когда же услышали вкратцѣ о ихъ нещастіи: то проливая слезы, немедленно принесли имъ съѣстныхъ припасовъ и привели къ источнику прѣсной воды. Удовлетворивши первой жесточайшей нуждѣ, жаждѣ, они отведены къ Мандарину, Правителю сего острова, и онъ безъ отлагательствъ далъ имъ все нужное, и отвелъ домъ для ихъ жилища. Даже заботился о томъ, какъ бы скорѣе возвратить ихъ въ отечество, въ нѣдра ихъ семейства. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали сіи Португальцы въ Макао, городъ, находящійся не въ дальнемъ разстояніи отъ сего острова. Одинъ изъ нихъ весьма удивился, нашедши тамъ свою жену, вышедшую за мужъ за другаго: ибо она почитала его давно мертвымъ. Общіе ихъ друзья уговорили его простить имъ такой проступокъ, которой

семилѣтнее его отсутствіе дѣлало весьма извинительнымъ. —

Миссіонеръ, увѣрявшій Карерія въ истиннѣ сего приключенія, посланъ былъ на островъ Вертъ для поправленія здоровья. Онъ оставался тамъ больше года, и едва возвратилъ потерянное здоровье.

Карери находилъ великое удовольствіе въ бесѣдахъ съ симъ Миссіонеромъ, и почти забылъ, что ему должно ѣхать на Филиппинскія острова. Его увѣдомили, что паташа готова въ путь, и онъ съ сожалѣніемъ принужденъ былъ оставить островъ Вертъ и возвратиться въ Макао.

Карери не упускалъ замѣчать все, что ему казалось нужно для свѣденія; въ семъ мѣстѣ онъ повѣствуетъ, что донъ Антоніо Базартъ, Капитанъ, командовавшій пакетботомъ, прежде отъѣзду своего изъ гавани испыталъ, сколько уменьшилось уваженіе къ Португальской націи въ Китаѣ. Ему сдѣланы всякія препятствія, прежде нежели позволено сняться съ якоря. Хотя онъ и получилъ на то позволеніе отъ Макаоскаго Губернатора, однако ему должно было испрашивать согласія у таможенныхъ приставниковъ. Долго производились переговоры; наконецъ

онъ получилъ отпускъ, заплативши лишніе пятьдесятъ піастровъ сверхъ положеннаго тарифу за право выѣхать изъ гавани. Но и тѣмъ дѣло не кончилось: въ самой день отъѣзду пришли на корабль таможенные и портовые чиновники, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы освидѣтельствовать, не скрыли ли у себя Португальцы кого нибудь изъ подданныхъ Китайскихъ, и не найдется ли у нихъ желтыхъ матерій и другихъ товаровъ съ фигурами драконовъ о пяти когтяхъ. У многихъ купцовъ они были; тотчасъ хотѣли ихъ конфисковать, по установленіямъ Пекинскаго Двора: но піастры отдалили отъ нихъ и сіе новое затрудненіе. Паташа вышла изъ гавани 10 Апрѣля.

Переѣздъ не далекъ, но весьма труденъ; однако искусство Базарта и его кормчаго помогло имъ пройти щастливо мимо подводныхъ скалъ, окружающихъ Филиппинскія острова; даже при случившейся сильной бурѣ, за нѣсколько миль отъ ла Плага-Уда, избѣжали они очевидной опасности. Наконецъ, 7 го Мая 1696 года, благополучно остановились на якорѣ въ гаванѣ Кавитской.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Кавитъ*, городъ съ пристанью на островѣ Люсонѣ или Манилѣ, самомъ знатномъ изъ всѣхъ Филиппинскихъ острововъ. Кавитская гавань обширна, имѣетъ видъ полукружія на подобіе Трапанской, что въ Сициліи. Туда приходятъ множество судовъ, и они тамъ безопасны отъ южнаго вѣтру; но при сѣверныхъ вѣтрахъ большіе корабли должны ближе подходить къ землѣ. Городъ Кавитъ построенъ на узкой полосѣ земли, съ одной его стороны море, а съ другой гавань. По сему его положенію не можно обнести его стѣною; только въ концѣ той полосы, на которой онъ стоитъ, построенъ изрядной замокъ для его защищенія. Городъ хотя не великъ, но весьма многолюденъ. Въ немъ есть домы Ишпанцовъ, Индѣйцовъ и Сангленцовъ, т. е. Китайскихъ купцовъ. Строеніе все деревянное или тростниковое, не выключая даже церквей: только церкви Августинскихъ монаховъ и училища, принадлежавшаго прежде Іезуитамъ, построены изъ камня и весьма хорошо украшены. Арсеналъ построенъ на самомъ краю замка. Тамъ обыкновенно человѣкъ двѣсти или триста, а

иногда и до шестисотъ заняты бывают строенiемъ кораблей и прочихъ судовъ. Предмѣстье Кавитское, называемое Сентъ-Рошъ, простирается отъ однаго берегу до другаго, посреди лѣсу. Въ немъ гораздо больше жителей, нежели въ самомъ городѣ. Его приходская церковь прекрасна.

Филиппинскiе острова принадлежатъ Ишпанцамъ.

Плодородiе сихъ острововъ чрезвычайно, къ тому пособствуетъ тамошнiй климатъ, жаркой и весьма влажный. На Филиппинскихъ островахъ царствуетъ вѣчная весна; деревья всегда бываютъ покрыты листьями; поля усѣяны травами и испещрены цвѣтами; тамъ родится множество деревъ съ прекрасными плодами; часто на одномъ и томъ же деревѣ, въ одно и то же время, увидишь и цвѣтъ и плоды.

Климатъ на сихъ островахъ больше здоровъ для природныхъ тамошнихъ жителей, нежели для Европейцовъ. Родъ жизни и умѣренность сихъ островитянъ весьма укрѣпляютъ ихъ здоровье. Тамъ можно найти восьмидесяти-лѣтнихъ старцевъ, работающихъ съ такою же почти силою и

крѣпостію, какъ человѣкъ лѣтъ тридцати или сорока.

Краткость сего сочиненія не позволяетъ намъ входить въ дальнѣйшія подробности о семъ предметѣ. Любопытный Читатель можетъ найти вѣрныя и весьма занимательныя о томъ извѣстія въ повѣствованіи о путешествіи, предпринятомъ въ Индію въ 1761 году, по случаю прохожденія Венеры по кругу солнечному, Гномъ. ле Жантилемъ, Членомъ Французской Академіи Наукъ.

2) Острова Каламіанскіе, коихъ числомъ три, находятся на морѣ Индѣйскомъ по ту сторону Гангеса. Они составляютъ часть Филиппинскихъ острововъ, и лежатъ напротивъ Манили, близъ Парагуа. Жители сихъ острововъ суть Индѣйцы, характера кроткаго. Они платятъ дань Ишпанцамъ, которые ихъ покорили. Пошва земли на островахъ Каламіанскихъ столько же плодородна, какъ и на Филиппинскихъ. На берегахъ ловятъ прекрасныя перлы.

III.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О кораблекрушеніи двухъ Англійскихъ судовъ у подводныхъ утесовъ, близъ острова Майоты, *въ* Мозамбикскомъ *каналѣ, на Африканскомъ морѣ, въ 1700 году.*

Іезуитъ *Ташардъ*, которому обязаны мы повѣствованіемъ объ Оккумъ-Шамнанѣ, сообщеннымъ выше, въ послѣдній разъ возвратился въ Индію, въ началѣ сего вѣка. Онъ былъ сопровождаемъ многими Іезуитами, назначенными въ миссіи въ Индію и Китай. Корабль, ла Пренсесъ, на которомъ онъ отправился, вышелъ изъ Портъ-Луи 7 го Марта 1701 года.

Плаваніе его было столь благополучно даже до высоты острововъ Коморскихъ, что экипажъ принужденъ былъ долгое время простоять на якорѣ у берега острова Анжуана, а потомъ лавировать цѣлой мѣсяцъ въ каналѣ Мозамбикскомъ. —

Причину такой задержки объяснимъ здѣсь. Естьли бы корабль продолжалъ свой путь столько же щастливо, какъ и началъ; то бы онъ пріѣхалъ въ Индѣйское море въ то самое время, когда страшные ураганы свирѣпствуютъ на берегахъ Индостана, а именно въ Августѣ и Сентябрѣ. Много кораблей, плывшихъ въ Восточную Индїю, учинилось жертвою сихъ ужасныхъ бурь; ихъ погибель послужила урокомъ для позднихъ мореплавателей; и естьли когда случится, что корабль пріѣдетъ изъ Европы въ каналъ Мозамбикской слишкомъ рано, то онъ останавливается на якорѣ, и выжидаетъ, пока пройдетъ сїе опасное время года. —

Здоровой воздухъ на островѣ Анжуанѣ и свѣжїе съѣстные припасы, которые тамъ въ изобилїи, скоро возстановили больныхъ во время пребыванія экипажа на томъ островѣ. Напротивъ того премногїе изъ тѣхъ сдѣлались больными, которые были совершенно здоровы въ то время, когда корабль приставалъ къ берегу; причиною тому было, въ иныхъ неумѣренное употребленїе крѣпкихъ напитковъ той страны, а въ иныхъ излишнее употребленїе прохладительныхъ плодовъ; частію также и то, что многїе пили

безъ различія всякую прѣсную воду изъ потоковъ, текущихъ съ утесовъ. Родились опасныя лихорадки, вмѣстѣ съ поносомъ и помѣшательствомъ въ умѣ; по справедливости должно было опасаться слѣдствія сихъ родившихся болѣзней: ибо они могли быть заразительны; а это самое было причиною, что экипажъ рѣшился оставить сей пріятной островъ гораздо ранѣе, нежели намѣренъ былъ. Подняли парусы 14 го Августа, при попутномъ вѣтрѣ, которой однако не долго продолжался; едва прошли они миль семь или восемь, какъ застало ихъ безвѣтріе. Тогда морскія стремнины принесли ихъ къ острову Моали, а потомъ къ западному берегу острова Ангазіи, самаго большаго изъ всѣхъ, составляющихъ малой Архипелагъ Коморской; тутъ корабль остановился на нѣсколько часовъ.

„Само Провидѣніе, пекущееся о сохраненіи своей твари, привело насъ къ сему мѣсту, — такъ продолжаетъ Отецъ Ташардъ, коего повѣствованіе предложимъ здѣсь его собственными словами. — Нашъ роздыхъ у сего острова принесъ избавленіе двумъ бѣднымъ Англичанамъ, которые находились тамъ уже два года, совсѣмъ нагіе, лишенные всего

и преданные ругательству и жестокости варварскаго народа. Мы послали на берегъ шлюпку за нѣкоторыми потребностями; сами легли въ рейфы, и дожидались ее часа два или три. Наконецъ она возвратилась, и мы крайне удивились, увидя въ ней двухъ человѣкъ, нагихъ, избитыхъ и израненыхъ, почти при концѣ жизни. Одинъ былъ лѣтъ тридцати, а другой, какъ казалось, не болѣе двадцати. Тотчасъ стали ихъ разспрашивать, и узнали, что они претерпѣли кораблекрушенїе у острова Майоты (1), будучи брошены на подводныя скалы силою морскихъ стремнинъ; первой изъ нихъ находился на большомъ караблѣ Англїйской Восточно-Индѣйской Компанїи, а другой плылъ изъ Бостона, гдѣ онъ принялся въ службу къ Англїйскимъ Флибустїйцамъ. Оба сїи корабля погибли по невѣжеству кормчихъ, которые островъ Майоту почли за Моали (2). Тѣ изъ пассажировъ и экипажу, коимъ удалось спастись на землю, приняты были благосклонно жителями: но сїи ласки продолжались до тѣхъ только поръ, пока ихъ многолюдство удерживало островитянъ въ страхѣ. Когда же разныя болѣзни, коихъ причиною былъ частїю худой воздухъ, частїю

распутство, а частїю печаль и отчаянїе, уменьшили экипажъ до того, что ихъ осталось человѣкъ пятнадцать или шестнадцать: то варвары, не страшась ихъ болѣе, скоро нашли средство отнять у нихъ все то, что они съ великимъ трудомъ спасли послѣ кораблекрушенїя, и даже самую жизнь ихъ.

„Между сими нещастными было семеро Французовъ и трое Нѣмцовъ, а прочїе Англичане и Голландцы. Число ихъ уменьшалось каждый день; наконецъ, когда они увидѣли, что всѣхъ ихъ ожидаетъ скорая смерть, и не имѣли никакой надежды, чтобы когда либо Европейскїй корабль присталъ къ сему берегу, по причинѣ неудобства гавани для судовъ даже посредственной величины: то рѣшились оставить сей островъ, во что бы то ни стало. Въ такомъ намѣренїи построили они изъ отломковъ своихъ кораблей довольно большую шлюпку, въ которой могли и сами помѣститься, и взять съ собою всю оставшуюся у нихъ казну. На другой день положено было отправиться, какъ вдругъ Правитель острова прислалъ просить у нихъ шлюпки, представляя, что она ему весьма нравится. Весьма очевидно было, что

этотъ подлогъ выдумалъ онъ единственно для того, чтобъ завладѣть казною. Въ такихъ обстоятельствахъ Европейцы собрались въ свой шалашъ на берегу моря, стали совѣтоваться между собою, и положили единодушно отказать Королю Майотскому сколько можно учтивѣе. Нещастные знали довольно, что послѣ такого отказа варвары будутъ искать всѣхъ средствъ къ ихъ погибели; почему и нужно имъ было больше прежняго беречься ихъ коварствъ. Но какъ варвары замѣтили, что у Европейцовъ мало осталось пороху, потому что они рѣдко стали ходить на охоту: то не преминули тотчасъ собраться въ великомъ множествѣ, окружили ихъ толпами и съ бѣшенствомъ напали на нихъ въ шалашѣ; у осажденныхъ было еще нѣсколько пороху: они долго защищались, и не безъ успѣху.

„Наконецъ дикіе отчаялись преодолѣть ихъ силою и мужествомъ; вздумали зажечь ихъ шалашъ; и это звѣрское намѣреніе удалось имъ къ погибели нещастныхъ странниковъ. Шалашъ ихъ былъ сдѣланъ изъ толстыхъ цыновокъ, и покрытъ соломою и древесною корою: онъ скоро занялся, и большая часть бывшихъ въ немъ сго-

рѣли бѣдственно; прочїе, которымъ удалось убѣжать полуобгорѣлымъ, не были щастливѣе: варвары умертвили ихъ. Такимъ образомъ изъ всего множества Европейцовъ остались только трое Англичанъ: они спрятались въ скрытомъ удаленномъ мѣстѣ, и не выходили оттуда до тѣхъ поръ, пока продолжалось сраженїе и убивство. Послѣ сжалились надъ ними островитяне, дали имъ небольшую лодку и четырехъ человѣкъ, которые перевезли ихъ на островъ Агазїю, знатнѣйшїй изъ острововъ Коморскихъ.

„Сихъ нещастныхъ благосклонно принялъ Король западной части острова, гдѣ они были высажены. Сперва онъ содержалъ ихъ своими издержками; но скоро истощились его щедроты, и онъ велѣлъ Англичанамъ самимъ искать себѣ пропитанїя. Полтора года питались они кокосовыми плодами и коровьимъ молокомъ; но и тутъ должны были искать случая поймать корову, удалившуюся отъ стаду, такъ чтобы никто не видалъ, какъ они будутъ ее доить. Одинъ изъ троихъ, будучи слабѣе здоровьемъ, не могъ долго сносить такой скудости, сдѣлался болѣнъ и умеръ. Оба его товарищи хотѣли отдать ему послѣднїй долгъ, предавши

тѣло землѣ; но жители Ангазїйскїе думая, что тѣмъ осквернится земля ихъ острова, когда похоронятъ на ней Европейца, не позволили сего учинить, и Англичане принуждены были бросить тѣло въ море.

„Вотъ что узнали мы изъ повѣствованїя о судьбѣ сихъ двухъ Англичанъ. Они были въ то время на берегу острова Ангазїи, какъ наша шлюпка туда пристала. Не смѣли говорить ничего съ бывшими на шлюпкѣ: ибо признали ихъ Французами, непрїятелями своей нацїи; почему и боялись отказу. Когда же шлюпка пустилась опять въ море, то они бросились за нею, и старались приближиться къ ней вплавь, крича до тѣхъ поръ, пока ихъ услышали. Тотчасъ приняли ихъ на шлюпку и привезли на корабль. Повѣствованїе о ихъ нещастїи, и то жалостное состоянїе, въ какомъ они тогда находились, возбудило во всѣхъ великое соболѣзнованїе; всякъ долгомъ почелъ облегчить ихъ страданїя; имъ дали пищу и одежду. Когда мы прибыли въ Суратъ, то старѣйшїй изъ нихъ отправился въ Англїйскую Контору; а другой, объявившїй, что отецъ его былъ Голландецъ, не смо-

тря на то, что онъ поселился въ Бостонѣ (3), пошелъ искать жилища у Голландцевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Майота*, Африканской островъ, самой южной изъ всѣхъ составляющихъ Коморской Архипелагъ; онъ лежитъ въ Мозамбикскомъ каналѣ между Зангебаромъ и островомъ Мадагаскаромъ. Острова Коморскія находятся между 60 и 63 градусами долготы, на 12 градусѣ южной широты. Островъ Майота лежитъ къ югу отъ Ангазіи, или большаго Коморскаго острова: на немъ нѣтъ хорошей воды, но съѣстные припасы тамъ дешевы. Жителей тамъ мало, и всѣ вѣроломны и жестоки. Религія ихъ Магометанская. Сей островъ опасенъ для кораблей по причинѣ подводныхъ камней, его окружающихъ, къ коимъ морскія стремнины несутъ суда съ великою силою.

2) *Моали*, одинъ изъ числа Коморскихъ острововъ; на немъ есть особенной Король. Сей островъ лежитъ почти за тридцать минутъ, или за десять морскихъ миль, на сѣверъ отъ Майоты.

5) *Бостонъ*, большой, крѣпкой и прекрасной городъ въ Сѣверной Америкѣ. Онъ есть столица новой Англїи. По своему положенїю у морскаго берега знатенъ производимою коммерцїею. Въ немъ есть прекрасныя зданїя, а особливо домъ общественныхъ сборищъ. Городъ расположенъ полукружїемъ около гавани, а самая гавань весьма удобна и обширна; въ ней могутъ стоять шесть сотъ кораблей. Губернаторъ имѣетъ свою резиденцїю въ семъ городѣ; въ немъ также бываетъ собранїе Правительствующихъ Членовъ. Бостонской Университетъ довольно извѣстенъ. Жителей въ семъ городѣ щитаютъ около тридцати пяти тысячь душъ, въ числѣ коихъ находится много Французскихъ эмигрантовъ. Бостонъ есть центръ Англїйской коммерцїи въ Америкѣ. Изъ его порта ежегодно выходятъ *триста или четыреста* кораблей, нагруженныхъ товарами, въ Европу и въ Американскїе острова.

IV.

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ

Шотландскаго матроса Александра Селкирка, оставленнаго на необитаемомъ островѣ Жуанъ Фернандецѣ, на морѣ Южномъ въ 1704 году, съ присовокупленіемъ повѣствованія о Вилѣ, Индѣйскомъ Москитѣ, оставленномъ на томъ же острову въ 1681.

Во время войны о наслѣдствѣ Ишпанской Короны, двое частныхъ людей въ Англіи снарядили два капера, намѣреваясь послать ихъ, перехватывать непріятельскія суда на Южномъ морѣ. Онѣ поручены въ команду *Вуду Роджерсу*; а съ нимъ былъ также и славный мореплаватель Вильгельмъ *Дампіеръ*, которой служилъ ему кормчимъ, бывши уже три раза на морѣ Южномъ, и совершивши два путешествія около свѣта. Они подняли якорь 2 го Августа 1708 года, и выѣхали изъ Бристоля. Десятаго Генваря слѣдующаго года находились уже въ сторонѣ южнаго полюса на 61 градусѣ, 53 минутѣ

южной *широты*, тамъ, гдѣ ночи уже не было. Можетъ быть ни одинъ мореплаватель не достигалъ такъ далеко на югъ; и они сами далѣе не подавались.

Въ этомъ мѣстѣ хвастается Роджерсъ, по обыкновенію многихъ мореплавателей, что никто не достигалъ далѣе его на югъ. Почти всѣ ищутъ присвоить себѣ эту честь; но вѣроятно, что никто не можетъ оспорить ее у Адмирала Драка, кромѣ одного Вильгельма *Дависа*, который доѣхалъ даже до 63 градуса. Роджерсъ миновалъ Капъ-Горнъ, не приставая къ землѣ нигдѣ въ сихъ мѣстахъ, пока наконецъ остановился у острова *Жуана Фернандеца* (1), и послалъ пинассу на берегъ; скоро возвратилась она со множествомъ раковъ, да сверхъ того привезла одного человѣка, одѣтаго козьими кожами, гораздо дичае, нежели сами дикія козы. Приключенія сего дикаря, также Индѣйскаго Москита, оставленнаго на томъ же островѣ, подали матерію къ сочиненію Англійскаго романа *Робинзона Крузе*, котораго по странности приключеній всѣ читаютъ съ такимъ любопытствомъ, а особливо молодые люди. Сей романъ сочиненъ *Даніиломъ де Фое* въ 1791 году; всеоб-

щее одобренїе побуждаетъ насъ сообщить здѣсь, слѣдуя Роджерсу, вѣрное историческое происшествїе, относительно до вымышленнаго Робинзона. Роджерсъ не столько распространяется о семъ предметѣ, сколько мы за нужное почли объ немъ говорить въ семъ мѣстѣ; многїя обстоятельства выбрали мы изъ Журналовъ Эдуарда Кука, Роберта Ладе и другихъ путешественниковъ.

„На кораблѣ ле Сенкъ-Портъ, говоритъ Роджерсъ, былъ шкиперъ Александръ *Селкиркъ*, родомъ изъ Шотландїи; Капитанъ того корабля, *Штрадлингъ*, покинулъ его на семъ островѣ за четыре года и четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Капитанъ Дампїеръ, бывшїй тогда также съ ними, сказалъ мнѣ, что этотъ Шотландецъ былъ наилучшїй человѣкъ на томъ кораблѣ; почему я и согласился принять его къ себѣ унтеръ-шкиперомъ. Этотъ доброй Шотландецъ какъ скоро примѣтилъ нашъ корабль, тотчасъ развелъ большой огонь на берегу, и мы его примѣтили. Во время его тамошняго пребыванїя видалъ онъ и много кораблей, но только два изъ нихъ приставали къ острову. Не зная, какой нацїи прибывшїе мореплаватели, онъ приближил-

ся къ нимъ, чтобы то разсмотрѣть. Это были Ишпанцы; нѣкоторые изъ нихъ вышли уже на берегъ, и какъ скоро его увидѣли, тотчасъ погнались за нимъ, стрѣляли въ него и преслѣдовали въ лѣса, гдѣ удалось ему влѣзть на дерево и тамъ скрыться. Его не примѣтили, хотя и часто ходили около того мѣста, и много застрѣлили козъ передъ его глазами. Впрочемъ онъ признавался намъ, что лучше бы согласился отдаться Французамъ, естьли бы ихъ корабль присталъ къ тому берегу, и даже охотнѣе бы умеръ на семъ островѣ, нежели достаться Ишпанцамъ, которые непремѣнно умертвили бы его, или осудили бы на вѣчную муку въ своихъ рудокопахъ, боясь, чтобъ онъ не сообщилъ иностранцамъ извѣстій о Южномъ морѣ.

„Онъ объявилъ намъ также, что родился въ Ларго, въ Провинціи Фифѣ, что въ Шотландіи; съ самаго малолѣтства возросъ и воспитанъ на морѣ; а по случаю нѣкотораго несогласія съ Капитаномъ Штрадлингомъ, оставленъ былъ на семъ островѣ. Сперва онъ самъ хотѣлъ остаться на немъ, частію для того, чтобы избѣжать новыхъ досадъ и огорченій, а частію для того, что

опасался худаго состоянія, въ какомъ тогда корабль ихъ находился. Но послѣ пришедши въ себя, желалъ онъ возвратиться назадъ; однако Капитанъ никакъ на то не согласился. Онъ и прежде уже бывалъ на семъ острову при другомъ путешествіи, и запасался тамъ водою и дровами. Въ то время оставили тамъ двухъ человѣкъ, которые жили шесть мѣсяцевъ и дождались возвращенія своего корабля, отправившагося въ Южное море, но прогнаннаго двумя Французскими кораблями, коихъ случилось ему встрѣтить.

„Какъ бы то ни было, Селкиркъ принужденъ былъ оставаться на семъ острову; ему дали его платье, постель, ружье, фунтъ пороху, пуль, табаку, топоръ, ножъ, котелъ, библію и нѣсколько другихъ назидательныхъ книгъ, его инструменты и его навигаціонныя книги. Такимъ образомъ старался онъ развлечь себя и доставать нужныя потребы, какъ лучше могъ. Въ первые восемь мѣсяцовъ стоило ему великаго труда прогонять меланхолію и преодолѣть страхъ, какой причиняло ему ужасное уединеніе. Онъ сдѣлалъ себѣ двѣ хижины въ недальнемъ разстояніи одна отъ другой, покрылъ ихъ тростникомъ

и обилъ козьими кожами, пока пороху у него достало, и онъ могъ стрѣлять козъ. Когда же порохъ изошелъ, то онъ выдумалъ средство доставать себѣ огонь, терши два куска дерева одинъ объ другой. Меньшая хижина служила ему вмѣсто кухни, а въ большой онъ спалъ, пѣлъ псалмы и молился Богу; никогда въ жизни своей не бывалъ такимъ ревностнымъ Христіаниномъ, и впредь не надѣялся быть. Удрученный горестію, не имѣя ни хлѣба, ни соли, онъ ѣлъ только тогда, когда нестерпимой голодъ его мучилъ, и не прежде ложился спать, пока не въ силахъ уже былъ бодрствовать. Ароматической запахъ перцовыхъ деревъ нѣсколько подкрѣплялъ его, и тѣ же деревья служили ему для варенія говядины, и для его освѣщенія.

„Тамъ не было недостатку въ рыбахъ; однако онъ боялся ихъ ѣсть безъ соли, ибо онѣ были для него не здоровы. Но за то употреблялъ въ пищу рѣчныхъ раковъ, которые тамъ отмѣнно вкусны и столько же велики, какъ морскіе. Онъ ихъ и варилъ и жарилъ, также и козье мясо, изъ котораго приготовлялъ прекрасный бульонъ. Онъ убилъ до пятисотъ козъ, да столько же намѣтилъ на ушахъ. Это подтвер-

ждено экипажемъ Адмирала Ансона, спустя тридцать три года после того; они приставши къ сему острову, убили одну старую козу съ намѣткою на ухѣ, а послѣ и много другихъ такихъ же.

„Когда весь порохъ у него изошелъ, то онъ ловилъ козъ, гоняясь за ними, а чрезъ то привыкъ бѣгать съ невѣроятною скоростїю по лѣсамъ и утесамъ. Мы сдѣлали опытъ, пославши его на охоту съ лучшими изъ нашихъ бѣгуновъ и съ собакою, которая была у насъ на кораблѣ, выученная сражаться съ быками. Онъ всѣхъ ихъ опередилъ и людей и собаку, ловилъ козъ и приносилъ къ намъ на спинѣ. Однажды, какъ онъ сказывалъ, эта скорость едва не стоила ему жизни. Онъ гонялся за козою и поймалъ ее, не примѣтя, что стоитъ на краю пропасти; кустарники скрывали отъ него бездну. Бросившись съ великимъ жаромъ на свою добычу, онъ низвергся въ пропасть вмѣстѣ съ нею, и отъ сего паденїя потерялъ и память и чувства; наконецъ пришедши въ себя, нашелъ козу мертвую подъ собою. Почти цѣлые сутки не могъ сойти съ мѣста; съ великимъ трудомъ доползъ до своей хижины, которая отстояла оттуда

за милю, и не въ силахъ былъ вытти изъ нее почти десять дней.

„Отъ долговременнаго навыка научился онъ ѣсть мясо безъ хлѣба и безъ соли, и оно казалось ему не менѣе вкусно. Кромѣ того нашелъ рѣпу, которая вѣроятно насажена тамъ экипажемъ какого нибудь корабля; нѣсколько десятинъ заняты ею. Онъ срывалъ также капусту и приправлялъ ее Индѣйскимъ перцомъ, которой совершенно сходенъ съ перцомъ Ямайкскимъ, и имѣетъ весьма пріятный запахъ. Онъ нашелъ тамъ также родъ чернаго перцу, называемаго *Малагита*, которой весьма полезенъ для унятія вѣтровъ въ желудкѣ, и для излѣченія колики.

„Скоро обветшало платье его и башмаки отъ частаго бѣганія по лѣсамъ и кустарникамъ; но за то ноги у него такъ окрѣпли, что онъ могъ бѣгать босой, не чувствуя ни малѣйшей боли; даже и послѣ трудно ему было привыкнуть къ башмакамъ: какъ скоро онъ ихъ надѣвалъ, то ноги у него пухли.

„Исцѣлившись отъ своей меланхоліи, онъ часто забавлялся тѣмъ, что вырѣзывалъ на деревьяхъ свое имя и тотъ день, въ которой подвергся ссылкѣ; пѣвалъ и пріучалъ кошекъ и

козленковъ танцовать съ собою. Кошки и мыши сначала вели съ нимъ жестокую войну; сіи животныя вѣроятно забѣжали сюда изъ какого нибудь корабля, пристававшаго къ сему острову для запасенія себя водою и лѣсомъ; но послѣ онѣ расплодились до невѣроятнаго множества. Когда онъ спалъ, то мыши прибѣгали грызть ему ноги и платье. А чтобъ себя съ этой стороны обезпечить, то онъ вздумалъ приманить къ себѣ кошекъ, прикармливая ихъ козьимъ мясомъ. Отъ того они такъ къ нему привыкли, что цѣлыми сотнями сыпáли около его хижины, и скоро защитили его отъ общихъ непріятелей. Такимъ образомъ содѣйствіемъ Провидѣнія и собственною крѣпостію своей молодости (ибо мы его нашли въ самомъ лучшемъ возрастѣ: ему едва ли было еще тридцать лѣтъ), преодолѣлъ онъ всѣ неудобства своего печальнаго уединенія, и послѣ сталъ уже проводить жизнь не безъ удовольствія.

„Когда платье его совсѣмъ уже не годилось, то онъ сшилъ себѣ изъ козьихъ кожъ одежду самую узкую, точно по тѣлу, да изъ нихъ же сдѣлалъ колпакъ; гвоздь служилъ ему вмѣсто иглы, а тоненькіе ремешки, вырѣзы-

ваемые изъ тѣхъ же кожъ, вмѣсто нитокъ. Изъ бѣлья, сколько у него оставалось, надѣлалъ себѣ рубахъ, и сшивалъ ихъ нитками изъ распущенныхъ ветхихъ чулковъ; у него была уже послѣдняя рубашка въ то время, какъ мы застали его на семъ островѣ. Когда ножикъ его сдѣлался совсѣмъ негоднымъ къ употребленію, то онъ надѣлалъ себѣ новыхъ изъ кусковъ желѣза, найденныхъ на берегу; сколько можно лучше ихъ утонилъ и точилъ на камняхъ.

„Говорить почти совсѣмъ забылъ; слова произносилъ только до половины, и сначала весьма трудно было его понимать. Мы поднесли ему водки; но онъ не хотѣлъ ее пить, боясь, чтобъ она ему не повредила, потому что онъ привыкъ пить одну воду. Точно также трудно ему было привыкать къ нашимъ кушаньямъ, и онъ долго не находилъ въ нихъ вкусу.

„Кромѣ того, что мы уже упомянули о произведеніяхъ сего острова, Селкиркъ говорилъ намъ еще о небольшихъ черныхъ сливахъ, отмѣннаго вкусу; но какъ онѣ растутъ на вершинахъ горъ и утесовъ, то доставать ихъ весьма трудно. Тамъ растутъ множество деревъ перцовыхъ, и мы ви-

дѣли нѣкоторыя въ шестьдесятъ футовъ вышиною и въ два аршина въ окружности. Растѣнія, на которыхъ родится хлопчатая бумага, гораздо выше на семъ островѣ, нежели бываютъ обыкновенно, и ихъ стебли имѣютъ въ окружности около четырехъ саженей.

„Климатъ на семъ островѣ столько благорастворенъ, что деревья и растѣнія не теряютъ своей зелени въ продолженіе всего года. Только два мѣсяца продолжается зима, въ Іюнѣ и въ Іюлѣ; однако и въ сіе время бываетъ только небольшая стужа и падаетъ градъ; иногда льютъ сильные дожди. Лѣтомъ жары умѣренны и постоянны; рѣдко бываютъ бури. Нашъ Шотландецъ не видалъ тамъ ни одной ядовитой твари, ниже другихъ звѣрей, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже упомянули.

„Жанъ Фернандецъ первой оставилъ на семъ островѣ нѣсколько козъ для разводу, а теперь они расплодились до невѣроятнаго множества. Онъ поселился тамъ съ нѣсколькими фамиліями своей націи, и жилъ до тѣхъ поръ, пока Хили покорена стала Гишпанцами; послѣ чего онъ самъ туда переселился, въ надеждѣ умножить

тамъ свое имущество. Положенїе сего острова и его плодородїе весьма пособствуютъ тому, что его можно укрѣпить, и множество людей нашли бы тамъ себѣ пропитанїе; такъ что трудно бы было переселять оттуда тѣхъ, которые бы единожды тамъ поселились.

„Какъ бы то ни было, только изъ словъ Селкирка довольно видно, что онъ жилъ тамъ добрымъ Христїаниномъ, и въ этомъ случаѣ объявилъ намъ самую правду. Провидѣнїе хранило его, отверженнаго всѣмъ обществомъ человѣческимъ. Сверхъ того изъ его примѣру явствуетъ, что уединенїе и удаленїе отъ свѣта не есть такое зло, какимъ представляютъ себѣ его премногїе; а особливо, когда неизбѣжной случай приведетъ насъ къ тому. Вспомнимъ еще и ту истинну, что одно нещастїе не рѣдко бываетъ избавленїемъ отъ другаго большаго; ибо тотъ корабль, на которомъ Селькиркъ находился, вскорѣ послѣ того претерпѣлъ кораблекрушенїе, и почти весь экипажъ его погибъ. Не явно ли Промыслъ Вышнїй хотѣлъ спасти бѣднаго Шотландца? Съ другой стороны, когда вообразимъ, какъ Селькиркъ трудолюбїемъ своимъ преодолѣлъ всѣ пре-

пятствія и невыгодности своей жизни, какъ онъ доставлялъ себѣ всѣ нужныя потребы: то конечно признаемся, что нужда есть мать трудолюбія и искусствъ. Наконецъ не забудемъ и того, что когда Селкиркъ жилъ на островѣ, соблюдая крайнюю во всемъ умѣренность, трезвость и воздержаніе, тогда здоровье его было крѣпче, силы неистощимы; но послѣ, возвратившись въ общество людей, къ прихотямъ и роскоши, потерялъ онъ много прежней своей крѣпости и дѣятельности: убѣдительное доказательство той истинны, что самая простая натуральная пища и умѣренность во всемъ хранятъ здравіе тѣлесное и подкрѣпляютъ силы душевныя; напротивъ того наши многоразличныя яствы, наши напитки, особливо употребляемые сверхъ мѣры, губятъ и то и другое.„ —

Селкиркъ не первой былъ оставленъ на островѣ Жуанъ-Фернандецѣ, когда нашли его въ 1709 году. Капитанъ Вильгельмъ Дампіеръ въ Журналѣ своемъ, изданномъ въ свѣтъ о путешествіи Капитана *Шарпа* и другихъ Флибустійцевъ по морю Южному, въ 1680 и 1681 годахъ, упоминаетъ также объ одномъ Индѣйцѣ Москитѣ, по имени *Вилѣ*, бывшемъ на кораблѣ

Капитана *Ватлинга*, и оставленномъ на семъ острову въ 1681 году. Мы надѣемся, что не поскучимъ Читателю, разсказавъ, при какомъ случаѣ онъ тамъ оставленъ, и какъ онъ тамъ жилъ: это повѣствованіе займетъ его пріятнымъ образомъ.

Буканійцы и Флибустійцы Англійскіе и Французскіе, причинившіе столь много разореній Ишпанцамъ въ Америкѣ, съ 1675 года до Утрехтскаго мира въ 1714 году, выходили иногда изъ тѣхъ острововъ и портовъ, въ которыхъ они скрылись, и производили свои грабительства.

Въ 1680 году, Компанія Англійскихъ Флибустійцевъ, отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, подъ командою Капитановъ *Шарла*, *Коксона* и *Заукинса*, приняли намѣреніе пройти перешеекъ Даріенской, и грабить Ишпанскіе города и селенія, какіе попадутся имъ на пути. Дампіеръ присоединился къ нимъ въ 1689 году.

„Послѣ нѣсколькихъ дней пути, говоритъ онъ, подступили мы къ городу Сентъ-Маріи, и заняли его, почти не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; однако нашли въ немъ мало добычи. Продолжали путь свой далѣе; тщетно покушались нѣсколько разъ атаковать

городъ Пуобла Нову; на сихъ приступахъ потеряли мы своего Капитана Закинса, которой нами тогда командовалъ, и многихъ другихъ. Принуждены были отступить, и провели нѣсколько времени на островахъ сосѣдственныхъ Квибо. — Тутъ перемѣнили свое намѣренїе; нѣкоторые изъ нашей партїи оставили насъ; а мы въ числѣ сто сорока шести человѣкъ сѣли на корабль, и направили путь на югъ къ Перувїанскимъ берегамъ, намѣреваясь въ тѣхъ странахъ продолжать грабительства.

„Въ продолженїе нашего плаванїя, мы дѣлали частыя высадки и завладѣли многими кораблями и барками Ишпанскими. Недостатокъ въ водѣ и лѣсу принудилъ насъ пристать, втораго Декабря, къ гаванѣ Кокимбо; на другой день мы подошли къ городу ла Серена, и взяли его, хотя не безъ сопротивленїя; а какъ жители обманули насъ, не сдержавши своего слова откупиться отъ грабительства: то мы городъ зажгли. Наконецъ около Святокъ находились мы въ виду острова Фернандеца. 26 го Декабря, корабль нашъ сталъ на якорѣ у восточнаго берегу сего острова, дабы запастись

водою и наловить козъ, коихъ частїю мы посолили.

„Во время нашего пребыванїя на семъ острову, раздоръ, начавшїйся между нами съ давняго уже времени, дошелъ до того, что Капитанъ Шарпъ арестованъ и лишенъ команды по большинству голосовъ. Его мѣсто занялъ Іоаннъ Ватлингъ, старой Буканїецъ, которой прїобрѣлъ себѣ славу смѣлаго мореплавателя.

„Мы почти уже запаслись водою и козами, какъ вдругъ, 12 го Генваря 1681 года, увидѣли три Ишпанскїе военные корабля, объѣжжавшїе тотъ островъ. Не будучи въ состоянїи противиться такой превосходной силѣ, мы немедленно сѣли на корабль и удалились; одинъ только Виль остался въ лѣсахъ, пошедши на ловлю козъ. Тщетно Ишпанцы гнались за нами; нашъ корабль ушелъ отъ нихъ, будучи легокъ на ходу.„ —

Мы не станемъ здѣсь описывать экспедицїю Капитановъ Ватлинга и Шарпа; ибо сїе повѣствованїе не можетъ быть прїятно и любопытно для нашихъ Читателей. А вмѣсто того предложимъ здѣсь, какъ спустя три года послѣ сего нашли Виля, оставленнаго на семъ острову; опишемъ образъ

его жизни во время сего уединенія на необитаемомъ острову; наконецъ объяснимъ, что это за нація, Москиты.

Въ мѣсяцѣ Августѣ 1683 года, партія Англійскихъ Флибустійцовъ, въ числѣ семидесяти человѣкъ, къ которымъ присоединился и Дампіеръ, выѣхала на кораблѣ изъ Ахамака, Виргинскаго города, подъ командою Капитана *Кука*, дабы крейсировать у береговъ Хили и Перу.

„Я не буду останавливаться, говоритъ Дампіеръ, описывая подробно наше плаваніе и всю экспедицію; замѣчу только, что въ половинѣ Ноября мы направили путь къ проливу Магелланскому, и выперпѣвши много противныхъ бурь и вѣтровъ, пристали, 23го Марта 1634 года, къ острову Фернандецу, и бросили якорь въ одномъ заливѣ на южномъ его берегу. Тотчасъ спустили въ море шлюпку, и поспѣшили сойти на землю, чтобы навѣдаться о томъ Москитѣ, котораго мы прежде въ 1681 году оставили тутъ, когда Испанцы насъ отсюда прогнали.

Сей Москитъ жилъ на этомъ острову болѣе трехъ лѣтъ, совершенно одинъ, и хотя Испанцы многократно старались отыскать его, зная, что онъ здѣсь оставленъ, однако всѣ ихъ поиски

были безуспѣшны. Онъ зашелъ далеко въ лѣса, и занимался ловлею козъ въ то время, какъ экипажъ сѣлъ на корабль. Сигналовъ къ отъѣзду совсѣмъ не примѣтилъ, и когда возвратился на берегъ, то корабль удалялся уже отъ острова на всѣхъ парусахъ. У него было только ружье и ножикъ, да небольшой рожокъ пороху и дроби. Издержавши весь порохъ и дробь, нашелъ онъ средства, съ помощію своего ножа, которой онъ сдѣлалъ на подобіе пилы, распиливать въ куски дуло у ружья, и дѣлать крюки, уды и большой ножь. Огонь разводилъ съ помощію кремня и отломка отъ дула, закаливши прежде сей отломокъ, какъ-то онъ научился у Англичанъ. Отпиленные желѣзные куски сперва раскалялъ онъ на огнѣ, потомъ билъ ихъ камнями, и симъ способомъ давалъ имъ, какую хотѣлъ, фигуру. Иному покажется это удивительно, кто не знаетъ искусства Индѣйцевъ; но это почти обыкновенное ихъ дѣло, и они приготовляютъ свои орудія для рыбной ловли безъ всякой кузницы и наковальни; только надобно признаться, что употребляютъ на то много времени.

„Такимъ образомъ Виль своимъ трудолюбіемъ открылъ себѣ дорогу

наслаждаться всѣми произведеніями сего острова. Онъ намъ сказывалъ, что прежде, когда у него не было еще удокъ, долженъ былъ ѣсть морскихъ тюленей, самая дурная пища! Но послѣ онъ убивалъ уже тюленей только для того, что ихъ кожи ему нужны были на разныя потребы. За полмили отъ моря построилъ себѣ хижину и покрылъ ее козьими кожами; сдѣлалъ также кровать, и тѣ же кожи служили ему вмѣсто постели. У него было только одно платье; когда оно износилось, то онъ сталъ обвязывать себя простою кожею по поясъ. Онъ усмотрѣлъ нашъ корабль за день передъ нашею высадкою; и не сомнѣваясь, что мы Англичане, убилъ на другой день поутру трехъ козъ, прежде нежели мы успѣли сойти на землю; изжарилъ ихъ съ капустою и намѣренъ былъ насъ попотчивать. Почему и дожидался насъ на приморскомъ пескѣ, чтобы поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ.

„Какъ скоро мы пристали къ берегу, то одинъ Москитъ Индѣецъ, по имени *Робинъ*, бывшій съ нами, выскочилъ первой на землю, и прибѣжавши къ своему соотечественнику, растянулся передъ нимъ ничкомъ; Виль его поднялъ, и обнявши его, самъ бросил-

ся къ его ногамъ также ничкомъ, и былъ поднятъ Робиномъ. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли на сію нѣжную церемонію, и утѣшались тѣмъ восторгомъ, какимъ преисполнены были сердца сихъ грубыхъ людей при ихъ свиданіи. Когдажъ ихъ учтивства кончились, то и мы подошли къ восхищенному Москиту, обняли его, и онъ былъ внѣ себя отъ радости, увидя старыхъ своихъ друзей, и воображая, что мы нарочно за нимъ пріѣхали. Тотъ изъ нихъ, которой былъ оставленъ на островѣ, назывался *Вилъ*, а другой Робинъ. Эти имена получили они отъ Англичанъ; ибо у нихъ нѣтъ совсѣмъ никакихъ именъ, и они почитаютъ это великою милостію, когда Европейцы дадутъ имъ какое нибудь имя, принявши на корабль; естьлижъ откажутся назвать ихъ какъ нибудь, то они жалуются, почитая себя бѣдными тварями, безъименными. „ —

Москиты, нація извѣстная изъ путешествій Англійскихъ, живутъ въ области Южной Америки, близъ Мыса де *Граціасъ а Діосъ*, между Мысомъ Ондюрасъ и провинціею Никарагуа. Сіи Индѣйцы ростомъ велики, собою статны, проворны и сильны; лице у нихъ длинное, волосы черные, цвѣтъ кожи

смуглый; зрѣнїе такъ проницательно, что они весьма далеко видятъ корабль, и всѣ предметы различаютъ гораздо лучше всякаго Европейца. Умѣютъ весьма искусно бросать копье, острогу, или другое метательное оружїе; съ самаго дѣтства бываютъ къ тому прїучаемы. Приставши къ Европейцамъ, скоро привыкаютъ употреблять и огнестрѣльное оружїе, и дѣлаются искусными стрѣлками. Въ сраженїи отмѣнно храбры, и никогда не отступаютъ, будучи совершенно увѣрены, что Бѣлые знаютъ лучше ихъ, когда сражаться и когда отступать. Москиты всегда противились оружїю Ишпанцевъ, смертельныхъ своихъ непрїятелей. У нихъ нѣтъ никакого постояннаго образа правленїя, однако они признаютъ Короля Англїйскаго своимъ Государемъ. По ихъ смѣлости и искусству въ рыбной ловлѣ и звѣриной охотѣ, Европейцы отмѣнно ихъ уважаютъ, и мореплаватели всегда стараются привлечь ихъ къ себѣ; и это не безъ причины: ибо одинъ или двое такихъ Москитовъ на кораблѣ могутъ кормить сто человѣкъ. И для того Флибустїйцы Англїйскїе и Французскїе никогда не производили своихъ набѣговъ, не имѣя при себѣ хотя одного Москита.

Какъ скоро такой Индѣецъ выслужитъ три или четыре года, и научится по Англійски или по Французски: то возвращается въ свое отечество, не требуя другой награды, кромѣ желѣзныхъ инструментовъ; а золото и всѣ Европейскія драгоцѣнности у нихъ въ презрѣніи. Пока они находятся съ Европейцами, то носятъ Европейское платье; но какъ скоро возвратятся въ свою землю, тотчасъ одѣваются по своему, то есть, повязываютъ около пояса холстину, которая достаетъ до колѣнъ.

Изъ новѣйшихъ повѣствованій видно, что Москиты больше привязаны къ Англичанамъ, нежели къ Французамъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

(1) Островъ *Жуанъ-Фернандецъ* находится на Южномъ морѣ на 33°, 40' полуденной широты, за сто десять миль разстояніемъ отъ Хили. Длина его отъ четырехъ до пяти миль, а ширина около двухъ. Сей островъ необитаемъ, однако весьма плодороденъ. Адмиралъ Ансонъ, въ повѣствованіи о своемъ путешествіи около свѣта, въ 1740 году, сообщилъ о семъ островѣ любопытное описаніе.

V.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ,

Претерпѣнное Графинею Боуркъ, у береговъ Жижери, въ Королевствѣ Алжирскомъ; и приключенія дѣвицы Боуркъ, ея дочери, въ 1719 году.

Графъ *Боуркъ*, чиновникъ Ирландской, находившійся въ Ишпанской службѣ, назначенъ отъ сего Двора чрезвычайнымъ Посланникомъ ко Двору Шведскому. Супруга его, жившая тогда во Франціи съ своею фамиліею, рѣшилась при семъ случаѣ ѣхать въ Мадритъ, чтобъ тамъ застать еще своего мужа. Она испросила пашпортъ, дабы отправиться туда со всею своею фамиліею, кромѣ одного только сына лѣтъ трехъ или четырехъ, котораго она оставила у Маркизы *Варанъ*, своей матери. Она пріѣхала въ Авиньонъ; тамъ присоединился къ ней Маркизъ *Варанъ*, ея братъ, бывшій начальникъ корабельной, и провожалъ ее даже до Монпельера. Въ этомъ послѣднемъ городѣ отсовѣтовали ей продолжать свою

поѣздку сухимъ путемъ среди Французской и Ишпанской армій, хотя Фельдмаршалъ Бервилъ и предлагалъ ей, что онъ доставитъ всѣ возможныя пособія, какія только отъ него зависѣли, чтобъ она безопасно достигла даже до границъ Ишпаніи; а сынъ его Маркизъ Бервикъ обѣщалъ также съ своей стороны дать ей нужное прикрытіе отъ границъ даже до Гироны, гдѣ онъ командовалъ войсками Короля Французскаго. Опасность ѣхать посреди арміи заставила ее послѣдовать совѣту другихъ, которые предлагали, что лучше ей, не подвергаясь такимъ ужасамъ и лишнимъ издержкамъ, сѣсть на корабль въ Сетѣ (*), откуда можно въ 24 часа пріѣхать въ Барцеллону. Она приняла сіе намѣреніе тѣмъ удобнѣе, что не одинъ уже разъ ѣздила моремъ. Тотчасъ перемѣнили пашпортъ, и она отправилась въ Сету. Здѣсь нашли много Французскихъ барокъ; но какъ мѣсто ихъ назначенія была не Ишпанія, то принуждена была нанять Генуэзскую тартану, кото-

---

(*) *Сета* (Cette), городъ въ Нижнемъ Лангедокѣ, съ гаванью при морѣ Средиземномъ. Отсюда-то начинается Лангедокской каналъ.

рая тогда готова была поднять парусы, отправляясь въ Барцеллону.

Госпожа *Боуркъ* сѣла на сїю тартану съ сыномъ своимъ, которой былъ тогда осьми лѣтъ, съ дочерью девяти лѣтъ и десяти мѣсяцовъ. Кромѣ того Аббатъ де *Боуркъ*, горнишная дѣвушка, родомъ изъ Валанса, что въ Дофинѣ; надзирательница надъ дѣтьми; молодая дѣвица, которую она приняла къ себѣ изъ человѣколюбїя; еще горнишная дѣвушка изъ Стразбурга; управитель; лакей: — съ другими двумя, составляли всю ея свиту. Она взяла съ собою разную мебель и много драгоцѣнностей: между прочимъ богатую серебряную посуду, портретъ Короля Ишпанскаго въ рамѣ изъ массивнаго золота, осыпанной алмазами, великолѣпная церковная утварь: какъ-то, три чаши и богатѣйшїя украшенїя; шесть паръ придворныхъ платьевъ, и проч. Все сїе было заперто въ семнадцати баулахъ.

Тартана подняла парусы 22 го Октября 1719 года. Того же мѣсяца въ 25 й день на разсвѣтѣ увидѣли разбойническое судно о четырнадцати пушкахъ, коего Капитанъ былъ Голландской ренегатъ. Судно сїе показалось почти за двѣ мили отъ тартаны, которая тогда находилась на высотѣ и

въ виду береговъ Паламосскихъ. Разбойнической Капитанъ желая овладѣть тартаною, отрядилъ шлюпку съ 20 ю человѣками вооруженныхъ Турокъ. Сіи приплывши, сдѣлали семь или восемь ружейныхъ выстрѣловъ; однако никого не могли ранить, потому что экипажъ легъ навзничь, а иные спрятались. Послѣ чего Турки взошли на тартану съ саблями въ рукахъ; одинъ изъ нихъ далъ ею два удара слугѣ Госпожи Боуркъ. Потомъ вошли въ кормовую каюту, въ которой была Графиня, и приставили къ ней четырехъ караульныхъ. Наконецъ повели тартану къ разбойническому судну. Въ сіе время Турки грабили все повсюду. Нашедши окороки, бросили ихъ въ море; но паштеты всѣ съѣли съ великою жадностію, и бросили въ море очень не много изъ оставшихся: вино и водку пили безъ мѣры.

Приплывши къ разбойническому судну, тотчасъ перевели на него весь Генуэзской экипажъ, и оковали его цѣпьми. Послѣ чего Капитанъ взошелъ на тартану и явился въ каюту Гжи. Боуркъ; спросилъ ее, кто она такова, изъ какой націи, откуда ѣдетъ и куда? Она отвѣчала, что Француженка, ѣхала изъ Франціи въ Ишпанію. Онъ

потребовалъ ея пашпортъ, и она его показала, не выпуская однако изъ рукъ: ибо боялась, чтобъ сіи варвары его не изорвали. Но когда разбойникъ увѣрилъ ее, что онъ вѣрно возвратитъ его разсмотрѣвши: то Графиня согласилась ему отдать. Корсаръ прочитавши пашпортъ съ своимъ переводчикомъ, возвратилъ его Графинѣ, и сказалъ, что онъ хорошъ, и что ей нѣчего опасаться ни о себѣ, ни о своей свитѣ, ниже о вещахъ ей принадлежавшихъ. Госпожа Боуркъ представляла ему, что будучи свободна по своему пашпорту и по рожденію, желаетъ, чтобъ онъ велѣлъ отвезть ее на берега Ишпанскіе, отъ которыхъ они были очень близко; припоминала, что онъ обязанъ учинить такое уваженіе Французскому пашпорту; что исполнивши сіе, онъ избавитъ ее отъ множества безпокойствъ, а ея супруга отъ смертельныхъ заботъ; прибавила также, что естьли онъ окажетъ ей сію услугу, то она будетъ умѣть возблагодарить его за то. Корсаръ отвѣчалъ, что будучи ренегатомъ, ему никакъ не возможно склониться на ея представленіе; что онъ будетъ отвѣчать за то головою; что Алжирской Дей легко можетъ подумать, будто

онъ, подъ предлогомъ Французскаго пашпорта, отпустилъ фамилїю непрїятельскую его Государству, и отвезъ ее въ Христїанскую землю; онъ присоединилъ, что ей непремѣнно должно слѣдовать за нимъ въ Алжиръ; что тамъ представитъ онъ какъ ее, такъ и ея пашпортъ Дею; послѣ чего поручатъ ее Французскому Консулу, которой отправитъ ее въ Ишпанїю, какъ ему и ей наилучше покажется. Потомъ предложилъ ей на выборъ, или перейти къ нему на судно, или остаться на тартанѣ, на которой она будетъ гораздо свободнѣе и спокойнѣе, нежели на его суднѣ; совѣтовалъ однако предпочесть лучше сїе послѣднее: ибо не прилично было бы ввѣрять и себя и всѣхъ дѣвицъ, ее сопровождавшихъ, Туркамъ и Арапамъ, которыхъ на его караблѣ было около двухъ сотъ человѣкъ. Госпожа Боуркъ рѣшилась остаться на тартанѣ; и такъ Капитанъ привелъ туда только семерыхъ Турокъ или Араповъ для маневровъ; привязалъ тартану къ своему судну, чтобы тащить ее за собою, и снялъ съ нея шлюпку, три якоря и всю провизїю, выключая той, какая принадлежала Госпожѣ Боуркъ. Послѣ сего Корсаръ направилъ путь къ Алжиру.

Графиня подарила ему свои часы; также дала другïе съ четырьмя луидорами Туркѣ, командовавшему на тартанѣ.

28, 29 и 30 го, продолжалась страшная буря, во время которой канатъ, коимъ привязана была тартана къ кораблю, оторвался. Командовавшïй на ней и другïе Турки были неискусны въ навигацïонныхъ маневрахъ, (ибо Корсаръ посадилъ на тартану не изъ лучшихъ мореплавателей), да при томъ и не имѣли компаса: ибо бывшïй на тартанѣ, разбитъ во время бѣшенаго ихъ грабительства. И такъ они предались на волю вѣтровъ и волнъ. Однако тартана благополучно принесена была къ берегу Варварïи, въ заливъ называемый *Коло*, къ востоку отъ Жижери (1), что случилось перваго Ноября. Тутъ бросили якорь, и командовавшïй тартаною, не зная, какая то земля, послалъ вплавь двухъ Араповъ, чтобъ навѣдаться о томъ отъ жителей.

Арапы изъ окружныхъ мѣстъ увидя тартану, собрались на берегъ въ великомъ числѣ, будучи всѣ вооружены; намѣренïе ихъ было противиться высадкѣ: ибо они думали, что это судно Христïанъ, которые при-

шли похитить ихъ скотъ. Но оні выведены были изъ сего заблужденія посланными съ тартаны Арапами: сіи увѣрили ихъ, что это судно отнято у Христіанъ, и что на немъ сидитъ знатная Французская Принцесса, которую везутъ въ Алжиръ. Одинъ изъ Араповъ остался на берегу, а другой возвратился отдать отчетъ командовавшему тартаною, и объявилъ ему, къ какой странѣ они пристали, и далеко ли отъ сего мѣста до Алжира. По причинѣ жестокой бури, продолжавшейся нѣсколько дней, они миновали сей городъ. По сему извѣстію командовавшій, желая нетерпѣливо пріѣхать въ Алжиръ, и соединиться съ своимъ Корсаромъ, не хотѣлъ ждать поднятія якоря, а тотчасъ велѣлъ его отрубить, и пустился въ путь безъ якоря, безъ шлюпки и компаса.

Не далѣе, какъ за полмили отъ сего залива, заплатилъ онъ дорого за свое безразсудство: поднялся противный вѣтеръ, и пригналъ его опять къ землѣ; не могши управить парусами, хотѣлъ онъ воспользоваться веслами; но за слабостію экипажа и тѣмъ пособить не могъ; не смотря на всѣ усилія, тартана ударилась о камень и разбилась. Вся корма пото-

нула въ одну минуту; и Графиня Боуркъ, которая была тамъ въ каютѣ, и возсылала мольбы къ Богу, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и горнишными дѣвушками, погибла въ морѣ. Прочїе бывшїе въ сторонѣ корабельнаго носа, между прочими Аббатъ де Боуркъ, Сиръ Арчюръ, Ирландецъ; домовой управитель, одна изъ горничныхъ дѣвушекъ и лакей, удержались за обломки, оставшїеся на подводной скалѣ.

Сиръ Арчюръ, увидя въ водѣ нѣчто бьющееся, кинулся туда и нашелъ, что это Госпожа Боуркъ, дочь Графини; онъ ее вытащилъ, и отдалъ на руки управителю, приказавши ему имѣть объ ней попеченїе, а самъ рѣшился броситься въ море: ибо только онъ одинъ умѣлъ плавать. Нещастный! для чего положился онъ на свою смѣлость? Онъ погибъ, и съ той минуты не видали его болѣе. Г. Аббатъ первой сошелъ съ отломкомъ тартаны на скалу, о которую она разбилась; нѣсколько времени держался тамъ, превозмогая силу волнъ; онъ воткнулъ ножъ въ расщелину камня, и за него ухватился. Много разъ волны покрывали его; даже онѣ выбросили его на сторону сухой скалы, откуда остава-

лось ему еще перейти небольшой рукавъ моря, чтобы добраться до берегу. Для сего хотѣлъ онъ схватить отломокъ доски, которая приплыла къ нему; но она вырвалась изъ его рукъ. Наконецъ онъ поймалъ весло, и съ помощїю его достигъ до утеса, соединеннаго съ твердою землею.

Бывшїе на берегу Арапы схватили его, ограбили, сорвали съ него платье даже до рубашки, и еще не преминули побить. Другїе же Арапы, въ большемъ числѣ, кинулись въ море, надѣясь достать богатую добычу. Управитель, у котораго на рукахъ была дѣвица Боуркъ, далъ знакъ двоимъ изъ нихъ, чтобъ они приближились; и какъ скоро они приплыли къ нему, то онъ съ великою силою бросилъ къ нимъ дѣвицу, и они приняли ее, одинъ за руку, другой за ногу; такимъ образомъ вытащили на берегъ, и только сняли съ нея башмакъ и чулокъ, въ знакъ того, что она оставалась ихъ рабою. Тотъ управитель, которой держалъ ее въ своихъ объятїяхъ, утверждаетъ всѣ обстоятельства сего плачевнаго приключенїя, и къ тому присоединяетъ, что дѣвица Боуркъ сказала ему въ то время, когда Арапы къ нимъ приближались: „Я не того боюсь, что сїи

„варвары умертвятъ меня; а только „страшусь, чтобъ они не заставили „меня перемѣнить религіи. Однако я „лучше готова умереть, нежели не „исполнить обѣтовъ, которые я дала „Богу.„ Управитель подкрѣплялъ ее въ сихъ благородныхъ чувствованіяхъ, и увѣрялъ, что онъ на то же рѣшился, къ чему она и его увѣщевала самымъ трогательнымъ образомъ.

Между тѣмъ горнишная дѣвушка и слуга бросились также въ море, гдѣ приняли ихъ Арапы, перевели черезъ воду, и вытащивши на берегъ, ограбили ихъ совершенно. Послѣ всѣхъ кинулся управитель, и старался помощію веревки перебираться съ одной скалы на другую. Къ нему присоединился Арапъ и ограбилъ его, прежде нежели вывелъ на берегъ.

Въ такомъ-то жалостномъ и срамномъ состояніи привели ихъ къ хижинамъ первой горы. Ихъ заставляли побоями итти по утесистымъ дорогамъ, отъ чего всѣ они избили себѣ ноги до крови. Больше всего достойна была жалости горнишная дѣвушка: она была почти вся въ крови; ибо получила множество ранъ, лазя по утесистымъ скаламъ. Сверхъ того навалили на каждаго изъ нихъ по кипѣ на-

мокшаго платья, и еще имъ же должно было попеременно нести девицу Боуркъ. Почти полумертвы пришли они къ хижинамъ, и были приняты съ громкими криками отъ Араповъ и ихъ детей. У сихъ варваровъ водилось много собакъ, которыхъ вообще великое множество въ сей земле; сiи животныя присоединили свой страшный лай къ крикамъ Араповъ. Одна изъ сихъ собакъ искусала ногу у беднаго лакея, а другая вырвала кусокъ тела изъ голени горнишной девушки. . . . . .

. . . Сiи нещастные были разделены между тиранами: горнишная девушка и лакей отданы одному Арапу изъ сего адуарда, или селенiя; а молодая Графиня, по милосердому промыслу Вышняго, досталась вместе съ Аббатомъ и управителемъ другому Арапу. Сей последнiй далъ каждому изъ своихъ невольниковъ по одной дрянной эпанче завшивленной; въ пищу, после такихъ тягостей, получили небольшой кусокъ пресного хлеба, сделаннаго изъ гречухи, и печенаго на горячемъ пепле; для питья дали имъ несколько воды, а постелью ихъ была голая земля. Управитель сжалившись надъ бедною Графинею, у которой все тело ныло отъ платья, вымокшаго въ

морской водѣ, съ трудомъ выпросилъ, чтобъ развели небольшой огонь: онъ выжалъ ея платье и нѣсколько высушилъ. Въ такомъ-то положенiи провела она первую ночь, мучась скорбiю и всѣми ужасами.

Въ этомъ мѣстѣ жили около пятидесяти человѣкъ; всѣ помѣщались въ пяти или шести хижинахъ, сдѣланныхъ изъ древесныхъ вѣтвей и тростнику; тутъ всѣ были въ смѣшенiи: мущины и женщины, дѣти и скоты всякаго роду. Сiи варвары собрались въ той хижинѣ, гдѣ были три нещастные плѣнники, и тамъ держали совѣтъ о ихъ судьбѣ; одни, по внушенiямъ ложной своей религiи, осуждали бѣдныхъ на смерть, надѣясь тѣмъ прiобрѣсть рай Магометовъ, когда принесутъ въ жертву сихъ Христiанъ; а другiе, по корыстолюбiю, льстясь получить большой выкупъ, были совсѣмъ противнаго мнѣнiя. Такимъ образомъ собранiе разошлось, не опредѣливши ничего.

Въ слѣдующiй день они призвали жителей изъ сосѣдственныхъ селенiй, и собрались на совѣтъ гораздо въ большемъ числѣ. Этотъ день былъ самой безпокойной для новыхъ плѣнниковъ. Многiе изъ варваровъ дѣлали имъ вели-

кія угрозы, показывали огонь и давали знать, что они сожгутъ всѣхъ ихъ живыхъ; другіе же обнажали сабли, и какъ бы готовились отсѣчь имъ головы. Одинъ изъ нихъ взялъ за волосы дѣвицу Боуркъ, и приставилъ саблю къ ея шеѣ; иные заряжали ружья пулями, и цѣлили въ нещастныхъ полоненниковъ. Управитель далъ имъ знаками разумѣть, что они почитаютъ за великое щастіе умереть за вѣру Христіанскую, и что потеря будетъ только съ ихъ стороны: ибо они такимъ безчеловѣчнымъ убивствомъ лишатъ сами себя знатной награды, какую могли бы получить за выкупъ. Самые раздраженные изъ нихъ нѣсколько смягчились; но дѣти и жены каждую минуту усугубляли свои ругательства.

Ихъ стерегли съ такою строгостію, что даже, когда они ходили исправлять свои естественныя нужды, и тогда провожалъ ихъ Арапъ съ копьемъ въ рукѣ: ибо они боялись, чтобъ кто изъ плѣнныхъ не ушелъ, или чтобъ другіе не отняли ихъ силою. Въ самомъ дѣлѣ спустя нѣсколько дней, они угрожаемы были нападеніемъ отъ

Константинскаго (*) Бея, которой имъ приказывалъ, чтобъ они добровольно выдали ему плѣнныхъ, естьли не хотятъ того, чтобъ онъ пришелъ къ нимъ съ войскомъ, и силою отнялъ; на сіе отвѣчали Арапы, что не боятся ни его, ни его войска, хотя бы онъ соединился еще и съ войскомъ Алжирскимъ. Сіи Арапы не признаютъ надъ собою власти Алжирцевъ, хотя и заключаются въ ихъ царствѣ, и природою состоятъ изъ числа ихъ подданныхъ. Они живутъ въ независимости, и извѣстны подъ именемъ *Кабаиловъ*, т. е. взбунтовавшихся. Горы Куко служатъ имъ оградою, неприступною для всѣхъ силъ Алжирскихъ.

Таково было состояніе сихъ бѣдныхъ жертвъ лютой судьбы, сокрушенныхъ горестію, измученныхъ бѣдствіями, томимыхъ голодомъ и оставленныхъ въ рукахъ варваровъ безъ всякой помощи человѣческой! Сіи жестокіе люди были столько раздражены про-

---

(*) *Константинъ*, городъ въ царствѣ Алжирскомъ, и столица Левантской провинціи. Онъ отстоитъ за 30 миль отъ моря; въ немъ имѣетъ жительство Бей, или Намѣстникъ сей провинціи.

тивъ нещастныхъ страдальцевъ, что даже, когда что нибудь имъ говорили, глаза ихъ пылали яростію, и не можно было отличить между ними Бѣлыхъ, которые обыкновенно бываютъ гораздо чувствительнѣе Черныхъ и Арановъ. Горничная дѣвушка и слуга, бывши въ одномъ селеніи, не меньше терпѣли мученій; а сверхъ того не имѣли и той отрады, чтобъ видѣть свою госпожу, или слышать объ ней извѣстія.

Всѣ сіи нещастія, усугубляемыя со дня на день, безъ малѣйшаго утѣшенія, кромѣ только одной религіи, еще ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ зрѣлищемъ, какого были они свидѣтелями вскорѣ потомъ. Арапы не довольствуясь тѣмъ, что имѣли въ рукахъ своихъ пятерыхъ плѣнныхъ, избавившихся отъ кораблекрушенія, хотѣли также воспользоваться и тѣми сокровищами, которыя поглотило море, и которыя почитали они знатными. А какъ они столько же искусно умѣютъ нырять, сколько и бѣгать по горамъ: то въ скоромъ времени вытащили изъ моря сундуки и ящики, и даже мертвыя тѣла: они взяли съ собою на сей промыслъ управителя и слугу, съ

тѣмъ, чтобъ сіи помогли имъ перенести въ гору то, что они надѣялись достать. Какъ скоро вытащили мертвыя тѣла на берегъ, то раздѣли ихъ до нага и взяли себѣ платье; даже отрубили острыми кремнями пальцы у Графини Боуркъ, чтобъ получить ея перстни: ножей своихъ не хотѣли осквернять тѣломъ Христіанъ.

Какое зрѣлище для нещастныхъ плѣнниковъ, видѣть тѣла уважаемыхъ ими особъ, брошенныя въ снѣдь скотамъ, и что въ тысячу разъ было для нихъ мучительнѣе, преданныхъ ругательству Араповъ, которые бросали въ нихъ камни, утѣшаясь тѣмъ, что отъ каждаго удара сіи тѣла, наполненныя водою, издавали звукъ! Управитель представлялъ имъ, сколько могъ, что они ругаются человѣчеству, и просилъ, чтобы по крайней мѣрѣ позволили похоронить тѣла; но сіи безчеловѣчные отвѣчали, что они не хоронятъ собакъ. Одинъ Арапъ давши лакею нести баулъ, принуждалъ его итти мимо сихъ тѣлъ: ибо это была самая короткая дорога; но ничѣмъ не могъ его принудить къ тому, и сей добродѣтельный слуга, пораженный ужасомъ, лучше хотѣлъ ползти по утесистымъ скаламъ, нежели ви-

дѣть сіи плачевные предметы. Управитель возвратился въ горы въ крайней горести, но не смѣлъ сообщить ее молодой Графинѣ; онъ скрылъ отъ нея то ужасное позорище, коего былъ свидѣтелемъ.

Арапы раздѣлили между собою свою добычу: самыя богатыя матеріи разрѣзаны по кускамъ и розданы дѣтямъ, которые украсили ими свои головы; серебряная посуда продана съ аукціону, а три чаши, изъ коихъ каждая стоила по крайней мѣрѣ четыреста ливровъ, отданы всѣ вмѣстѣ меньше нежели за пять ливровъ: ибо какъ они отъ воды морской потемнѣли, а въ работѣ Арапы толку не знали, то и почли ихъ за мѣдныя сосуды малозначущія. Что касается до книгъ, которыя тутъ же нашли, то щитая ихъ для себя не нужными, отдали иныя изъ нихъ управителю, а другія лакею, какъ бы за трудъ, что они помогали имъ перетащить сундуки. Управитель досталъ также и свою чернилицу, которая ему весьма пригодилась, какъ-то мы скоро увидимъ.

Три недѣли пробыли они въ семъ мѣстѣ; и въ сіе время молодая Графиня не преминула воспользоваться чернилицей и тѣми не многими бѣлы-

ми листками, какія находила сначала и въ концѣ книгъ, отданныхъ управителю: она написала три письма къ Французскому Консулу въ Алжиръ; но онѣ не были отданы. Три недѣли спустя послѣ ихъ кораблекрушенія, привели ихъ въ средину высокихъ горъ Куко, гдѣ по видимому имѣлъ жительство Шейкъ, или Правитель сихъ варваровъ. Двенадцать человѣкъ Араповъ провожали ихъ въ семъ пути съ саблями, ружьями и копьями. Они заставляли Аббата и управителя попеременно нести молодую Графиню по утесистымъ горамъ. Сіи Арапы, привыкшіи ходить весьма скоро по симъ мѣстамъ, принуждали и плѣнниковъ своихъ побоями итти гораздо скорѣе, нежели какъ они были въ состояніи; и ни мало не заботились о ихъ безсиліи и изнеможеніи. Такія то мученія терпѣли сіи бѣдные; а ввечеру давали имъ по куску хлѣба, и изъ милости позволяли спать на доскахъ на первой разъ.

Шейкъ и знатнѣйшіе изъ Араповъ держали большой совѣтъ, въ которомъ разсуждаемо было о судьбѣ плѣнныхъ; но какъ они не согласились въ раздѣлѣ ихъ, то опредѣлили отослать назадъ къ тѣмъ, которые прежде были ихъ

властелинами. Передъ ихъ отправленіемъ управитель взялъ часть кожи какого-то животнаго, нашедши ее поблизости, и намѣренъ былъ постилать ее для молодой Графини. Хозяинъ той хижины столько тѣмъ раздражился, что взялъ топоръ, велѣлъ управителю положить голову на чурбанъ, и конечно отсѣкъ бы ее, естьли бы Арапъ, пришедшій на тотъ случай, ему въ томъ не воспрепятствовалъ. Три или четыре раза каждый день, удовлетворяя своему варварскому желанію, они запирали хижину, боясь, чтобъ кто не помѣшалъ имъ, хватали за горло бѣдныхъ мучениковъ, и готовы были поразить ихъ саблями; но невидимая Рука останавливала сей роковой ударъ, и ярость ихъ укрощалась.

А какъ ихъ все еще удерживали, не смотря на то, что опредѣлено было возвратить ихъ прежнему хозяину: то сей послѣдній пришелъ вмѣстѣ съ однимъ Туркомъ изъ города Бужи (*),

(*) *Бужи*, приморской городъ въ царствѣ Алжирскомъ, крѣпокъ и многолюденъ. Онъ лежитъ между Алжиромъ и Жижери, на покатости горы, у подошвы которой есть весьма удобной заливъ.

въ томъ намѣренїи, чтобъ ихъ отнять; но шестнадцать Араповъ горныхъ, съ оружїемъ въ рукахъ, заставили ихъ удалиться. Сей варваръ, не могши получить своей добычи, схватилъ молодую Графиню, и вынувши саблю, хотѣлъ отрубить ей голову; но Турокъ подоспѣлъ еще во́-время и ему въ томъ воспрепятствовалъ своими совѣтами. Наконецъ они отправились въ путь. Тѣ, которые отводили ихъ назадъ, каждую минуту рѣшались умертвить нещастныхъ, почитая сїе великою себѣ заслугою предъ Магометомъ, или можетъ быть жаждали только удовлетворить свою кровожадность. Между прочимъ они затащили одинъ разъ Аббата и управителя за частой кустарникъ, намѣреваясь тамъ принесть сїю жертву своему Пророку; но сїи нещастные избѣжали и на сей разъ отъ грозившей имъ опасности.

Ввечеру пришли они къ сельбищу, прежнему мѣсту горестнаго ихъ рабства. Имъ дали въ пищу листьевъ сырой рѣпы безъ хлѣба, что и часто случалось. Впрочемъ дѣти мало по малу полюбили маленькую Графиню, и ей давали иногда по немногу молока и хлѣба. Такой обычай у Араповъ, что они въ угодность своимъ дѣтямъ,

дают то, чего попросишь их именем. И потому обыкновенно, когда кто хочет получить от них какую нибудь милость, то говорит такой комплимент: *одолжи мнѣ этаго, молю тебя лицем твоего сына!*

Наконец четвертое письмо, написанное молодою Графинею, дошло 24 го Ноября в Алжир, и доставлено Дею, которой отослал его к Французскому Консулу, а сей немедленно сообщил его Г. *Дюзольту*. Нещастная дѣвица писала просто, но трогательно: что послѣ кораблекрушенія потерявши свою мать, она приведена в самое тягостное невольничество вмѣстѣ с своею свитою; что они умирают от голоду, терпят всѣ мученія, каких только можно ожидать от врагов религіи и человѣчества; наконец что их почти съѣли черви и гады. Она просила его усерднѣйше сжалиться над их бѣдствіем, и прислать какое нибудь вспоможеніе, прежде нежели может возвратить им вольность, о которой почти они отчаяваются, страшась безпрестанных угроз своих варваров. Это письмо чувствительно тронуло всѣх, кто только его читал. Всякой охотно давал денег и предлагал свои услуги Гну. Дюзольту; и

сего сострадательнаго человѣка не нужно было понуждать къ скорѣйшей помощи, тѣмъ болѣе, что онъ весьма коротко зналъ фамилїю Гжи. де Боуркъ. Онъ тотчасъ далъ приказъ снарядить Французскую тартану, бывшую тогда въ гаванѣ, велѣлъ закупить платья и провизїи, и выпросилъ у Дея рекомендательное письмо къ Марабуту, или верховному жрецу Бужїйскому, къ которому сїи народы наиболѣе имѣютъ уваженїя. Онъ писалъ также къ Графинѣ и послалъ ей нѣкоторые подарки. Ввечеру того же дня тартана распустила парусы, и въ короткое время прїѣхала къ Бужи.

Здѣсь, Ибраимъ-Ага, нацїональный переводчикъ, посланный въ тартанѣ Г. Дюзольтомъ, вручилъ письма отъ Алжирскаго Дея и Гна. Дюзольта верховному жрецу. Сей хотя и былъ въ то время боленъ, однако не медля сѣлъ на лошадь, взялъ съ собою жреца изъ Жижери, толмача и человѣкъ шесть или семь Араповъ; всѣ они поѣхали въ горы, которыя отстояли за пять или за шесть дней пути отъ Бужи. При ихъ прибытїи, какъ скоро тѣ Арапы, у коихъ во власти были плѣнные, усмотрѣли толпу издали, тотчасъ заперлись въ хижинѣ въ чи-

слѣ десяти или двенадцати человѣкъ съ саблями въ рукахъ. Жрецы сильно стучали въ двери, и спрашивали, гдѣ Христіане; имъ было отвѣтствовано, что они на краю селенія; но одинъ Арапъ, случившійся тутъ же на дворѣ, далъ имъ знакъ, что Христіане въ хижинѣ. Тотчасъ всѣ встали съ лошадей, и велѣли отворить себѣ двери. Арапы ударились въ бѣгство, и жрецы вошли въ хижину.

При первомъ взглядѣ на нихъ плѣнные думали, что насталъ часъ ихъ погибели; но сіе безпокойство скоро прогналъ верховный жрецъ, подошелъ къ молодой Графинѣ, подалъ ей письма отъ Консула, также хлѣба и орѣховъ изъ своей провизіи: ибо кто путешествуетъ въ Африкѣ, тотъ долженъ возить съ собою съѣстные припасы. Эту ночь провелъ онъ въ хижинѣ со всею своею свитою, а на другой день поутру послалъ дѣтей искать ихъ отцовъ, Араповъ. Какъ скоро они пришли по его приказанію, то всѣ цѣловали его руку по обыкновенію: ибо Арапы имѣютъ великое уваженіе къ своимъ жрецамъ; они боятся ихъ больше всѣхъ иныхъ властей; ихъ проклятіе страшнѣе для нихъ всѣхъ угрозъ Алжирскаго Дея. У нихъ нищіе

просятъ милостыни именемъ жреца, а не именемъ Божїимъ.

Верховной жрецъ велѣлъ также призвать Правителя сихъ горныхъ жителей, и начальниковъ сего сельбища. Когда они собрались въ ту хижину, гдѣ былъ онъ самъ; то онъ объявилъ имъ, что цѣль его прїѣзду есть та, чтобъ освободить отъ невольничества пятерыхъ Французовъ, избавившихся отъ кораблекрушенїя; представлялъ, что какъ Францїя состоитъ въ мірѣ со всѣмъ Королевствомъ Алжирскимъ, то имъ не должно, противу правъ народныхъ и союзническаго трактата, удерживать сихъ Французовъ, которые и тѣмъ уже довольно нещастны, что лишились своихъ родственниковъ и имѣнїя; далѣе припоминалъ, что хотя горные жители и не подвержены власти Алжирцовъ, однако и они сами пользуются равномѣрно выгодами мира съ Францїею; наконецъ предлагалъ имъ, что они сдѣлаютъ великую несправедливость, естьли не освободятъ плѣнныхъ, будучи довольно уже вознаграждены богатою добычею. Арапы защищали себя, какъ могли лучше; однако ихъ доводы были малозначущи.

Во время сихъ споровъ нещастные плѣнники мало по малу лишались той

отрады, какую они сперва получили, надѣясь скоро избавиться отъ тяжкаго рабства; страхъ и отчаянïе погашали тотъ лучь надежды, которой сперва освѣтилъ ихъ. Но ужасъ ихъ былъ въ высочайшей степени, когда толмачь имъ обьяснилъ, что Арапы, убѣждены будучи увѣщанïями жреца, соглашаются отпустить на волю плѣнниковъ, только съ тѣмъ условïемъ, что ихъ Шейкъ или Правитель удержитъ у себя молодую Графиню: ибо онъ назначилъ ее супругою своему сыну, которому было тогда четырнадцать лѣтъ; онъ прибавилъ, что сей не недостоинъ ея, и хотя бы она была дочь Короля Французскаго, то и тогда бы онъ ее стоилъ, будучи сынъ Короля Горъ. Нещастные, пораженные симъ извѣстïемъ, почитали сей случай несноснѣе всѣхъ прочихъ бѣдствïй, и самое ихъ рабство казалось имъ меньше тягостно, нежели сïя необходимость, принуждавшая ихъ оставить свою Госпожу въ такой молодости и безъ всякой защиты въ рукахъ варваровъ.

Таково было ихъ горестное положенïе и видимое отчаянïе нещастной дѣвицы, когда Шейкъ оставался непреклоненъ; но напослѣдокъ верховный жрецъ, отведши его на сторону, су-

нулъ ему въ руку нѣсколько золотыхъ султаниновъ, обнадеживая, что наградитъ его болѣе: еще въ одну минуту золото смягчило его. Условились въ выкупѣ, положивши за всѣхъ 900 піастровъ, каждой вѣсомъ въ двѣ пистоли съ половиною, и всю сію сумму заплатить немедленно. Горные жители объявили присланнымъ, что даютъ свое согласіе болѣе изъ уваженія къ жрецамъ, нежели изъ какой либо боязни къ Дею Алжирскому. Жрецъ оставивши въ залогъ Турка и многія драгоцѣнныя вещи своихъ женъ, взялъ съ собою пятерыхъ невольниковъ.

Они отправились въ Бужи. Дорогою проводили ночь вмѣстѣ со свитою въ хижинахъ Араповъ, гдѣ ихъ находили. Между прочимъ остановились они у одной старой Арапки. Эта злая женщина весьма сердилась, что варвары не умертвили Христіанъ; и говорила, что они очень глупы, что не принесли сей жертвы Магомету, могши такою цѣною купить себѣ рай; она прибавила, продолжая свое бѣшенство, что естьли бы когда въ ея селеніи случился подобной случай, и Христіане были бы въ ея расположеніи, то они бы конечно не освободились; что естьли бы мужъ ея отказался

ихъ умертвить, чтобы она сама своими руками зарѣзала ихъ непремѣнно. Говоря такія рѣчи, старуха готовила ужинъ для жрецовъ; но съ такимъ злобнымъ видомъ, что надобно было только посмотрѣть на нее, и самой жестокой голодъ конечно бы прошелъ.

9 го Декабря пріѣхали они въ Бужи; тамъ дали имъ рубашки подъ ихъ шинели: ибо то платье, которое для нихъ было куплено и послано, роздано также Арапамъ въ подарокъ, чтобъ тѣмъ облегчить ихъ выкупъ. 10 го числа ввечеру, сѣли они въ тартану, а 13 го на разсвѣтѣ прибыли въ Алжиръ. Въ ту минуту, какъ изъ гавани усмотрѣли тартану, Капитанъ корабля Дюзольтова велѣлъ сдѣлать выстрѣлъ изъ пушки; тартана отвѣчала на то четырьмя пушечными выстрѣлами; это служило сигналомъ ихъ возвращенія, котораго ожидали съ такою нетерпѣливостію и безпокойствомъ. Тотчасъ послана шлюпка съ корабля, чтобъ привезти ихъ на берегъ. Французской Консулъ и знатнѣйшіе изъ націи встрѣтили ихъ и проводили отъ гавани даже до двора Посланническаго, гдѣ уже собралось великое множество Христіанъ, Турокъ и даже Жидовъ. Посланникъ принялъ молодую Графиню у входа въ домъ, и взявши ее за руку,

повелъ сперва въ свою церковь, гдѣ она слушала обѣдню. Потомъ пѣли благодарственной молебенъ, и восхвалили Бога за его милосердіе къ симъ освобожденнымъ отъ погибели.

Всѣ были тронуты почти до слезъ; даже самые Турки и Жиды. Въ самомъ дѣлѣ молодая Графиня, не имѣя еще десяти лѣтъ отъ роду, хотя и перенесла жесточайшую печаль, трудности и всѣ ужасы невольничества, однако сохранила при всемъ томъ нѣкоторой благородный видъ; ея разговоры, ея чувства и образъ мыслей показывали довольно, какое завидное воспитаніе, она получила, и можно было видѣть, что душа ея превыше тѣхъ искушеній, какія она претерпѣла. Бывшіе съ нею въ рабствѣ увѣряли, что она первая ободряла всѣхъ, первая увѣщевала ихъ принять лучше смерть отъ руки варваровъ, нежели оказаться недостойными своей вѣры; что она, подобно молодой Товіи, бывшей въ невольничествѣ, подавала имъ спасительные совѣты, и подобно ей, не только отвращалась богомерзкаго служенія невѣрныхъ, но даже и самыхъ маловажныхъ вещей, въ которыхъ она примѣчала хотя малѣйшее суевѣріе. Много разъ Арапы хотѣли помазать ей голову деревяннымъ масломъ, по своему

обычаю, какъ они часто мажутъ своимъ дѣтямъ; но никакимъ насилїемъ не могли ее къ тому принудить: ибо она боялась, не установленъ ли сей обычай закономъ Магометовымъ.

Нѣсколько дней отдыхали сїи нещастные, также и Арапы ихъ сопровождавшїе; потомъ отданы Депутату верховнаго жреца тѣ девять сотъ пїастровъ, въ которыхъ условились за выкупъ Графини и прочихъ. Г. Дюзольтъ прибавилъ также подарки сему жрецу и другимъ чиновникамъ, которые въ семъ дѣлѣ оказали услугу.

5 го Генваря 1720 года, сѣла Графиня Боуркъ вмѣстѣ съ своимъ дядею и горничною дѣвушкою на корабль Дюзольтовъ; послѣ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ приключенїй прибыла она въ Марсель 20 го Марта того же года. Маркизъ де Варанъ, ея дядя, принялъ ее изъ рукъ Г. Дюзольта.

Молодая Графиня жила еще нѣсколько лѣтъ въ нѣдрахъ своей фамилїи даже до замужства съ Маркизомъ де Т.... Она наслаждалась съ нимъ благополучїемъ жизни, и умерла нѣсколько уже лѣтъ спустя потомъ. Ея дѣти имѣютъ знатное достоинство въ Провансѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

1) *Жижери*, область, зависящая отъ Намѣстничества Левантскаго или Константинскаго, одной изъ трехъ провинцій царства Алжирскаго. Тамъ есть замокъ, отъ котораго зависятъ окружные жители, живущіе на довольное разстояніе. Сія область отстоитъ за 50 миль отъ сего города; въ ней нѣтъ ни городовъ, ни деревень; всѣ жители составляютъ толпы кочующія. Цѣпь превысокихъ горъ, называемая *Куко*, идетъ по сей области, обитаемой Черными и Арапами независящими, и любящими свою вольность. До сего времени они остаются непобѣдимы, будучи защищаемы горами. Когда у берегу Жижерскаго случается кораблекрушеніе, то горные жители выходятъ толпами изъ своихъ утесистыхъ убѣжищъ, и хватаютъ все, что только имъ попадется, не разбирая націй. Сіи варвары, называемые Кабаилами, живутъ въ зависимости отъ ихъ Шейка, коего власть ограничена; жилья ихъ суть не что иное, какъ родъ лагеря, или передвижныхъ хижинъ, называемыхъ Адуардами.

VI.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Англійскаго судна Пемброка, у рейды Св. Давида, на берегу Коромандельскомъ, въ 1749 году.

Перемѣна временъ года почти всегда сопровождаема бываетъ бурями и ураганами на морѣ *Индѣйскомъ*; когда они возстаютъ, то опустошаютъ тѣ страны, которыя встрѣчаются въ ихъ направленіи: такимъ образомъ рѣдко избѣгаютъ корабли отъ ихъ свирѣпства.

24 го Апрѣля 1749 года, больше пятидесяти кораблей разныхъ націй разбились у Коромандельскаго берегу. За нѣсколько дней передъ тѣмъ *Пемброкъ*, одно изъ судовъ Англійской эскадры, бывшей подъ командою Адмирала *Боскевена*, учинилось уже жертвою сихъ урагановъ.

Оставимъ самому начальнику надъ экипажемъ, которой почти только одинъ не погибъ при семъ кораблекрушеніи, разсказывать сей нещастной случай. Подробное его повѣствованіе,

изданное имъ въ свѣтъ тотчасъ по возвращеніи его въ крѣпость *Св. Давида*, сколько истинно, столько и занимательно.

„Корабль *Пемброкъ* стоялъ на якорѣ въ рейдѣ Св. Давида, въ 1749 году, вмѣстѣ съ остаткомъ Англійскаго флота; какъ вдругъ, 13 го Апрѣля, часовъ въ десять утра, поднялся съ сѣверо-востока чрезмѣрно холодной вѣтеръ, и море стало надуваться. А какъ у насъ былъ только одинъ канатъ извнѣ, то Капитанъ приказалъ сплесть еще половинной канатъ. Въ полдень просилъ я Капитана, чтобъ онъ велѣлъ сплесть еще другой; но онъ отвѣчалъ, что боится, чтобъ якорь не порвался, когда сплесть больше канатовъ, и въ то же время приказалъ собрать парусъ бизань-мачты и артимона; что тотчасъ и исполнили. Въ часъ послѣ полудня вѣтеръ гораздо усилился, не перемѣняя направленія.

„А какъ корабль Его Величества, по имени *Намуръ*, былъ у насъ сзади, и при томъ не далѣе отстоялъ какъ на одинъ канатъ: то я согласясь съ Лейтенантами, пришелъ просить Капитана, чтобъ онъ велѣлъ удалиться въ море. Онъ отвѣчалъ намъ, что этаго не сдѣлаетъ, развѣ корабль Намуръ,

на которомЪ былЪ флагЪ КонтрЪ-Адмирала Боскевена, подастЪ вЪ томЪ примѣрЪ; между тѣмЪ приказалЪ запереть порты и наложить сверху парусину, смолою намазанную. Сіи приказы были исполнены, однако сЪ такою неисправностію, что люки открылись, когда мы вышли вЪ море.

„ВЪ три часа послѣ полудня пришелЪ я опять кЪ Капитану, которой былЪ тогда боленЪ и лежалЪ вЪ постѣлѣ; я просилЪ его, чтобЪ онЪ велѣлЪ сняться сЪ якоря и пуститься вЪ море. ОнЪ разсердился и сказалЪ мнѣ, что этаго не сдѣлаетЪ по тѣмЪ причинамЪ, какія прежде мнѣ объявилЪ; даже онЪ не велѣлЪ больше плесть канату. Однако корабль нашЪ весьма качался, и вЪ немЪ оказалась течь.

„ВЪ четыре часа море стало такЪ волноваться, что мы ежеминутно боялись, чтобЪ канатЪ не порвался; черезЪ часЪ онЪ и дѣйствительно порвался, и мы направили путь вЪ море, боясь, чтобЪ не пригнало насЪ на корабль НамурЪ. ТотчасЪ распустили парусЪ бизань-мачты и артимона, привязали гордени, и нѣсколько матросовЪ занялись воротомЪ.

„Прежде КапитанЪ не хотѣлЪ обрубить канату; а теперь я нашелЪ, что

онъ оторвался почти за три сажени отъ внѣшняго каната. Вѣтеръ былъ столь сильной, что не льзя было распустить парусы.

„Въ шесть часовъ бросили лотъ и нашли четырнадцать саженей глубины. Море было весьма высоко, и потому мы не могли скоро плыть; сверхъ того примѣтили въ кораблѣ такую течь, что не довольно было одного насоса ее выливать: почему надобно было наставить другой. Между тѣмъ время продолжалось такъ же дурно, какъ и прежде, море надувалось и вѣтеръ усиливался; въ шесть часовъ съ половиною разорвало нашъ большой парусъ. Тотчасъ побѣжали на гордени, чтобъ распустить другой, но сильной вѣтеръ и колебанія корабля помѣшали намъ сіе исполнить. Въ семь часовъ нашли мы глубину въ одиннадцать, а черезъ полчаса въ двадцать саженей; первой и второй Лейтенантъ стояли у насосовъ и ободряли качавшихъ.

„Въ восемь часовъ плотникъ прислалъ сказать Капитану, что вода до него достаетъ, и что въ кораблѣ ея уже четыре фута; тогда глубина моря была въ 22 сажени. Черезъ полчаса веревка у руля перервалась очень близко отъ головки, и мы нашли, что

то же случилось и у шарниру. У насЪ тогда остались парусы на бизань-мачтѣ и на артимонѣ. ВЪ девять часовЪ находились мы на 24 саженной глубинѣ; волны стремились черезЪ корабль, и вЪ немЪ была превеликая течь; почему мы принуждены были собрать парусЪ бизань-мачты, боясь каждую минуту, чтобЪ не потонуть. Мы натянули штаг-мачту, но она разорвалась; я былЪ тогда на носу корабля, увидѣлЪ, какЪ упала большая мачта и артимонЪ, и не могЪ понять, отЪ чего это случилось. Корабль такЪ сильно качался, что меньше нежели черезЪ семь минутЪ, сломалась также бизань-мачта; но блиндЪ (парусЪ на бушпритѣ) держался крѣпко; тогда глубина моря была около 24 саженей, и насосы качали безпрестанно.

„Третiй ЛейтенантЪ, бывшiй тогда вЪ караулѣ, прислалЪ ко мнѣ сказать, чтобЪ я велѣлЪ бросить маленькой якорь вилчатой; что тотчасЪ и было исполненно. Мы свили много канатовЪ и его прикрѣпили. ВѣтерЪ не перемѣнялся; насЪ гнало кЪ берегу, и глубина моря была 17 саженей. ВЪ десять часовЪ сЪ половиною налилось вЪ корабль воды на восемь футовЪ; почему мы не покидали насосовЪ ни на

минуту. ВЪ одиннадцать часовЪ или около, почувствовали, что корабль опускается вЪ воду; тогда глубина была 12 и 14 саженей. Якорь держался крѣпко, но канатЪ порвался черезЪ нѣсколько минутЪ; такЪ что мы лишились и главнаго якоря и всѣхЪ запасныхЪ. Волны опять доставали до насЪ и унесли у насЪ и шлюпки и мачты. Между тѣмЪ главный канатЪ дергало такЪ сильно, что никто не смѣлЪ подлѣ него стоять; глубины было около семи саженей. Нѣсколько времени канатЪ держался; но когда море стало сильнѣе волноваться, то корабль тронулся дномЪ и канатЪ порвался.

„Это было около полуночи: корабль ударился и спереди и сзади; однако больше кормою, нежели носомЪ. Третій ЛейтенантЪ былЪ тогда подлѣ меня, какЪ корабль тронулся вЪ первой разЪ; но я послѣ не видалЪ его болѣе. Я былЪ тогда на баку (такЪ называется возвышеніе на носу корабля) сЪ ботсманомЪ, поваромЪ, и еще человѣкЪ восемь изЪ экипажу находились вмѣстѣ сЪ нами. Я привязалЪ себя кЪ биттамЪ, прежде нежели корабль ударился; но меня противЪ воли оторвало, какЪ скоро онЪ тронулся, и я опять

привязалъ себя, боясь, чтобъ волны не унесли меня. Въ два часа по полуночи каюта Капитанова увлечена, и корабль почти лежалъ на боку.

„На разсвѣтѣ дня насъ было шестнадцать человѣкъ на баку, да еще четверо повисли на носу корабля; но трое изъ нихъ увлечены въ море вмѣстѣ съ тою частію, за которую они ухватились, а четвертой утонулъ. Волны съ такою силою падали на насъ, что мы едва могли дышать. Въ восемь часовъ онѣ унесли девятерыхъ, бывшихъ на баку (т. е. на возвышеніи корабельнаго носа); мы могли видѣть деревья на берегу сквозь волны. Въ девять часовъ ботсманъ и поваръ унесены были волнами передо мною, почему я и принужденъ былъ перейти на другое мѣсто съ однимъ изъ моихъ товарищей. Въ десять часовъ унесенъ весь прочій экипажъ. Мы находились въ разстояніи отъ берега почти за двѣ мили; весь день оставались въ такомъ положеніи; волны такъ насъ измучили, что мы не могли ни дышать, ни разговаривать.

„Въ полдень увидѣли, что море стремится на насъ со всѣхъ сторонъ, что мы приписывали перемѣнѣ вѣтра. Та часть корабля, на которой мы

стояли, держалась крѣпко; но какъ наступила ночь, то мы пришли въ крайнее отчаяніе, не имѣя ни малой надежды на помощь. Въ полночь море нѣсколько утихло, и мы могли между собою разговаривать минуты двѣ или три; но я былъ столько слабъ отъ той продолжительной болѣзни, которая меня мучила съ самаго моего пріѣзду въ сію землю, что всякой разъ, когда волны сбивали меня съ ногъ, я никакъ не могъ встать самъ собою, и надобно было, чтобъ я призывалъ одного изъ моихъ товарищей поднять себя. На разсвѣтѣ я сдѣлался гораздо слабѣе; волны морскія доставали до насъ въ каждую четверть часа по одному разу. Мы были гораздо ближе къ берегу, нежели вчера. Спустя нѣсколько времени одинъ изъ моихъ товарищей сказалъ мнѣ, что онъ видитъ флагъ на сѣверной сторонѣ; мы догадывались, что это конечно въ Портоново, Голландскомъ селеніи; а сіе подало намъ нѣкоторую надежду къ нашему спасенію.

„Море утихло къ полудню, время настало хорошее; но я былъ чрезвычайно слабъ. Почти въ два или три часа увидѣли мы у берегу два судна на разстояніи около милю. Я снялъ

платокъ съ шеи, махалъ имъ и старался подать знаки, чтобъ насъ увидѣли; намъ показалось, что одно изъ сихъ судовъ къ намъ приближается, но скоро оно опять возвратилось назадъ. Потомъ мы увидѣли подлѣ берегу множество катамарановъ, и почли ихъ рыбачьими; я махалъ платкомъ, но никто къ намъ не приближался. Мы увидѣли, какъ многїе выходили съ судовъ на берегъ; солнце начинало уже опускаться, и тогда было около пяти часовъ, по моимъ догадкамъ. Два катамарана подъѣхали къ намъ съ тремя Черными на каждомъ суднѣ, и привезли насъ на землю.

„Не успѣли мы сойти туда, какъ насъ окружили человѣкъ триста вооруженныхъ. Товарищъ мой сказалъ мнѣ, что это Маратты (*), съ которыми мы были тогда въ войнѣ. Они приказали намъ выйти на берегъ; почему я всталъ, но будучи чрезвычайно слабъ, не могъ сдѣлать ни одного шага; нѣкоторые изъ нихъ помогли мнѣ выйти, и растянули меня на пескѣ. Я сдѣлалъ имъ знакъ, что жажда меня мучитъ;

(*) Смотри въ концѣ сего повѣствованїя Историческое описанїе Мараттовъ.

но они не только не дали мнѣ пить, но еще смѣялись надъ тѣмъ жалостнымъ состоянїемъ, въ которое мы были приведены. Начальникъ ихъ приказалъ насъ ограбить, и они тотчасъ сняли съ насъ все, даже до рубашки. Прежде нежели стали меня раздѣвать, оторвали они двѣ пуговички, бывшїя у меня на рубашкѣ, также взяли два полуефимка, ключи и ножикъ, которые нашли въ моихъ карманахъ, и даже отрѣзали металлическїя пуговицы у нижняго моего платья. Послѣ чего сдѣлали изъ моей рубашки родъ покрывала, и накрыли меня отъ пояса до ногъ.

„Между тѣмъ мы умирали отъ жажды. Я совсѣмъ не въ состоянии былъ итти; и такъ они несли меня нѣкоторую часть дороги до Давекотага, крѣпости имъ принадлежащей; потомъ посадивши насъ на суда, плыли вверхъ рѣки даже до крѣпости. Мы туда прибыли въ десять часовъ; они оставили насъ на мостовой, и мы должны были переносить всю суровость воздуха. Въ одиннадцать часовъ принесли намъ не много сарачинскаго пшена и воды. Собралась около насъ толпа народа; всѣ смѣялись и ругались нашему нещастїю. Мы въ эту

ночь весьма мало спали, частїю по причинѣ стужи, а частїю потому, что страшились потерять жизнь: ибо сїи варвары грозили изрубить насъ въ куски саблями. Какъ скоро насталъ день, и вороты отворились, то я почувствовалъ въ себѣ крайнее изнеможенїе. Меня мучилъ кровавый поносъ, и ноги такъ у меня распухли, что я ожидалъ скорой смерти, естьли никто бы мнѣ не помогъ. Тогда объявилъ я своему товарищу о моемъ состоянїи, и просилъ его, чтобы онъ разсказалъ моимъ друзьямъ о моей кончинѣ, естьли Богу угодно будетъ, когда нибудь привести его въ Англїю. Въ иные дни давали намъ сарачинскаго пшена, а въ другїе совсѣмъ ничего. Въ седьмой день дали мнѣ нѣсколько деревяннаго масла; я вымазалъ имъ ноги, и это весьма облегчило мою боль.

„Каждой день стекалось множество народу насъ видѣть, но никто не жалѣлъ объ насъ ни мало; напротивъ того всѣ ругались намъ и грозили насъ умертвить. Четырнадцать или пятнадцать дней держали насъ въ этой тюрьмѣ: тутъ было наше жилище; потомъ повели насъ во внутренность страны. Хотя ноги мои нѣсколько поправились, однако я все

еще не могъ ходить, да и товарищь мой былъ чрезвычайно слабъ: и это я приписываю недостатку въ пищѣ. И такъ принуждены были посадить насъ въ носилки; тамъ привязали насъ веревками, которыя они взяли съ корабля.

„Пятнадцатаго числа, въ четыре часа вечера, привезли насъ къ Королю, которой стоялъ лагеремъ за двенадцать миль отъ армїи Англїйской Компанїи. Сей Государь долго насъ распрашивалъ и навѣдывался, не Офицеры ли мы; я отвѣчалъ ему, что нѣтъ, догадываясь, что намъ гораздо труднѣе будетъ спастись. Онъ хотѣлъ склонить насъ, чтобъ мы вступили въ его службу; но мы черезъ трехъ Голландцевъ, бывшихъ у него переводчиками, отвѣчали, что не можемъ на то согласиться. Онъ обѣщалъ насъ ни въ чемъ не оставлять, естьли примемъ его предложенїе; но мы упорно въ томъ стояли, что болѣзнь наша мѣшаетъ намъ служить. Не смотря на то, онъ велѣлъ дать намъ ѣсть, и мы имѣли въ томъ великую нужду, потому что почти не употребляли никакой пищи съ самаго того дня, какъ попались въ руки сихъ варваровъ. Переводчики уговаривали насъ, чтобъ мы

лучше согласились вступить въ службу къ Королю, нежели итти въ темницу; но мы отвѣчали имъ, что никакъ не можемъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ.

„При наступленіи ночи велѣно намъ итти. Проводники наши остановились въ три часа утра; потомъ продолжая итти до полудня, опять остановились часа на два, чтобъ поѣсть и отдохнуть; послѣ чего отправились въ путь, держась юго-запада. Мы пришли въ крѣпость при наступленіи ночи, и тотчасъ были заключены въ тюрьму. Тамъ нашли еще двухъ плѣнниковъ, а именно: нашего подшкипора и дезертера изъ войскъ Компаніи: они намъ сказали, что находятся тутъ три дни.

„На другой день на разсвѣтѣ отворили тюрьму, и дали намъ знакъ, чтобъ мы вышли. Мои товарищи повиновались; но я лучше хотѣлъ остаться, потому что чувствовалъ крайнюю слабость, и ноги мои покрылись ранами. Я просилъ, чтобъ они дали мнѣ нѣсколько деревяннаго масла, помазать ноги, что они и исполнили. Вся наша пища была вода и четверть фунта сарачинскаго пшена на день; также маленькой горшечекъ сала вмѣсто коровьяго масла: самая скудная провизія

для четырехъ человѣкъ! Я мазалъ себѣ ноги саломъ и масломъ, отъ чего имъ къ четвертому дню гораздо легче стало; и это придало мнѣ бодрости. Намъ позволено было прогуливаться передъ тюрьмою по утрамъ и по вечерамъ.

„Спустя три недѣли или около, ноги мои почти совсѣмъ были здоровы, и я могъ уже ходить. Съ сего времени начали мы помышлять, какимъ бы средствомъ избѣгнуть сей неволи. Для этаго намѣренія всходилъ я на крѣпостной валъ, и нашелъ, что онъ очень высокъ и окруженъ преширокимъ рвомъ. Однако замѣтилъ я между стѣною и рвомъ маленькую тропинку, откуда могли бы мы пуститься вплавь, въ случаѣ, естьли ровъ глубокъ. А чтобъ намъ безопасно опуститься на эту тропинку, то мы начали сбирать веревки, которыя оставлены были въ нашей тюрьмѣ; и черезъ нѣсколько дней, связавши ихъ, сдѣлали одну длинную веревку въ семь саженей съ половиною. Наконецъ, посовѣтовавшись между собою, рѣшились сдѣлать подкопъ подъ основаніе темницы.

„Мы принялись за работу 27 го Мая, и намъ тѣмъ легче было производить ее, что караульные стояли отъ насъ далеко. Перваго Іюня добра-

лись до основанія, которое глубиною было на шесть футовъ; стѣна оказалась тамъ не толще тридцати дюймовъ. Мы съ такимъ усердіемъ продолжали работу, что втораго числа увидѣли свѣтъ, почему и оставили работать до ночи. Въ семь часовъ вечера заперли насъ въ тюрьмѣ. Скоро проломали мы стѣну, сколько надобно было; потомъ спустились по веревкѣ, и меньше нежели въ полчаса переплыли черезъ ровъ, хотя и весьма широкой и глубокой, такъ что никто насъ не видалъ. Въ эту ночь пробѣжали мы около 16 миль; а какъ день насталъ, то спрятались въ кустарникѣ.

„Въ другую ночь почли мы за нужное направить путь къ юго-востоку; но въ три часа послѣ полудня увидѣли насъ издали нѣкоторые пѣшеходцы, шедшіе по полю; это заставило насъ удвоить шаги, однако никто не вздумалъ за нами гнаться. Такимъ образомъ продолжали мы путь до полуночи; послѣ чего спали до разсвѣту. У меня была лихорадка, и я чувствовалъ крайнюю слабость по причинѣ недостатка въ пищѣ. Это былъ третей день нашего побѣгу; мы рѣшились итти даже до полудня, и ограбить первой домъ, какой намъ попадется. Но Про-

видѣнїе пеклось объ насъ болѣе, нежели мы смѣли надѣяться: ибо въ десять часовъ встрѣтился съ нами пахарь Маратской, и вызвался указать намъ дорогу въ Карикалъ, городъ Королевства Танжаурскаго, на берегу Короманделькомъ, уступленный въ 1738 году Французской Индѣйской Компанїи. Мы возблагодарили Бога за сїе милосердїе и приняли его предложенїе.

„Около полудня мы туда пришли; насъ приняли человѣколюбиво. Моя лихорадка еще меня не покинула. На другой день поутру Правительство дало знать Адмиралу Боскевену о нашемъ прибытїи, и онъ просилъ снабдить насъ деньгами, сколько намъ нужно. Потомъ отправились мы въ Транкебаръ, мѣсто Датчанамъ принадлежащее; тамъ пробывши три дня, сѣли на корабль и поплыли къ крѣпости Св. Давида, куда я прїѣхалъ 23 Iюня съ двумя своими подшкиперами. Дезертеръ оставилъ насъ въ Карикалѣ. Я немедленно явился къ Адмиралу по своей должности.

Историческое Описанїе

Маратовъ, народа Индѣйскаго.

Индостанъ или *Индїя* собственно называемая, населена многими различными народами, изъ которыхъ иные независимы, а другїе покорствуютъ Великому Моголу, коего владычество особенно простирается на провинцїи, лежащїя между Гангесомъ и Индомъ. Нѣкоторые владѣльцы прибрежныхъ земель суть его данники; но другїе повинуются ему только тогда, когда имъ угодно. Конторы Французскїя, Англїйскїя, Голландскїя и Датскїя находятся больше подъ его покровительствомъ, нежели въ зависимости отъ него.

До сего времени не было вѣрнаго и обстоятельнаго Географическаго описанїя о различныхъ странахъ сего царства (*). Не многїе изъ Европейцовъ

(*) Послѣ, какъ сїе *описанїе Маратовъ* было уже написано, узнали мы, что въ Берлинѣ печатается Историческое и Географическое описанїе Индїи, переложенное на Французской языкъ Г. *Бернулли*, взятое изъ записокъ Отца *Тлеффенталера* и Г. *Анкетиля* дю

достигали во внутреннія земли; а въ странахъ прибрежныхъ такъ часто случаются войны и революціи, что тамошніе владѣльцы безпрестанно перемѣняются.

Мараты составляютъ одну изъ націй утвердившихся въ Индостанѣ. Сей воинственный народъ, распространившій страхъ своего имени во всемъ полуостровѣ, принималъ великое участіе въ тѣхъ возмущеніяхъ, которыя потрясаютъ сію нещастную страну почти цѣлое уже столѣтіе: и потому любопытно знать объ нихъ, сколько можно обстоятельнѣе. Для сего предмета мы соберемъ самыя нужныя замѣчанія и вѣрнѣйшія наблюденія. Онѣ разсѣяны почти во всѣхъ новѣйшихъ Исторіяхъ объ Индіи.

Страна, населяемая Маратами, весьма гориста, и простирается поперегъ полуострова Индіи, отъ Бенгальскаго залива даже до Камбайскаго.

Перрона и *Реннеля*. Сіе важное твореніе будетъ составлять пять Томовъ in 4. послѣдній изъ нихъ еще не вышелъ въ свѣтъ; а первыя отпечатанныя содержатъ въ себѣ весьма много самыхъ исправныхъ ландкартъ и картинъ.

Сїи народы, прославившїеся столь много съ половины послѣдняго вѣка, занимали прежде (сколько то можно заключить по Исторїи о ихъ происхожденїи) многїя Индостанскїя провинцїи, откуда послѣ вытѣснены были Моголами; тогда убѣжали они въ горы, простирающїяся отъ Сурата до высоты Гои, и тамъ составили много небольшихъ гражданствъ, не зависящихъ одно отъ другаго, подчиненныхъ особеннымъ своимъ начальникамъ, называемымъ *Раясы.*

Съ сего времени даже до того, когда возникъ между ними славный *Севаджи*, одинъ изъ таковыхъ Раясовъ, Мараты не имѣли постояннаго мѣстопребыванїя, и ихъ единственный промыслъ была война; они довольствовались только тѣмъ, что дѣлали частые набѣги и опустошали *Индостанъ*, подобно грубымъ кочующимъ ордамъ, пока наконецъ Севаджи, сей храброй и предпрїимчивой завоеватель, испыталъ ихъ силы, дерзнувши нападать на корпусы Могольской армїи, и на многїе важные города; даже онъ грабилъ два раза городъ Суратъ. Говорятъ, что онъ столько удостовѣренъ былъ въ нерадивости правительства Делїйскаго, что осмѣлился назначить и объявить

день своего нашествія; онъ и дѣйствительно явился въ положенной день и разграбилъ сей городъ, самой богатый и торговой во всей Индіи. Севаджи нигдѣ не находилъ себѣ препоны; только Офицеры Французской, Англійской и Голландской Конторъ дѣлали ему великое помѣшательство, защищая крѣпости съ твердостію и искусствомъ; они только одни избѣгли той судьбы, какой подвержены были всѣ жители сего нещастнаго города. *Лестра*, славный Французской путешественникъ, увѣряетъ, что во время грабежа, сдѣланнаго въ 1670 году арміею Севаджевою, осталось одно только Французское Факторство, и что Мараты похитили тогда больше 40 милліоновъ въ Суратѣ. Добыча ихъ была бы еще знатнѣе, естьли бы они могли при первомъ нападеніи взять замокъ, куда перенесены были самые драгоцѣнные товары.

Симъ дѣломъ и многими другими удачными предпріятіями Севаджи пріобрѣлъ величайшую славу въ Индіи. Онъ принялъ титулъ Морраяса, или Верховнаго Раяса, и ему удалось присоединить къ себѣ тѣхъ Маратовъ, которыхъ онъ собралъ въ горахъ Деканскихъ; даже онъ ввелъ между ними

дисциплину. Сей щастливой и отважный Индѣецъ, не возбуждая много зависти въ другихъ Раясахъ или владѣльцахъ, противился болѣе тридцати лѣтъ могуществу славнаго *Орингъ-Зеба*; быстро, подобно молнїи, протекалъ онъ провинцїи Могольскїя, сражался, грабилъ, или отступалъ весьма удачно (*). Императоръ Могольской, не видя надежды истребить войска, которыя каждую минуту вновь возраждались, нападали или убѣгали подобно хищнымъ птицамъ, заключилъ съ Маратами миръ, которой покажется постыднымъ для всякаго, кто не уважаетъ очевидной необходимости, а внимаетъ только гордому предубѣжденїю; онъ уступилъ имъ навѣки право собирать *шутъ* или *гутъ*, т. е. четвертую часть доходовъ Деканскихъ. Сїю подать вѣрно платили Моголъцы во все

(*) Кто желаетъ больше знать о подвигахъ и политикѣ *Севаджи*, можетъ читать 3 Томъ de l'Hiſtoire de l'Aſie *etc.* page 450 et ſuivantes, par l'Abbé ROUBEAU. Хотя замѣчанїя объ немъ разсѣяны во всей всеобщей Исторїи, однако изъ нихъ можно собрать достаточное понятїя о семъ славномъ завоевателѣ.

время царствованія Орангъ - Зеба; но послѣ его смерти иногда удерживали ее, а иногда платили, смотря потому, какъ были сильны или малосильны.

Наслѣдники Севаджевы послѣдовали его политической системѣ, и сражались съ такою же дѣятельностію. Часто Мараты собирались арміями въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ отъ ихъ горъ, когда надобно имъ было собирать чутъ. Изнѣженность преемниковъ Орангъ - Зебовыхъ, и крайняя слабость и безпечность Могольскаго правительства, пріумножали ихъ смѣлость. Скоро сіи грабители собрали гораздо многочисленнѣе арміи, дошли даже до Дели, низвергали Императоровъ и распространяли границы своего владычества. Наконецъ изъ нихъ составилась нація; но тотъ же духъ грабительства одушевляетъ ихъ и нынѣ, которой прежде собралъ ихъ воедино, то же природное неспокойство безпрестанно ихъ мучитъ. Впрочемъ, естьли вѣрить Полковнику Лорансу, то съ нѣсколькихъ лѣтъ, многіе ихъ предводители утвердили свое пребываніе въ отдаленныхъ странахъ ими завоеванныхъ, и кажется, хотятъ оставить прежнюю грабительскую жизнь, а начать гораздо спокойнѣйшую и просвѣщеннѣйшую.

Войска Маратовъ состояли прежде единственно изъ кавалерiи: ибо онѣ были не регулярныя, а только годныя къ набѣгамъ. Когда сiи грабители выступали въ походъ, то выѣжжали толпами изъ каменистыхъ своихъ горъ; лошади у нихъ небольшаго росту, но крѣпки, привыкшiя къ трудностямъ и къ самымъ утесистымъ дорогамъ; обыкновенный ихъ кормъ есть трава или хлѣбъ, находимой въ полѣ нежатой; на нихъ нѣтъ ничего другаго, кромѣ узды и кусокъ сукна вмѣсто сѣдла. Одежда сихъ Маратовъ похожа на убранство ихъ лошадей; повязка или тюрбанъ на головѣ, передникъ около пояса, и дурной плащь, которой служитъ имъ также вмѣсто одѣяла ночью: вотъ весь гардеробъ нынѣшнихъ Маратовъ. Едва можно отличить по платью ихъ Чиновниковъ, и палатка ихъ Предводителя меньше пышна, нежели палатка самаго послѣдняго Офицера въ армiи Моголовой.

Обыкновенное оружiе Маратовъ есть праща, стрѣлы, метательное копье и ружье; впрочемъ ружьями они мало дѣйствуютъ, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ заманить непрiятеля къ главнымъ корпусамъ своей армiи. На сраженiи они больше

всего употребляютъ бѣлое оружіе, и съ великимъ проворствомъ умѣютъ имъ владѣть. Всѣ Французскіе и Англійскіе Офицеры увѣряютъ, что ихъ сабли превосходной доброты.

За конницею Маратовъ въ походахъ не увидишь ни фуръ, ни провизіи; каждой солдатъ везетъ съ собою все съѣстное, т. е. небольшой мѣшокъ сарачинскаго пшена и кожаной мѣшокъ съ водою; отъ того-то происходитъ, что сія Индѣйская конница лучше всѣхъ другихъ можетъ перенести воинскія трудности и при томъ съ немногими потребностями; она искуснѣе умѣетъ нападать на непріятеля и отнимать у него съѣстные запасы; наконецъ она чрезвычайнымъ проворствомъ удобнѣе можетъ разбить и истребить многолюдныя арміи.

Всѣ Мараты равномѣрно занимаются и войною и земледѣліемъ, и это ни мало не дѣлаетъ ихъ худыми солдатами. Впрочемъ имъ надобно такъ располагать свои походы, чтобъ не пропустить времени посѣва и жатвы; а это самое иногда сокращаетъ, а иногда продолжаетъ ихъ воинскіе набѣги.

Хотя Мараты больше всего надѣются на силу своей арміи, однако

умѣютъ иногда кстати употреблять воинскія хитрости и обманы. Естьли обстоятельства имъ не благопріятны, то остаются спокойными въ своихъ жилищахъ; естьли непріятель отобьетъ ихъ атаку, то они отступаютъ и удаляются въ наилучшемъ порядкѣ. Равно страшны и врагамъ своимъ, и опасны своимъ союзникамъ: первыхъ разоряютъ грабежами, а послѣднихъ истощаютъ непомѣрными контрибуціями, собирая ихъ за свою помощь и защиту. Даже не можно полагаться на ихъ вѣрность: часто за одинъ день до баталіи оставляютъ они своихъ союзниковъ и переходятъ на противную сторону за какія нибудь выгоднѣйшія предложенія. Также очень часто случается, что хотя они остаются привержены къ тому Государю, которой ихъ содержитъ; однако вмѣсто того, чтобъ заслуживать его жалованье, они побѣдивъ и разбивъ непріятельское войско, грабятъ въ землѣ своихъ союзниковъ, и все то увозятъ, что только удобно имъ захватить.

Съ того времени, какъ Французская и Англійская Компанія вели между собою войну въ 1730 году, Мараты привлекли къ себѣ много дезертеровъ Европейскихъ, которые доставили

ли имъ нѣкоторыя свѣденія и культиру. Главная ихъ приманка состояла въ томъ, что они давали Европейцамъ гораздо больше жалованья, нежели природнымъ жителямъ своихъ странъ. Когдажъ сіи перебѣжчики захотѣли бы, собравши богатство, возвратиться назадъ, то сего имъ не позволено. И такъ имъ не остается другаго средства, какъ только бѣжать, подвергая жизнь свою опасности, или отдать все, что они имѣютъ. Мараты, имѣя весьма великой даръ подражать, какъ и вообще всѣ Индѣйцы, скоро научились отъ Европейскихъ дезертеровъ, какъ лить пушки, дѣлать порохъ и строить батареи. Съ помощію сихъ свѣденій они были въ состояніи, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, взять регулярною осадою городъ Бассемъ, мѣсто крѣпкое, находящееся на твердой землѣ за нѣсколько миль отъ Бомбая. Сей городъ принадлежалъ Португальцамъ, и былъ ими защищаемъ съ великою храбростію долгое время; но Мараты тѣмъ не утомились; они употребляли бомбы и подкопы, пока наконецъ принудили Португальцевъ сдать городъ.

Въ прежнія времена хотя Мараты были всегда многочисленнѣе, однако Европейскія націи умѣли побѣждать

ихъ какъ своимъ воинскимъ искусствомъ такъ и страшною артиллерїею; но нынѣ, когда и сей грубой народъ познакомился съ порохомъ и научился вести осаду, стало гораздо уже труднѣе съ ними воевать. Прежде ихъ артиллерїя была весьма тяжела и неспособна къ возкѣ, теперь они ее поправили, и съ удобностїю возятъ за собою въ походахъ. Даже въ послѣднїя времена начали они формировать пѣхоту изъ двенадцати баталїоновъ Сипеевъ, совершенно вооруженныхъ, одѣтыхъ въ мундиры, и наблюдающихъ дисциплину подобно войскамъ Европейскимъ. Они не замедлили прїобрѣсть пользу отъ поправленїя своего въ воинскомъ искусствѣ, и еще отняли у Португальцовъ островъ Салсету, служившїй ключемъ къ Бомбаю, и отдѣленный отъ сего послѣдняго узкимъ каналомъ. При малѣйшемъ несогласїи съ Англичанами они угрожаютъ сему важному селенїю, которое, можно сказать, находится почти въ ихъ рукахъ. „Нѣтъ „сомнѣнїя, прибавляетъ Грозъ, что сїя „крѣпость не долго могла бы остаться „за Англичанами, естьли бы Мараты „рѣшительно опредѣлили ею завла„дѣть.„

Но сего не довольно, что Мараты стараются приближиться къ Французамъ и Англичанамъ въ искусствѣ вести войну на сухомъ пути: они даже подражаютъ имъ въ томъ, какъ воевать на морѣ; за нѣсколько лѣтъ передъ симъ они снарядили и вооружили страшной флотъ. Въ войнѣ Португальцевъ и Англичанъ противъ славнаго Маратскаго предводителя *Ангрія*, они подали довольно опытовъ тому, что сдѣлались не меньше отважными на морѣ, какъ и страшны на сухомъ пути.

Мараты суть идолопоклонники, и весьма привязаны къ религіи Брамы. Они вѣрятъ переселенію душъ; и потому не употребляютъ въ пищу никакихъ животныхъ, и берегутся лишить жизни даже малѣйшее насѣкомое. Но — чудное противорѣчіе! — сей воинственной и грабительный народъ истребляетъ себѣ подобныхъ человѣковъ. Однако въ семъ случаѣ, полагаясь на увѣренія своихъ жрецовъ, думаетъ, что можно ему очиститься принесеніемъ въ жертву вола. Сей обычай ихъ вѣры, или лучше сказать, лжевѣрія, совершается при началѣ кампаніи, и бываетъ сопровождаемъ многими таинственными и фанатическими церемоніями. Между знат-

цѣйшими людьми ихъ нацiи остался еще и донынѣ варварской обычай сжигать женъ по смерти ихъ мужа. Почти всѣ Мараты весьма много полагаются на вздорную Астрологiю.

Цвѣтъ лица ихъ весьма различенъ, и начиная отъ чернаго постепенно доходитъ даже до свѣтлооливковаго; ростъ посредственной, станъ пропорцiональный. Черты лица ихъ правильны и даже прiятны по большей части. Они брѣютъ себѣ головы, и оставляютъ только *сзади на макушкѣ маленькой хохолокъ*. А чтобъ еще больше отличиться отъ Могольцевъ, то они носятъ двѣ пукли изъ волосъ на ушахъ.

Во цвѣтѣ молодости своей жены Маратскiя довольно хороши; но какъ скоро пройдутъ молодыя лѣта, то онѣ становятся гнусны. Рѣдко можно найти между ними женщину, которая бы сохранила до тридцатаго году прiятную свою талiю и свѣжесть кожи; въ сiи лѣта онѣ даже перестаютъ быть матерями. Не должно пройти въ молчанiи того, что можно сказать къ ихъ чести: онѣ всегда остаются вѣрными своимъ мужьямъ.

Мущины, съ своей стороны, не заражены тою ревностiю, которая цар-

ствуетъ почти во всемъ Востокѣ. Вообще Мараты весьма привязаны къ своимъ обычаямъ, человѣколюбиво принимаютъ путешественниковъ, и довольствуются весьма малымъ, что касается до пищи и одежды; но они живы, безпокойны и дѣятельны, какъ и всѣ горные жители Индостана. Можно сказать, что съ этой стороны Мараты совсѣмъ не похожи на Индѣйцовъ, живущихъ на ровной землѣ: ибо сіи послѣдніе почти всѣ лѣнивы, изнѣжены и малодушны.

Мараты имѣютъ несчетныя богатства, и собираютъ ихъ не коммерціей и не мануфактурами: ибо они почти симъ не занимаются; — а единственно достаютъ ихъ грабежемъ при своихъ набѣгахъ. Сокровища ихъ увеличиваются со дня на день, отъ той дани, какую они сбираютъ съ сосѣднихъ Набобовъ. Сіи послѣдніе, хотя и довольно сильны, однако платятъ вѣрно свою дань, страшась навлечь на себя такого ужаснаго врага.

Почти всѣ Историки согласно обвиняютъ Маратовъ въ томъ, что они корыстолюбивы, грабители, мстительны и вѣроломны; но притворство не ихъ порокъ. Хотя и то правда, что не много можно полагаться на ихъ

честное слово, однако они ни мало не ищутъ скрывать своихъ мыслей ложнымъ притворствомъ и обманами; никогда не стараются, чтобъ ихъ признавали другими, нежели каковы они есть въ самомъ дѣлѣ; даже они первые стали бы ругаться надъ тѣмъ, кто на нихъ положится. Не можно также обвинять сего народа въ жестокости и кровожадности. Естьли случается Маратамъ умерщвлять людей, то всегда по той необходимости, что имъ противятся, и при томъ когда не находятъ они другаго средства къ грабежамъ, какъ только проливая кровь. Они также рѣдко берутъ непрїятелей своихъ въ полонъ, развѣ когда надѣются получить за нихъ хорошїй выкупу. При набѣгахъ своихъ не берутъ никого въ рабство, и въ семъ случаѣ совсѣмъ не похожи на дикїя орды Татаръ и Араповъ. Сїи человѣколюбивые поступки дѣлаютъ ихъ меньше страшными для сосѣдовъ; и для того земледѣльцы и деревенскїе жители, у которыхъ въ хижинахъ нѣтъ ничего, кромѣ земледѣльческихъ орудїй и какихъ нибудь глиняныхъ сосудовъ, не боятся ихъ приближенїя. Даже когда они грабятъ города, не дѣлаютъ жестокихъ взысканїй, развѣ какая нибудь част-

ная мстительность ожесточитъ ихъ. При взятіи Сурата они не умерщвляли тѣхъ жителей, которые не дѣлали имъ сопротивленія; не зажигали домовъ и даже взыскали гораздо меньше контрибуціи, нежели сколько могли бы взыскать съ большею строгостію.

Одно изъ ихъ правилъ, которое весьма обнаруживаетъ ихъ природной характеръ, есть слѣдующее: *не должно вырывать бороды съ корнемъ; довольно и того, чтобъ ее выбрить, чтобы могла она еще вырости.* Впрочемъ, есть-ли вѣрить Грозу, одному изъ новѣйшихъ путешественниковъ, которой больше всѣхъ другихъ собралъ наблюденій о Маратахъ: то онъ утверждаетъ, что сей грубой народъ начинаетъ мало по малу полироваться и принимаетъ нравы гораздо приличнѣйшія благоустроенному гражданству. Г. *Анкетиль*, жившій нѣсколько времени у сего народа, подаетъ въ немногихъ словахъ довольно хорошее мнѣніе о нравахъ и національномъ характерѣ Маратовъ: „Когда я жилъ посреди Маратовъ, „говоритъ онъ, то мнѣ казалось, будто я живу въ странѣ Природы. Тамъ „видѣлъ я народъ веселый, крѣпкой и „здоровой; гостепріимство общая ихъ

„добродѣтель. Казалось мнѣ, что я
„живу съ людьми первыхъ вѣковъ."

Сатарра есть столица земли Маратовъ; но прежде сего *Поогна*, городъ, лежащій за 100 миль отъ Бомбая, была резиденціею ихъ Правителя и Чиновниковъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ.

Нѣсколько уже лѣтъ главный ихъ Правитель или Марражасъ имѣетъ свое жилище, или лучше сказать, главную свою квартиру, въ крѣпости *Рари*, находящейся въ горахъ Деканскихъ. Европейскіе перебѣжчики, бывшіе тамъ, увѣряютъ, что сіе мѣсто есть самое крѣпкое на всемъ земномъ шарѣ; крѣпость стоитъ на вершинѣ превысокой горы, около которой есть еще много другихъ меньшихъ: одна тропинка самая узкая ведетъ туда. Кромѣ сей естественной защиты, окружность сей крѣпости можетъ достаточно производить хлѣбъ, и гарнизонъ никогда не останется безъ провизіи.

Поелику Правительство Маратовъ есть воинственное, и сіи народы почти всегда ведутъ войну внѣ своего Государства: то не удивительно, что мы имѣемъ мало Географическихъ свѣденій о тѣхъ странахъ, которыя покорены ихъ властительству.

Сіе краткое *Историческое описаніе* сочинено передъ концомъ послѣдней войны Индѣйской, и оно можетъ служить введеніемъ къ тѣмъ Историческимъ извѣстіямъ, которыя въ новѣйшія времена изданы о сей войнѣ. Въ сихъ новыхъ сочиненіяхъ можно найти то, чего здѣсь недостаетъ относительно до нынѣшняго состоянія Маратовъ. *Смотри* двѣ жизни *ГидерЪ-Алія.* Исторію послѣдней войны, въ одномъ томѣ, in 4, напечатанную у *Броказа.* Есть еще отрывокъ in 8 Исторія Маратовъ на Англійскомъ языкѣ; но Авторъ не зная по Англійски, не могъ ею пользоваться.

VII.

ОПИСАНІЕ

Кораблекрушенія и пожара, случившагося на Французскомъ кораблѣ ле Пренсъ, принадлежавшемъ Индѣйской Компаніи, на пути его изъ л' Оріана въ Пондишерѣ, въ 1752 году (*).

Корабль *ле Пренсъ*, принадлежавшій Французской Восточно-Индѣйской Компаніи, назначенный въ Пондишери, подъ командою Г. *Морена*, снялся съ якоря 19 го Февраля 1752 года, и отправился изъ гавани л' Оріанъ къ мѣсту своего назначенія. Едва проѣхалъ онъ островъ св. Михаила, какъ вѣтеръ перемѣнился, и воспрепятствовалъ миновать мѣль дю Тюркъ. Самыя великія усилія и наилучшая предосторожность не могли спасти мореплава-

---

(*) Сіе повѣствованіе издано въ свѣтъ Гномъ. *де ла Фоледомъ*, однимъ изъ Лейтенантовъ корабля ле Пренса, въ 1753 году. Оно сообщается здѣсь его словами.

телей отъ того нещастія, что корабль ихъ сѣлъ на мѣль. Жерла пушечныя погружены были въ водѣ. Мы сдѣлали нѣсколько сигналовъ, чтобъ подать извѣстіе о нашемъ нещастіи. Г. де Годегю, Коммендантъ гавани л' Оріана, пріѣхалъ самъ на корабль, и старался своимъ присутствіемъ и хорошими распоряженіями ободрить экипажъ; казну и самые дорогіе товары выложили для безопасности на малые суда, облегчили ту сторону корабля, которая опустилась въ воду; во всю ночь продолжалась наша работа самая многотрудная. Наконецъ случившійся поутру приливъ поднялъ нашъ корабль, и помогъ намъ войти въ рейду гавани Людовика; спасеніемъ корабля обязаны мы почти единственно благоразумнымъ распоряженіямъ Г. Годегю и принятымъ по его приказанію мѣрамъ. Въ кораблѣ была течь; но къ щастію насосы намъ много пособляли. Въ этой рейдѣ выгрузили мы съ корабля половину груза; а спустя восемь дней, вошли въ гавань л' Оріанъ, гдѣ выложили и остальной грузъ. Корабль повалили на бокъ и присоединили еще новую обшивку. Такая предосторожность обѣщала успѣхъ въ нашемъ путешествіи; самое нещастіе, намъ при-

ключившееся, пособствовало намъ удостовѣриться въ твердости нашего корабля, и казалось, что только одинъ огонь былъ въ состоянiи его разрушить.

10 го Iюня 1752 года, благопрiятный вѣтеръ удалилъ насъ изъ гавани; но послѣ благополучнаго плаванiя, мы испытали такое нещастiе, что всѣхъ ужасовъ онаго не можетъ изобразить ни самое чувствительное перо. И такъ я ограничу себя въ семъ повѣствованiи только сокращенною подробностiю: ибо мнѣ не возможно вспомнить всѣхъ обстоятельствъ сего нещастнаго случая.

26 го Iюля 1752 года, на 8 градусахъ 30 минутахъ южной широты, и на 355 градусахъ долготы, при юго-западномъ вѣтрѣ, въ ту минуту, какъ мы стали усматривать южной мысъ, досталось мнѣ командовать; скоро пришелъ ко мнѣ одинъ матросъ и объявилъ, что дымъ непримѣтно выходитъ изъ подъ парусины у большой люки.

При семъ извѣстiи первой Лейтенантъ, которому поручены были ключи отъ корабельнаго низу, велѣлъ открыть всѣ люки, дабы узнать причину сего ужаснаго случая, о коемъ и малѣйшее подозрѣнiе приводитъ въ трепетъ и самаго неустрашимаго плава-

теля. Капитанъ былъ тогда въ большой каютѣ за столомъ; однако и онъ тотчасъ вышелъ и давалъ приказы гасить огонь. Я его уже предупредилъ, и велѣлъ бросить въ море нѣсколько парусовъ и парусины, чтобы ими закрыть люки, и симъ средствомъ воспрепятствовать воздуху проходить въ нижнюю часть корабля; даже для большей безопасности я предложилъ впустить воды вышиною на футъ между обѣихъ палубъ. Между тѣмъ воздухъ имѣя свободной проходъ сквозь люки, произвелъ густой дымъ, и огонь увеличивался болѣе и болѣе.

Капитанъ велѣлъ стать съ ружьями человѣкамъ шестидесяти или осьмидесяти солдатъ, съ тѣмъ, чтобъ они удерживали экипажъ, которой могъ бы причинять великое помѣшательство при такой опасности. Г. *де ла Тушъ* помогалъ ему своимъ обыкновеннымъ благоразумїемъ и твердостїю.

Сей Индѣйскїй Герой заслуживалъ лучшую участь; онъ готовилъ своихъ солдатъ къ другимъ подвигамъ, гораздо полезнѣйшимъ для отечества. Всѣ занимались безпрестанно, лили воду въ корабль ведрами и насосами, даже лили и прѣсную воду, приготовленную для питья. Но пожаръ распространялся

болѣе и болѣе, умножалъ всеобщій ужасъ.

Капитанъ приказалъ уже спустить йолу въ море, единственно для того, что она мѣшала работѣ. Четверо изъ экипажу, въ числѣ коихъ былъ и ботсманъ, спустились въ нее. У нихъ не было веселъ; они кричали, чтобъ имъ подали весла; три матроса бросились тотчасъ въ море и приплыли къ нимъ съ веслами. Послѣ того кричали они, чтобъ имъ бросили корабельной канатъ; съ помощію котораго пристали бы они къ кораблю: ибо у нихъ не было руля; однако видя, что усилившійся пожаръ не оставляетъ имъ другаго средства, кромѣ удаленія, они поспѣшили плыть отъ сего мѣста.

Между тѣмъ на кораблѣ работа продолжалась; самая невозможность спастися умножала больше нашу бодрость. Корабельщикъ не устрашился сойти въ низъ корабля; но сильной жаръ принудилъ его возвратиться на верхъ; онъ даже сгорѣлъ бы, естьлибъ не вылили на него множество воды. Вскорѣ потомъ увидѣли мы пламя, вырвавшееся съ великою силою изъ большой люки; Капитанъ приказалъ спустить въ море суда; но страхъ столько истощилъ силы и самыхъ неустрашимыхъ,

что они почти не въ силахъ были поднять такой тяжести. Однако съ неимовѣрнымъ трудомъ подняли наконецъ по блокамъ одинъ ботъ до извѣстнаго возвышенія, и уже готовы были опустить его въ море; но между тѣмъ огонь, увеличившійся еще болѣе, досталъ до дину, или того толстаго каната, съ помощію котораго тяжести подымаются; динъ перегорѣлъ, и ботъ въ ту минуту упалъ на пушки старборда (т. е. перваго боку у корабля), повалился на бокъ, и тутъ пропала вся надежда его опять поднять.

Тогда мы ясно усмотрѣли, что помощь человѣческая намъ безполезна, и послѣдняя надежда наша въ Богѣ. Ужасъ сдѣлался всеобщимъ, отчаяніе объяло сердца всѣхъ, повсюду слышны были вопли и стенанія; даже животныя страшно вижжали. Тогда всѣ возвысили сердца и руки къ небу, видя передъ глазами близкую неминуемую смерть.

Духовникъ, бывшій на носу корабля, далъ всеобщее отпущеніе грѣховъ, и перешелъ въ галлерею, чтобъ оттуда сдѣлать сіе благодѣяніе тѣмъ нещастнымъ, которые были уже на морѣ. Какое ужасное зрѣлище! Всѣ занимались единственно тѣмъ, что бросали въ море разныя вещи, которыя

могли бы продлить жизнь ихъ хотя на минуту: коробки, райны, флаговые шесты, все, что только попадалось въ руки симъ отчаяннымъ. Смятенїе было невообразимое; иные, казалось, сами шли на смерть, бросаясь въ море; другїе вплавь старались добраться до отломковъ и снастей корабельныхъ: на вантахъ, райнахъ и на веревкахъ вдоль борту висѣло множество нещастныхъ, которые находились между двумя крайностями равно ужасными, равно неизбѣжными.

Не зная еще, какую участь приготовило для меня Провидѣнїе, видѣлъ я, какъ отецъ выхватилъ изъ пламени своего сына, бросилъ его въ море, самъ за нимъ послѣдовалъ, схватилъ его и вмѣстѣ съ нимъ умеръ. Между тѣмъ я велѣлъ перевалить кормило на старбортъ (т. е. на правой бокъ корабля), и этотъ манервъ спасъ насъ на этой сторонѣ, пока огонь жегъ все на лѣвой сторонѣ отъ кормы до носу.

До сего времени я столько былъ занятъ, что ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ о сохраненїи корабля; но въ сїю минуту ужасъ объялъ меня, когда я увидѣлъ два рода смерти равно ужасной, равно неминуемой; при всемъ томъ Небо благоволило, чтобъ я

сохранилъ всю твердость моего духа. Устремляя взоры во всѣ стороны, увидѣлъ я себя одного на палубѣ. Поспѣшивши войти въ каюту Совѣта, встрѣтилъ тутъ Г. де ла *Туша*; онъ ожидалъ смерти съ тѣмъ героизмомъ, которой доставилъ ему столько тріумфовъ въ Индіи. „Прощай, мой другъ! „сказалъ онъ, обнимая меня! — Ахъ, „куда вы? спросилъ я его. — „Иду „утѣшать моего друга, Морена.„ — Онъ разумѣлъ нашего Капитана, которой имѣлъ вдвое горести, видя своихъ двоюродныхъ сестръ, бывшихъ также на кораблѣ, подверженныхъ страшной погибели. Онъ уже свелъ ихъ внизъ на море и посадилъ на клѣтки, сорвавши съ нихъ наискорѣе платье; матросы поддерживали ихъ одною рукою, а другою плыли.

На мачтахъ и райнахъ плавало множество людей и боролись съ морскими волнами; но многіе изъ нихъ каждую минуту были умерщвляемы пушечными выстрѣлами: ибо огонь дошелъ до пушекъ и они стали палить; новая смерть, умножавшая тѣ ужасы, коими были мы окружены. Съ стѣсненнымъ сердцемъ отвращаю я взоры свои отъ моря. Спустя минуту, потомъ вхожу въ галлерею на правой

сторонѣ корабля, и вижу пламя, вырывающееся съ ужаснымъ трескомъ изъ оконъ большой каюты и изъ Совѣтной. Огонь приближался ко мнѣ и готовъ былъ меня пожрать; тогда мое присутствіе стало совершенно безполезно для сохраненія корабля и спасенія моихъ ближнихъ.

Въ такой крайности находясь, думалъ я, что долгъ мой требуетъ продлить жизнь свою хотя на нѣсколько часовъ, дабы посвятить ихъ Богу. Скидаю платье, хочу спуститься по райнѣ, коей одинъ конецъ доставалъ до самаго моря; но на ней висѣло множество нещастныхъ, которые страшились еще опуститься, боясь утонуть, и я перекатился черезъ нихъ и упалъ въ море, поручивъ себя милосердію Вышняго. Въ самое то время одинъ сильный солдатъ началъ тонуть, и поймавши меня, ухватился за меня крѣпко; я употребляю всѣ усилія, чтобъ вырваться изъ его рукъ, но тщетно. Я опускаюсь въ воду, но онъ меня и тутъ не оставляетъ; погружаюсь въ другой разъ, онъ все держится за меня крѣпко; даже не можетъ разсудить, что моя погибель ускоряетъ его смертію, и ни мало ему не полезна. Наконецъ, когда силы его истощились отъ

множества воды, которой онъ нагло-тался, и какъ я въ третїй разъ началъ погружаться въ воду: то онъ думая, что я тащу его на дно, пустилъ меня; а я, чтобъ не попасться опять ему въ руки, удалился отъ него подъ водою, и вынырнулъ поодаль его.

Сей первой случай сдѣлалъ меня гораздо осторожнѣе въ моемъ пути; я сталъ даже удаляться отъ кадавровъ; ихъ было уже такое множество, что надобно было отталкивать ихъ рукою и тѣмъ проложить себѣ путь; всякой разъ боялся встрѣтить живаго, боялся, чтобъ онъ за меня не ухватился, и конечно мы бы погибли вмѣстѣ безвозвратно. Между тѣмъ истощенныя мои силы припоминали мнѣ, чтобъ я искалъ для себя отдохновенїя: на дорогѣ попадается мнѣ шишка отъ флагу; тотчасъ вдѣваю руку въ кольцо веревки, и плыву далѣе, сколько могу; я вижу райну запаснаго паруса, приближаюсь къ ней и хватаюсь за ближнїй конецъ. На другомъ концѣ вижу молодаго человѣка, которой почти не могъ уже держаться; тотчасъ оставляю сїе пагубное прибѣжище, которое готовило для меня неминуемую смерть. Потомъ представилась моимъ глазамъ райна блиндовая; на ней было

уже множество людей; я не смѣю принять между ними мѣсто, не испрося на то позволенія, и они охотно мнѣ позволили. Иные изъ нихъ были совсѣмъ нагіе, другіе въ рубашкахъ; они имѣли столько добродушія, что стали жалѣть о моей судьбѣ, и ихъ нещастіе весьма жестоко меня тронуло. „Какъ „вы намъ жалки, доброй Офицеръ, говорили они мнѣ. — Мнѣ есть больше „причины жалѣть объ васъ, друзья „мои; я ужь приближился къ старо„сти, а ваша жизнь только начинает„ся.„ Они почти всѣ были молодые люди.

Г. Моренъ и Г. де ла *Тушъ*, оба достойные лучшей участи, не оставляли корабля и безъ сомнѣнія погребены между его развалинами. Куда я ни обращалъ взоры свои, повсюду представлялось мнѣ ужаснѣйшее зрѣлище. Большая мачта подгорѣвши снизу, упала въ море, и своимъ паденіемъ инымъ причинила смерть, другимъ послужила слабою помощію; множество нещастныхъ, борющихся въ волнахъ, ухватились за нее и на ней сѣли; въ эту минуту увидѣлъ я двухъ матросовъ на клѣткѣ. „Друзья мои, закричалъ я имъ, гребите дверцами, доплывите до меня.„ Эти дверцы были изъ

еловаго дерева. Они ко мнѣ приближились съ нѣкоторыми еще другими; я ухватился за клѣтку, и мы всѣ съ помощію деревъ, употребляя ихъ вмѣсто весла, доплыли до большой мачты, на которой сидѣло уже множество людей.

Такая перемѣна отчаяннаго моего положенія возрождала во мнѣ новыя ужасы; но къ щастію нашелъ я на мачтѣ духовника, и онъ далъ мнѣ разрѣшеніе; насъ было почти 80 человѣкъ, и всѣ мы каждую минуту опасались, чтобъ пушечные выстрѣлы, производимые огнемъ, не разразили насъ. Тутъ же на мачтѣ увидѣлъ я двухъ дѣвицъ, коихъ благочестіе послужило мнѣ назиданіемъ; на кораблѣ было шесть женщинъ, и вѣроятно, что четыре другія или потонули, или сгорѣли. Нашъ доброй духовникъ находясь въ семъ горестномъ состояніи, тронулъ сердца и самыя безчувственныя своею рѣчью и примѣромъ терпѣнія и совершеннаго преданія судьбы своей въ волю Божію. Я увидѣлъ, какъ онъ опрокинулся съ мачты и упалъ въ море; позадь его сидѣлъ я, тотчасъ бросился за нимъ и его вытащилъ. „Оставьте меня, сказалъ онъ мнѣ; я много набрался воды, не долго продол-

жится жизнь моя, вы только продлите мои мученія. — Нѣтъ, отецъ мой, отвѣчалъ я ему, умремъ вмѣстѣ, когда у меня силъ не станетъ.„ Въ самомъ дѣлѣ примѣръ сего праведника такъ укрѣпилъ меня въ послѣдніе сіи часы, что я съ полнымъ упованіемъ на Господа ждалъ минуты смертной. Часа черезъ три послѣ того увидѣлъ я одну изъ двухъ дѣвицъ, упавшую отъ усталости въ море и утопшую; она была отъ меня очень далеко, я не могъ помочь ей.

Тутъ сверхъ всякаго чаянія увидѣлъ я іолу довольно близко отъ насъ; тогда было пять часовъ вечера. Я закричалъ гребцамъ, что я ихъ Лейтенантъ, и просилъ у нихъ позволенія раздѣлять съ ними общее наше нещастіе; они позволили мнѣ войти въ ихъ судно съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ я самъ къ нимъ доплылъ. Имъ нуженъ былъ проводникъ, которой помогъ бы открыть землю, и потому мое товарищество было для нихъ весьма лестно, и они не могли отказать мнѣ въ моей прозьбѣ. Впрочемъ условіе, какое они мнѣ предложили, было самое благоразумное; они опасались сами ко мнѣ приплыть: ибо тогда всякой захотѣлъ бы войти въ сіе слабое судно; но оно

бы отъ того потонуло, и мы всѣ были бы погребены въ волнахъ морскихъ. И такъ я собралъ всѣ свои силы, и къ щастію удалось мнѣ доплыть до нихъ. Спустя мало времени, увидѣлъ кормчаго и корабельщика, которыхъ я оставилъ на большой мачтѣ; они оба послѣдовали моему примѣру, приплыли къ іолѣ, и мы ихъ приняли. Сей щастливой ботъ былъ ковчегомъ, въ которомъ спаслось десять человѣкъ, избавившихся отъ погибели изъ числа почти трехъ сотъ человѣкъ.

Между тѣмъ пламя пожирало нашъ корабль; мы были отъ него не далѣе полумили; а какъ опасно намъ казалось оставаться отъ него такъ близко, то мы отплыли нѣсколько по вѣтру. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, огонь добрался до нашего пороховаго магазина, и я не могу изобразить, съ какимъ громомъ взорвало корабль на воздухъ. Густое облако закрыло отъ насъ солнце: въ семъ ужасномъ мракѣ мы видѣли только большія пламенныя бревна, взлетѣвшія на воздухъ, коихъ паденіе грозило погибелью тѣмъ нещастнымъ, которые до того времени боролись еще со смертію. Мы сами не совсѣмъ были безопасны отъ подобнаго ужаса; такой отломокъ могъ бы до-

Сей щастливой ботъ былъ ковчегомъ для десяти человѣкъ, Избавившихся отъ погибели, изъ числа почти 300 человѣкъ.

стать до насъ, и потопить малый нашъ челнокъ. Но Небо избавивши насъ отъ сей опасности, открыло намъ самое плачевное позорище. Корабль исчезъ, а отломки его, разсѣянныя на дальнее пространство, плавали вмѣстѣ съ трупами тѣхъ нещастныхъ, коихъ отчаянїе прекратилось вмѣстѣ съ жизнїю отъ паденія тѣхъ отломковъ. Мы видѣли иныхъ совсѣмъ обгорѣвшихъ, другихъ до половины сгорѣвшихъ и разорванныхъ, однако сохранявшихъ еще *дыханїе жизни для сугубаго мученїя.*

Благодаря Бога, моя твердость меня не оставила: я предложилъ приближиться къ симъ отломкамъ, чтобъ попробовать, не найдемъ ли тамъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ нужныхъ вещей. У насъ ничего не было, и мы бы конечно умерли съ голоду, что казалось намъ *мучительнѣе той скорой смерти*, какую испытали прочїе наши товарищи. Мы встрѣчали много боченковъ, и надѣялись найти въ нихъ то, чего искали; но къ сожалѣнїю увидѣли, что это нѣсколько пороховыхъ боченковъ, выкинутыхъ въ море во время пожару.

Ночь наступала; наконецъ милосердый Богъ, благоволившїй насъ спа-

сти, подалъ и нужныя къ тому пособія: мы нашли боченокъ водки, около пятнадцати футовъ соленаго сала, кипу алаго сукна, двадцать аршинъ полотна тканаго въ 4 нитки, дюжину досокъ для бочекъ и нѣсколько веревокъ. Ночь насъ застала а намъ не должно было терять времени: ибо тысячу разъ подверглись бы мы опасности погибнуть между отломками, которые насъ со всѣхъ сторонъ окружали. И такъ мы удалились оттуда, сколько можно было скорѣе, и занялись нужнымъ снаряженіемъ нашего бота. Всѣ принялись за работу съ великимъ тщаніемъ; мы все употребили въ пользу: сняли внутреннюю обшивку съ нашего судна, ибо доски и гвозди были намъ нужны; изъ холстины надергали нитокъ; къ щастію у матроса нашлись двѣ иглы; алое сукно годилось намъ для паруса; весло употребили на мачту; рычагъ служилъ намъ райною; изъ шлахтова (т. е. желѣзнаго или деревяннаго клина, которой служитъ для соединенія мачтъ со стенгами, когда они подымутся) сдѣлали себѣ блокъ; доска употреблена вмѣсто кормила.

Не смотря на ночную темноту, мы скоро кончили свои снаряды, какъ могли лучше. Оставалось только рѣ-

шить, куда направить намъ путь: у насъ не было ни картъ, ни инструментовъ, и мы отстояли почти за 200 миль отъ земли. И такъ положились на милосердіе Божіе, и теплыми мольбами испрашивали помощи Вышняго.

Наконецъ распустили парусъ, и благопріятной вѣтеръ удалилъ насъ навсегда отъ нещастныхъ нашихъ братій. Въ такомъ состояніи плавали мы восемь сутокъ, не видя земли; будучи наги, сносили всю жестокость знойныхъ лучей солнечныхъ, а ночью терпѣли пронзительную стужу. Въ шестой день маленькой дожжикъ нѣсколько утолилъ нашу жажду, которая становилась несносна: мы старались собирать дожжевую воду горстьми, и растворя ротъ, лизали нашъ суконной парусъ; но сія матерія намокла уже въ морской водѣ, отъ чего и дождевая вода отдавалась горечью. Съ другой стороны мы признали это милостію Божіею, что дождь шелъ не великъ: ибо иначе утишился бы вѣтеръ, а безвѣтріе погубило бы насъ наконецъ.

Чтобы знать хотя нѣсколько, куда намъ править должно, мы замѣчали каждой день восхожденіе и захожденіе солнца и луны; маленькой кусокъ соленаго сала служилъ намъ пищею на

цѣлые сутки; да и его должно было оставить въ четвертой день: ибо кровь наша стала отъ того портиться, и оказалась сыпь на тѣлѣ. Хлебокъ водки отъ времени до времени составлялъ все наше питье; но сей горячій напитокъ жегъ желудокъ, ни мало его не напаяя. Видѣли много летучихъ рыбъ; но не возможно было ихъ поймать; и такъ необходимо должно было довольствоваться тою провизіею, какую имѣли. Неизвѣстность будущей судьбы, недостатокъ въ пищѣ, волненіе моря: все сіе причиняло совершенную безсонницу, которая истощила послѣднія наши силы. Казалось, что природа въ насъ уже не дѣйствовала: слабая только надежда еще оживляла наши силы, и мѣшала намъ завидовать судьбѣ погибшихъ нашихъ братій.

Я сидѣлъ у руля уже осьмую ночь; больше десяти часовъ держалъ кормило; часто просилъ, чтобъ меня смѣнили: ибо уже силъ моихъ не доставало; нещастные мои товарищи были также безсильны, и отчаяніе начинало уже владѣть нами. Наконецъ, когда трудности, бѣдствія, голодъ, жажда довели всѣхъ до послѣдней крайности, милосердой Богъ простеръ намъ руку спасенія: при первыхъ лучахъ солнца

увидѣли мы землю, въ середу 3 го Августа 1752 года. Надобно испытать наши нещастія, чтобъ вообразить, что мы чувствовали въ минуту нашего спасенія. Всѣ ободрились, собрали остатокъ силъ, употребили всѣ возможныя старанія, чтобъ не быть увлеченнымъ морскими стремнинами. Въ два часа послѣ полудня пристали къ Бразильскому берегу, вошли въ Трессонской заливъ, находящійся на шестомъ градусѣ широты и 348 долготы; отплывши *на одну милю далѣе*, мы бы разбились при ла Котъ де Феръ.

Первое наше дѣло, какъ скоро мы ступили на землю, было возблагодарить Бога за Его къ намъ милосердіе; мы бросились на сію землю, мѣсто нашего избавленія, и въ восторгѣ радости валялись по песку. Видъ нашъ былъ ужасенъ; а естьли онъ походилъ на видъ человѣка, *то тѣмъ* болѣе еще представлялъ нещастія насъ сокрушавшія. Одни были совершенно нагіе, на другихъ висѣли лоскутья изорванныхъ рубахъ; я повязалъ около пояса кусокъ алаго сукна, чтобы казаться начальникомъ между своими товарищами. Впрочемъ мы не видѣли еще конца нашимъ бѣдствіямъ: правда, избавились отъ величайшей опасности при неиз-

вѣстномъ плаванїи; но все еще голодъ и жажда насъ мучили, и та жестокая неизвѣстность, найдемъ ли мы въ сей странѣ людей сострадательныхъ. И такъ мы опять прибѣгли къ Богу, и скоро испытали новые его къ намъ щедроты.

Еще разсуждали мы, какую взять дорогу, какъ вдругъ увидѣли около пятидесяти Португальцевъ, почти всѣхъ вооруженныхъ, приближающихся къ намъ. Они спрашивали о причинѣ нашего прїѣзда; мы разсказали имъ о случившихся съ нами нещастїяхъ, и о томъ, какъ милосердому Богу угодно было насъ *спасти*. Намъ не нужны были ихъ сокровища; мы бы довольствовались только необходимѣйшими потребностями жизни. Португальцы тронулись нашимъ бѣдствїемъ, прославили Бога, избавившаго насъ отъ погибели, и спѣшили привести насъ въ свои жилища. Дорогою пришли мы къ рѣкѣ; тутъ всѣ мои товарищи бросились въ воду, утоляли жажду и валялись въ полной радости: въ самомъ дѣлѣ купанье было для насъ спасительнымъ средствомъ къ возстановленїю здоровья.

Главный начальникъ того мѣста принялъ насъ, и повелъ въ свой домъ,

отстоявшій за двѣ мили отъ того мѣста, гдѣ мы вышли на берегъ. Сей гостепріимный человѣкъ далъ намъ рубашки и портки, велѣлъ приготовить для насъ рыбы и муки изъ маньоку: это кушанье казалось намъ пріятнѣйшею пищею. Послѣ сего умѣреннаго обѣда, хотя мы также имѣли великую нужду въ отдохновеніи, однако рѣшились принести торжественное благодареніе Богу за наше спасеніе. Услышавши, что за полмили оттуда есть церковь Св. Михаила, пошли туда, воспѣвая хвалы Богу, и принесли Ему жертву благодаренія признательныхъ сердецъ. Трудность пути столько насъ утомила, что мы принуждены были отдыхать въ этомъ мѣстечкѣ. Наше нещастіе и крайняя бѣдность, также назидательное наше благочестіе, коего всѣ были свидѣтелями, возбудили общее соболѣзнованіе. Всякой спѣшилъ принесть намъ какія нибудь потребности жизни, сахару, воды, лимоновъ. Отдохнувши нѣсколько минутъ, возвратились мы къ своему гостепріимному хозяину, которой ввечеру приготовилъ для насъ ужинъ изъ свѣжей рыбы и муки маньока. А какъ мы имѣли великую нужду въ такой пищѣ, которая бы болѣе насъ подкрѣ-

пила; то мы вымѣняли быка за 25 кувшиновъ водки.

Намъ должно было итти въ Параибо, за 15 миль отсюда, и этотъ путь надлежало совершить босыми ногами, и при томъ не имѣли мы надежды найти хорошихъ съѣстныхъ припасовъ; и для того мы закоптили свою говядину, да сверхъ того взяли съ собой муки маньока. Отдохнувши три дня, отправились въ путь въ сопровожанïи трехъ солдатъ, которые поручены были въ команду Капитану Мору или Маïору. Прошедши семь миль, провели ночь у однаго добраго хозяина, которой по милости своей насъ къ себѣ принялъ. На другой день ввечеру встрѣтилъ насъ сержантъ, и при немъ двадцать девять солдатъ; мы представлены были Комменданту крѣпости: сей великодушный Офицеръ принялъ насъ благосклонно, далъ намъ пищи и лодку для переѣзду въ Параибо. Въ полночь прïѣхали мы въ сей городъ; тамъ дожидался насъ Португальской Капитанъ, и мы представлены были Губернатору, которой принялъ насъ весьма милостиво: онъ снабдилъ насъ всѣми нужными для жизни потребностями. Тутъ отдыхали мы три дня. А какъ намъ весьма хотѣлось скорѣе достигнуть

Фернамбука, и воспользоваться тѣмъ случаемъ, что флотъ Португальской долженъ былъ очень скоро отправиться въ Европу: то Губернаторъ далъ денегъ капралу, насъ провождавшему. У меня ноги были такъ избиты, что я почти не могъ стоять; и такъ мнѣ велѣно дать лошадь.

Наконецъ послѣ четырехдневнаго пути вошли мы въ городъ Фернамбукъ. Первое мое дѣло было представиться вмѣстѣ со всѣми моими спутниками Г. Генералу Іосифу де Коррса; который по благосклонности своей допустилъ меня къ себѣ на аудіенцію; потомъ донъ Францискъ Мигель, Капитанъ Королевскаго корабля, перевезъ насъ на своей шлюпкѣ, и доставилъ намъ честь отдать почтеніе Генералу флота, донъ Жуану д' *Акости де Брито*. Я не могу списать всѣхъ учтивостей, какими осыпалъ насъ сей Господинъ; онъ ничего не опустилъ, чѣмъ могъ быть намъ полезенъ. Видя меня почти нагаго, далъ мнѣ полное платье, а на другой день представили меня Генералу, начальствующему на землѣ, коего милости заслуживаютъ всегдашнюю мою признательность. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь, допустилъ къ своему столу; велѣлъ также сдѣлать мнѣ полное

платье, и далъ мнѣ шпагу. Спустя четыре дня, почтилъ меня своимъ посѣщенїемъ, и простеръ свою щедроту на мой экипажъ, которому подарилъ десять золотыхъ монетъ, и я раздѣлилъ ихъ, соображаясь съ рангомъ каждаго.

Во все время нашего пребыванїя въ семъ городѣ, продолжавшагося пятьдесятъ дней, донъ Жуанъ д' Акоста де Брито не переставалъ оказывать мнѣ новыя милости и ласки. Онъ мнѣ предложилъ свой домъ и столъ; также доставлялъ всѣ возможныя веселїя; великодушная его щедрость не отвергла ни одного изъ товарищей моего злощастїя; онъ даже велѣлъ помѣстить ихъ на корабли флота, и тамъ доставлялъ всякїя потребности. Каждой день искалъ онъ случая обнаружить свое человѣколюбїе разными къ намъ благодѣянїями: все его старанїе клонилось къ тому, чтобъ привести въ забвенїе претерпѣнныя нами нещастїя. Онъ не хотѣлъ никому повѣрить попеченїе о нашемъ сохраненїи; кромѣ самаго себя; казалось, что его корабль опредѣленъ былъ единственно для безопасности его войскъ и для нашихъ удобствъ. Можно бы сказать, будто главной предметъ его коммисїи состоялъ въ томъ, чтобъ награждать моихъ

матросовъ и доставлять намъ всѣ возможныя выгоды и удобства.

Наконецъ отправились мы 5 го Октября, и пріѣхали въ Лиссабонъ 17 го Декабря слѣдующаго года. Сіе продолжительное и щастливое плаваніе довольно удостовѣрить можетъ въ мудрости и опытности нашего Начальника.

Пріѣхавши въ Лиссабонъ, поспѣшилъ я отдать свое почтеніе Начальнику Алгвазиловъ. Сей чиновникъ предложилъ *мнѣ свою карету*, и *проводилъ* меня къ Г. *Вернею*, Французскому Консулу, которому разсказалъ я коротко о всѣхъ нашихъ нещастіяхъ и о тѣхъ милостяхъ, какія получили мы отъ Португальцевъ. Онъ велѣлъ отвезть меня въ своей каретѣ въ домъ нашего Адмирала, который, по отличному своему великодушію, принудилъ меня занять для житья *покои* въ его домѣ. Нѣсколько дней жилъ я у него, потомъ боясь во зло употребить его милости, переѣхалъ къ одному Французу, жившему въ городѣ не далеко отъ гавани; намѣреніе мое было искать случая возвратиться во Францію какъ можно скорѣе.

2 го Генваря, Консулъ доставилъ мнѣ небольшое судно изъ Морле, на

которое я сѣлъ съ корабельщикомъ; прочіе мои товарищи раздѣлены по другимъ судамъ. Я пріѣхалъ въ Морле 2 го Февраля. Тамъ принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней для отдохновенія; потомъ отправился въ л' Оріанъ, куда и прибылъ 10 го тогоже мѣсяца, удрученный бѣдствіемъ, лишенный всего, что имѣлъ въ свѣтѣ, послѣ 28 лѣтней службы; къ томужъ характеръ мой много перемѣнился отъ тѣхъ нещастій, какія Небо на меня наслало.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Англійскаго корабля Додингтона, на открытомъ морѣ между Мысомъ Доброй Надежды и островомъ Мадагаскаромъ, 17 го Іюля 1755 года.

25 го Апрѣля 1755 года, корабль *Додингтонъ*, подъ командою Капитана *Самсона*, поднялъ якорь изъ Дюнъ, что въ Англіи: онъ отправился оттуда вмѣстѣ съ кораблями *Пельгамомъ*, *Гаутономъ*, *Стретгамомъ* и *Геджекоуртомъ*, и всѣ они принадлежали Восточно-Индѣйской Компаніи. Въ семь дней вышли они изъ канала. Капитанъ Самсонъ видя, что его корабль легче всѣхъ на ходу, не хотѣлъ опустить сего случая къ скорѣйшему плаванію, отдѣлился отъ прочихъ и скоро потерялъ ихъ изъ виду. 20 го Мая достигъ Бонависты, одного изъ острововъ Зеленаго Мыса, лежащаго подъ шестнадцатымъ градусомъ сѣверной широты; 21 го бросилъ тамъ якорь въ заливѣ Порте-Пріоръ. Тогда оказалось, что онъ или ошибся въ своемъ чаяніи, ду-

мая плыть скорѣе прочихъ кораблей, или онъ потерялъ много времени, держась того пути, которой онъ выбралъ: ибо корабли Пелгамъ и Стретгамъ вошли въ тотъ же заливъ двумя часами прежде него; Гаутонъ слѣдовалъ за нимъ очень близко; но Геджекоуртъ прибылъ уже 26 го.

27 го Мая, четыре первые корабля запаслись водою, пустились вмѣстѣ далѣе въ свой путь, а Геджекоуртъ остался на рейдѣ. Они плыли вмѣстѣ, держась юго-востока, даже до 28 го. Но Капитанъ Самсонъ щитая, что они плывутъ слишкомъ далеко на востокъ, приказалъ свой корабль пустить прямо къ югу, отъ чего въ другой разъ разлучился съ прочими. Спустя семь недѣль благополучнаго плаванія, узналъ онъ землю на высотѣ Доброй Надежды. Проѣхавши Мысъ, отправился онъ изъ Агюльгаса 28 Іюля; корабль шелъ на востокъ цѣлые сутки, до 35 съ половиной градуса южной широты; послѣ чего Капитанъ приказалъ направить путь къ востоко-сѣверо-востоку.

По сему направленію шелъ корабль до 17 го числа того же мѣсяца: тутъ онъ набѣжалъ на камень, въ часъ безъ четверти по полуночи. Офицеръ, ко-

его журналъ составилъ сїе повѣствованїе, спалъ тогда въ своей каютѣ; но будучи вдругъ разбуженъ отъ удару, соскочилъ съ постѣли въ великомъ ужасѣ, и поспѣшилъ на палубу, гдѣ поразило его ужаснѣйшее зрѣлище. Онъ увидѣлъ людей, опрокинутыхъ жестокостїю волнъ, падавшихъ на нихъ, а корабль разбивался въ куски при каждомъ ударѣ волнъ, устремлявшихся на него. Онъ съ великимъ трудомъ вползъ на четвереньках на бакбордъ (т. е. на лѣвой бортъ) полупалубы, которая больше всѣхъ другихъ частей возвышалась надъ поверхностїю моря. Тамъ нашелъ Капитана, которой не сказалъ ему больше ничего, какъ только: намъ всѣмъ погибнуть! — Спустя нѣсколько минутъ, ударъ волнъ разлучилъ ихъ, и онъ не видалъ его болѣе. Сей Офицеръ хотѣлъ перейти на другую сторону полупалубы; но сила волнъ разбила его тѣло, и даже онъ переломилъ себѣ небольшую кость правой руки. Между тѣмъ всѣ части корабля одна отъ другой отдѣлялись, разбиваемы были въ куски и увлечены моремъ.

Въ семъ ужасномъ состоянїи, ожидая каждую минуту своей погибели въ безднѣ моря, услышалъ онъ крикъ: земля! земля! Тотчасъ окинулъ гла-

зами во всѣ стороны; но хотя и видѣлъ нѣчто такое, что можно было почесть землею, однако онъ щиталъ то за волны, противоборствующія морскимъ стремнинамъ. Въ самое то время волны упали на него съ такою силою, что не только оторвали его отъ убѣжища, но и ударили о часть корабельную; отъ чего онъ лишился памяти. Въ такой безчувственности оставался онъ на отломкахъ даже до разсвѣту и гораздо долѣе; опомнившись же нашелъ, что онъ зацѣпился за гвоздь, которой впился въ его плечо. Кромѣ той боли, какую причиняли ему раны, онъ такъ окостенѣлъ отъ холоду, что едва могъ двигать ногою или рукою. Онъ закричалъ изъ всѣхъ силъ, и его услышали находившіеся на скалѣ; но не могли подать ему помощи; и не мало прошло времени, пока удалось ему высвободиться и всползти на берегъ. То былъ островъ, составленный изъ безплодной и необитаемой скалы, на 33 градусѣ 44 минутахъ южной широты, отстоящій отъ Мыса Доброй Надежды почти за 250 миль къ востоку (*).

(*) Въ семъ исчисленіи Автора сего Журнала должно быть какой нибудь ошибкѣ; ни на

Офицеръ нашелъ тамъ Г. *Евана Джанеса*, перваго подшкипора; Г. *Іоанна Коллета*, втораго; Г. *Вильельма Уеля*, третьяго; Г. С. *Повеля*, пятаго подшкипоровъ; *Ригарда Толлинга*, плотника; *Ноеля Ботвеля* и *Нафанаила Чишольма*, штурмана; *Данила Ладову*, управителя Капитанова; *Генрика Шарла*, слугу лѣкарева; *Ѳомаса Алнольда*, Негра, и *Іоанна Магдовеля*, слугу Капитанова; *Роберта Бреслея*, *Іоанна Динга*, *Джилбетра Щена*, *Теренція Моле*, *Джонаса Розенбюри*, *Іоанна ГлассЪ-Тайлора* и *Генрика Сканца*, матросовъ; *Іоанна Іетца*, компаньона; *Іоанна Листера*, *Ралфа*, *Сонива* и *Эдуарда Диссоя*, юнговъ или матросскихъ прислужниковъ. Изъ двухъ сотъ семидесяти человѣкъ, бывшихъ на кораблѣ прежде кораблекрушенія, остались только въ живыхъ двадцать три человѣка.

одной картѣ не представлена сія скала, о которой здѣсь рѣчь идетъ, на 33 градусѣ 44 минутахъ широты, за 250 миль отъ Мыса Доброй Надежды и за 6 миль отъ какой-то твердой земли. Направленіе корабля отъ 9 Іюля по 17е было къ востоко-сѣверо-востоку: почему та ошибка не маловажна.

Первое ихъ старанїе было собирать доски или бревна, выброшенныя волнами изъ остатковъ корабля: это удалось имъ лучше, нежели они надѣялись. Потомъ всего нужнѣе былъ для нихъ огонь; но его не такъ легко было достать. Иные покушались достать его тренїемъ двухъ кусковъ дерева, но не имѣли въ томъ успѣха; другїе искали между камнями что нибудь такое, что могло бы имъ служить кремнемъ и сталью. Наконецъ послѣ долгихъ исканїй нашли они ящичекъ, въ которомъ были два ружейные кремня и кусокъ отломанной пилы: нечаянная сїя находка много ихъ порадовала. Но и сїи вещи были бы имъ безполезны до тѣхъ поръ, пока не нашли бы они какой нибудь горючей матерїи, которая приняла бы въ себя искру и могла бы зажечься. И такъ начались новыя исканїя, новое безпокойство; наконецъ нашли они боченокъ съ порохомъ; но къ величайшей для нихъ печали увидѣли, что порохъ мокръ. Однако разбирая его тщательнѣе, нашли на днѣ боченка не много пороху совершенно сухаго; высыпали его на тряпку, и скоро имѣли удовольствїе высѣчь огонь. Избитой Офицеръ долженъ былъ стеречь эту драгоцѣнную добычу, а его

нещастные товарищи пошли искать другихъ нужныхъ для жизни потребностей, безъ которыхъ сїя каменная скала продлила бы только мучительной ихъ конецъ.

Послѣ обѣда море принесло къ нимъ ящикъ восковыхъ свѣчь и боченокъ водки. Сїя находка причинила имъ великую радость, а особливо напитокъ, котораго выпили они всѣ по малой порцїи. Спустя нѣсколько времени другїе объявили, что они нашли цѣлую бочку съ прѣсною водою; а это было для нихъ гораздо нужнѣе водки. Г. Джонесъ принесъ нѣсколько кусковъ соленой свинины; потомъ нѣкоторые изъ экипажу пригнали семь свиней, которыя сами доплыли до скалы. Издали видѣли также нѣсколько бочекъ пива, воды и муки; но не возможно было до сего времени втащить ихъ на скалу.

Приближавшаяся ночь заставила ихъ подумать о прикрытїи себя, и для того всѣ занялись дѣланїемъ палатки изъ грубой холстины, выброшенной на землю. Они въ томъ успѣли послѣ многихъ трудовъ; но холста было такъ мало, что всѣ не могли помѣститься въ палаткѣ. На семъ островѣ водилось множество морскихъ птицъ, называемыхъ ганнетами, нѣсколько тол-

ще селезней. Большая часть скалы покрыта была пометомъ сихъ птицъ. Въ сей-то сторонѣ нещастные Англичане поставили палатку, боясь быть затоплены волнами; подъ нею положили тѣхъ, которые не могли ходить, и не подалеку отъ нихъ развели огонь; но какъ цѣлой этотъ день они ничего не ѣли, то и ночью не нашли себѣ успокоенія. Они лежали на футъ въ птичьемъ пометѣ; сверхъ того ночь была такъ бурна, что вѣтеръ погасилъ огонь; а дождь совсѣмъ истребилъ его, прежде нежели они могли собраться.

Въ пятницу, 18го Іюля, пошли тѣ, которые могли ходить, въ намѣреніи осмотрѣть окрестности утесовъ, и поискать, не принесло ли море чего нибудь изъ остатковъ корабельныхъ; но къ великой ихъ горести увидѣли, что всѣ бочки, которыя они прошлой вечеръ замѣтили, разбились о камни, кромѣ одной только съ пивомъ и одной съ мукою. Вскорѣ потомъ, когда они и сію малую находку поставили въ безопасномъ мѣстѣ, насталъ приливъ и прекратилъ ихъ поиски. Всѣ собрались вмѣстѣ, чтобъ въ первой разъ поѣсть, и нѣсколько кусковъ свинины изжарили на угольяхъ для стола.

сѣвши за сей обѣдъ, вдругъ поражены были унынїемъ и горестїю, видя безпомощное свое состоянїе, и не зная конца ему; всѣ возрыдали, произносили горькїя жалобы, устремляя повсюду свирѣпые отчаянные взоры.

Прежде нежели откроемъ мы Читателю тотъ странной прожектъ, которой предприняли нещастные наши страдальцы, и противъ всякаго чаянїя произвели его въ дѣйство: займемъ его утѣшительнымъ разсужденїемъ о томъ, какъ умъ человѣческой въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ ищетъ и находитъ важныя пособїя противъ нещастїй, удручающихъ человѣка. Таковы бываютъ обыкновенныя слѣдствїя нечаянныхъ грозныхъ ударовъ рока: сперва они поражаютъ душу нашу и ввергаютъ въ какую-то смертную безчувственность; но скоро за тѣмъ возбуждается въ ней сильное волненїе, воображенїе наше начинаетъ дѣйствовать быстро, устремляется на множество предметовъ, насъ окружающихъ, отвергаетъ ихъ безъ разбору, и наконецъ принуждено будучи возвратиться назадъ по слѣдамъ своимъ, останавливается на такомъ предметѣ, которой сильнѣе поразилъ его, и часто мы не разсматриваемъ дѣй-

ствительно ли онъ больше всѣхъ другихъ способенъ привести насъ къ тому концу, куда мы стремимся. Утвердившись на томъ, сіе спасительное воображеніе возбуждаетъ надежду, усыпленную въ глубинѣ нашего сердца: она возстаетъ, ободряется, устремляется къ тому предмету, находитъ въ немъ возможности, которыя разсудокъ собираетъ, связуетъ ихъ и приводитъ въ порядокъ; отсюда-то раждаются тѣ чудеса вымысловъ человѣческихъ и ихъ трудолюбія, тѣ чада нужды, которыя кажется непостижимымъ образомъ, извлекаютъ насъ изъ самаго отчаяннаго положенія. Не возможно однако не признать тутъ же благотворной руки Провидѣнія, пекущагося о сохраненіи нашемъ: оно даровавъ намъ высокой даръ мыслить, доставляетъ также и средства къ произведенію того въ дѣйство, что умъ нашъ только обнялъ. Тотчасъ увидимъ мы тому разительный примѣръ, на такомъ предпріятіи, которое почти смѣшнымъ показалось бы; но нещастные наши островитяне остановились на немъ, и на немъ утвердили свою надежду выттти изъ сего безплоднаго жилища; а именно, построить шлюпку, хотя у нихъ не было еще ни лѣсу, ни

потребныхЪ инструментовЪ; и мы прославимЪ вмѣстѣ сЪ ними Бога, доставившаго имЪ потребные кЪ тому матерїалы, которыхЪ могли они ожидать только отЪ Его щедроты.

ОдинЪ изЪ сихЪ нещастныхЪ, посмотрѣвши на плотника, сказалЪ, что естьлибЪ имЪ достать нужные матерїалы, то можно бы построить шлюпку, потому что плотникЪ сЪ ними. Эта мысль вЪ одну минуту оживила надежду всѣхЪ другихЪ; всѣ они до единаго устремили взоры на плотника. Сей увѣрялЪ, что конечно могЪ бы онЪ построить шлюпку, вЪ которой доѣхали бы они до какой нибудь безопасной гавани, естьлибЪ, какЪ сказано, достать нужныхЪ матерїаловЪ и инструментовЪ. Правда, тогда не знали еще они, какЪ бы имЪ все то достать, равно и то, что нужно для конопаченїя шлюпки, предположивЪ, что она будетЪ построена. Однако, какЪ скоро они усмотрѣли возможность кЪ своему избавленїю, тотчасЪ стали воображать, что она и вѣроятна, и не совсѣмЪ трудна. СЪ той минуты печаль ихЪ нѣсколько утишилась; они ѣли сЪ большимЪ аппетитомЪ, и шлюпка была матерїей ихЪ разговора; они не только стали раз-

суждать о величинѣ этой шлюпки, и какъ ею управлять, но даже спорили между собою, въ какую гавань плыть, къ Мысу или къ Делагоѣ.

Какъ скоро кончили обѣдъ, то одни изъ нихъ пошли искать добычи, а другія поправляли палатку; но въ этотъ день не нашли ничего годнаго для построенія шлюпки.

Въ субботу, 19 го Іюля, вытащили четыре бочки воды, бочку муки, бочку водки и одну изъ маленькихъ ихъ шлюпокъ, которую волны выкинули на скалу въ весьма худомъ состояніи; но не нашли никакого инструмента, кромѣ скребка.

Въ воскресенье, 20 го Іюля, нашли къ своему щастію коробъ, въ которомъ лежали пилы, иглы парусныя, буравы и морская карта. Нашли также два квадранта; плотнической скобель, долото, два клинка шпажныя и шкатулку съ казною. Сей поискъ начали они съ самаго ранняго утра: ибо волненіе моря въ прошлой день подавало имъ надежду, что волны принесутъ къ нимъ что нибудь изъ остатковъ корабельныхъ. Въ десять часовъ собрались всѣ на молитву, и вышли уже не прежде, какъ послѣ обѣда. Нашли много пакетовъ писемъ, принадлежав-

шихъ Королю и Компанїи; высушили ихъ и спрятали бережно.

Въ тотъ же день, продолжая свои поиски по берегу, нашли тѣло женщины, и признали въ ней *Мистриссу Коллетъ*, жену втораго подшкипора, которой былъ не далеко оттуда. Любовь сихъ двухъ супруговъ была чрезвычайна; Г. Джонесъ, первой подшкиперъ, отвелъ Г. Коллета какъ будто случайно на другую сторону утеса, а между тѣмъ другїе подшкипоры, при помощи плотника и нѣсколькихъ матросовъ, вырыли ровъ въ пометѣ птичьемъ, и положили туда тѣло, читая изъ найденной Французской книги погребательныя молитвы. Исполнивши сей печальный долгъ человѣчества, и скрывши отъ Г. Коллета предметъ его любви, которой поразилъ бы его слишкомъ жестоко, и былъ бы для него самаго опасенъ, они нашли случай, спустя нѣсколько дней, открыть ему мало по малу сїю печальную тайну, и отдали ему свадебное кольцо, снятое ими съ руки его жены. Онъ принялъ его съ жестокимъ волненїемъ; потомъ нѣсколько дней занимался, сооружая монументъ на ея могилѣ, собиралъ въ одно мѣсто всѣ четвероугольные камни, какїе могъ найти; а на верхъ поло-

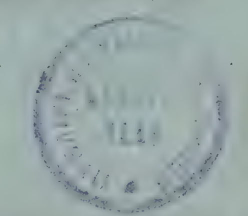
жилъ доску вязовую, на которой вырѣзалъ имя жены своей, годъ ея смерти и сокращенное описанïе того печальнаго случая, которой ея похитилъ.

Въ понедѣльникъ, 21 го Iюля, нашли небольшое количество прѣсной воды, свинины, лѣсу, досокъ, веревокъ и парусины; все сïе собрали съ великою радостïю, въ надеждѣ построить и снарядить шлюпку, хотя до сихъ поръ не было еще у нихъ многихъ инструментовъ, безъ которыхъ плотнику не возможно было начать работу. Онъ только приготовилъ пилу; но у него не было ни молотка, ни гвоздей. Въ такихъ обстоятельствахъ одинъ матросъ, по имени *Генрикъ Шанцъ*, родомъ Шведъ, нашелъ старой кузнечïй мѣхъ, принесъ его къ своимъ товарищамъ, сказалъ имъ, что онъ бывалъ кузнецомъ, и что съ помощïю сего мѣха и кузницы, которую можно будетъ сдѣлать, онъ доставитъ плотнику всѣ инструменты, для него нужные, также надѣлаетъ ему и гвоздей. Къ тому прибавилъ онъ, что ему кажется это очень возможнымъ, потому что во многихъ бревнахъ и отломкахъ корабельныхъ есть много желѣза, и его можно достать, сжегши тѣ бревна. Сïе предложенïе принято было съ восторгами

радости. Кузнецъ принялся тотчасъ поправлять свой мѣхъ, а три слѣдующіе дня занимались строеніемъ палатки и кузницы. Собрали также всѣ бревна и доски, какія годились для плотника, которой съ своей стороны принялся поправлять всѣ инструменты, какіе у него были, чтобъ быть въ состояніи начать шлюпку, какъ скоро будетъ возможность.

Въ четвертокъ, 24 Іюля, плотникъ, съ помощію штурмана Чишольма, началъ работать киль шлюпки, которой рѣшились сдѣлать въ 30 футовъ длиною и въ 12 шириною. Въ тотъ же день кузнецъ кончилъ свою кузницу и собралъ много ели для разведенія огня. Съ сего дня плотникъ и кузнецъ трудились со всевозможнымъ стараніемъ; сей послѣдній былъ столько щастливъ, что нашелъ кольцо и шишку якорную, которая служила ему для сдѣланія наковальни; онъ работалъ долота, топоры, молотки, гвозди и все нужное для плотника, которой съ своей стороны пользовался всѣмъ съ равнымъ искусствомъ и прилѣжаніемъ даже до 31 го числа, въ которое онъ сдѣлался боленъ.

Жизнь всѣхъ нещастныхъ, оставленныхъ на сей необитаемой скалѣ, за-

висѣла отъ жизни и здоровья плотника; и потому всѣ съ великимъ безпокойствомъ и нетерпѣливостію ожидали его выздоровленія. И къ неописанной ихъ радости онъ такъ скоро оправился, что втораго Августа принялся опять за работу.

Между тѣмъ съѣстные ихъ припасы, которые удалось имъ спасти, мало по малу истощались; и для того они принуждены были довольствоваться положенною порціею по двѣ унціи хлѣба въ день на человѣка; а ветчины оставалось уже у нихъ не болѣе, какъ только на замазаніе шлюпки; воды осталось также очень мало. Въ такой бѣдности прибѣгли они къ разнымъ пособіямъ; выкопали колодезь, въ надеждѣ найти какой нибудь источникъ, но это было безуспѣшно; пробовали убивать ганнетъ, прилетавшихъ на вершину утеса, и это имъ удалось; но мясо ихъ нашли очень твердо, вкусу рыбьяго и такъ черно, какъ уголь; сдѣлали себѣ плотъ, похожій на катамаранъ, въ намѣреніи ѣхать на рыбную ловлю съ удами и сѣтьми, выброшенными моремъ. Удалось имъ убить нѣсколько морскихъ тюленей; но всѣ тѣ, которые ихъ

ѣли, сдѣлались больны; а это и принудило ихъ убить одну свинью.

Рыбная ловля такъ была имъ удачна, что они иногда пускались въ море на двухъ плотахъ. Впрочемъ Г. Коллетъ и Г. Іетцъ были одинъ разъ подвержены великой опасности: чуть было ихъ не унесло въ открытое море на такомъ плоту, и они конечно бы погибли. 20 го Августа, ловили они рыбу послѣ обѣда даже до четырехъ часовъ, и въ сіе время вознамѣрились возвратиться назадъ къ своей скалѣ; но вдругъ поднялся сильный западный вѣтеръ, и унесъ ихъ далеко въ море. Стоявшіе на берегу видѣли ихъ нещастіе, но не знали, какъ подать имъ помощь. Однако отважились послать другой плотъ съ веревками, въ надеждѣ, что имъ можно будетъ привязаться, когда вѣтеръ утихнетъ; но море такъ сильно волновалось, что сей послѣдній плотъ опрокинутъ былъ три раза, и посланные принуждены были возвратиться вплавь. Они видѣли товарищей своихъ далеко увлеченныхъ волнами, и приходили въ отчаяніе, не будучи въ состояніи имъ помочь, какъ вдругъ плотникъ сказалъ, что онъ сплотилъ уже маленькую шлюпку такъ, что можно будетъ удобно одно-

му человѣку вычерпывать воду, сколько ея протечетъ. Сїе обѣщанїе укрѣпило ихъ надежду, и не было ни одного, кто бы не хотѣлъ сѣсть въ лодку и плыть на избавленїе друзей своихъ. Въ четверть часа шлюпка была готова; скоро доплыли до плота, и взяли въ нее Коллета и Іетца. Они видѣли, что вода чрезвычайно много вливается въ шлюпку, не смотря на всѣ ихъ усилїя; и когда пристали къ берегу, то шлюпка такъ наполнилась водою, что неминуемо потонула бы, естьлибъ еще хоть нѣсколько минутъ пробыла въ морѣ. Сей случай сдѣлалъ такое на всѣхъ *впечатлѣнїе*, что никто уже не отваживался ловить рыбы на плотахъ; но плотникъ занялся починкою маленькой шлюпки, и скоро сдѣлалъ ее годною къ употребленїю.

Рыбная ихъ ловля была очень не надежна, и часто случалось, что они возвращались ни съ чѣмъ. Но и на землѣ пособїя ихъ были не больше надежны; иногда ганнеты прилетали превеликими станицами, подобно облаку, а иногда не видали ни одной изъ нихъ много дней сряду. Англичане весьма желали найти какое нибудь средство, чтобъ сберечь безъ порчи пойманное въ иные дни для другихъ, въ

которые ничего не добудутъ. Дѣлали много опытовъ, стараясь коптить и рыбы и ганнетъ; но это было безуспѣшно. Потомъ хотѣли попробовать надѣлать соли; но этотъ опытъ едва не былъ роковымъ для всѣхъ ихъ. Кузнецъ сдѣлалъ имъ для сего предмета мѣдной сосудъ; они тотчасъ стали дѣлать въ немъ опытъ, не думая о томъ, что накипъ на мѣди есть сущій ядъ. Они сдѣлали соль; но эта ядовитая матерія разлилась съ такою силою, что вкусъ соли былъ несносной. И такъ принуждены были ее бросить; тѣ, которые ее отвѣдали, почувствовали въ себѣ жестокую колику, холодной потъ и сильныя конвульсіи, отъ которыхъ избавились съ великимъ трудомъ.

Въ среду, 3 го Сентября, было уже почти семь недѣль, какъ они жили на сей безплодной скалѣ, куда они спаслись 17 го Іюля, и во время ихъ пребыванія часто примѣчали большой дымъ со стороны твердой земли; почему они весьма желали послать туда шлюпку, чтобы узнать, можно ли ожидать имъ оттуда какой помощи. Въ семъ намѣреніи *Ботвель*, *Розенбюри* и *Тайлоръ* отправились въ этотъ день ночью; а между тѣмъ другіе развели на верши-

нѣ утеса большой огонь, которой бы могъ служить имъ сигналомъ.

Въ то время, пока они дожидались возвращенія шлюпки, всѣ поражены были величайшимъ ужасомъ, при нещастіи случившемся съ плотникомъ, которой разсѣкъ себѣ ногу. Вытекло множество крови; а какъ не было ни лѣкаря, чтобъ перевязать рану, ни лѣкарствъ, чтобъ приложить къ ней: то нѣсколько времени опасались они лишиться навсегда сего нужнаго для нихъ человѣка. Наконецъ послѣ многихъ трудовъ кровь унялась и рана мало по малу заживала.

Въ субботу, 6 го числа, дожидались они возвращенія шлюпки: ибо погода цѣлыя двое сутокъ продолжалась прекрасная. Въ полдень начали они безпокоиться, не видя шлюпки; но когда сѣли обѣдать, то обрадовали ихъ два человѣка, которые бѣжавши по утесу, кричали: шлюпка! шлюпка! Тотчасъ всѣ вскочили и въ веселіи побѣжали ей на встрѣчу, твердо надѣясь на щастливой успѣхъ. Но они скоро примѣтили, что въ шлюпкѣ сидитъ только одинъ человѣкъ и правитъ двумя веслами; изъ чего заключили, что двое другіе или погибли, или задержаны. Спустя нѣсколько минутъ, имъ

ли удовольствіе видѣть другаго подымавшагося со дна шлюпки, и потому думали, что онъ сошелъ туда за какою нибудь нуждою. Между тѣмъ шлюпка приближалась, но весьма медленно. Обѣдъ совсѣмъ забытъ; цѣлой часъ стояли они на берегу съ величайшею нетерпѣливостію; наконецъ шлюпка пристала. Двое, находившіеся на ней, были Розембюри и Тайлоръ; какъ скоро они сошли на землю, тотчасъ бросились на колѣни и благодарили Бога, *что Онъ благоволилъ привести* ихъ въ безопасности къ той скалѣ, которая хотя была голая и безплодная, однако служила безопаснымъ пристанищемъ, въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, какія они испытали. Всѣ силы ихъ истощились, когда они старались пристать къ берегу, и едва въ состояніи были встать при помощи своихъ товарищей.

Какъ скоро они добрались до палатки, то всякой спѣшилъ подать имъ что нибудь изъ съѣстнаго: ибо замѣтили, что въ шлюпкѣ не было ни провизіи, ни воды. Наскоро приготовили имъ нѣсколько рыбы, и видя, что они ослабѣли отъ безсонницы и трудовъ, не тревожили ихъ своими вопросами; а даже съ терпѣніемъ, весь-

ма страннымъ въ такомъ случаѣ, ожидали скончанія ихъ сна, которому они предались послѣ своего обѣда. Пробудившись, удовлетворили справедливому любопытству своихъ товарищей, разсказавши о случившемся съ ними во время сей поѣздки.

Въ день ихъ отъѣзду, часа въ три послѣ полудня, они поворотили къ одному мысу, находящемуся миль за шесть на востокъ отъ скалы; чѣмъ ближе къ нему подавались, тѣмъ яснѣе примѣчали, что онъ раздѣляется на двое; а это подавало имъ надежду найти тутъ пристань. Но они обманулись въ своемъ чаяніи, и на всемъ этомъ берегу нашли страшные утесы. Въ пять часовъ, не видавъ еще ничего, кромѣ одного человѣка изъ тамошнихъ жителей, отважились пристать къ берегу; но въ ту минуту, какъ вошли въ быстрину, шлюпка ихъ опрокинулась, и къ ихъ нещастію Ботвель погибъ въ волнахъ. Другіе оба достигли берега въ крайней слабости и истощеніи, не имѣя никакой провизіи, кромѣ небольшаго боченочка водки. Отдохнувши нѣсколько, потащились вдоль по берегу, чтобъ достать шлюпку: ибо не находили другой защиты отъ хищныхъ звѣрей, коихъ нападенія боялись ио

время ночи. Черезъ нѣсколько времени нашли ее, но были такъ безсильны, что не могли ее поднять. Ночь настала, и они принуждены были остаться на пескѣ, не имѣя другаго прикрытія, кромѣ вѣтвей древесныхъ; такъ дожидались они дня. Какъ скоро онъ настал, пошли искать шлюпки; но волны удалили ее отъ того мѣста, гдѣ они ее оставили.

Идучи вдоль берега, увидѣли человѣка и пошли ему на встрѣчу; но онъ ударился въ бѣгство и скрылся въ лѣсу, не далеко отъ берега находившемся, которой показался имъ весьма густой; они за нимъ туда не послѣдовали. Спустя мало времени, нашли тѣло нещастнаго Ботвеля, лежащее на пескѣ довольно далеко отъ моря, и растерзанное на части, вѣроятно дикими звѣрьми: это причинило имъ чрезмѣрной ужасъ. Однако они нашли свою барку; но боясь проводить еще ночь на землѣ, рѣшились старашься о своемъ возвращеніи. Въ этомъ воспрепятствовалъ имъ западной вѣтеръ; онъ опрокинулъ шлюпку вмѣстѣ съ ними, и бросилъ ее на берегъ. Съ великимъ усиліемъ плыли они къ берегу, и наконецъ добрались до него; несносной голодъ и усталость мучили ихъ: цѣ-

лой этотъ день они не ѣли ничего. Тогда нашли плодъ, похожїй на яблоко, и тотчасъ его съѣли, не зная ни имени его, ни свойства; однако онъ имъ ни мало не повредилъ.

Утоливши хотя нѣсколько голодъ симъ бѣднымъ кушаньемъ, принялись они вытаскивать шлюпку на землю, и подлѣзши подъ нее, легли спать подъ защитою отъ зноя солнечнаго и дикихъ звѣрей. Кто знаетъ непреодолимую силу сна послѣ долгой безсонницы и непомѣрнаго труда, тотъ едва ли повѣритъ, что сонъ ихъ былъ очень слабъ и не продолжителенъ; однако точно такъ, и причиною тому было ихъ состоянїе самое безпокойное и очень не безопасное. Они проснулись прежде разсвѣта, и смотря изъ подъ низу своей шлюпки, какъ скоро могли различать предметы, увидѣли лапы многихъ животныхъ, которыя ходили взадъ и впередъ: они почли ихъ за тигровъ. Это побудило ихъ оставаться по прежнему въ своей скрытности, пока совершенно насталъ день. Они выглянули въ другой разъ и узнали ноги человѣческїя. Увидя сїе, вышли изъ подъ шлюпки къ великому удивленїю Дикато и двухъ другихъ, которые находились нѣсколько подалѣе съ мальчикомъ.

Какъ скоро Дикіе пришли въ себя отъ перваго удивленія, то сдѣлали знаки, чтобъ Англичане удалились; чему они немедленно повиновались; но будучи крайне слабы, шли очень медленно.

Они еще не далеко отошли отъ шлюпки, какъ вдругъ увидѣли множество Дикихъ, которые шли на нихъ съ копьями. Розембюри захватилъ мачту со шлюпки и пистолетъ, выброшенный моремъ на берегъ; видя, что Дикіе идутъ на него, и будучи не въ состояніи бѣжать, онъ имѣлъ глупую смѣлость обратиться къ нимъ, собралъ всѣ силы свои и приближился къ нимъ съ грознымъ видомъ, думая, что они устрашатся и убѣгутъ въ лѣса. Онъ ошибся въ своемъ чаяніи; вмѣсто того, чтобъ удалиться, они его окружили, и начали потрясать своими копьями: Тайлоръ видя, что покорность есть единое средство къ избавленію ихъ отъ такой великой опасности, бросился на колѣни, и протянулъ къ нимъ руки съ покорнымъ видомъ, между тѣмъ какъ Розенбюри побѣжалъ къ морю. Дикіе тотчасъ окружили Тайлора и начали его грабить. Онъ спокойно позволилъ снять съ себя чулки и рубашку; но когда они хотѣли отнять у него и прочее платье, то онъ нѣ-

сколько воспротивился, и просилъ ихъ жестали не оставлять его совершенно нагаго. Они и въ самомъ дѣлѣ остановились; потомъ сдѣлали знакъ Розембюри, которой все плавалъ по морю, чтобъ онъ къ нимъ пришелъ; но онъ не соглашался, боясь, что они его убьютъ. Они показали ему на Тайлора, давая тѣмъ знать, что не хотятъ его умертвить; тогда онъ къ нимъ приближился, бросилъ передъ ними пистолетъ, скинулъ съ себя все платье, выключая рубашки; послѣ чего отважился отдаться въ ихъ руки. Они не сдѣлали ему никакого насилія, а только держали передъ нимъ мачту со шлюпки и пистолетъ, какъ будто насмѣхаясь надъ его глупостію, что онъ хотѣлъ ихъ устрашить. Казалось, что они были довольны одеждою, которую и раздѣлили между собою.

Наконецъ начали грабить барку, взяли всѣ веревки, какія тамъ нашли; также желѣзной крюкъ, на которомъ вѣшали руль, и начали разламывать корму, желая достать желѣзо, тамъ примѣченное. Для нещастныхъ Англичанъ это было все равно, что разбить имъ голову: они начали рыдать, увидя, что хотятъ разломать малое ихъ судно. Умоляли Дикихъ, какъ

лучше умѣли, и сїи оставили шлюпку въ такомъ состоянїи, въ какомъ ее нашли. Ободрившись симъ успѣхомъ, Англичане побуждаемы будучи жестокостїю голода, просили у Дикихъ знаками чего нибудь поѣсть; они ихъ поняли, дали имъ какихъ-то кореньевъ и приказали ѣхать. Англичане спустили барку въ море и бросились въ нее; но сильной западной вѣтеръ мѣшалъ имъ удалиться отъ берегу. Дикїе видя, что Англичане хотятъ имъ повиноваться, но не могутъ того сдѣлать, накрыли ихъ шлюпкою, чтобъ они отдохнули, и оставили ихъ такъ, какъ прежде нашли. На другой день поутру время настало прекрасное, и такъ Англичане пустились въ море съ восточнымъ вѣтромъ, и наконецъ удалось имъ возвратиться къ прежней своей скалѣ.

Съ того времени до 28 го Сентября кузнецъ и плотникъ продолжали строить шлюпку. Всѣ непрестанно занимались собиранїемъ того, что море отъ времени до времени выбрасывало къ нимъ изъ остатковъ корабельныхъ, а особливо веревки и парусину для снаряженїя шлюпки; также нашли нѣсколько бочекъ прѣсной воды, которую съ великимъ тщанїемъ хранили

вмѣстѣ съ другою провизїей для своей поѣздки. Въ тотъ же день окончивши молитву, что каждой день непремѣнно дѣлали, а въ воскресные дни всѣ вмѣстѣ, Офицеры усмотрѣли, что денежной ящичекъ открытъ, и большая часть суммы оттуда вынута.

Можетъ быть иной удивится, что тѣ люди, которыхъ опасность сдѣлала столько набожными, оказались виновны въ грабительствѣ; но при семъ случаѣ надобно вспомнить, что когда корабль погибаетъ, то матросы теряютъ свое жалованье, а Капитанъ лишается своей команды; тогда всякая субординацїя перестаетъ, и все выбрасываемое моремъ почитается общимъ благомъ. И такъ экипажъ взявши казну, которую они щитали общею, ни какъ не думали, что учинили воровство: ибо намѣренїе ихъ было сохранить у себя то, что по ихъ мнѣнїю всѣмъ вообще принадлежало, и о чемъ они опасались, чтобъ Офицеры не присвоили всего себѣ, а имъ бы ничего не дали. Сїе средство, наградить себя тайно своими руками, предупредило по крайней мѣрѣ всѣ споры, коихъ слѣдствїя могли бы быть для нихъ плачевны въ тогдашнемъ ихъ положенїи.

Однако Офицеры узнавши случившееся и видя, что никто не хочетъ открыть виновника, предложили написать присягу нѣкотораго роду и дать ее всякому въ особенности для прочтенія, начиная съ нихъ самихъ. Большая часть изъ экипажу тому воспротивились, безъ сомнѣнія для того, что почитали такую присягу ненужною и пустою, когда дѣло шло о такомъ преступленіи, котораго они не признавали преступленіемъ; даже тѣ, которыхъ сей опытъ не устрашалъ, не были изъ числа самыхъ твердыхъ. Такимъ образомъ дѣло прекратилось, и не было ни розысковъ, ни распросовъ.

6 го Октября, нашли охотничье ружье къ величайшей своей радости; дуло его было помято, но кузнецъ скоро его поправилъ, и оно годилось для стрѣлянія птицъ, которыхъ прежде убивали только палками.

Въ пятницу, 10 Октября, увидѣли великими стаями прилетѣвшихъ ганнетъ, которыхъ нѣсколько уже времени передъ тѣмъ не видно было. Англичане надѣялись, что онѣ на утесахъ положатъ свои яйца, и не обманулись. Даже до начала Іюля мѣсяца было у нихъ довольно яицъ; но въ сіе время уже ихъ не находили.

Въ воскресенье, 19 Октября, Г. Коллетъ, Г. Вебъ, и двое другие отважились еще стать на плотъ и ѣхать на рыбную ловлю; но поднялся сильной вѣтеръ, плотъ разорвался и ихъ выбросило на другую сторону утесовъ. Между тѣмъ вѣтеръ становился сильнѣе, и море жестоко волновалось: не можно было спустить шлюпку, чтобъ возвратить тѣхъ четырехъ нещастныхъ, и они принуждены были цѣлую ночь оставаться на тѣхъ утесахъ съ морскими тюленями, безъ всякаго прикрытія, безъ всякой пищи. Хотя положенїе ихъ было весьма непріятно, однако они утѣшались еще тѣмъ, что Богъ избавилъ отъ нещастія гораздо большаго, а можетъ быть и самой погибели: моглобъ случиться, что вѣтеръ унесъ бы ихъ въ открытое море, опрокинулъ бы плотъ, и они нашли бы смерть свою въ волнахъ морскихъ. Вѣтеръ началъ утихать уже не прежде полудня на другой день; тотчасъ послали шлюпку; но какъ волны все еще высоко подымались, то не можно было перевезти всѣхъ четверыхъ вмѣстѣ, а перевозили только по двое. Тогда настало дождливое время, и это было имъ очень пріятно: ибо они могли собрать еще нѣсколько

свѣжей воды, и тѣмъ умножить нужную провизїю для будущей своей поѣздки. Тогда оказался у нихъ великой недостатокъ въ хлѣбѣ, не смотря на то, что они съ давняго уже времени ограничили себя самою малою порцїею. Для вознагражденїя сего недостатка, принялись они построить печку, чтобъ напечь хлѣба: ибо у нихъ было много боченковъ муки, выкинутыхъ моремъ послѣ кораблекрушенїя. Они успѣли въ томъ сверхъ своего ожиданїя, и напекли прекрасныхъ сухарей; но видя, что и они приходятъ къ концу, принуждены были опять довольствоваться нѣсколькими унцїями въ день. Отказались также и отъ водки, потому что малое ея количество берегли только для плотника; къ пущему ихъ неудовольствїю и воды оставалось такъ мало, что они ограничили употребленїе ея, давая по одной пинтѣ въ день на каждаго.

Не смотря на сїи непрїятности, всѣ они имѣли щастїе быть совершенно здоровы и въ полной крѣпости. 16 го Февраля спустили на воду свою шлюпку, и назвали ее *Щастливымъ Освобожденїемъ*. 17 го, положили въ нее небольшое количество провизїи, ими собранной. Наконецъ 18 го, распустили

парусы, и оставили скалу, которую назвали *Островомъ Птицъ*, и на которой жили они цѣлые семь мѣсяцовъ.

Вся ихъ провизія состояла въ двухъ бочкахъ и четырехъ боченкахъ воды, двухъ живыхъ свиньяхъ, кадочкѣ коровьяго масла, около четырехъ фунтовъ сухарей на каждаго, да прочей соленой провизіи на десять дней, щитая на каждаго порцію въ день по двѣ унціи: но почти вся сія провизія попортилась.

18 го, въ часъ по полудни, подняли якорь при тихомъ западномъ вѣтеркѣ, въ намѣреніи плыть къ рѣкѣ Сентъ-*Люціи*, на *берегу Наталь*, куда и направили путь. Но нещастіе, которое преслѣдовало ихъ и въ сей поѣздкѣ, возбудило противъ нихъ всякія противности чрезъ цѣлые двадцать пять дней: будучи безъ провизіи и увлекаемы морскими стремнинами, которыхъ и самой благопріятной вѣтеръ не въ состояніи былъ преодолѣть, они испытали всѣ бѣдствія самаго отчаяннаго состоянія. Наконецъ, когда нещастія ихъ болѣе и болѣе умножались, лишились они надежды достигнуть до рѣки Сентъ-Люціи; а видя, что быстрины влекутъ ихъ съ великою силою къ юго-западу, рѣшились перемѣнить

направленїе своего пути, и попробовать, не можно ли достигнуть Мыса Доброй Надежды. Въ семъ намѣренїи 2 го Марта, направили туда свой путь. На другой день время было склонно къ бури, и они ожидали жестокаго вѣтру съ западу. Не обманулись въ своихъ догадкахъ: вѣтеръ чрезвычайно свирѣпствовалъ даже до 4 го числа. Тогда надѣялись нѣсколько отдохнуть; но море все еще такъ волновалось, что они боялись каждаго удара, которой грозилъ разбить малое ихъ судно. И такъ принуждены были продолжать свои маневры и плыть на брамселѣ. Иногда рафалы были столь сильны, что море казалось бездною подъ ихъ кормою. Такъ свирѣпствовалъ вѣтеръ и игралъ судьбою нещастныхъ плавателей даже до 5 го числа; тутъ настало время благопрїятное.

7 го, продолжалось безвѣтрїе; они бросили якорь почти за три четверти мили отъ берега земли Наталь (1), гдѣ скоро увидѣли многихъ жителей сходящихъ съ горъ. Это ободрило ихъ, и они отважились попробовать, не можно ли тамъ сойти на берегъ. *Ѳомасъ Арнольдъ*, слуга Чорный, и двое матросовъ посланы въ ботѣ, и Чорному дали янтарное ожерелье въ пода-

рокъ для Дикихъ. Какъ скоро ботъ приближился къ берегу, то Арнольдъ кинулся въ воду, и вплавь добрался до берегу; а между тѣмъ ботъ возвратился къ шлюпкѣ, которая продолжала плавать не подалеку оттуда и искала мѣста, гдѣ бы можно было пристать къ землѣ. Арнольдъ почти съ 40 человѣками тамошнихъ жителей слѣдовалъ за шлюпкою, пока наконецъ послали ботъ, чтобъ его взять. Онъ сказалъ Англичанамъ, что какъ скоро сошелъ онъ на землю, то Дикіе сперва уклонялись его; но послѣ всѣ сѣли и посадили его съ собою; что онъ поднесъ янтарное ожерелье самому старшему изъ нихъ, которой и принялъ его съ знаками учтивости. Онъ далъ имъ знаками разумѣть, что имѣетъ нужду въ пищи, и получилъ отъ нихъ Индѣйской пшеницы, плодовъ и воды въ калебасѣ (т. е. въ пустой тыквѣ). Къ тому прибавилъ Арнольдъ, что Дикіе послали въ свои жилища, чтобъ привести барановъ, быковъ и другой провизіи. Онъ весьма желалъ возвратиться къ нимъ; но какъ вѣтеръ продолжалъ дуть съ запада, то послали только ботъ и скоро привезли дровъ на четыре дня.

Даже до 10 го. Марта продолжали они плыть вдоль берега; тутъ вѣтеръ оборотился къ востоку, и такъ они бросили якорь за полмили отъ земли. Ввечеру пришло на берегъ множество Дикихъ, которые звали ихъ къ себѣ и дѣлали знаки, чтобъ ободрить ихъ пристать къ берегу; но это казалось невозможнымъ. На другой день жители повторяли свои приглашенія, пригнавъ множество козъ и быковъ. Это для всѣхъ Англичанъ было великое искушеніе: ибо голодъ сильно ихъ мучилъ, и они, подобно Танталу, истаевали отъ голоду среди такого изобилія въ провизіи, которой не могли достать. Таково было ихъ состояніе даже до 14 го числа: тогда двое матросовъ требовали, чтобъ высадить ихъ на берегъ, во что бы то ни стало, и позволить имъ лучше жить между Дикими, нежели умирать отъ голоду на шлюпкѣ: ибо цѣлые два дня они ничего не ѣли. Послали ихъ въ ботѣ, съ великою трудностію высадали на берегъ.

Ввечеру того же дня вѣтеръ былъ очень слабъ, и казалось, что онъ хочетъ поворотить къ западу. Это весьма опечалило Англичанъ: ибо они боялись, что онъ усилится, и не можно

будетъ простоять на якорѣ даже до утра; почему и принуждены будутъ оставить на берегу двуху своихъ товарищей. Во всю ночь они дѣлали частыя сигналы, зажигали огни, чтобъ тѣмъ привлечь ихъ на берегъ, и взять на шлюпку прежде, нежели волны усилятся. Все тщетно: не знали объ нихъ ничего даже до шести часовъ утра; но тогда не возможно было за ними послать: вѣтеръ усилился, волны подымались высоко. Дали имъ знакъ слѣдовать вдоль по берегу за шлюпкой, имѣя надежду найти удобное мѣсто, гдѣ бы ихъ опять къ себѣ принять; такимъ образомъ шлюпка подняла парусы и пошла, держась все берега.

Не успѣли они проѣхать двухъ миль, какъ увидѣли весьма удобное мѣсто: тотчасъ направили къ берегу, бросили якорь на пяти саженяхъ глубины, и послали въ ботѣ пять человѣкъ, изъ коихъ двоимъ приказано итти искать тѣхъ, которые вчера сошли на землю, а другимъ двоимъ поручено вымѣрять лотомъ устье рѣки, которая представлялась ихъ взору, и они надѣялись, что можно будетъ въ нее войти. Часа три спустя, увидѣли тѣхъ двухъ человѣкъ съ четырь-

мя посланными; но они не осмѣлились сѣсть въ ботъ по причинѣ сильнаго волненія моря.

Экипажъ проводилъ всю ночь въ величайшемъ безпокойствѣ; на разсвѣтѣ подняли якорь и приближились еще ближе къ берегу; но видя, что ихъ товарищи не смѣютъ пуститься въ ботѣ, кричали имъ, чтобъ они или тотчасъ воротились, или далибъ имъ знать, можно ли войти въ рѣку; а иначе принуждены будутъ ихъ оставить, *потому что провизіи совсѣмъ не было, и въ этомъ мѣстѣ получить ее не надѣялись.* Сіи угрозы подѣйствовали: двое осмѣлились пуститься въ ботѣ, не смотря на чрезвычайное волненіе моря. Какъ скоро пріѣхали они къ шлюпкѣ, то сказали, что Дикіе приняли ихъ весьма ласково, дали имъ ѣсть говядины и рыбы, напоили ихъ молокомъ, и повели ихъ черезъ горы отъ того мѣста, гдѣ они сошли на землю, даже до сего, гдѣ они нашли своихъ товарищей. Вѣтеръ, вѣявшій тогда съ востоку, не позволялъ имъ оставаться въ семъ мѣстѣ; но онъ благопріятствовалъ входу ихъ въ рѣку, о которой они услышали, что тамъ довольно воды для шлюпки. Подняли якорь въ одиннадцать часовъ утра, и

приближились къ рѣкѣ, имѣя передъ собою безпрестанно ботъ для измѣренія глубины; но какъ они доплыли до мѣлководья, то оставшіеся на берегу сдѣлали имъ знакъ, чтобъ шлюпку поворотить; экипажъ сіе исполнилъ и якорь брошенъ; ботъ приближился къ шлюпкѣ, и они узнали, что на мѣли не больше воды, какъ на восемь футовъ, и что должно ожидать прилива, чтобъ мѣль перейти. Въ два часа по полудни подняли опять парусы, вошли удобно въ рѣку, и остановились на якорѣ на двухъ саженяхъ съ половиною глубины.

Первое ихъ стараніе было условиться *между* собою, какъ *торговать* съ тамошними жителями, чтобъ получить отъ нихъ провизіи и другія потребы: ибо они никогда не слыхали, чтобъ какіе нибудь Европейцы производили торговлю на семъ берегу. Ихъ совѣтованія не долго продолжались, тѣмъ больше, что у нихъ мало было товаровъ, какіе можно бы промѣнивать; всѣ ихъ товары состояли изъ мѣдныхъ пуговицъ, нѣсколькихъ желѣзныхъ запоровъ, гвоздей и желѣзныхъ круговъ, изъ которыхъ они сдѣлали кольцы, какія обыкновенно носятъ Дикіе на рукахъ и на ногахъ, и

называютъ ихъ банглами. Они сошли на берегъ, показали ихъ жителямъ, и дали имъ знать, какъ лучше умѣли, что желаютъ промѣнять сіи бездѣлки. Знаки ихъ были понятны, и Дикіе скоро привели къ Англичанамъ двухъ небольшихъ быковъ, которыхъ и продали имъ за фунтъ мѣди, и за три или за четыре мѣдныя же пуговицы. Каждый быкъ былъ вѣсомъ въ пять или шесть сотъ, и мясо ихъ было отмѣнно вкусное. Можно было видѣть, что Африканцы весьма довольны своею торговлею, и они обѣщали привести гораздо больше скотины. Они принесли также множество молока и отдавали за самую малую цѣну, прося только одну пуговицу за тридцать или за сорокъ пинтъ; тою же цѣною купили у нихъ нѣсколько мѣрокъ мелкихъ крупъ, похожихъ на пшеницу Гинейскую. Англичане истолкли ихъ между двумя камнями, сдѣлали изъ нихъ нѣкотораго роду хлѣбъ, испекли на горячихъ угольяхъ; надѣялись, что могутъ сберечь ихъ до того времени, какъ найдутъ лучшій хлѣбъ, но обманулись: ибо онъ заплесневѣлъ черезъ три дни. Они варили эту крупу въ другихъ кушаньяхъ, и это была для нихъ прекрасная пища.

Экипажъ пробылъ около пятнадцати дней въ семъ мѣстѣ, и въ это время Англичане ходили даже къ жилищамъ Африканцевъ за десять или за двенадцать миль отъ берега. Сіи Дикіе живутъ въ хижинахъ, покрытыхъ морскимъ тростникомъ; внутри очень чисто. Много разъ приглашали они Англичанъ ночевать въ ихъ хижинахъ во все время ихъ пребыванія на семъ берегу. Жители оказывали имъ всегда великую ласку; часто они съ ними ѣли, и какъ казалось, находили вкусъ въ Европейскихъ приправахъ къ кушаньямъ. Но они предпочитали внутренности животныхъ, и ѣли ихъ сырыя, вычистивши сперва не очень чисто. Любили также пріѣжжать къ Англичанамъ на шлюпку, и часто ѣздили съ ними въ ботѣ по рѣкѣ. Не оказывали ни малѣйшей ревности къ женамъ; напротивъ того часто приводили ихъ вмѣстѣ съ сестрами и дочерьми, и оставляли съ Англичанами на цѣлые дни, между тѣмъ какъ сами гуляли по лѣсамъ.

Главное упражненіе сихъ Дикихъ есть охота; у нихъ нѣтъ другаго оружія, кромѣ нѣкотораго роду копій и двѣ палки короткія съ толстою шишкою на концѣ; этими палками уби-

ваютъ они свою добычу, ранивши ее сперва копьемъ. Проворство ихъ и искусство дѣйствовать симъ оружїемъ, удивило Англичанъ; они за пятнадцать и за двадцать саженей попадали въ колосъ, принявши его своею цѣлью. У нихъ было еще другое упражненїе, которое они производили, когда встрѣчались, или когда разлучались: а именно тогда они обыкновенно плясали, или лучше сказать, прыгали вокругъ, дѣлая страшныя кривлянїя и ужасные крики; иногда кричали на подобїе какихъ нибудь животныхъ, и потрясали своими копьями.

Сїи Дикїе не носили платья, по крайней мѣрѣ очень не долго днемъ; а ночью покрывались бычачьей кожей, которая была искусно выдѣлана и довольно мягка. Убранство ихъ состояло въ бычачьемъ хвостѣ, висящемъ отъ пояса до пятъ; а къ нему привязаны маленькїя морскїя раковины; покрывали также колѣна, руки и ноги кожаными кусками. Смѣсь красной земли и сажи покрывала почти совершенно ихъ волосы, которые у нихъ обыкновенно весьма коротки и густы; даже и все тѣло натираютъ жиромъ.

Англичане весьма удивились, нашедши между симъ народомъ, совер-

шенно чернымъ, одного молодаго человѣка лѣтъ двенадцати или четырнадцати, совсѣмъ бѣлаго, и у коего черты лица весьма походили на Европейскія, съ прекрасными длинными волосами; однимъ словомъ, онъ ни въ чемъ не походилъ на жителей. Они замѣтили, что этого мальчика употребляютъ вмѣсто слуги; Дикіе заставляли его исправлять свои коммиссіи, и не пускали ѣсть съ собою; онъ не смѣлъ начать своего обѣда, развѣ тогда, какъ они свой уже кончили; и это показалось Англичанамъ тѣмъ болѣе странно, что видно было, какъ они всѣ живутъ согласно и дружно между собою; и когда у кого найдется что поѣсть, сколькобъ то мало ни было, однако онъ раздѣлитъ все поравну для всѣхъ, которые тутъ случатся, и при томъ съ великимъ удовольствіемъ.

Въ рѣкѣ водится множество манатовъ или тюленей; но они не причиняютъ никакого вреда; обыкновенно ночью выходятъ на землю, и питаются особенно травами. Жители часто убиваютъ ихъ спящихъ и составляютъ изъ нихъ себѣ пищу. У нихъ были и слоновые кости, и они отдали бы ихъ за какую нибудь бездѣлицу; но шлюпка

была такъ наполнена, что нѣгдѣ было ихъ положить.

Наконецъ Англичане собравши довольно провизїи, подняли якорь 29 го числа въ пять часовъ утра, и скоро доѣхали до мѣли, въ устьѣ рѣки находящейся; тамъ увидѣли такїя высокїя волны, что онѣ почти доставали въ ихъ шлюпку, и мѣшали имъ плыть на парусахъ; почему весьма опасались, чтобъ не быть брошену на подводные камни. Однако имъ удалось перейти мѣль, и они направили путь къ рѣкѣ Сентъ-Люцїѣ.

Съ ними не случилось ничего важнаго даже до 6 го числа, въ которой день они вошли въ сїю давно желанную рѣку. Какъ скоро сошли тутъ на берегъ, то нашли, что этотъ народъ совсѣмъ отличенъ отъ того, которой они оставили. Когда они дали имъ знать, что хотятъ съ ними торговать: то сїи Дикїе обьявили, что имъ нужны только маленькїя стекляныя зернушки. Однако когда Англичане показали имъ мѣдныя пуговицы, то они тотчасъ привели имъ нѣсколько быковъ, птицъ, принесли картофлей, кирбисовъ и другой провизїи. Не можно было купить быковъ, потому что Дикїе просили въ замѣну мѣд-

ныхъ колецъ такой длины, чтобъ они могли служить имъ ожерельемъ; но Англичане сторговали птицъ и кирбисовъ за самую малую цѣну: ибо они давали пять или шесть большихъ птицъ за небольшой кусокъ холста, которой (въ Англіи) стоилъ бы не больше четырехъ копѣекъ.

Англичане пробыли въ семъ мѣстѣ три недѣли, и въ сіе время осматривали ту страну, видѣли жилища Дикихъ и замѣчали образъ ихъ жизни; между тѣмъ употребляли всѣ средства, чтобъ имѣть съ ними торгъ, и вымѣниват все для себя нужное. Видно было, что сіи Дикіе наиболѣе уважали мѣдь; имъ показали горсть сего металла, которой нашли у одного стараго сундука: Африканцы тотчасъ предложили имъ въ замѣнъ быковъ; торгъ былъ сдѣланъ, и они пригнали ихъ къ шлюпкѣ. Сей народъ казался гордымъ, и весьма отличенъ отъ тѣхъ добрыхъ жителей, которыхъ Англичане недавно оставили. Одинъ разъ найдено, что главный ихъ Начальникъ, которому уже прежде заплатили за переночеванье въ его хижинѣ, укралъ нѣсколько кусковъ желѣза изъ коробочки, куда Англичане спрятали его, намѣреваясь заплатить

уже тогда, какъ они возвратятся въ шлюпку. Дня два или три оставались они въ ихъ жилищахъ, и ни разу не могли уговорить Дикихъ ѣсть вмѣстѣ съ собою. Они не походили на прежнихъ Дикихъ и въ томъ, какъ подавали кушанья: ибо сіи послѣдніе употребляли въ семъ случаѣ не столько гнусные манеры. Они были также весьма чистоплотны, и утро начинали тѣмъ, что обмывались совершенно: и этотъ обычай, какъ казалось, принадлежалъ къ числу обрядовъ ихъ вѣры; но между прежними Дикими этаго совсѣмъ не замѣчено. Даже и ихъ украшенія не походили на украшенія прежнихъ. Впрочемъ оружіе ихъ было одинаково, веселости одинаковы. Главное украшеніе поставляли въ волосахъ, и носили ихъ очень чисто; женъ своихъ берегли тщательно. „Тамъ нашли „мы, говоритъ Англійской Офицеръ, „нѣсколько человѣкъ изъ Деллагои, „принесшихъ съ собою сѣрой амбры и „много слоновыхъ зубовъ для торго„вли.„

Англичане дождавшись хорошаго западнаго вѣтру, видя, что время настало благопріятное, подняли якорь 18го числа въ семь часовъ утра, и пустились плыть за четверть часа

передъ приливомъ. Лишь только приближились къ мѣли, находившейся при устьѣ рѣки, то нѣкоторые изъ нихъ по неразумію опустили парусъ и бросили якорь на мѣль. Тогда девять человѣкъ изъ экипажу сѣли въ ботъ, и греблею достигли до берега, клянясь, что лучше согласятся жить между Дикими, нежели потонуть или отважиться на видимую опасность переѣжжать черезъ мѣль. Оставшіеся въ шлюпкѣ долго были въ нерѣшимости, отваживаться ли имъ плыть, или поворотить къ землѣ; но судно не можно было поворотить, потому что и вѣтеръ и приливъ гнали его вонъ изъ рѣки, такъ что они всѣ опасались, что при уменьшеніи прилива шлюпка тронется объ мѣль и будетъ разбита въ щепы. Наконецъ, въ надеждѣ сохранить и шлюпку и свою жизнь, подняли якорь, и скоро принесло ихъ къ стремнинамъ. Состояніе ихъ было самое критическое: воды не было больше, какъ на восемь футовъ, а въ кораблѣ было грузу на пять футовъ. Полчаса оставались они среди смерти и жизни; наконецъ увидѣли поверхность моря вдругъ сливщуюся гладкую, и вышли безъ всякаго нещастнаго случая изъ рѣки

Сентъ-Люціи. Тѣ, которые ихъ оставили, и кои большею частію были почти нагіе, продолжали свой путь пѣшкомъ по берегу.

Англичане плыли даже до 10 го числа, въ этотъ день бросили якорь въ четыре часа по полудни въ рѣкѣ Деллагоа, на девяти саженяхъ глубины. Тутъ нашли они шнаву (родъ судна) *Розу*, подъ командою Капитана *Чанделера*, которой торговалъ мясо и слоновые зубы, и нѣкоторые изъ нихъ просили у него позволенія съѣхать съ нимъ въ Бомбай (2).

Пробывши въ семъ мѣстѣ три недѣли, увидѣли небольшую шлюпку, какія обыкновенно употребляются тамошними жителями; она плыла вверхъ противъ рѣки, и въ ней были трое изъ пѣхъ Англичанъ, которые остались у рѣки Сентъ-Люціи. Сіи сказали имъ, что прочіе шестеро остались на другой сторонѣ залива Деллагои, и дожидаются случая, когда можно будетъ и имъ пріѣхать на шлюпку. Офицеры разсудили, что тутъ самое лучшее мѣсто отдать въ безопасныя руки казну, пакеты и другія вещи. Почему высадили на землю четверыхъ или пятерыхъ, и велѣли двоимъ изъ нихъ перейти на шнаву. Г. Джонесъ воз-

вратился потомъ съ пинассою Капитана Чанделера, въ которой было довольно экипажу хорошо вооруженнаго; онъ отдалъ всю казну, посуду и пакеты, какіе могъ найти, привезъ ихъ на шнаву, съ тѣмъ, чтобъ они отвезены были въ Мадрасъ. Оставшіеся въ шлюпкѣ, боясь другаго еще посѣщенія, которое имъ было весьма непріятно, нашли случай ночью уйти.

25 го Мая, шнава Роза подняла якорь и направила путь къ Мадагаскару, чтобъ тамъ дополнить свой грузъ, чего здѣсь не можно было сдѣлать по причинѣ случившагося несогласія между Капитаномъ Чанделеромъ и Дикими, которые сперва продали ему больше ста головъ скотины, а потомъ опять ихъ отогнали. Въ тотъ самой день, какъ они оставляли сію землю, увидѣли барку: это была шлюпка нещастныхъ Англичанъ, спасшихся отъ кораблекрушенія: она шла прямо къ нимъ; двое изъ экипажу на шлюпкѣ перешли на шнаву: одинъ изъ нихъ былъ плотникъ; онъ уговорилъ Капитана купить шлюпку за 500 рупіевъ, въ которыхъ Капитанъ далъ вексель. Они взяли и тѣхъ шестерыхъ, которые отстали на рѣкѣ Сентъ-Люціѣ; но трое уже умерли, а двое

были такъ изнурены отъ ихъ путешествія, что спустя нѣсколько дней, также лишились жизни. Чандлеръ отправился въ Мадагаскаръ вмѣстѣ съ шлюпкою *Щастливаго Освобожденія*, и послѣ двадцати двухъ дневнаго плаванія увидѣлъ сей островъ; бросилъ якорь 4 го Іюня въ Морондовѣ. 16 го прибылъ туда *Каернарвонъ*, бывшій подъ командою *Нортона-Гютчинсона*, отправленнаго изъ Европы въ Китай.

А какъ пакеты и казна, избавленные отъ кораблекрушенія, назначены были въ Мадрасъ: то Г. Джонесъ и его товарищи перешли и сами, и ихъ перенесли на Каернарвонъ. Они оставили Морондову перваго Іюля, а перваго Августа прибыли въ Мадрасъ (3), гдѣ и отдали казну, пакеты и прочія избавленныя вещи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Различныя повѣствованія о путешествіяхъ, предпринятыхъ въ Африку и Восточную Индію, мало доставляютъ намъ свѣденій *о землѣ Наталь*, къ которой Европейскіе корабли пристаютъ очень рѣдко, потому ли, что подходить къ берегамъ ея весьма

трудно, или потому, что тамъ не льзя производить знатной коммерціи. Капитаны Рожерсъ и Гамилтонъ, Англичане, почти только одни пространнѣе другихъ описываютъ нынѣшнее состояніе сей земли. Мы надѣемся, что нашимъ Читателямъ пріятно будетъ, естьли мы, слѣдуя имъ, сообщимъ краткое описаніе тѣхъ народовъ, которые оказали столько помощи нещастному экипажу корабля *Додингтона*.

Земля Наталь составляетъ часть Кафрской обширной страны, лежащей на восточномъ берегу Африки. Границы ея суть: къ сѣверу рѣка Деллагоа, къ востоку море Индѣйское, къ югу земля Готтентотовъ, а къ западу границы ея неизвѣстны. Живущіе на берегахъ рѣки Деллагои торгуютъ съ Португальцами Мозамбикскими, которые пріѣжжаютъ къ нимъ въ небольшихъ судахъ и покупаютъ слоновые зубы, коихъ тамъ великое множество. Для сего же предмета пріѣжжаютъ сюда, хотя и рѣдко, Англичане. Но вообще весь берегъ отъ Мыса Доброй Надежды даже до Агои, весьма неспособенъ къ пристани и столько опасенъ, что Европейскіе корабли всячески его удаляются. Въ иныхъ мѣстахъ есть долины и лѣса; но чѣмъ далѣе внутрь

земли, то больше превысокихъ и утесистыхъ горъ. Земля Наталь простирается отъ 28 го градуса даже до 31 го съ половиной южной широты.

Разные народы, населяющіе сію землю, живутъ вмѣстѣ въ небольшихъ деревняхъ, и всѣ фамиліи одной деревни соединены между собою узами родства; старѣйшій изъ нихъ управляетъ всѣми. Они очень ласковы и привѣтливы къ чужестранцамъ. Главное ихъ упражненіе состоитъ въ земледѣліи; они держатъ также большія стада коровъ и козъ, которыхъ весьма берегутъ. Не знаютъ ни искусствъ, ни рукодѣлій; каждой дѣлаетъ самъ для себя все, что ему нужно для жизни, или для убранствъ. Мущины строятъ домы, занимаются охотою и садоводствомъ, вообще всѣми дѣлами внѣшними; а женщины доятъ коровъ, приготовляютъ кушанье, и вообще пекутся о домоводствѣ. Замѣчено, что здѣсь мужья совсѣмъ не знаютъ ревности къ женамъ, совершенно противъ обыкновенія почти всѣхъ дикихъ націй на семъ берегу. Сіи народы употребляютъ гораздо лучшую пищу, нежели Готтентоты и другіе народы, живущіе внутрь Африки; обыкновенная ихъ пища есть хлѣбъ, сдѣланный изъ Гвинейской пше-

ницы; кромѣ того они ѣдятъ говядину, рыбу, молоко, утокъ, цыплятъ, яйцы и проч. Молоко служитъ имъ вмѣсто питья; и имъ прiятнѣе, когда оно нѣсколько скиснется.

Дампiеръ, сообщившiй намъ, слѣдуя Капитану Рожерсу, въ концѣ втораго тома своего *Путешествiя около земнаго шара*, нѣкоторыя замѣчанiя о землѣ Наталь, увѣдомляетъ, что жители сей земли имѣютъ на югѣ сосѣдями, кромѣ Готтентотовъ, еще небольшой дикой народъ, называемой Англичанами *Народомъ Дикихъ Кустарниковъ*. Сiи послѣднiе живутъ въ пещерахъ или разсѣлинахъ утесовъ; они лицемъ смуглы, малаго росту, волосы у нихъ курчавые; оружiе ихъ суть стрѣлы, напоенныя ядомъ, и говорятъ, что они не дѣлаютъ ни малѣйшей пощады своимъ непрiятелямъ.

2) ***Бомбай***, маленькой островъ на морѣ Индѣйскомъ, въ Деканѣ. Онъ находится на девятнадцатомъ градусѣ сѣверной широты. Сей островъ получилъ свое названiе отъ прекрасной своей гавани (bon *хорошiй*, bay *заливъ*, *гавань*). Онъ принадлежалъ сперва Португальцамъ, но въ 1662 году уступленъ Королю Англiйскому. Потомъ отданъ Индѣйской Компанiи, по причинѣ вы-

ходнаго своего положенія для безопасности кораблей и удобства коммерціи. Кокосовые орѣхи родятся въ великомъ изобиліи на семъ островѣ; тамъ ими производится знатная коммерція. Стоячія воды Бомбайскія и тамошній воздухъ дѣлаютъ пребываніе на немъ гибельнымъ для Европейцовъ; изъ двадцати младенцевъ едва двое достигаютъ совершеннаго возраста; и между Англичанами вошло въ пословицу говорить, что двѣ жатвы составляютъ вѣкъ человѣческой на семъ островѣ. Отъ сего-то происходитъ, что весьма трудно пріумножить тамъ жителей, и Компанія безпрестанно принуждена бываетъ посылать туда новыя фамиліи. Тамошняя рейда защищаема регулярною крѣпостію; въ ней довольно артиллеріи и хорошій гарнизонъ. Компанія поставляетъ въ Бомбаѣ Губернатора, которой всѣмъ правитъ, все рѣшитъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ военныхъ дѣлахъ. Португальцовъ великое множество на семъ островѣ; они имѣютъ тамъ право свободно отправлять Католическую религію. Бомбай почитается второю главною Губерніею изъ трехъ селеній Англійскихъ въ Индіи. *Мадрасъ* есть первая, а *Голгота* третья.

5) *Мадрасъ*, большой, прекрасной и весьма богатой городъ Восточной Индіи на берегу Коромандельскомъ, съ крѣпостью для его защиты, называемою *крѣпость Св. Георгія.* Онъ лежитъ въ долинѣ весьма плодоносной и принадлежитъ Англійской Компаніи. Знатная коммерція, тамъ производимая, привлекаетъ туда чрезвычайное множество купцовъ и путешественниковъ всѣхъ націй. Въ немъ щитаютъ сто тысячь жителей, изъ коихъ три четверти тамошніе природные. Въ семъ числѣ находятся больше двадцати тысячь Католиковъ подъ начальствомъ Капуциновъ, которые даже почитаются судьями въ несогласіяхъ, между ними происходящихъ. Сіи духовныя особы весьма любимы и защищаемы; онѣ публично отправляютъ должность своего званія.

IX.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Судна Бетзея, подъ командою Филиппа Обена, на берегу Голландской Гюаны, въ Южной Америкѣ, въ 1756 году (*).

Я поднялъ парусъ 1 го Августа 1756 года, и отправился изъ залива Карлильскаго (**) въ Суринамъ, Голландскому селенію на твердой землѣ. Моя шлюпка, или Бермудское судно, было почти въ 80 бочекъ грузу, построено все изъ кедровъ и снаряжено Г. *Роско* и *Найлесъ*, купцами изъ Брайджетоуна, что на островѣ Барбадосѣ; на немъ былъ грузъ всякаго рому, также и лошади. Голландская колонія чувствуя нужду

(*) Сіе повѣствованіе издано въ свѣтъ самимъ Капитаномъ *Обеномъ*, и напечатано въ Англійскомъ Журналѣ 1776 года.

(**) Заливъ Карлильской при рейдѣ города Бриджетоуна на южной части острова Барбадоса, одного изъ Антильскихъ острововъ, находящагося во владѣніи у Англичанъ.

въ сихъ животныхъ, установила законъ, что ни одно Англійское судно не можетъ съ нею производить торговли, естьли между прочимъ его грузомъ не будетъ лошадей. Голландцы съ такою точностію хранятъ сіе постановленіе, что естьли когда случится лошади умрутъ во время переѣзду, то хозяинъ корабля обязывается хранить уши и копыта лошадиныя, и вошедши въ Суринамскую гавань, долженъ поклясться, что когда онъ отправился въ путь, то лошади были живы и назначены для сей колоніи.

Берегъ Суринамской, Бербишской, Демерарской-*Ориноко*, и всѣ окружныя страны суть низменны, и часто бываютъ затопляемы широкими рѣками, впадающими тамъ въ море. Дно, повсюду вдоль сихъ береговъ, состоитъ изъ илу глинистаго, въ которомъ якорь погружается на три и на четыре сажени; а иногда киль корабля задѣваетъ за дно, но корабль не останавливается. Когда судно мое стояло на якорѣ за три мили съ половиною въ морѣ, на *пяти* саженяхъ глубины, то весь мой экипажъ черпалъ воду морскую, и она была такъ прѣсна и прекрасна, какъ бы рѣчная: это происходитъ отъ обильныхъ водъ рѣки Деме-

рари, противъ устья которой мы стояли; дожди тогдашняго времени также къ тому пособствовали.

Безпрестанныя стремнины вдоль сихъ береговъ заставляютъ всѣ суда, назначенныя къ портамъ сей страны, держаться на вѣтрѣ той гавани, въ которую они направлены, по крайней мѣрѣ за сорокъ или за пятьдесятъ миль; иначе же быстрота и сила стремнинъ обманетъ неосторожнаго, и тогда нужно будетъ *обратиться* къ сѣверу, *чтобъ избавиться* отъ стремнинъ и *возвратиться* опять на востокъ.

Я лавировалъ между десятымъ и двенадцатымъ градусомъ сѣверной широты, 4 го Августа ввечеру, при тихомъ вѣтеркѣ, которой принудилъ меня брать рифы въ парусахъ. Около полуночи видя, что вѣтеръ становится сильнѣе, по мѣрѣ, какъ подымалась на горизонтъ луна, бывшая тогда въ своемъ ущербѣ, и примѣчая, что отъ того мое судно очень качалось, тѣмъ болѣе, что грузъ его былъ чрезмѣрно великъ, я не хотѣлъ лечь спать, не увѣрившись во времени. Я велѣлъ товарищу своему *Виллїаму*, второму по мнѣ, принесть бутылку пива; мы оба сѣли: я на клѣтку, а *Виллїамъ*

на палубу, держа подлѣ себя бутылку и стаканъ, разсказывали другъ другу исторійки для провожденія времени, какъ это на морѣ обыкновенно бываетъ. Вдругъ судно пошло на вѣтрѣ; я приказалъ матросу поворотить руль на вѣтеръ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что это ужь сдѣлано за нѣсколько передъ тѣмъ времени. Я велѣлъ своему помощнику посмотрѣть, не зацѣпилась ли бухта; онъ отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ. Я приказалъ другому матросу итти на носъ корабельный, и тамъ спустить брасы; но въ ту минуту корабль носомъ уткнулся въ волну и потонулъ; налилось на носъ столько воды, что судно не могло подняться, и волны устремились на насъ въ такомъ множествѣ, что мы стояли въ водѣ по шею: все, что было въ каютѣ, увлечено въ море. Половина экипажу, а именно: девять человѣкъ потонули на своихъ постеляхъ, и мы не слыхали ни крику ихъ, ниже дыханія. Какъ скоро сія волна прошла, я схватилъ топоръ, висѣвшій возлѣ камина, и хотѣлъ перерубить канаты, которыми привязаны мачты, а тѣмъ воспрепятствовать, чтобъ судно не опрокинулось; но тщетно. Судно покачнулось и опрокинулось верхъ дномъ, парусы и мачты были

въ водѣ; лошади бросились одна на другую, попадали вмѣстѣ съ стойлами и потонули: ужасное было зрѣлище!

У насъ была только одна маленькая шлюпка, длиною футовъ въ двенадцать или тринадцать; она положена была внутрь, запутана канатомъ, между насосомъ и бортомъ корабля. Къ щастію нашему ея не нужно было привязывать; но въ сіе время мы не имѣли никакой надежды ее увидѣть: толстой канатъ запутался внутри, и мѣшалъ ей выплыть на воду; къ тому прибавить должно тяжесть лошадей и стойловъ, попадавшихъ одни на другихъ.

Находясь въ семъ ужасномъ состояніи, держался я за ванты, срывалъ съ себя платье и искалъ глазами какой нибудь люки, доски или пустаго сундука, за что бы можно было ухватиться и продлить жизнь свою хотя на короткое время, сколько угодно будетъ Богу. Вдругъ увидѣлъ товарища своего Вилліама, втораго по мнѣ, и еще двухъ матросовъ: они держались повисши на веревкѣ, и вопили къ Богу, чтобы Онъ принялъ души ихъ. Я сказалъ имъ, что тотъ не достоинъ жить, кто не готовъ къ смерти каждую ми-

нуту, когда Богу угодно будетъ воззвать его. Совѣтовалъ имъ раздѣться, такъ какъ я, и искать какой нибудь вещи, которая могла бы ихъ поддержать на водѣ. Вилліамъ послѣдовалъ моему совѣту, сорвалъ съ себя все платье, и голый бросился вплавь, ища за что бы ухватиться. Съ минуту послѣ того я слышу его голосъ: вотъ шлюпка! вотъ шлюпка вверхъ дномъ! — Тотчасъ плыву къ нему, и вижу шлюпку, за киль которой онъ держался.

Немедленно стали дѣлать всѣ усилія, чтобъ ее переворотить, но тщетно; однако наконецъ Вилліамъ, который былъ гораздо тяжелѣ и сильнѣе меня, отважился упереться ногами въ бортъ шлюпки, между тѣмъ держась руками за киль; и такимъ образомъ толкнувъ ногами съ великою силою, удалось ему переворотить шлюпку; въ то же время помогъ и я ему, поднимая на плечахъ противную сторону. Наконецъ при помощи волны оборотили шлюпку: но она была полна воды. Я вскочилъ въ нее и сталъ тянуть ее подъ головку мачты нашего судна, посредствомъ веревки, привязанной къ мачтѣ. Всякой разъ, когда большіе валы подымали судно, то и мачта подымалась футовъ на пятнадцать или

на двадцать вверхъ. И такъ я обвилъ мачтовой головки нашего судна ту веревку, которая прицѣплена была къ шлюпкѣ, а другой конецъ сей веревки держалъ самъ въ рукахъ; всякой разъ, какъ усилїемъ волнъ мачта подымалась вверхъ, то она же подымала съ собою и мою шлюпку, къ ней привязанную, и меня съ нею; въ эту минуту я опускалъ конецъ веревки, отъ чего одинъ край шлюпки опускался внизъ, и такимъ движенїемъ шлюпка опоражнивалась до трехъ четвертей воды; но ни какъ не можно было освободить ее изъ подъ мачты и вантовъ; онѣ падали на меня, и погружали въ воду и шлюпку и меня.

Пробовавши много разъ выпорожнить воду изъ шлюпки совершенно, и не могши въ томъ успѣть, напротивъ того будучи весь избитъ и израненъ, также не видя уже ни судна своего, ни экипажу, принялся я тащить шлюпку, все еще полную воды, къ судну съ помощїю вантовъ. Но въ это время судно наше почти совсѣмъ уже потонуло, и только видѣнъ былъ носъ его поверху воды, а на немъ держались на веревкѣ и висѣли мой товарищъ Вилліамъ и два другїе матроса. Тотчасъ я схватилъ зубами веревку, привязан-

ную къ шлюпкѣ, бросился съ нею въ море, и доплывши къ нимъ, далъ имъ держать конецъ веревки съ тѣмъ, чтобы намъ всѣмъ вмѣстѣ втащить шлюпку на верхъ носу нашего судна, гдѣ и они находились. Мы соединили всѣ свои силы, и въ эту минуту чуть было я не переломилъ себѣ ногу, случившись попасться между шлюпкою и судномъ. Наконецъ удалось намъ втащить ее на верхъ носу судна; но къ щастію въ это время проломили мы ее снизу на днѣ, какъ скоро я нѣсколько опомнился послѣ сильнаго удара въ ногу, тотчасъ вскочилъ въ шлюпку съ однимъ матросомъ, и заткнулъ щель кускомъ толстой его рубахи. Великое было для насъ щастіе, что этотъ матросъ не умѣлъ плавать; мы послѣ увидимъ, сколько пользы принесло намъ это его незнаніе; безъ него мы бы погибли. Не могши плавать, онъ не заботился о томъ, чтобъ раздѣться; такимъ образомъ у него осталась толстая холстинная рубашка, большой ножъ въ карманѣ и пребольшая шляпа на манеръ Голландской. Какъ скоро удалось намъ выпорожнить шлюпку, и въ ней оставалось уже очень не много воды, тогда увидѣлъ я свою собаку, которая приплыла ко мнѣ

къ шлюпкѣ; я взялъ ее съ собою и благодарилъ Провидѣнiе, что оно послало мнѣ ее какъ бы на пищу для будущей крайности. Спустя минуту послѣ того, канатъ, съ помощiю котораго выпоражнивалъ я шлюпку, и которой былъ привязанъ къ потонувшему судну, вдругъ порвался, и я остался на свободѣ. Я позвалъ Г. Виллiама и другаго матроса, они вплавь добрались до шлюпки; Г. Виллiамъ нашелъ къ щастiю небольшую мачту или шестъ, которымъ прежде подымали вымпелъ, а намъ служилъ онъ вмѣсто руля; мы помогли обоимъ имъ войти въ шлюпку, и скоро потеряли изъ виду нещастный свой корабль.

Тогда было четыре часа утра, что я заключилъ по разсвѣту: ибо день только что начинался; и такъ съ того времени, какъ мы принуждены были оставить наше судно, прошло около двухъ часовъ. Корабль нашъ не вдругъ потонулъ по той причинѣ, что въ немъ было около ста пятидесяти боченковъ сухарей, столько же или больше еще боченковъ муки, съ тремя стами феркинами сала (каждой феркинъ по 60 фунтовъ): всѣ сiи вещи плаваютъ по водѣ, и очень не скоро ею напояются и тонутъ. Какъ скоро

мы удалились въ море, то стали придерживать шлюпку сколько можно было по вѣтру, и когда развѣло, то я увидѣлъ много вещей, плывшихъ отъ мѣста нашего кораблекрушенія. Увидѣлъ свой сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ, унесенный волнами изъ каюты. Какую радость почувствовалъ я! Въ этомъ сундукѣ было нѣсколько бутылокъ померанцовой и лимонной воды, нѣсколько фунтовъ шоколату, сахару и проч. Наклонившись на край шлюпки, поймали мы этотъ сундукъ, и употребили всѣ усилія открыть его на водѣ: ибо не льзя было поставить его въ шлюпкѣ, потому что онъ былъ очень великъ и тяжелъ, и могъ бы потопить шлюпку. Но при всѣхъ нашихъ усиліяхъ ни какъ не могли отперетъ его и открыть; надобно было покинуть его со всею провизіею, которая бы намъ очень пригодилась; а къ пущей досадѣ мы при этой трудной работѣ наполнили нашу шлюпку водою, и многократно чуть было не потопили ее.

Однако къ щастію нашему собрали мы тринадцать луковицъ, плававшихъ по волнамъ; видѣли и еще много другихъ, но не могли ихъ достать. Эти тринадцать луковицъ, да моя со-

бака, составляли всю нашу провизїю; воды не было у насЪ ни одной капли, не было никакого ливера для утоленїя жажды, и должно было довольствоваться намЪ четверымЪ такимЪ бѣднымЪ запасомЪ, будучи на открытомЪ морѣ, по моимЪ разчисленїямЪ, больше нежели за пятьдесятЪ миль отЪ земли, и не имѣя для удобнѣйшаго плаванїя ни мачты, ни паруса, ни веселЪ, ниже другой какой либо снасти; а только одинЪ ножикЪ того матроса, которой не умѣлЪ *плавать*, его рубашку, отЪ которой кусокЪ годился намЪ заткнуть щель вЪ шлюпкѣ, и его большихЪ шароваровЪ. ВЪ этотЪ день мы разрѣзали его рубашку узкими полосами, и сплели себѣ веревки. ПотомЪ попеременно занимались, отнимая доски сЪ обшивки на шлюпкѣ, выдергивая и вывертывая сЪ великимЪ трудомЪ гвозди, вЪ нихЪ вколоченные. ИзЪ нихЪ сдѣлали родЪ мачты, и привязали ее кЪ лавкѣ на носу; изЪ отломка доски сдѣлали райну, и прикрѣпили кЪ ней два полотнища большихЪ портковЪ, которыя служили намЪ вмѣсто парусовЪ, и помогали намЪ держать шлюпку по вѣтру, управляя тою небольшою мачтою, о которой я уже сказалЪ.

А какъ тѣ отломки досокъ, которые мы оторвали снутри шлюпки, были очень коротки, и ихъ не довольно было къ тому, чтобъ защитить борты нашей шлюпки, отъ волнъ высоко подымавшихся: то мы принуждены бывали часто ложиться на борты спиною и плечами къ водѣ, и такимъ образомъ своими тѣлами отражали волны; а между тѣмъ одинъ матросъ безпрестанно выливалъ воду своею Голландскою шляпою. Между тѣмъ течь продолжалась, и мы ни какъ не могли хорошенько заткнуть той щели, которая сдѣлалась на днѣ шлюпки, какъ я выше уже сказалъ.

Въ такомъ-то безнадежномъ состоянiи мы четверо, будучи совершенно голы, какъ вышли изъ рукъ Натуры, старались, сколько могли, держать шлюпку по вѣтру. Ужь почти настала ночь того перваго дня, въ которой мы претерпѣли кораблекрушенiе, а мы едва только успѣли окончить свой странной парусъ; ужь стало совершенно темно, и мы плыли по вѣтру, какъ могли лучше, совершая на часъ по мили пути. Другой день былъ гораздо тише; мы съѣли каждой по луковицѣ въ разное время, и уже стали чувствовать жажду. Ночью во

второй день поднялся сильной перемѣнчивой вѣтеръ, иногда вѣялъ съ сѣверу; это причиняло мнѣ много безпокойствъ: ибо должно было управлять такъ, чтобъ шлюпка шла по вѣтру; а намъ не было другой надежды къ спасенію, какъ направить путь отъ востока къ западу.

Въ третій день терпѣли мы жестокое мученіе не только отъ голода и жажды, но даже отъ зною солнечнаго, которой такъ насъ палилъ, что отъ шеи до ногъ тѣло у насъ сдѣлалось красно и покрылось пузырями, какъ будто мы обожглись у огня. Тогда я взялъ ножъ и зарѣзалъ свою собаку. Не могу и теперь вспомнить о томъ безъ слезъ; но тогда не чувствовалъ ни малѣйшаго къ ней сожалѣнія. Кровь ея собрали въ шляпу, подставивши подъ низъ руки, ловили то, что брызгало вонъ, и иногда пили ее; потомъ пили кровь изъ шляпы и чувствовали нѣкоторое облегченіе. Въ четвертой день море сильнѣе волновалось, такъ что мы не однократно ожидали своей погибели; въ этотъ день наиболѣе надобно было намъ тѣлами своими служить вмѣсто досокъ, чтобъ возвысить борты шлюпки и отражать собою волны. Почти въ полдень этаго

дня. просіялъ намъ лучь надежды къ спасенію, но скрылся и оставилъ насъ въ прежнемъ отчаяніи.

Мы увидѣли судно подъ командою Капитана *Соутея*, которое принадлежало, равно какъ и мое судно, купцамъ острова Барбадоса, и плыло въ Демерари; мы видѣли людей, прохаживающихся на палубѣ, стали кричать изъ всѣхъ силъ; но тщетно, никто насъ не примѣтилъ, никто не услышалъ нашего воплю. Будучи принуждены силою вѣтра держать свою шлюпку по вѣтру, боясь въ противномъ случаѣ потонуть, мы проѣхали его на дальнее разстояніе, прежде нежели онъ поднялся на нашу высоту: ибо то судно плыло прямо съ сѣвера, а мы держали путь къ западу. Сей Капитанъ былъ одинъ изъ моихъ друзей. Такая неудача лишила всей бодрости нашихъ двухъ матросовъ, и они совсѣмъ не хотѣли больше прилагать трудовъ къ спасенію своей жизни. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ меня не слушалъ, и не дѣлалъ ничего: не вычерпывалъ воды, сколько я его ни просилъ: даже стоя на колѣняхъ передъ нимъ, не могъ его тронуть. Наконецъ мы постращали ихъ, я и Г. Вилліамъ, что тутъ же убьемъ ихъ мачтою, которая

служила намъ вмѣсто руля; а потомъ погибнемъ сами, дабы прекратить вдругъ всѣ свои нещастія; эта угроза сдѣлала на нихъ впечатлѣніе, они нѣсколько ободрились и принялись по прежнему вычерпывать воду.

Въ этотъ день я показалъ другимъ примѣръ, ѣсть собачье мясо съ лукомъ: съ великимъ отвращеніемъ проглотилъ я нѣсколько кусковъ; но черезъ часъ почувствовалъ, что эта малая пища придала мнѣ нѣсколько крѣпости. Г. *Виллїамъ*, бывши гораздо крѣпче меня сложеніемъ, съѣлъ больше, и это мнѣ было очень пріятно; одинъ матросъ также ѣлъ; но другой, по имени *Коммингсъ*, или не хотѣлъ, или не могъ проглотить.

Пятой день былъ гораздо тише, и море меньше волновалось. На разсвѣтѣ увидѣли мы преогромную морскую собаку, толщиною въ нашу шлюпку; она плыла за нами нѣсколько часовъ, какъ будто за добычей, для нее опредѣленной. Мы также нашли въ своей шлюпкѣ лѣтучую рыбу, которая вспрыгнула туда ночью; раздѣлили ее на четверо и жевали для прохлажденія во тру. Въ этотъ самой день, когда голодъ и отчаяніе мучило насъ жесточайшимъ образомъ, Виллїамъ, мой товарищь,

имѣлъ столько непонятнаго великодушія, что предложилъ намъ и убѣждалъ отрѣзать у себя кусокъ мяса, чтобы прохладиться его кровію и напитаться. Ночью пошелъ большой дождь съ слабымъ вѣтромъ. Мы хотѣли собрать нѣсколько дождевой воды, разставивши полотнищи большихъ портковъ; но отвѣдавши ее, нашли, что она солона какъ вода морская; платье у матроса столько напиталось морскою водою, что соленость осталась въ немъ, равно какъ и въ шляпѣ. И такъ для насъ не было средства, какъ открыть ротъ, ловить дожжевыя капли, и тѣмъ прохлаждать языкъ; когдажь дождь прошелъ, то мы опять подняли портки на райну.

Въ шестой день оба матроса, не слушая моихъ увѣщаній, пили морскую воду; отъ чего сдѣлался у нихъ прежестокой поносъ, и они скоро впали въ какое-то безуміе, такъ что не дѣлали намъ никакого пособія. Вилліамъ и я, мы держали во рту по гвоздю, и отъ времени до времени окачивали голову водою, чтобъ тѣмъ ее прохладить; въ самомъ дѣлѣ я чувствовалъ отъ того нѣкоторое облегченіе, и голава у меня была свѣжѣе. Много разъ покушались мы ѣсть собачье мясо

съ лукомъ; но великое то было щастіе, когда я могъ преодолѣть свое крайнее отвращеніе, и проглотить куска три или четыре; товарищь мой ѣлъ всегда нѣсколько больше меня.

Седьмой день былъ прекрасной, вѣтерокъ умѣренной и море совершенно тихо. Около полудни оба матроса, пившіе много разъ морскую воду, сдѣлались такъ слабы, что начали безумствовать, и какъ будто не знали, гдѣ они, на морѣ или на землѣ. Даже и мы, Вилліамъ и я, были такъ слабы, что едва могли держаться на ногахъ, не въ состояніи были ни править шлюпкою по очереди, ни черпать воду, которая въ великомъ количествѣ прибавлялась въ шлюпкѣ.

Въ осьмой день поутру, умеръ Иванъ Коммингсъ, а спустя три часа и Георгъ *Самсонъ*. Ввечеру того же дня, при захожденіи солнечномъ, имѣли мы щастіе увидѣть высокіе берега восточнаго краю острова *Табаго*. Надежда возобновила въ насъ нѣкоторыя силы. Мы направили носъ шлюпки къ землѣ, и держали ее всю ночь въ такомъ положеніи; маленькой вѣтерокъ и сильная стремнина намъ благопріятствовали. Мы были во всю эту ночь въ самомъ странномъ положеніи: двое на-

шихъ товарищей мертвые передъ нашими глазами, земля въ виду, самой маленькой вѣтеръ къ ней приближалъ насъ; но болѣе гнала туда быстрая стремнина, ударявшая къ западу съ великою силою. По моему вычисленію мы находились поутру не болѣе пяти или шести миль отъ земли. Сей щастливой день былъ послѣдній, прекратившій наши бѣдствія на морѣ. Цѣлой день правили мы къ берегу, хотя и не могли держаться на ногахъ. Ввечеру вѣтеръ утихъ, и застало насъ безвѣтріе; но около двухъ часовъ утра стремнина бросила насъ на берегъ острова Табаго, одного изъ Антильскихъ островоВъ, у подошвы высокаго крутаго берега, между малымъ Табаго и заливомъ Манофуарскимъ, т. е. на восточной берегъ острова. Въ ту минуту шлюпка наша разбилась отъ удару, а мы двое потащились на берегъ, оставивши въ шлюпкѣ двоихъ нашихъ товарищей мертвыхъ, и остатокъ собаки, почти совсѣмъ уже испортившейся.

Мы ползли на четверинкахъ, сколько у насъ силъ доставало, вдоль сего крутаго каменистаго берега, свисшаго въ море на подобіе утесовъ, вышиною въ триста или четыреста футовъ.

Множество деревъ висѣло надъ нашими головами, и кучи листьевъ, спадшіе съ нихъ, были въ томъ мѣстѣ, куда мы приползли; мы собрали ихъ нѣсколько горстей и растянулись на нихъ въ ожиданіи дня. Какъ скоро онъ насталъ, начали искать около себя воды, и нашли ее нѣсколько въ ущельяхъ нѣкоторыхъ утесовъ; но она была солона и не годилась пить. На утесахъ увидѣли около себя много разныхъ раковинъ, разбили иныя изъ нихъ камнемъ и сосали ихъ, чтобы хотя не много промочить запекшееся горло.

Часовъ въ восемь или въ девять увидѣли молодаго Караиба: онъ иногда шелъ, иногда плылъ къ шлюпкѣ. Приближившись къ ней, громко закричалъ, звалъ своихъ товарищей, и подавалъ имъ знаки величайшаго соболѣзнованія; тотчасъ его товарищи послѣдовали его примѣру, и вплавь приближились къ намъ; въ тожь почти время увидѣли и насъ. Старѣйшій изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, приближился къ намъ съ двоими младшими, которые, какъ мы послѣ узнали, были сынъ его и зять. Увидя насъ, слезы покатились изъ глазъ ихъ; я произнесъ нѣкоторые звуки, и старался дать имъ разумѣть словами и знака-

ми, что мы были девять дней на морѣ, не имѣя ничего для утоленія голода и жажды. Они поняли нѣкоторыя Французскія слова, и дали мнѣ знать, частію знаками, что тотчасъ пойдутъ искать своего челнока и перевезутъ насъ въ свои хижины. Старикъ снялъ платокъ съ головы, и повязалъ имъ мою голову, а одинъ изъ молодыхъ Карайбовъ далъ Вилліаму свою соломенную шляпу; другой поплылъ около прибрежныхъ утесовъ, и принесъ намъ фляжку прѣсной воды, нѣсколько хлѣбовъ изъ кассавы (такъ называется мука, сдѣланная изъ кореньевъ маніока) и кусокъ жареной рыбы; но мы не могли ѣсть. Другіе двое вынули двухъ мертвыхъ изъ шлюпки, и положили ихъ на утесѣ; послѣ чего всѣ трое выпорожнили шлюпку и вылили изъ нея воду. Потомъ оставили насъ съ великими знаками сожалѣнія, и пошли искать своего челнока.

Послѣ полудня пріѣхали они въ своемъ челнокѣ, числомъ шестеро, и привезли съ собою въ глиняномъ горшкѣ прекрасной супъ; по крайней мѣрѣ онъ намъ таковъ показался. Мы нѣсколько его покушали; но въ тужъ минуту меня вырвало; съ Вилліамомъ этаго не случилось. Меньше нежели

въ два часа переѣхали мы всѣ въ заливъ Мандофуаръ, называемой Французами *Жанъ-ле-Моръ.* Тамъ стояли хижины Караибовъ. У нихъ былъ только одинъ гамакъ (т. е. висящая постѣль, употребляемая дикими Американцами); меня туда положили, а женщина приготовила для насъ какой-то весьма пріятной травы, и бульону изъ катракасовъ и голубя. Они сбмыли мои раны, въ которыхъ завелось уже множество червей, декоктомъ изъ табаку и другихъ травъ. Каждое утро одинъ Караибъ выводилъ меня изъ гамаку, проводилъ меня, поддерживая своими руками, и сажалъ подъ лимоновое дерево, гдѣ покрывалъ меня бананійскими листьями, чтобъ защитить отъ солнечнаго зною; тамъ мазалъ тѣло наше какимъ-то масломъ для излѣченія пузырей, высыпавшихъ отъ солнечнаго жару; сіи великодушные люди уступили намъ даже по одной рубашкѣ и порткамъ, которыя купили они у экипажа иныхъ кораблей, пристающихъ иногда къ ихъ берегамъ для торговли черепахъ и черепаховыхъ раковинъ.

Вычистивши червей изъ моихъ ранъ, они держали мои ноги на вольномъ воздухѣ, и каждое утро и вечеръ мазали

какою-то мазью, дѣлаемою изъ хвоста морской улитки, называемой крабою: сія небольшая улитка весьма похожа на ту рыбу въ раковинѣ, которую Англійскіе мореплаватели обыкновенно называютъ солдатомъ, по той причинѣ, что раковина, въ коей она живетъ, есть красная. И такъ Караибы берутъ извѣстное количество этихъ маленькихъ крабъ, отломываютъ конецъ хвоста и растопляютъ его на огнѣ въ широкой раковинѣ. Сею-то мазью залѣчили они мои раны, не покрывая ихъ ни чѣмъ, кромѣ банановыми листьями (*).

Они сперва кормили насъ супомъ, свареным изъ животныхъ, называемыхъ акути въ западной Индіи. Сіе животное толщиною съ толстаго кролика, темноватаго цвѣту, рыло острое, лапки маленькія, зубы весьма похожи на крысьи; Караибы клали туда же катракасовъ (которые довольно похожи на нашихъ пѣтуховъ и цыплятъ), голубей почти такихъ же, какъ Европейскіе, и коихъ великое множество въ сей странѣ. Иногда же пригото-

---

(*) Англичане называютъ бананами тѣ плоды, которые у Французовъ названіе имѣютъ винныхъ ягодъ.

вляли для насъ прекрасной супъ изъ черепахъ, самой питательной. Вмѣсто хлѣба были у насъ кассава, бананы, иньямы и сладкія пататы со множествомъ дикихъ плодовъ; а особливо прекрасныя сливы, которыя растутъ сами собою въ лѣсахъ. На семъ островѣ водится также множество дикихъ свиней и татусовъ, называемыхъ Натуралистами армиделями. Въ рѣкахъ и въ морѣ много разныхъ родовъ рыбъ. Одна изъ сихъ рѣкъ впадаетъ въ заливъ Жанъ-ле-Моръ.

При такой пищѣ и при старанiи сихъ добрыхъ Караибовъ, былъ я въ состоянiи черезъ три недѣли стоять на ногахъ, правда поддерживаясь на клюкахъ, подобно больному, выздоравливающему отъ жестокой болѣзни. Островитяне приходили со всѣхъ сторонъ насъ видѣть, и никогда не приходили съ пустыми руками: иногда приносили намъ лицъ, иногда цыплятъ; они давали намъ съ радостiю, а мы принимали съ благодарностiю; даже иные прiѣжжали съ Тринидада, Испанскаго острова, которой видѣнъ съ Табаго на югѣ. Я на многихъ доскахъ писалъ свое имя, вырѣзывая его ножемъ, и отдавалъ тѣ доски нѣкоторымъ Караибамъ, прося ихъ, чтобъ

они показали на корабляхъ, какихъ приведетъ случай къ ихъ берегу.

Мы почти уже отчаялись увидѣть когда нибудь Европейцовъ, какъ наконецъ одно судно, плывшее изъ Ориноко съ мулами въ Сентъ-Пїерръ, что на островѣ Мартиникѣ, пригнано было къ песчаному мысу на западной сторонѣ нашего острова. Индѣйцы показали экипажу дощечку, на которой начерчено было мое имя, и разсказали о нашемъ состоянїи. Когда сїе судно прибыло въ Сентъ-Пїерръ, то экипажъ, бывшїй на немъ, разсказывалъ другимъ о моемъ *нещастїи.* Тамъ нашлись многїе купцы, знавшїе меня, *торговавшїе* подъ Голландскимъ флагомъ; они сообщили извѣстїе обо мнѣ купцамъ Роско и Найлесу, коими снаряженъ былъ мой корабль, и по коммиссїи коихъ выѣхалъ я изъ Барбадоса. Они немедленно послали Капитана *Йонга* въ голетѣ, небольшомъ суднѣ о двухъ мачтахъ, съ препорученїемъ, насъ найти. Почти девять недѣль жилъ я съ этимъ добрымъ и человѣколюбивымъ народомъ, которыхъ мы иногда столь несправедливо называемъ Дикими; наконецъ оставилъ ихъ конечно не съ меньшею печалїю, съ какою радостїю прежде я ихъ нашелъ.

Когда мы готовы были сѣсть на судно, пріѣхавшее къ нашему избавленію: то они доставили намъ множество провизіи, банановъ, винныхъ ягодъ, иньямовъ, птицъ, рыбъ и плодовъ, особливо же померанцовъ и лимоновъ. Даже они дали одинъ лукъ свой и стрѣлы; научили меня, какъ ими дѣйствовать и убивать земныхъ крабъ, коихъ находится великое множество на семъ островѣ, и на всѣхъ другихъ въ знойномъ поясѣ; *они ходятъ кучами*, и никогда къ себѣ не подпускаютъ: какъ скоро увидятъ людей, тотчасъ прячутся въ свои норы. Я не могъ ни чѣмъ возблагодарить моихъ избавителей за ихъ ласки и великодушіе къ намъ погибавшимъ; у меня была только одна шлюпка, которую они починили, и иногда ѣздили на ней осматривать черепашьи гнезда; а какъ она была гораздо *шире* ихъ челноковъ, то и лучше годилась для сего употребленія. Я отдалъ имъ ее: я бы отдалъ имъ кровь свою. Капитанъ Йонгъ, бывшій мой другъ, помогъ мнѣ также заплатить нѣсколько моимъ благодѣтелямъ. Онъ отдалъ мнѣ весь ромъ, сколько у него было, и я поднесъ его Караибамъ; его было бутылокъ семь или восемь. Онъ далъ имъ также мно-

го матросскихъ рубахъ и портокъ, нѣсколько ножей, удъ, холста на парусы для шлюпки съ иглами и веревками.

Наконецъ послѣ двухъ - дневнаго приготовленія къ отъѣзду, должно было намъ разстаться. Они вышли на берегъ, числомъ человѣкъ тридцать, мущины, женщины и дѣти; на лицахъ всѣхъ написано было сожалѣніе, коимъ тронулись ихъ добрыя сердца; болѣе же всѣхъ изъявлялъ сожалѣнія тотъ добродушный старикъ, который былъ мнѣ вмѣсто отца, и которой снялъ съ своей головы платокъ и имъ повязалъ мою голову. Когда судно вышло изъ залива, слезы полились изъ глазъ нашихъ, и устремлены были на прослезившихся нашихъ избавителей. Они стояли на берегу до тѣхъ поръ, пока потеряли насъ изъ виду. А какъ мы пустились въ путь около десяти часовъ поутру, и плыли къ сѣверо - востоку; а заливъ Жанъ - ле - Морской находится на сѣверо - восточномъ краю острова: то мы долго видѣли одни другихъ при нашемъ удаленіи. Я помню еще ту минуту, какъ они скрылись отъ глазъ моихъ; помню то живое чувство печали, которое объяло тогда все мое сердце. Страшился я, что никогда не буду такъ щастливъ,

какъ былъ живучи между ними. Люблю и во всю жизнь любить буду добрыхъ своихъ Караибовъ; охотно отдалъ бы кровь свою за перваго изъ сихъ Дикихъ, которой бы имѣлъ нужду въ моей помощи, когда Провидѣніе привело бы его ко мнѣ въ Европу, или меня привело бы еще разъ въ ихъ островъ.

Черезъ три дни мы пріѣхали въ Барбадосъ. Я все еще чувствовалъ въ груди сильное тѣсненіе, которое причиняло одышку; сверхъ того былъ такъ слабъ, что не могъ ходить безъ палокъ. Всѣ жители на островѣ оказывали намъ усерднѣйшее соучастіе и великодушное соболѣзнованіе; благотворительность ихъ не знала границъ. Славной Докторъ Гилери, находящійся теперь въ Лондонѣ, сочинитель превосходнаго трактата о болѣзняхъ, случающихся особенно на семъ островѣ, посѣтилъ меня съ Докторомъ Лилигорномъ. Они предписали мнѣ разныя лѣкарства, но ни одно изъ нихъ не помогло. Мы съ Вилліамомъ говорили всегда съ великою трудностію, и мучились безпрестанною зѣвотою и спазмами. Вилліамъ остался въ Барбадосѣ, а мнѣ Доктора присовѣтовали возвратиться въ Европу: ибо я былъ гораздо слабѣе сложеніемъ, и на меня общее наше бѣдствіе

болѣе подѣйствовало. И такъ я возвратился въ Лондонъ, и сталъ на квартирѣ въ улицѣ Канонъ, у часовщика, почти напротивъ кофейни Лондонъ-Стонской. Доктора Ривесъ, Акенсейдъ, Шомбергъ и славнѣйшїе Лондонскїе врачи посѣщали меня и пользовали всѣми возможными пособїями, какїя только могли заимствовать отъ своей науки; но отъ всего того облегченїе было почти нечувствительное. Наконецъ дней восемь спустя послѣ прїѣзду моего въ Лондонъ, Докторъ Александръ *Рюссель*, возвратившїйся изъ Батъ, услышалъ обо мнѣ; онъ посѣтилъ меня, осмотрѣлъ мою болѣзнь, и съ свойственнымъ ему человѣколюбїемъ обѣщалъ принять на себя, меня выпользовать, и притомъ безъ всякой платы; однако не скрылъ отъ меня, что лѣченїе будетъ продолжительно и убыточно. Я отвѣчалъ ему, что по великодушїю Барбадосскихъ жителей не страшусь убытковъ; просилъ его принять меня въ свое попеченїе, и въ то же время благодарилъ за его великодушное предложенїе.

Онъ, бывши долгое время лѣкаремъ въ Алепѣ, имѣлъ случай видѣть многихъ восточныхъ жителей, страдавшихъ тою же болѣзнїю, какою и я, отъ

тѣхъ же самихъ причинъ, что они долгое время мучились жаждою, лишены будучи воды, проѣжжая пространныя степи Африканскія. Онъ приказалъ мнѣ оставить городъ и удалиться въ деревню на чистой воздухъ. Я сталъ на квартирѣ у Г. Бона въ Гюммертонѣ, близь Гакнея, за милю отъ Лондона; тамъ онъ приказалъ мнѣ поутру купаться, а вмѣсто пищи употреблять единственно ослиное молоко; позволилъ однако ѣсть по нѣскольку свѣжихъ яицъ, имѣть умѣренное движенїе и каждой день ѣздить на лошади. Послѣ мѣсячнаго такого пользованїя, велѣлъ приводить козу къ моей постѣлѣ; черезъ пять часовъ пилъ я по стакану ея молока совершенно парнова, и послѣ того засыпалъ. Тогда онъ позволялъ мнѣ кушать жидкой супъ, вареной съ дичью, и кусокъ крыла. При такой строгой дїэтѣ примѣтилъ я, мѣсяцовъ черезъ пять, великое облегченїе отъ болѣзни, и былъ въ состоянїи заняться снова такою должностїю, какая нужна мнѣ казалась для моего пропитанїя. Но съ того времени мое сложенїе стало гораздо нѣжнѣе и слабѣе, а особливо желудокъ остался разстроенъ: онъ не варитъ никакихъ овощей и много другихъ кушаньевъ; вы-

боръ въ пищѣ у меня весьма ограниченъ. Даже лѣтомъ, всходя на какое нибудь возвышенїе, хотя не чувствую усталости въ ногахъ, ниже въ другихъ членахъ, однако принужденъ бываю часто останавливаться, и тогда зѣваю много разъ, и эта зѣвота меня облегчаетъ. Я навѣдывался о своемъ Докторѣ Рюсселѣ, и узналъ, что онъ съ нѣкотораго времени находится при Сентъ-Ѳомасовой гошпитали въ Лондонѣ.

Естьли кто сомнѣвается въ истиннѣ и точности повѣствуемыхъ мною приключенїй, то можетъ увѣдомиться объ нихъ отъ Докторовъ Лондонскихъ, особливо же отъ Г. Рюсселя, которой въ это время имѣлъ жительство въ улицѣ Леденъ-Гальской, близъ магазина Восточно-Индѣйской Компанїи. —

Во все врема, пока жилъ я съ Караибами, что продолжалось девять недѣль, имѣлъ я свободу дѣлать много наблюденїй о ихъ обычаяхъ и характерѣ, и сравнивать Караибовъ острова Табаго, коихъ числомъ около шести сотъ, разсѣянныхъ фамилїями по острову, съ Караибами, живущими на островѣ Тринита; также съ тою небольшею толпою сихъ Дикихъ, которые живутъ около обширной горы Мор-

неагаррове, на островѣ Сентъ-Винцентѣ, и которые избѣжали жестокости и измѣны бѣглыхъ Негровъ: — симъ именемъ называютъ въ колонїяхъ тѣхъ Американцовъ, кои убѣгаютъ изъ плантажей Европейскихъ, дабы жить на свободѣ въ лѣсахъ и пустыняхъ. — Я находилъ, что всѣ три рода сихъ Караибовъ совершенно одинаковы во всѣхъ отношенїяхъ, и это испыталъ во время тридцатилѣтней моей службы на морѣ.

Вообще Караибы красивы станомъ, рослы и статны; цвѣтъ кожи ихъ оливковой, и болѣе желтъ, нежели у прочихъ Дикихъ Сѣверной Америки; волосы у нихъ длинные, черные, и они ихъ свято хранятъ; глаза прекрасные, черные, на выкатѣ; а бѣлокъ ихъ чистъ какъ снѣгъ; ротъ нѣсколько поменьше, нежели у Европейцовъ; зубы похожи на зубы Африканскихъ Негровъ, бѣлы какъ слоновая кость. Почти всѣ Караибы достигаютъ глубокой старости, и ею обязаны своей мирной и порядочной жизни. Каждой имѣетъ не больше одной жены; ревности почти не знаютъ; хотя и любятъ женъ своихъ нѣжнѣйшею любовїю, но въ ихъ вѣрности полагаются на собственную ихъ честь, равно и на друж-

бу общую, ихъ соединяющую: они не могутъ подумать, чтобы другъ могъ обмануть друга своего въ такомъ чувствительномъ дѣлѣ. Когдажь это случится, и мужъ въ томъ удостовѣрится, или по крайней мѣрѣ узнаютъ о томъ братья, или родители мужа: тотчасъ берутъ воинственныя свои стрѣлы, напитанныя ядомъ, коими никогда не вооружаются, развѣ только тогда, какъ имѣютъ намѣреніе убить человѣка; они не оставляютъ уже сего смертоноснаго оружія, куда бы ни пошли, и естьли встрѣтятъ оскорбителя, то жизнь его будетъ жертвою за его вѣроломство.

Сіи воинскія стрѣлы гораздо длиннѣе и крѣпче охотничьихъ стрѣлъ, которыми они умерщвляютъ птицъ и рыбъ въ рѣкахъ: они совершенно четвероугольны во всю свою длину, весьма широки съ опереннаго конца, и утончаются болѣе и болѣе, чѣмъ ближе къ другому острому концу, напитанному ядомъ; всякая поверхность съ острыми зубчиками, и когда они проникнутъ въ тѣло, то не можно ихъ вынуть, не вырвавъ со всѣхъ четырехъ сторонъ кусками мясо. Конецъ сихъ стрѣлъ омочаютъ въ ядъ, съ нѣкоторымъ суевѣріемъ, въ полнолуніе; ядъ

ихъ состоитъ изъ соку мансенилѣера: родъ дерева съ дикими плодами, растущаго обыкновенно на берегахъ моря; Караибы надрѣзываютъ молодые вѣтви сего дерева, и оттуда вытекаетъ сокъ бѣлый какъ молоко и чрезвычайно ядовитый. Европейцы, не бывавшіе прежде никогда въ знойномъ поясѣ, часто къ своей погибели испытываютъ дѣйствіе сего ужаснаго яда; когда случится, что они по невѣденію сорвутъ плодъ сего дерева, и только положатъ его въ ротъ, тотчасъ откроются раны на губахъ; когдажъ проглотятъ хотя мало, то почувствуютъ вдругъ всѣ симптомы самаго крѣпкаго яду: ихъ раздуваетъ, и погибель неизбѣжна, естьли скорая помощь не избавитъ сихъ нещастныхъ. Такія случаи бываютъ по большой части съ экипажами военныхъ кораблей, на которыхъ есть много солдатъ и людей, не странствовавшихъ никогда по симъ морямъ: ихъ неопытность часто навлекаетъ имъ погибель. А на купеческихъ корабляхъ всегда найдется какой нибудь матросъ или мореплаватель, бывавшій въ Америкѣ: онъ стоя на караулѣ въ свое время, веселится, разсказывая молодымъ пассажирамъ обо всемъ томъ, что они увидятъ чрезвычайнаго, когда пріѣдутъ на землю.

Караибы живутъ близъ моря въ хижинахъ, или подъ лодками, которыя оборачиваютъ вверхъ дномъ. Они не занимаются земледѣлiемъ, а только сажаютъ, сколько имъ нужно, банановы деревья, иньямы или пататы, которыя служатъ имъ вмѣсто хлѣба; мясо животныхъ употребляютъ также въ пищу, и сама природа обильно имъ это доставляетъ: у нихъ есть всегда множество птицъ и рыбъ, и они умѣютъ убивать ихъ или ловить съ великимъ искусствомъ. Разводятъ также сахарной тростникъ, но онъ безъ надлежащаго смотрѣнiя родится у нихъ слишкомъ грубъ; для молотья его дѣлаютъ родъ мѣльницы, съ двумя деревянными цилиндрами, къ которымъ съ одного конца придѣлано по рукояткѣ; два человѣка оборачиваютъ сiи цилиндры одинъ противъ другаго: а между тѣмъ женщина или мальчикъ кладетъ между ними тростникъ. Такимъ образомъ выжимаютъ они весь сокъ, и послѣ кипятятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ сгустится и составитъ родъ сыропу, которой смѣшиваютъ съ водою и разными травами, и это служитъ имъ вмѣсто питья.

У нихъ есть много прекрасныхъ собакъ, и они любятъ ихъ не меньше своихъ дѣтей; когда вепрь разорветъ

собаку, что и часто случается, то они берутъ ее и приносятъ къ хижинѣ на плечахъ. Тогда всѣ приходятъ въ волненіе, собираются около бѣдной собаки, говорятъ съ жаромъ и съ сильными движеніями, и можно подумать, будто они какъ Медики спорятъ и разсуждаютъ, не могши согласиться въ своихъ мнѣніяхъ.

Вотъ образъ ихъ жизни. Они ложатся весьма рано и просыпаются, какъ скоро катрака начнетъ пѣть; тутъ они встаютъ; убранства не долго ихъ занимаютъ: они ходятъ совершенно нагіе, кромѣ тѣхъ, которымъ удалось вымѣнять у экипажа какого нибудь корабля, пристававшаго къ нимъ, рубашку изъ цингвы, или голубаго и бѣлаго холста, также портки и соломенную шляпу: вотъ весь ихъ гардеробъ. Женщины носятъ бумажные передники, на которыхъ вышиты разные цвѣты, шириною въ одинъ футъ, а длиною въ девять дюймомъ; эти передники обвязываютъ они около пояса шнуркомъ, сдѣланнымъ изъ хлопчатой бумаги; мущины носятъ кошелекъ изъ той же матеріи, и привязываютъ его также къ поясу.

Я никогда не видалъ свадебныхъ ихъ церемоній, и касательно до сей

матерїи не могъ никогда понять ни ихъ языка, ни знаковъ: и такъ я объ этомъ ничего увѣрительнаго сказать не могу. Знаю только, что нѣтъ на землѣ народа, которой больше любилъ бы дѣтей, нежели сколько любятъ они; характеръ ихъ важной и флегматической, похожїй на характеръ Англїйской нацїи, не мѣшаетъ имъ играть съ своими дѣтьми: они почти всегда съ ними тѣшатся. Какъ скоро дѣтямъ минетъ три или четыре мѣсяца, то отцы ихъ дѣлаютъ небольшую дощечку, на подобїе плоской рыбы, съ двумя дырами на обоихъ концахъ; сверху привязываютъ къ ней маленькую подушечку изъ хлопчатой бумаги: эту дощечку привязываютъ ко лбу дитяти и сзади ушей: симъ способомъ дѣлаютъ лобъ плоскимъ, что вѣроятно почитается у нихъ красотою. Эту дощечку не прежде снимаютъ, какъ спустя семь или восемь лѣтъ, и никогда не прикасаются къ ней безъ какого-то почтительнаго благоговѣнїя. Случается иногда, что эта дощечка сползетъ, и сдѣлаетъ плоскою только одну сторону головы, такъ что я видалъ нѣкоторыхъ изъ сихъ Индѣйцовъ съ головою сплюснутою наизворотъ: однако чтобъ ни слу-

чилось, никогда не смѣютъ поправить дощечки. Когдажъ наконецъ снимаютъ ее, то мать употребляетъ уже всѣ усилія поправить то, что по ихъ мыслямъ Натура обезобразила; она дѣлаетъ подушечку изъ хлопчатой бумаги, и привязываетъ ее къ ногѣ мальчика отъ пяты до икры, и выше икры до колѣна; такимъ образомъ икра толстѣетъ сколько имъ надобно, и потому у нихъ ноги весьма красивы, судя по ихъ вкусу.

Молодыя дѣвицы носятъ ожерелья и кольцы на рукахъ и на ногахъ, сдѣланныя изъ зубовъ убитыхъ самими ими рыбъ; носятъ также серьги изъ прекрасныхъ раковинокъ, или изъ зубовъ маленькаго каймана или крокодила. Волосы всегда расчесываютъ, и отращиваютъ даже до пояса; красятъ ихъ ахïотломъ и жиромъ змѣинымъ, изъ чего составляютъ родъ мази: это придаетъ волосамъ цвѣтъ красноватой; голову украшаютъ перьями и разными соломенными фигурками, раскрашенными по ихъ вкусу, и дѣлаютъ изъ того тысячу разныхъ убранствъ. Раскрашиваютъ также и лицо, но только въ праздничные дни, и притомъ не такъ безобразно и смѣшно, какъ-то дѣлаютъ Дикïе въ Оринокѣ, Демерарѣ

и прочихъ мѣстахъ, сосѣдственныхъ съ твердою землею. Сїи послѣднїе такъ странно испещряютъ себя, что не рѣдко приводятъ въ ужасъ непривыкшихъ къ тому людей; а особливо старухи, которыя кромѣ этой страшной маски привѣшиваютъ еще зубы и раковины къ щекамъ и къ ноздрямъ. Мущины не безобразятъ лица своего такими смѣшными украшенїями: они носятъ ихъ только около пояса, на ногахъ и на волосахъ, какъ и островскїе Караибы.

Какъ скоро разсвѣнетъ, то Караибы острова Табаго встаютъ; мущины берутъ ружья, у кого они есть, или охотничьи стрѣлы, и идутъ въ лѣса на добычу: ибо они никогда не запасаются провизїею для слѣдующаго дня. Между тѣмъ жена ходитъ около хижины, пересаживаетъ пататы, иньямы, или срываетъ листья банановые; а дѣти какъ мальчики, такъ и дѣвочки, идутъ ловить рыбу; они становятся на утесахъ съ длинными своими удками, или осматриваютъ верши, разставленныя въ рѣкѣ.

Часовъ въ восемь или девять, мужья и дѣти возвращаются въ хижину, и приносятъ на цѣлой день съѣстнаго запасу съ изобилїемъ; мужья прино-

еятъ иногда вепря, агути, тату, катракасовъ, дикихъ голубей, горлицъ, молодыхъ попугаевъ и тысячу другихъ птицъ, которыхъ исчислять было бы продолжительно. Дѣти приходятъ также со множествомъ рыбъ, какихъ велѣли имъ ловить отецъ и мать. Какъ скоро они придутъ, то бросаютъ всю свою добычу посреди хижины: этого довольно бы было имъ на недѣлю при хорошей экономіи, естьли бы множество собакъ не раздѣляли съ ними всего запасу. Всѣ принимаются за работу, и приготовляютъ кушанья по своему вкусу; а между тѣмъ хозяйка стряпаетъ похлебку, или ежедневное кушанье, какъ бы по нашему супъ: эта похлебка дѣлается или изъ мяса, или изъ рыбы, но никогда не мѣшаютъ и того и другаго вмѣстѣ. Сперва начисто моютъ мясо или рыбу, рѣжутъ кусками и кладутъ въ глиняной горшокъ съ водою и жиромъ; потомъ кипятятъ съ раковиною и кладутъ соли и Индѣйскаго перца, но кладутъ сверхъ мѣры, такъ что Вилліамъ и я, во все время нашего пребыванія на семъ островѣ, ни разу не могли проглотить ни одного глотка: какъ скоро мы клали этаго супу въ ротъ, то онъ насъ жегъ несносно. Иныя рыбы и дичь су-

шатъ на угольяхъ, другія жарятъ на огнѣ воткнувши на вертелъ, которой кладутъ на два камня.

Что касается до черепахъ, коихъ на этомъ острову великое множество, то Караибы приготовляютъ изъ нихъ кушанье различнымъ образомъ. Они втыкаютъ въ землю четыре палки, съ одного конца раздвоенныя на подобіе вилокъ, а поперегъ въ эти вилки кладутъ другія палочки, на крестъ, такъ чтобы составилась рѣшетка. На верхъ сихъ палочекъ, положенныхъ на крестъ, кладутъ черепаху спиною или самою раковиною, посыпаютъ перцомъ и поливаютъ лимоннымъ сокомъ, потомъ накрываютъ ее двумя или тремя банановыми листвіями; такимъ образомъ жарится она на этой рѣшеткѣ часа два, и въ это время дѣти безпрестанно раздуваютъ горящіе уголья подъ нею. Потомъ приходитъ отецъ или мать, и сбираетъ жижу, вытекающую изъ черепахи; эта жижа служитъ имъ вмѣсто соусу за обѣдомъ. Послѣ опять оборачиваютъ черепаху другою стороною къ огню, и такъ продолжаютъ по перемѣнно, пока она совершенно изжарится. Наконецъ снимаютъ ее съ рѣшетки и кладутъ на банановой листъ, которой служитъ

имъ вмѣсто блюда; а сверху поливаютъ соусомъ, т. е. тою жижею, которая вытекла изъ черепахи. Я ѣлъ черепахъ въ трактирѣ Госпожи *Корель* на островѣ Св. Евстахія, которая славится въ западной Индіи искусствомъ ихъ приправлять; ѣлъ ихъ также въ трактирѣ стараго Лиривея въ Сентъ-Жанъ д' Антигѣ, гдѣ также славится поваръ приготовленіемъ черепахъ; но я отдаю преимущество друзьямъ моимъ Караибамъ, которые умѣютъ приправлять это блюдо безъ всякихъ пряныхъ кореньевъ, коими наполняютъ его въ другихъ мѣстахъ. Пообѣдавши сами, бросаютъ все оставшееся собакамъ, и никогда не сберегаютъ ничего вареннаго, говоря, что сіи животныя имѣютъ такое же право на полученную добычу, какъ и сами они: ибо раздѣляли съ ними трудъ на охотѣ.

Послѣ обѣда мужья отдыхаютъ, или играютъ на духовомъ инструментѣ, дѣлаемомъ изъ тростнику; или работаютъ какую нибудь домашнюю утварь, или починиваютъ сѣти и проч. Между тѣмъ жены садятся на берегу рѣки, причесываютъ себѣ волосы и мажутъ ихъ благовонными мазьми; дѣлаютъ соломенныя украшенія около луковъ и стрѣлъ своихъ мужей, братьевъ

и родственниковъ; а иногда поютъ пѣсни важныя и печальныя. Сіи Дикіе показались мнѣ щастливѣйшими людьми изъ всѣхъ тѣхъ, какихъ случалось мнѣ видѣть въ тридцатитрехъ-лѣтнюю мою службу на морѣ.

Какъ скоро кто нибудь въ фамиліи умретъ, то всѣ покидаютъ хижину, въ срединѣ которой погребаютъ тѣло умершаго; и ни за что на свѣтѣ не дотронутся ни до одного плода ни до одного растѣнія въ окружности той хижины; и потому на острову премножество есть такихъ земель и хижинъ ихъ, оставленныхъ впустѣ.

Богопочтеніе ихъ подлинно весьма странное: луна есть ихъ божество: они покланяются ей. Всякой разъ, когда взойдетъ новая луна, всѣ оставляютъ свои упражненія, гдѣ бы ни были, въ лѣсахъ или дома; собираются вмѣстѣ и берутъ другъ друга за руки. Старѣйшій изъ нихъ возсылаетъ молитву къ лунѣ, будучи въ униженнѣйшемъ положеніи съ величайшимъ благоговѣніемъ: безпрестанно произнося сіе слово: *Амонтикамава*; обнимаютъ другъ друга съ нѣжностію, проливаютъ слезы, и часто припадаютъ лицемъ къ землѣ въ священномъ восторгѣ. Послѣ сей церемоніи, всѣ возвра-

щаются домой, естьли они были внѣ дома, и нѣсколько времени не говорятъ ни слова; даже кажется, что они находятся въ безпрестанномъ страхѣ во весь остальной день.

Въ другíе дни также покланяются лунѣ, но молитва ихъ тогда бываетъ коротка; каждой молится самъ про себя, и тогда уже не повергаются на землю. Вотъ все, что могъ я замѣтить о ихъ религíи.

На островѣ Табаго водится великое множество претолстыхъ змѣй, длиною въ двенадцать и четырнадцать футовъ; но онѣ не ядовиты. Ихъ называютъ собачьими головами: ибо у нихъ голова широкая и весьма похожа на собачью.

Во время пребыванíя моего на семъ островѣ, я былъ свидѣтелемъ одного нещастнаго случая, бывшаго съ Караибомъ. На разсвѣтѣ дня увидѣлъ онъ стаю катракаевъ, сѣвшихъ на дерево въ густомъ лѣсу. Онъ сталъ на нѣкоторомъ разстоянíи съ своимъ ружьемъ, и спрятавшись за дерево, сдѣлалъ много выстрѣловъ, которыми и убилъ многихъ птицъ; однако не собиралъ ихъ убитыхъ, боясь спугнуть прочихъ. Въ семъ мѣстѣ должно упомянуть о странной безсмысленности этихъ

птицъ: онѣ улетаютъ тотчасъ, какъ скоро увидятъ человѣка; но ружейной выстрѣлъ спугнетъ ихъ только на минуту; онѣ подымаются на воздухъ, съ минуту носятся надъ деревомъ и кричатъ, потомъ опять садятся тамъ же, и такимъ образомъ можно убить ихъ всѣхъ по одной, а они не вздумаютъ улетѣть. И такъ Караибъ, о которомъ мы начали рѣчь, убивши катракаевъ, сколько ему хотѣлось, пошелъ къ дереву, чтобъ ихъ отыскать и собрать. Тамъ между листьями и сломанными сгнившими вѣтвями, лежавшими у пня того дерева, увидѣлъ онъ страшнаго змѣя, пожиравшаго катракаевъ; сей будучи обезпокоенъ, устремляется на Караиба, которой сперва его не примѣтилъ, хватаетъ его за ногу, одною челюстью сверху, другою снизу, и зубами грызетъ его плоть, какъ будто страшная собака, и держитъ его не покидая. Караибъ перемогаетъ себя, терпитъ боль, не дѣлая ни малѣйшаго движенія ногою; боялся онъ, чтобъ сопротивленіемъ или движеніемъ не раздражить еще болѣе сего чудовища, которое разъярившись, могло бы перегрызть ему ногу; но въ самое то время поспѣшно заряжаетъ ружье пулею, и однимъ выстрѣ-

ломъ раздробляетъ голову сего змѣя. Освободившись отъ его челюстей, ползетъ къ своей хижинѣ, терпя несказанную боль; тамъ его жена помазала его рану мазью, которую они достаютъ изъ листьевъ извѣстныхъ имъ растѣній, и въ одну недѣлю рана совершенно залѣчена. Въ то самое время другіе, взявши длинной толстой рычагъ, пошли искать змѣя; вбили рычагъ между обоими глазами чудовища, и притащили его въ хижину. Я видѣлъ этаго огромнаго змѣя и голову его раздробленную. Вырѣзали изъ него жиръ, которой весьма годится для освѣщенія; растопили его и налили въ раковины, въ которыя положили бумажную свѣтильню: онѣ служатъ вмѣсто лампадъ у Караибовъ.

Жители сего острова подвержены тысячи подобнымъ нещастнымъ случаямъ; но у нихъ всегда готовы лѣкарства самыя дѣйствительныя.

Караибовъ можно почесть Амфибіями: они большую часть жизни своей проводятъ въ морѣ. Страстно любятъ раковины, и часто опускаются въ воду саженей на шесть или на семь, чтобъ найти самыя большія, или также чтобъ наловить рыбъ, которыхъ Французскіе креолы называютъ камбіями. Они по-

груjаются, вытаскиваютъ по одной въ каждой рукѣ и бросаютъ ихъ въ челнокъ. Въ самое бурное время, когда море въ величайшемъ волненіи, не страшатся они нырять на дно, какъ скоро только пожелаютъ. Всходятъ на край утеса, и такимъ образомъ подымаются съ однаго утеса на другой, потомъ опускаются въ волны; будучи же въ водѣ по поясъ, становятся бокомъ къ волнѣ, чтобы удобнѣе было ее разсѣкать, и такимъ образомъ подаются впередъ болѣе и болѣе. Когда море очень волнуется, и они не въ силахъ держаться на ногахъ, боясь, чтобъ волна не увлекла ихъ на берегъ, то цѣпляются обѣими руками за утесъ, а ноги и заднюю часть пускаютъ по волнѣ, и пропускаютъ ее надъ собою; послѣ того тотчасъ подымаютъ ноги опять вверхъ. Такимъ образомъ продолжаютъ путь свой далѣе и далѣе между волнами, пока достигнутъ такой глубины моря, гдѣ не льзя имъ опасаться, чтобы волны увлекли ихъ и бросили на скалу.

Весьма рано въ молодыхъ еще лѣтахъ пріобрѣтаютъ они навыкъ плавать, нырять и избѣгать ударовъ волнъ. Дѣти лѣтъ двенадцати или четырнадцати часто дѣлаютъ такія

забавы, которыя привели бы въ содроганіе Европейца. Они выбираютъ ровной песчаной берегъ, которой былъ бы безъ утесовъ; тамъ собравшись вмѣстѣ многіе, каждой держитъ въ рукѣ широкую дощечку, и ложится на нее грудью; потомъ всѣ они пускаются въ воду; иные изъ нихъ берутъ четвероугольную дощечку, величиною въ одинъ футъ, съ одною дырою на обоихъ концахъ, за которыя они держатся. Въ такомъ положеніи плывутъ по морю, пускаясь такъ далеко, какъ имъ угодно, всѣ наровнѣ въ рядъ, и поверхъ волнамъ увлекаются къ берегу; иногда волны подымаются такъ высоко, что смотря на нихъ съ берегу, видишь ихъ головы какъ бы черные шарики на снѣжномъ полѣ. Я видалъ также мальчиковъ, занимавшихся такою экзерциціей въ заливѣ Бермудскомъ, при островахъ Турецкихъ, близъ Сентъ-Доминга, куда случалось мнѣ часто ѣздить, чтобъ запастись солью для рыбной ловли въ Сѣверной Америкѣ (*).

(*) Капитанъ Кукъ видалъ также сіи игры у жителей Отагитскихъ и на сосѣдственныхъ островахъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Капитанъ Филиппъ Обенъ (*) былъ двадцати шести лѣтъ, щитая со времени его кораблекрушенія. Будучи двадцати семи лѣтъ и старѣе, онъ командовалъ купеческими кораблями у острововъ и береговъ Американскихъ. Въ 1778 году въ Генварѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Реймсѣ, и подтвердилъ всѣ обстоятельства, упомянутыя въ повѣствованіи о его нещастіи. Касательно до благодѣтельныхъ его избавителей, Караибовъ острова Табаго, входитъ онъ въ такія подробности, которыя совершенно удовлетворяютъ любопытству Читателя въ разсужденіи сего предмета;

(*) Давидъ *Обенъ*, его отецъ, Капитанъ Англійской морской службы, умеръ еще молодъ, отъ послѣдствій предпринятой имъ экспедиціи противъ Порто-Белло, что въ Америкѣ. Послѣ него остался Филиппъ Обенъ сиротою съ своимъ братомъ. Сей послѣдній вступилъ также въ Англійскую морскую службу, и находился при Адмиралѣ *Дюреллѣ*. Онъ умеръ въ 1745 году, на 27 отъ роду, отъ ранъ, полученныхъ имъ при осадѣ Луисбурга. Сіи подробныя извѣстія сообщены намъ 3 го Сентября 1778 года, самимъ Капитаномъ Обеномъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми объясненіями, коихъ мы у него просили.

нужно бы только пріобщить еще краткое описаніе острововЪ АнтильскихЪ, кЪ коихЪ числу относится и островЪ Табаго. Мы вознаградимЪ здѣсь сей недостатокЪ, будучи удостовѣрены, что ЧитателямЪ нашимЪ не будетЪ сіе непріятно.

Антильскіе острова.

Антильскіе острова, относящіеся кЪ полуденной Америкѣ, и лежащіе близЪ экватора, названы симЪ именемЪ потому, что прежде нежели достигнешь твердой земли новаго свѣта, встрѣчаешь при входѣ сіи острова. Они открыты ХристофоромЪ КолумбомЪ вЪ 1492 и 1495 годахЪ. Находятся они при входѣ вЪ Мексиканской заливЪ, и раздѣляются на *большіе* и *малые Антильскіе острова*.

БольшихЪ щитается четыре: *Куба*, *Ямайка*, *СентЪ-Доминго* и *Порто-Рико*. Сей послѣдній, также и островЪ Куба, находятся во владѣніи ИшпанцевЪ; они же владѣютЪ вмѣстѣ сЪ Французами островомЪ СентЪ-ДомингомЪ; а Ямайка принадлежитЪ АнгличанамЪ.

Главнѣйшіе изъ *малыхъ Антильскихъ острововъ*, называемыхъ также *Караибскими* или *Каннибальскими*, по имени природныхъ тамошнихъ жителей, суть слѣдующіе: *ла Тринита*, *Барбадосъ*, *Мартиника*, *Гваделупа*, *Сентъ-Люція*, *Маригалантъ*, *Дезирада*, *Гренада*, *Сентъ-Мартенъ*, *Доминика*, *Сентъ-Винцентъ*, *Табаго*, *Сентъ-Бартелеми*, *Ангиль*, *Антигоя*, *Барбудъ*, *Монтъ-Ферратъ*, *Сентъ-Христофъ*, *Маргарита*, *Сентъ-Томасъ*, *Кюрасао*, *Св. Евстахія*, *Сентъ-Круа*, *Бон-Эръ*, *ле Вьержъ*, *Саба* и *Провидансъ*.

Изъ числа малыхъ Антильскихъ острововъ, Французы владѣютъ Гваделупою, Дезирадою, Маригалантою, Мартиникою и Сентъ-Люціею. Они имѣли также островъ Гренаду; но въ 1762 году онъ уступленъ Англичанамъ. Вмѣстѣ съ Голландцами владѣютъ они островомъ Сентъ-Мартиномъ, а вмѣстѣ съ Караибами островомъ Доминикою. Въ Сентъ-Винцентѣ живутъ также нѣкоторые Французы и разводятъ табакъ, которой продается въ Голландіи и во Франціи подъ именемъ Сентъ-Винцентскаго или Дункеркскаго табаку.

Острова ла Тринита и Маргарита принадлежатъ Ишпанцамъ; Сентъ-Ев-

стахій, Бон-Эръ, Кюрасао и Саба Голландцамъ; а Сентъ-Томасъ и Сентъ-Круа Датчанамъ.

Наконецъ Англичане имѣютъ въ своей власти острова Барбадосъ, Монтъ-Ферратъ, ла Провидансъ, Сентъ-Христофъ, ле Вьержъ и Антигою. Имъ принадлежалъ также островъ Доминика вмѣстѣ съ Караибами; но какъ оный, по своему положенію между Мартиникою и Гваделупою, препятствовалъ коммуникаціи сихъ двухъ острововъ, то Французы завладѣли имъ 8 го Сентября 1778 года.

Караибы, природные жители сихъ острововъ, удержали за собою только одинъ островъ *Бекію*, на которомъ они живутъ одни. Впрочемъ островъ Доминика принадлежитъ частію имъ, частію Французамъ, а островъ Табаго раздѣляютъ съ ними Англичане. Въ то время, когда Капитанъ Обенъ жилъ на семъ послѣднемъ, ни одна Европейская нація не основала еще тамъ своего селенія; Французы, Англичане и Голландцы часто покушались тамъ поселиться; но всегда принуждены бывали его оставлять. Нездоровой воздухъ, на всѣхъ островахъ, лежащихъ въ знойномъ поясѣ, пока земли тамошнія остаются необдѣланы, также час-

тныя болѣзни, раждающіяся отъ того, дѣлаютъ пребываніе на нихъ гибельнымъ для иностранцевъ. Природные тамошніе жители по своей конституціи могутъ долѣе противиться вредному вліянію своего климата. Не смотря на то, Англичане съ 1756 года укрѣпились на островѣ Табаго.

Въ Сентъ-Винцентѣ живетъ также нѣсколько фамилій Караибовъ. Сей островъ былъ нѣкогда населенъ болѣе всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ жили природные Караибы: онъ былъ центромъ ихъ Республики. Но съ того времени, какъ онъ учинился мѣстомъ убѣжища для Негровъ бѣглыхъ, число ихъ годъ отъ году такъ примѣтно уменьшается, что скоро не будетъ ихъ совсѣмъ на семъ островѣ. Сіи бѣглецы, поселившись между ними, не замедлили обнаружить своей жестокости и вѣроломства къ нещастнымъ жителямъ, доставившимъ имъ у себя убѣжище; множество дѣлали обидъ и притѣсненій своимъ благодѣтельнымъ хозяевамъ, похищали ихъ женъ, дочерей и все, что только имъ угодно было.

На островахъ Антильскихъ не бываетъ зимы; воздухъ тамъ весьма тепелъ, но не здоровъ. Вообще сіи острова служатъ могилою четвертой

доли Европейцовъ, коихъ призываетъ туда сребролюбїе. Частые ураганы опустошаютъ также острова Антильскїе, и причиняютъ почти всегда великое разоренїе.

Манїокъ, паташы и маисъ составляютъ главную пищу жителей. Табакъ и сахаръ собираютъ въ великомъ изобилїи почти на всѣхъ Антильскихъ островахъ, и сїи произведенїя тамъ наилучшей доброты.

X.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О кораблекрушеніи Англійскаго корабля Фоттисалама, у береговъ Коромандельскихъ, въ Индіи, въ 1761 году, и приключенія Г. Керни (*).

Милостивый Государь!

Тотчасъ по возстановленіи моего здоровья, спѣшу исполнить ту коммисію, какую налагаетъ на меня всегдашняя ваша ко мнѣ непремѣнная дружба. Давно желали вы знать подробно всѣ обстоятельства моего кораблекрушенія на берегу Коромандельскомъ, и возвращенія моего въ Европу. Удовлетворя

(*) Сіе повѣствованіе, сообщенное въ письмѣ Гномъ. *де Керни*, Капитаномъ полку Лаллійскаго, къ Графу *д' Естенгу*, бывшему Генералъ-Поручикомъ войскъ Французскихъ въ Восточной Индіи, во время войны 1753 года, а послѣ Вицъ-Адмираломъ, начальствовавшимъ въ Америкѣ во время войны 1778 года — издано въ свѣтъ 1763 года, въ Парижѣ.

вашему требованію, я удовлетворю вмѣстѣ и двумъ чувствованіямъ, сроднымъ всякому человѣку: первое разумѣю то, чтобъ тронуть чувствительное сердце; а другое то, что находясь въ нѣдрахъ покоя, пріятно воспоминать о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія мы уже претерпѣли.

Вы извѣстились уже о томъ, что я перенесъ во время переѣзду своего изъ Европы въ Индію: тогда какая-то зараза похитила почти двѣ трети нашего штаба на кораблѣ *ле Бьен-Эме*. Иной почелъ бы это великимъ щастіемъ, что освободился отъ болѣзни, продолжавшейся мѣсяцовъ пять или шесть: отъ болѣзни, которая довела меня до крайности, и въ которой отчаялись уже всѣ Доктора Французской эскадры. Но гораздо большія бѣдствія заставили меня забыть сіе не маловажное нещастіе.

Спустя нѣсколько времени по отъѣздѣ вашемъ изъ Индіи, взятъ я въ плѣнъ Англичанами на сраженіи при Вандеваши, небольшой крѣпости, находящейся между Мадрасомъ и Пондишери, и съ этой эпохи могу я начать Иліаду своихъ нещастій: ибо Англичане не смѣя вести меня въ свой лагерь, изъ опасенія, что наши гусары

могли бы меня перехватить и отбить, переводили меня изъ роты въ роту, такъ что во время акціи я былъ подверженъ огню собственныхъ нашихъ войскъ, и поминутно долженъ былъ бояться смерти отъ своихъ соотечественниковъ. Правда, что Офицеры изъявляли мнѣ въ разсужденіи сего свое неудовольствіе; Англійской Генералъ хотѣлъ даже утѣшить меня въ семъ случаѣ, увѣдомивъ, что вы сами, Милостивый Государь, имѣли ту же участь. Порадуйтесь тому, что я привожу на память этотъ случай, столько славный для васъ. Когда мы шли къ Мадрасу — я говорю какъ очевидный свидѣтель — тогда мы были обязаны вашей храбрости, а особливо вашей поспѣшности, съ какою вы захватили всѣ посты непріятельскіе впереди: вамъ, Милостивый Государь! обязаны мы были тѣмъ, что могли напасть на сіе мѣсто. Къ великому нещастію для окончанія сей экспедиціи, столь удачной въ своемъ началѣ, вы при первой вылазкѣ Англичанъ, учинились ихъ плѣнникомъ: тогда-то во все время баталіи оставались вы у нихъ въ рукахъ, будучи подвержены безпрестанной опасности отъ нашего сильнаго огня.

Возвращаюсь къ себѣ. — Могу сказать, что побѣдители обращались со мной со всѣмъ возможнымъ великодушіемъ; даже они употребили всѣ мѣры, чтобъ сохранить мой экипажъ. Но не имѣли въ томъ успѣха: я лишился всего, что взялъ съ собою въ походъ; Сипеи ограбили меня безъ пощады: они не могутъ понять, какъ можно поступать дружески, или по крайней мѣрѣ снисходительно съ тѣми, которые были и еще могутъ быть ихъ непріятелями.

Одну ночь провелъ я въ лагерѣ Англійскомъ, и Полковникъ Кальотъ, котораго вы знаете, оказывалъ мнѣ много услугъ. На другой день отпущенъ я былъ на честное слово въ Пондишери, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцовъ; но при всѣхъ моихъ стараніяхъ не могъ исходатайствовать того, чтобъ меня вымѣняли. Когдажъ Англичане учинили нападеніе и на сію крѣпость, то и принужденъ я былъ вмѣстѣ съ другими плѣнными возвратиться въ Мадрасъ. Пріѣхавши туда, нашелъ тамъ почти двѣ трети Офицеровъ Королевской арміи, полоненныхъ при разныхъ случаяхъ. И такъ я былъ въ то время въ Мадрасѣ, когда Англичане, завладѣвши крѣпостью Пондишери,

приняли намѣренїе послать въ Англїю всѣхъ Французскихъ Офицеровъ. Въ слѣдствїе чего увѣдомили меня, чтобъ я былъ въ готовности сѣсть на корабль. Въ тожъ самое время узналъ я, что намъ, такъ какъ плѣннымъ, должно будетъ ѣхать на Англійскихъ корабляхъ въ разныя мѣста, куда тѣ корабли назначены, пока наконецъ достигнемъ Англіи; но Г. *Пиготъ*, Мадрасской Губернаторъ, по благосклонности своей ко мнѣ, отдалъ на мой выборъ, какою лучше дорогою желаю я ѣхать въ Англїю. И такъ я выбралъ путь въ Бенгалу, будучи удостовѣренъ Г. Пиготомъ, что найду наилучшїя удобства на кораблѣ *Гавкѣ*, которой долженъ былъ туда отправиться; и во всю жизнь свою буду хвалиться тѣми отличїями и уваженїемъ, какое оказывалъ мнѣ сей честной человѣкъ. Симъ способомъ надѣялся я облегчить тѣ неудобства и тягости, какїя страшили меня при переѣздѣ изъ Индіи въ Европу. Боясь того, что должно будетъ предпринять такую дальнюю поѣздку вмѣстѣ съ плѣнниками всякаго роду, числомъ больше пятидесяти человѣкъ, въ тѣснотѣ и безъ всякихъ удобствъ; болѣе же всего тревожась тѣмъ, что должно

будетъ подвергнуться жестокой необходимости, питаться цѣлыя семь или восемь мѣсяцовъ одною солониною, не смотря на то, что Англїйская Компанїя дала совсѣмъ противныя приказы: все сїе сообразивъ, избралъ я дорогу въ Бенгалы, какъ самую безопаснѣйшую при такихъ обстоятельствахъ; а это самое и было причиною моихъ нещастїй.

Корабль Гавкъ, на которомъ должно мнѣ было отправиться въ Европу, выѣхалъ безъ меня изъ Мадраса въ Бенгалы: ибо я не успѣлъ еще тогда привесть въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ. И такъ насланъ мнѣ ордеръ; ѣхать за нимъ въ слѣдъ при первомъ случаѣ; а этаго не долго было ждать, потому что въ сїе время года каждую недѣлю не одно судно отъѣжжаетъ въ Бенгальской заливъ.

Первой корабль, которому должно мнѣ было повѣрить свою судьбу, былъ нещастный *Фаттисаламъ*, построенный въ Бомбаѣ, Англїйскомъ селенїи на берегу Малабарскомъ. Онъ не видалъ еще другихъ морей, кромѣ Индѣйскаго. На немъ отправлено было множество военной аммуницїи, взятой Англичанами въ Пондишери, и человѣкъ 500 военныхъ людей, которыхъ

за нужное почтено отослать въ Бенгалы: ибо по взятїи Пондишери не было въ нихъ нужды на семъ берегу.

На этотъ нещастный корабль сѣлъ и я, и онъ поднялъ парусы 26 го Августа 1761 года. На третїй день по отъѣздѣ нашемъ, 28 го числа, часовъ въ десять поутру, корабельный Капитанъ за тайну сказалъ Маїору *Гордону*, командовавшему Англїйскими солдатами, что на днѣ корабля семь футовъ воды, и что она съ каждою минутою прибываетъ больше и больше, не смотря на то, что матросы заняты безпрестанно у насосовъ; и слѣдовательно остается намъ не болѣе двухъ часовъ жить, или плавать по водѣ.

А какъ уже около двухъ часовъ всѣ бывшїе на кораблѣ занимались неутомимо работою, чтобы облегчить корабль, бросая изъ него все въ море: то это побудило меня прилѣжно смотрѣть за Капитаномъ и не выпускать его изъ виду. Я увидѣлъ, съ какимъ ужасомъ объявилъ онъ Маїору о нашемъ нещастїи; подошелъ къ нимъ и тихонько спросилъ по Англїйски, о чемъ рѣчь идетъ. Г. Гордонъ повторилъ мнѣ дрожащимъ голосомъ слова Капитана. Сїе страшное извѣстїе поразило меня, однако не лишило способности дѣйство-

вать и принять мѣры, какія можно было въ нашихъ обстоятельствахъ. Я не тратилъ времени на пустыя слова, только спросилъ Капитана, не можно ли намъ спастись на шлюпкѣ, въ которой посажены были свиньи, и которая привязана была къ кораблю и за нимъ плыла. Онъ мнѣ отвѣчалъ съ печальнымъ видомъ, что это средство можетъ продлить нашу жизнь на нѣсколько часовъ долѣе, нежели жизнь тѣхъ нещастныхъ, кои останутся на кораблѣ; однако прибавилъ, что почти нѣтъ возможности при такомъ множествѣ матросовъ и солдатъ, произвесть въ дѣйство сіе намѣреніе. Этотъ отвѣтъ удостовѣрилъ меня, что въ нашей крайности не должно полагать ни малой надежды на слабаго Капитана. Я сказалъ ему, что мы беремъ все на себя, а онъ долженъ только наблюдать двѣ вещи: первое, молчать, а второе слѣдовать за нами, когда увидитъ насъ въ роковой шлюпкѣ. Онъ въ тужъ минуту насъ оставилъ. Оставшись одни Маїоръ и я, тотчасъ условились, какъ выйти изъ корабля, и менѣе нежели въ десять минутъ исполнили свое намѣреніе. Онъ сошелъ изъ совѣтной каюты по лѣстницѣ въ большую комнату, и объявилъ

о нашемъ планѣ тѣмъ Офицерамъ своего полку, которыхъ тамъ нашелъ: нѣкогда было искать прочихъ бывшихъ въ другихъ мѣстахъ: ибо каждая минута была для насъ дорога. Я съ своей стороны позвалъ моего слугу, человѣка расторопнаго и вѣрнаго; онъ былъ солдатомъ въ моемъ полку, и взятъ также въ плѣнъ; но я выручилъ его у Г. Пигота; въ двухъ словахъ объяснилъ ему, о чемъ дѣло идетъ. Тотчасъ я самъ заперъ двери совѣтной комнаты, чтобы не увидѣли съ корабельнаго носу, что мы начнемъ дѣлать. А какъ на нашемъ кораблѣ галлереи не было, то я велѣлъ слугѣ вылѣзть въ окно изъ этой комнаты, и онъ спустился въ шлюпку по веревкѣ. Заблаговременно я далъ ему свою шпагу и топоръ, и приказалъ, чтобъ онъ билъ безъ милосердія всѣхъ, кто захочетъ войти въ шлюпку, кромѣ тѣхъ только, которые будутъ сходить съ условленнаго нами мѣста, откуда я намѣренъ былъ съ нѣкоторыми избранными пробраться. Все сіе весьма удачно произведено въ дѣйство: мой проворной слуга сберегъ для насъ шлюпку, пока всѣ мы вошли въ нее; и это дѣлалось съ такою скоростію, что ему не нужно было данное оружіе. Боязливой

Капитанъ едва было не опустилъ шлюпки, будучи слишкомъ нерѣшителенъ: наконецъ, когда и онъ къ намъ сошелъ, то мы поспѣшно отрубили канатъ, привязывавшій шлюпку къ кораблю, и весьма въ короткое время удалились отъ него довольно далеко.

И такъ предались мы на маломъ суднѣ, совершенно открытомъ, въ волю вѣтровъ и волнъ, числомъ двадцать пять человѣкъ, между коими были двѣ молодыя жены Англійскихъ Офицеровъ Кутскаго полку, всѣ будучи худо одѣты, безъ всякихъ удобствъ и перемѣшаны вмѣстѣ съ свиньями. Первое наше дѣло было очистить для себя мѣсто, чтобъ было гдѣ кому сѣсть; тотчасъ стали мы бросать свиней въ море; но къ нашему щастію кто-то присовѣтовалъ сберечь хоть семь свиней, дабы не подвергнуться страшной необходимости ѣсть другъ друга, до чего мы конечно дошли бы безъ сей бѣдной предосторожности. Облегчивши такимъ образомъ судно, занялись мы тотчасъ другою не меньше важною работою. Надобно было сдѣлать какой нибудь парусъ для управленія шлюпкою; всякой отдавалъ на то свое платье; даже обѣ женщины принуждены были уступить по одному корсету,

хотя они были кисейные. Всѣ сіи куски связали мы вмѣстѣ плашками, разорвавши ихъ на части, и наконецъ сдѣлали смѣшной и непрочной парусъ.

Между тѣмъ, какъ мы занимались сею работою, нещастный корабль подавалъ безпрестанныя сигналы, давая намъ знать, что все на немъ починено, и тѣмъ приглашая насъ опять на корабль. Этою сѣтью хотѣли уловить насъ нещастные наши товарищи, желая найти и для себя спасеніе на шлюпкѣ. Естьлибъ мы послушались легкомысленнаго нашего Капитана, и возвратились бы къ кораблю, то безъ сомнѣнія погибли бы всѣ. Однако мы рѣшились къ нему не приближаться, и въ томъ весьма благоразумно поступили: ибо спустя нѣсколько минутъ, этотъ корабль представилъ намъ ужаснѣйшее зрѣлище. Имъ не льзя уже было управлять; иногда онъ плылъ, куда вѣтеръ и волны его несли, а иногда вертѣлся вокругъ, какъ бы въ пучинѣ. Скоро потомъ упала мачта; за ней другая, за ней третья; тогда корабль нашъ сталъ голъ какъ понтонъ, плавающій по волнамъ; но казалось, что онъ держится на водѣ только безпрестаннымъ движеніемъ нещастныхъ погибающихъ, коихъ крики

поражали насъ ужасомъ. Поднялся туманъ, и болѣе не можно было отличить корабля: конечно онъ скоро потонулъ!

Мы судимъ всегда о щастїи и нещастїи не иначе, какъ по сравненїю. Какъ должны мы были благодарить небеса за то, что не подверглись той участи, которая погубила въ глазахъ нашихъ человѣкъ пятьсотъ или шестьсотъ, оставшихся на кораблѣ! Но и наше спасенїе какъ дорого намъ стоило! къ какимъ бѣдствїямъ предъизбрало насъ небо, и какъ жалостно было наше положенїе!

Мы были на открытомъ морѣ, въ слабомъ маломъ суднѣ, которое одна волна могла бы опрокинуть, безъ компаса, и единая наша надежда былъ парусъ, руками нашими сдѣланный, требовавшїй всего нашего вниманїя: но десница Провидѣнїя покрывала насъ!

Не было у насъ ни капли воды, ниже какихъ либо съѣстныхъ припасовъ. Волны безпрестанно вливались въ нашу шлюпку и омочали насъ; безпрестанно мы должны были вычерпывать вливавшуюся воду, и при такой тягостной работѣ дрожали отъ стужи, будучи худо одѣты и всѣ вымоче-

ны: въ такомъ-то состоянїи плавали мы семеро сутокъ, будучи игралищемъ волнъ. Вся наша пища была полторы ложки свиной крови, которую давали каждому на двадцать четыре часа, и при томъ всегда съ величайшею аккуратностїю; а кто хотѣлъ получить двѣ ложки, тотъ долженъ былъ подмѣшивать морской воды. Многїе изъ насъ побуждаемы будучи сильнымъ голодомъ, и надѣясь на свой здоровой желудокъ, ѣли свинину сырую, и каждой день убивали одну свинью, такъ что въ семь дней не осталось у насъ ни одной. Наилучшее мое кушанье была печень, или запекшаяся кровь, которую я только высасывалъ, а потомъ опять выбрасывалъ изорту; слуга мой, бывшїй у насъ мясникомъ, всегда давалъ мнѣ этотъ Королевской кусъ.

Въ седьмой день, вскорѣ послѣ полуночи, услышали мы какой-то шумъ, которой насъ весьма удивилъ, и мы думали, что это шумъ волнъ, разбивающихся объ утесы, или о какой нибудь берегъ. Среди страха и радости продолжали плыть, и съ нетерпѣливостїю ожидали дня: наконецъ онъ насталъ сей день, столько желанный; насталъ для насъ медленно, и тогда все исчезло! Вообразите, какою горе-

стїю объяты мы были, лишась сей слабой надежды, хотя она и весьма была не вѣрна. Отчаянїе заступило мѣсто печали, и конечно погубило бы насъ, естьлибъ рука Провидѣнїя не извлекла насъ поспѣшно изъ сей бездны злополучїй.

Въ тотъ же день, часовъ въ семь поутру, нѣкто закричалъ: земля, или что-то приближающееся! — Мы усмотрѣли на краю горизонта какой-то оттѣнокъ, и послѣдуя стремленїю своего желанїя, дѣйствительно сочли за землю. Надежда оживила насъ снова. Тотчасъ мы направили путь къ той точкѣ, которую видѣли далеко на горизонтѣ, и въ девять часовъ дѣйствительно усмотрѣли, что это берега; но землю увидѣли не прежде, пока къ ней приближились: ибо берегъ былъ чрезвычайно низокъ. Не возможно, Милостивый Государь! не только описать, но даже и вообразить вамъ, что мы чувствовали въ ту минуту нашего восторга. Какая-то радость, крѣпость, новая жизнь объяла нашу душу, подобно тому, какъ мы обновляемся, нашедши большой огонь послѣ несносной стужи. Все бытїе наше, всѣ способности тѣла и души вдругъ оживились: кажется это было наше возрожденїе. Однимъ

словомъ, мы только знаемъ то неизъяснимое удовольствіе, которое заступило мѣсто нашего отчаянія.

Тотчасъ стали разсуждать, какъ лучше пристать къ берегу, чтобы удобнѣе на него сойти: тутъ представилось великое затрудненіе: большая отмѣль и необитаемость берега, на которомъ не видно было ни домовъ, ни людей, ни шеленговъ (т. е. маленькихъ ботовъ, служащихъ къ переѣздкѣ по мѣлководью): все сіе удостовѣряло лучше всѣхъ увѣреній малодушнаго Капитана, что тутъ не приставало ни одного Европейскаго судна. И такъ держанъ совѣтъ, и на немъ опредѣлено опробовать щастія и плыть къ берегу; при чемъ сказано, что кто какъ умѣетъ, такъ и спасайся. Сіе опредѣленіе, утвержденное голосами тѣхъ, кои умѣли плавать; а особливо голосомъ Капитана, которой съ дерзостью осмѣлился увѣрять, что онъ самъ вѣрно спасется: это опредѣленіе, говорю я, было противно человѣчеству и несносно для чувствительнаго сердца: ибо оно возвѣщало неизбѣжную смерть тѣмъ, которые къ своему нещастію мало привыкли къ водѣ; а особливо ввергала въ неминуемую погибель обѣихъ женщинъ, бывшихъ съ нами, и меня съ моимъ

слугою: ибо всѣ мы плавать не умѣли, развѣ новое чудо могло бы спасти насъ. И такъ я возсталъ противъ сего опредѣленія, и твердымъ голосомъ сказалъ Капитану, что никакъ не будетъ оно произведено въ дѣйство, пока останется во мнѣ хотя малѣйшее дыханіе; далѣе объявилъ, что какъ насъ много не умѣющихъ плавать, то должно поручить намъ управленіе судна, такъ чтобы всѣ благополучно сошли на землю. Потомъ поднявши шпагу, прибавилъ, что Капитанъ будетъ отвѣчать мнѣ своею жизнію за жизнь всѣхъ, сколько насъ есть.

При сихъ словахъ одинъ Англійской Офицеръ, по имени *Скутъ*, человѣкъ бѣшеный и неукротимый, закричалъ: „Какъ! одинъ Французъ, и притомъ плѣнный, осмѣливается здѣсь предписывать свои законы, и называть насъ варварами!„ — „Государь мой! сказалъ я ему спокойно; общее наше нещастіе дѣлаетъ всѣхъ насъ равными; я здѣсь свободенъ также, какъ и вы; и еще повторяю, что Капитанъ будетъ отвѣчать мнѣ своею жизнію за жизнь всѣхъ нашихъ товарищей.„

Устрашенный Капитанъ тотчасъ велѣлъ двумъ Ласкарцамъ Арапамъ, искуснымъ пловцамъ, спасшимся также

съ нами, не оставлять меня, пока я не выду на землю. Потомъ самъ взялъ руль и управилъ такъ искусно, или лучше сказать, такъ щастливо, что мы пристали къ землѣ безъ всякаго нещастнаго приключенія. Но вотъ что съ нами случилось: двенадцать человѣкъ изъ экипажу, по своей нетерпѣливости весьма натуральной, хотѣли соскочить на землю въ ту самую минуту, какъ шлюпка достала дно, и нѣкоторые изъ нихъ, даже умѣвшіе плавать, чуть было не утонули. Сверхъ того они отъ насъ отдѣлились: ибо въ самое то время двѣ волны бросили нашу шлюпку въ рѣку, которую мы не прежде примѣтили, какъ вошедши уже въ нее. Эта рѣка была весьма быстра, и тотчасъ разбила наше судно, такъ что намъ прежде всего должно было заботиться о томъ, какъ бы добраться до земли.

Я бы весьма желалъ, но не знаю, какъ могу описать минуту нашего избавленія со всѣми обстоятельствами, съ простотою и выразительностію, приличною истинѣ самаго дѣла? Не успѣли мы почувствовать землю подъ своими ногами, какъ всякой изъ насъ занявшись собою и заботясь о своемъ только сохраненіи, почти совсѣмъ не

думалъ о другихъ. Глаза наши искали прѣсной воды и какой нибудь пищи, чѣмъ бы подкрѣпить истощенныя силы и продлить бѣдственную жизнь. Мы увидѣли небольшое озеро: тотчасъ всѣ бросились къ нему, и уткнули въ него головы, какъ утки; страшная жажда насъ мучила, жажда несносная, восьмидневная, которую нельзя сравнить ни съ величайшею горячкою. Надобно самому испытать такую долговременную жажду, мучительнѣйшую изъ всѣхъ нуждъ жизни, чтобъ понять, съ какою жадностїю кинулись мы утолять ее. Въ подобномъ состоянiи охотно отдалъ бы все золото и всѣ алмазы Индїи за одинъ стаканъ воды: охотно отдалъ бы цѣлой свѣтъ. — Представьте теперь наше долговременное мученїе и ту поспѣшность, съ какою мы бросились къ озеру; наконецъ то сладостнѣйшее удовольствїе, какое мы ощутили при первомъ глоткѣ прѣсной воды. Утоливши жажду, принялись всѣ ѣсть: иные траву, другїе черепахъ, найденныхъ на берегу, и цѣлые двое сутокъ не было у насъ другой пищи.

Впрочемъ намъ весьма было прискорбно, что мы раздѣлились на двѣ партiи; старались опять соединиться

вмѣстѣ, однако никакъ не могли по причинѣ глубины той быстрой рѣки, которая насъ раздѣляла; почему обѣ партіи и принуждены наконецъ итти порознь далѣе внутрь земли искать жилищъ. Послѣ уже узнали, что эта страна, къ которой мы пристали, была земля Раяса Арсапурскаго, находящаяся не далеко отъ устья рѣки Гангеса и мыса Палмирскаго. Мы прошли еще очень не далеко, какъ попали въ сѣть, разставленную здѣшними жителями съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ насъ удобнѣе было уловить. Два рыбака, увидя насъ, пріѣхали сказать намъ, чтобъ мы тутъ остановились и далѣе бы не шли. Притомъ увѣдомили, что Правитель сего мѣста извѣстился о нашемъ пріѣздѣ и о бѣдственномъ нашемъ состояніи; обнадеживали насъ, что онъ Государь благотворительной, и что не замедлитъ прислать намъ нужныя пособія. Въ самомъ дѣлѣ спустя нѣсколько часовъ, принесли намъ сарачинскаго пшена и мантеги, т. е. родъ масла, или свинаго сала, вытопленнаго изъ свинаго жиру; къ тому присовокупили ласковыя увѣренія со стороны Раяса, обѣщая намъ отъ имени его, что завтра обезпечитъ насъ отъ суровости воздуха,

а особливо отъ вечерней росы, которая весьма опасна въ сей землѣ. Они сдержали слово; въ самомъ дѣлѣ на другой день отыскавши насъ, отвезли на нѣкоторой небольшой островъ, гдѣ и удержали какъ плѣнниковъ. Семь недѣль оставались мы тамъ, не зная другой пищи, кромѣ чернаго сарачинскаго пшена, и два раза въ недѣлю соленой рыбы, которой почти не льзя было въ ротъ взять отъ множества соли; но и эту пищу надобно было покупать, отдавая все, что на насъ ни было. Не смотря на то, нашли мы средство прїобрѣсть сострадательность къ себѣ Араповъ, нашихъ караульныхъ, и отъ нихъ доставать себѣ нѣкоторыя удобства. Одна изъ двухъ дамъ, бывшихъ съ нами, *Мистриссъ Тетъ*, родомъ изъ Ирландїи, имѣла прекрасной голосъ; она пѣла имъ Англїйскїя пѣсенки, и хотя они ни слова въ нихъ не понимали, однако слушали съ великимъ удовольствїемъ: за то получали мы иногда нѣсколько плодовъ и другой хорошей пищи. Но вода, которую мы употребляли, была такъ не здорова, что умерло изъ насъ тринадцать человѣкъ, а остальные двенадцать всѣ страдали разными болѣзнями: иные горячкой, иные водяною болѣзнїю, иные

были сини, другїе пожелтѣли, и вообще всѣ такъ стали обезображены, что насъ не льзя было почесть за Европейцовъ.

Но какъ нѣтъ такого нещастїя, при которомъ человѣкъ вовсе лишился бы надежды когда нибудь отъ него избавиться, такъ и въ теперишнемъ нашемъ положенїи мы безпрестанно занимались тѣми мыслями, какъ бы найти средство уйти изъ сего острова. Двое Ласкарцовъ Араповъ, бывшихъ также съ нами, показались намъ способными къ произведенїю въ дѣйство сего намѣренїя. Мы написали письмецо въ Барасоль, гдѣ у Англичанъ была небольшая факторїя: къ тому пригодился намъ карандашъ, которой нашла у себя по случаю одна изъ нашихъ дамъ; уговорили Ласкарцовъ отнесть это письмо, обѣщая имъ знатную сумму денегъ, когда освободимся изъ неволи и достигнемъ въ первое селенїе Европейское. Наши Ласкарцы на все согласились, не смотря на трудности пути, и пошли въ Барасоль. Имъ надобно было переплыть вплавь три или четыре большїя рѣки, и притомъ итти только ночью, чтобы не быть примѣчену жителями сей страны. Преодолѣвши множество опасно-

стей какъ хитростію, такъ и смѣлостію, пришли они наконецъ въ Каттекъ, большой городъ Индѣйской, въ которомъ имѣетъ свою резиденцію одинъ Райя, или Начальникъ Маратовъ. Оба Арапа, какъ чужеземцы, тотчасъ по прибытіи ихъ представлены Райю; и будучи спрошены, разсказали ему о нашемъ кораблекрушеніи, какъ мы отъ него избавились, какія бѣдствія послѣ претерпѣли, и какъ страдаемъ нынѣ въ плѣну у Райя Арсапурскаго. Они не забыли также упомянуть, что съ нами двѣ молодыя женщины бѣлыя, и что почти всѣ мы люди не низкаго состоянія. Начальникъ Маратовъ спрашивалъ ихъ, годятся ли мущины въ солдаты, и дѣйствительно ли такъ бѣлы женщины, хороши ли онѣ, и годятся ли къ нему въ Сераль. Послѣ ихъ отвѣту Райя тотчасъ призвалъ къ себѣ сына Арсапурскаго Раи, бывшаго тогда у него аманатомъ, и приказалъ ему написать къ своему отцу, чтобъ онъ тотчасъ, получивши письмо, прислалъ въ Каттекъ Европейцовъ всѣхъ до единаго, и мущинъ и женщинъ, которыхъ онъ держитъ у себя въ плѣну на островѣ уже два мѣсяца. Онъ велѣлъ также, въ сообразность политики всѣхъ небольшихъ Индѣйскихъ

владѣльцовъ, вести насъ самыми дурными дорогами, совсѣмъ неѣжжалыми, чтобы такимъ образомъ скрыть отъ насъ свѣденія о ихъ землѣ. Наконецъ пришелъ къ намъ приказъ отправиться въ дорогу, и притомъ порознь обѣимъ партіямъ; мы собрались и пошли съ нашими проводниками, каждая партія своею дорогою; но шедши нѣсколько часовъ, обѣ вмѣстѣ соединились. Два мѣсяца прошло, какъ мы одни отъ другихъ отдѣлились, и послѣ сей разлуки никогда не имѣли извѣстій одни объ другихъ; вы сами можете представить, какая была наша радость, какъ мы опять увидѣлись взаимно. Тогда узнали мы о смерти тѣхъ, которыхъ лишились въ каждой партіи; и хотя всѣ болѣе похожи были на шкелетовъ, или на бродящихъ тѣней, однако мы поздравляли другъ друга съ тѣмъ щастіемъ, что еще живемъ. Пѣшешествіе наше въ Каптекъ продолжалось четырнадцать дней; всю дорогу совершили мы пѣшкомъ, и притомъ у рѣдкихъ изъ насъ была какая нибудь обувь; въ каждой день проходили очень не далеко, потому что всѣ были больны, всѣ изнурены трудностями, и притомъ принуждены будучи итти почти всегда мѣстами болотистыми,

увязали по поясъ въ тину. Надобно было переправиться черезъ многія рѣки, попадавшіяся намъ на пути, и притомъ всегда вплавь; кто не умѣлъ плавать, тому другіе помогали и поддерживали. Обѣ наши молодыя дамы были въ самомъ жалостнѣйшемъ состояніи, не привыкши сносить такихъ трудностей, которыя слишкомъ тягостны и для самихъ крѣпкихъ мущинъ; одинъ взглядъ на сихъ нещастныхъ умножалъ еще болѣе наше общее бѣдствіе. Одна изъ нихъ, Гжа. *Нельсонъ*, умерла за четыре дня прежде нашего прибытія въ Каттекъ; а другая, хотя была уже три мѣсяца беременна, благополучно пришла въ сей городъ.

Хотя мы каждой день отъ несказанныхъ трудностей были до изнеможенія изнурены, однако принуждены были проводить ночи подъ деревьями; никто не принималъ насъ въ свои хижины: ибо гостепріимство къ Европейцамъ запрещается ихъ религіею. Во все наше путешествіе мы нашли только двѣ гостинницы, построенныя для Индѣйскихъ странниковъ. Наконецъ пришли мы въ Каттекъ одни нѣсколькими днями прежде другихъ. Тамъ узнали мы, что у Англичанъ есть

также Факторія, и потому немедленно пошли къ ней; однако нашли въ ней только однихъ Сипейцевъ, живущихъ на жалованьѣ, а ни одного Европейца. Сипейцы приняли насъ весьма человѣколюбиво, и тронувшись нашимъ состояніемъ, тотчасъ пошли на рынокъ и купили лепешекъ. Мы ихъ съ жадностію пожирали, запивая водою, и это было для насъ величайшее пиршество. Поблагодаривши Сипейцовъ и радуясь нашему щастію, что мы наконецъ имѣемъ, гдѣ главу приклонить въ защиту отъ суровости воздуха, тотчасъ расположились у нихъ спать. Думали, что Начальникъ Маратовъ велитъ представить насъ на другой день и дастъ какіе нибудь приказы относительно къ намъ; но узнали, что онъ поѣхалъ осматривать сторону пагодовъ *Жанъ-Гренадскихъ.* Министръ его или Намѣстникъ не имѣлъ отъ своего Государя никакого приказанія въ разсужденіи насъ, почему и не посылалъ намъ никакой пищи на содержаніе. И такъ Сипейцы продолжали кормить насъ, сколько были въ состояніи. Они имѣли кредитъ у лавошниковъ, и отъ нихъ достали намъ сарачинскаго пшена, нѣсколько баранины и пряныхъ кореньевъ; изъ всего этаго

дѣлается нѣкоторой родъ соуса, называемаго пилло или пело, какъ тамъ произносится сїе слово. Почти чрезъ цѣлые двадцать дней эта была наша обыкновенная пища.

Между тѣмъ какъ мы переходили изъ прежняго острова, гдѣ насъ держали плѣнными, въ Каттекъ, наши два Ласкарцы сдѣлались нашими избавителями. Они прежде еще умолчали предъ Начальникомъ Маратовъ, съ какою коммиссїею мы ихъ послали. Оставивши его, продолжали они путь въ Барасоль, куда пришедши, сообщили объ насъ извѣстїе Англичанамъ. Потомъ прибыли въ *Калекутъ*, и наконецъ нашли Г. *Вансетарда*, Губернатора Англїйскаго въ Бенгалахъ. Г. Вансетардъ не тратя времени, послалъ намъ разныя вспоможенїя; но по отдаленности мѣстъ мы получили ихъ не прежде, какъ спустя дней двадцать или двадцать пять по прибытїи нашемъ въ Каттекъ. Онъ также употреблялъ всѣ старанїя, чтобъ доставить намъ свободу; но какъ Мараты находились тогда въ нѣкоторомъ несогласїи съ Англїйской Компанїей, притомъ же они весьма высокомѣрны, живучи подъ воинскимъ правленїемъ: то они не хотѣли оказать сей милости купцамъ. И такъ предоставлено было

побѣдителю Индіи, Гну. *Кутту*, истребовать нашего освобожденія: что онъ и получилъ безъ труда.

Тотчасъ приказано намъ было наискорѣе итти въ Барасоль, отстоящій на шесть дней пути. Но я и мой вѣрной слуга не дожидались генеральнаго приказу, а отправились вмѣстѣ впередъ. Я нашелъ въ Каттекѣ одного Европейца, родомъ Русскаго, бывшаго пушкаремъ въ арміи Г. де Бюсси, а послѣ сдѣлавшагося Шефомъ артиллеріи у Маратовъ. А какъ онъ понималъ и самъ говорилъ по Французски, то я не объявляя ему сперва, кто я таковъ, *старался развѣдать* его мысли о Г. де Бюссіи. Онъ увѣрялъ меня, что сей Генералъ болѣе всѣхъ другихъ заставилъ Маратовъ имѣть уваженіе къ Европейцамъ; признавался, что онъ жалѣетъ объ немъ во всю жизнь свою, и не перестанетъ его обожать: это были собственныя его слова. Вывѣдавши такимъ образомъ его чувствованія, я открылъ ему о себѣ, что я Французъ и взятъ въ полонъ Англичанами; что при мнѣ есть слуга, котораго я отмѣнно люблю, и что мнѣ весьма бы хотѣлось, какъ можно скорѣе, удалиться изъ Каттека. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что исходатайствуетъ мой отъѣздъ какъ

наискорѣе, съ тѣмъ однако, чтобы прочїе ничего о томъ не знали прежде нашего отъѣзду. Я хранилъ сїю тайну, и въ самомъ дѣлѣ онъ доставилъ мнѣ позволенїе ѣхать вмѣстѣ съ моимъ слугою. Тотчасъ я нанялъ двѣ носилки, и какъ для заплаты за сїи носилки, такъ и для пропитанїя нашего въ дорогѣ, продалъ свой галстукъ и пуговицы съ рукавовъ, что у меня только и оставалось добраго. Потомъ простился съ своими товарищами и объявилъ имъ, не скрывая ничего, какимъ образомъ выходилъ я себѣ позволенїе ѣхать, желая, чтобъ и они могли воспользоваться тѣмъ же средствомъ. Путь нашъ въ Барасоль едва не былъ для насъ гибельнымъ. Два раза нападали на насъ тигры, и къ великой печали, одинъ изъ сихъ свирѣпыхъ звѣрей униащилъ отъ насъ Арапа, бывшаго въ нашей свитѣ: это нещастїе тѣмъ болѣе насъ тронуло, что сей Арапъ весьма могъ быть полезенъ намъ въ нашемъ бѣдственномъ состоянїи. Тотъ же самой тигръ, пожравшїй нещастнаго нашего спутника, вышелъ опять изъ лѣсу, и устремилъ на насъ свирѣпые свои взоры; но мы собравшись всѣ въ кучу, своею неустра-

шимостїю и крикомЪ принудили его удалиться.

Тотчасъ по прибытїи моемЪ вЪ Барасолъ, нашелЪ я нѣкоторыхЪ Англичанъ, готовыхЪ отправиться на корабле вЪ Бенгалы; они предложили и мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними, и я едва успѣлъ напиться, тотчасъ и сѣлъ на корабль.

Шесть или семь дней продолжалось наше плаванїе до Калекуты; весьма трудно было плыть противЪ рѣки Гангеса, и мы вЪ семЪ плаванїи едва избѣгли погибели: тысяса подводныхЪ камней, тысяча новыхЪ опасностей грозили погубить насъ. *Прїѣхали* мы вЪ Гупиль; тамЪ увидѣлъ я много кораблей, принадлежавшихЪ Англїйской Компанїи; почему и просилЪ своего Капитана, чтобЪ онЪ позволилЪ мнѣ его оставить, и переѣхать на какой нибудь изЪ сихЪ кораблей. ОнЪ видѣлЪ, что я и мой слуга, оба больны, изнурены до крайности и во всемЪ нуждаемся; у меня оставалось только два рупїя; за эти деньги наняли для меня судно, и я переѣхалЪ съ своимЪ слугою на корабль *Плассu*, бывшїй подЪ командою Капитана *Варда*. Взошедши на этотЪ корабль, я думалЪ, что тутЪ

кончились всѣ мои злополучїя, и забылъ почти все. Первой, съ кѣмъ мнѣ случилось говорить, былъ Капитанъ войскъ Англїйской Компанїи, по имени *Гуайтъ.* Онъ почелъ насъ обоихъ за ограбленныхъ солдатъ. Видъ нашъ и платье самое бѣдное показывало жалостное наше состоянїе. И такъ сей доброй Англичанинъ оборотясь ко мнѣ, сказалъ на своемъ языкѣ: „Бѣдной солдатъ! плохо твое состоянїе! „Кто ты таковъ, и откуда ѣдешь? „ — Я отвѣчалъ ему по Англїйски: „Вы „ужъ сами сказали: я солдатъ, а это „мой слуга; мы почитаемъ себя весьма щастливыми, что остались еще „въ живыхъ.„ — Потомъ увѣдомилъ его, что я былъ двенадцатой человѣкъ, убѣжавшїй съ Англїйскаго корабля Фаттисалала, которой погибъ съ экипажемъ и всѣми вещьми у береговъ Коромандельскихъ; что жизнїю своею обязанъ вопервыхъ собственной неустрашимости, а потомъ попеченїямъ своего слуги, которой изнуренъ болѣзнїю, не могъ стоять на ногахъ; наконецъ прибавилъ, что я Офицеръ такого-то ранга, и плѣнникъ Короля Англїйскаго. Г. Гуайтъ тотчасъ пошелъ въ свою каюту, и велѣлъ принести мнѣ полную одежду съ ногъ до головы; я

въ томъ имѣлъ подлинно великую нужду: два мѣсяца съ половиной носилъ я одну рубашку; она вся была въ лоскутьяхъ; мой слуга только мочилъ ее иногда въ водѣ для моего облегченія. Одѣли также и этаго бѣднаго человѣка, которой былъ почти нагой. Потомъ Г. Гуайтъ велѣлъ подать мнѣ шоколаду и чего нибудь поѣсть; но я былъ такъ слабъ, что одинъ запахъ шоколадный едва не причинилъ мнѣ обмороку, и я не могъ ничего отвѣдать, только могъ выпить чаю. Этотъ честной человѣкъ оказалъ мнѣ тысяча другихъ услугъ, а не меньше того и корабельный Капитанъ. Когда я перемѣнилъ платье и выпилъ чаю, то сіи Офицеры предложили мнѣ ѣхать съ ними вверхъ по рѣкѣ Гангесу даже до Калекута, на одномъ суднѣ, туда отправлявщемся. Я на это согласился; однако весьма сожалѣлъ, что долженъ былъ оставить на караблѣ своего слугу, которой лежалъ въ сильной лихорадкѣ. Впрочемъ мнѣ нѣчего было иного дѣлать; притомъ же я могъ положиться на благосклонность обоихъ сихъ Офицеровъ, что они его не оставятъ; и такъ разстался съ моимъ бѣднымъ слугою, соучастникомъ всѣхъ моихъ нещастій. Вскорѣ потомъ онъ

умеръ въ Англійской гофшпиталѣ въ Калекуттѣ.

На другой день пріѣхали мы въ сію Конпору; а въ слѣдующій день былъ я у Губернатора Г. Фансетарда. Онъ принялъ меня весьма ласково, назначилъ мнѣ квартиру; и ассигновалъ мнѣ, какъ плѣнному Капитану, по сту двадцати рупіевъ (*) на мѣсяцъ. Я имѣлъ во всемъ недостатокъ; но онъ ни въ чемъ не предупредилъ меня. Я прибѣгнулъ къ своему благодѣтелю Гну. Гуайту, и просилъ снабдить меня полотномъ; онъ далъ мнѣ триста рупіевъ, которыми я и одѣлъ себя. Цѣлые два мѣсяца жилъ тутъ, не получая ни копѣйки изъ опредѣленнаго мнѣ Губернаторомъ жалованья. Наконецъ принужденъ былъ получить его: ибо вдругъ пришелъ приказъ, чтобъ я сѣлъ на корабль *Гаукъ*, находившійся до сего времени въ семъ мѣстѣ. Я былъ боленъ, бѣлье еще для меня не поспѣло, да и ничего не имѣлъ другаго нужнаго для долговременной поѣздки. Не смотря на то, понуждали меня

(*) Рупій, Могольская монета, употребляемая въ Восточной Индіи: золотой рупій стоитъ 21 ливръ Франц.

ѣхать. Г. Кутъ по милости своей сдѣлалъ мнѣ такое снисхожденіе и отсрочилъ мою поѣздку; корабль Гаукъ пошелъ безъ меня. Такимъ образомъ я имѣлъ время нѣсколько одѣть себя и приготовить все нужное для пути; сколько могъ въ тогдашнемъ моемъ положеніи. Но это принудило меня войти въ долги; я надѣялся, что Г. Сенсетардъ снабдитъ меня нужною суммою на уплату долговъ; предложилъ ему вѣрющія письма, или векселя на нашу Индѣйскую Компанію: однако онъ не сдѣлалъ мнѣ этой милости. Почти въ часъ моего отъѣзду; я сказалъ объ этомъ Гну. Кутту, и онъ прислалъ мнѣ триста рупіевъ. Губернаторъ узнавши о томъ, велѣлъ также выдать мнѣ четыреста рупіевъ: вотъ все, что я могъ отъ него получить, и это малое вспоможеніе послужило къ тому, что я выплатилъ всѣ свои долги. — Здѣсь долженъ я припомнить, что въ Калекутѣ нашелъ я своихъ Ласкарцевъ Араповъ, способствовавшихъ къ нашему освобожденію изъ рукъ жестокаго Арсапурскаго Раяса: Они увѣдомили меня о всѣхъ обстоятельствахъ приходу своего въ Катшекъ, о чемъ я выше уже упомянулъ.

2го Февраля 1762 года, отправился я изъ Калекута въ возвратной путь въ Гупиль на рѣкѣ Гангесѣ; гдѣ стоялъ Англійской корабль *ле Голдернессѣ*, бывшій подъ командою Капитана *Брука*. Сей Капитанъ принялъ меня весьма ласково; объявилъ мнѣ, что я буду пользоваться его столомъ во все время нашего плаванія; велѣлъ повѣсить мой гамакъ (т. е. висячую постѣль) между обѣими палубами: — отличное преимущество, оказанное мнѣ предъ всѣми моими товарищами, коихъ числомъ было человѣкъ четырнадцать, всѣ Французскіе Офицеры, терпѣвшіе со мною равную участь и находившіеся на томъ же кораблѣ. Такимъ образомъ началъ я сіе плаваніе, имѣя довольно удобствъ. Спустя нѣсколько дней, когда мы были на открытомъ морѣ, пришли ко мнѣ мои товарищи, доставшіеся въ плѣнъ такъ какъ и я, описывали мнѣ бѣдное свое состояніе, какъ ихъ дурно кормятъ, и какъ кладутъ ихъ спать въ оружейной, гдѣ имъ не можно расположиться по причинѣ парусовъ и другихъ снарядовъ, загромождавшихъ все это мѣсто. Я употребилъ всѣ старанія, чтобъ доставить имъ лучшія удобства, и успѣлъ въ томъ, что отведены имъ по-

выгоднѣе каюты. Потомъ они убѣждали меня, чтобъ я постарался также исходатайствовать имъ лучшую пищу; долго я отказывался принять на себя такую щекотливую коммиссїю, но долженъ былъ наконецъ склониться на ихъ частыя и усильныя прозьбы. Сталъ говорить о томъ съ Капитаномъ, просилъ его, но безъ успѣха: я не могъ ничѣмъ болѣе помочь своимъ бѣднымъ товарищамъ. Это столько меня огорчило, что всякой разъ, будучи за столомъ у Капитана и у нѣкоторыхъ Англїйскихъ пассажировъ, я не могъ скрыть своего неудовольствїя о худомъ содержанїи моихъ товарищей. Я больше ни слова не говорилъ за столомъ, и конечно былъ въ тягость компанїи, ни съ кѣмъ не разговаривая. Послѣ пятимѣсячнаго плаванїя пристали мы къ острову Св. Еленѣ, принадлежащему Англичанамъ. Мы думали, что намъ, такъ какъ плѣннымъ, позволено будетъ сойти на землю; но съ удивленїемъ услышали, что этаго не будетъ, по той причинѣ, будто тѣ Французы, которые прежде нашего прїѣзду приставали къ сему острову, вели себя очень не хорошо, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ. Тягостное состоянїе, видѣть землю и не смѣть

сойти на нее. Впрочемъ въ разсужденіи меня хотѣли сдѣлать исключеніе; сказали мнѣ, что стоитъ только притвориться, будто я не здоровъ, то конечно дано мнѣ будетъ позволеніе сойти на землю. Я отвѣчалъ, что очень чувствую такое предпочтеніе ко мнѣ въ этомъ случаѣ; но что я, благодаря Бога, здоровъ, и притворяться не умѣю; а напротивъ того, за честь себѣ поставлю, раздѣлять съ своими соотечественниками всѣ тѣ непріятности, какія угодно будетъ имъ оказывать Господамъ Англичанамъ; прибавилъ къ тому, что я худо бы заключилъ о томъ человѣкѣ, которой въ подобныхъ обстоятельствахъ могъ бы иначе думать и поступать, и что я прошу одной только милости для своихъ товарищей, чтобъ имъ отпустили свѣжихъ съѣстныхъ припасовъ.

Меня удовольствовали въ этомъ случаѣ: дали моимъ товарищамъ свѣжихъ припасовъ. Я ласкался надеждою, что они и впредь не будутъ имѣть въ томъ недостатка даже до прибытія въ Европу; но спустя нѣсколько дней по отъѣздѣ нашемъ изъ острова Св. Елены, они опять начали жаловаться мнѣ на свою худую пищу. Я не могъ уже рѣшиться опять пред-

ставлять о томъ Капитану Бруку; однако отнесся къ двумъ Англійскимъ Офицерамъ, бывшимъ пассажирамъ, съ которыми я имѣлъ столъ; все было безуспѣшно.

Въ одинъ день корабельный Капитанъ давалъ обѣдъ всѣмъ Офицерамъ эскадры, и между прочими Г. Нортону, командовавшему военнымъ кораблемъ Ассистансомъ. Всячески уговаривали и меня быть на пиру, но я никакъ на то не согласился. Будучи Французъ и притомъ плѣнный, я не хотѣлъ имъ мѣшать и отнимать у нихъ удовольствіе ругаться надъ Французами, о чемъ обыкновенно былъ первой разговоръ въ подобныхъ собраніяхъ. Между тѣмъ какъ они сидѣли за столомъ, то всѣ Французскіе Офицеры осмѣлились принести къ нимъ свой обѣдъ, и показать, чѣмъ ихъ кормятъ. Въ эту минуту былъ я въ одной каютѣ между палубами; мнѣ весьма прискорбно было слышать о такомъ униженномъ поступкѣ, которой и для меня конечно долженъ имѣть худыя слѣдствія. Велѣно имъ сойти какъ можно скорѣе въ оружейную, поставили тамъ караулъ, и меня также не выпускали.

Въ такомъ состояніи оставались мы даже до другаго дня; тогда Ка-

питанъ велѣлъ призвать насъ къ себѣ въ комнату. Какъ скоро мы къ нему вошли, то онъ оборотясь ко мнѣ, спросилъ, на что могу я жаловаться? „Ни на что, сударь, что касается до „меня, отвѣчалъ я; но жалуюсь на „то, какъ поступаютъ съ плѣнными „воинами, для которыхъ вы имѣли „тридцать фунтовъ стерлинговъ. — И „такъ я вижу, перехватилъ Капитанъ „съ хладнокровіемъ, между этими господами есть иные недовольные? — „Они всѣ недовольны, отвѣчалъ я. — „Ну, хорошо, сказалъ онъ; я постараюсь освободиться отъ нихъ, по „крайней мѣрѣ отъ нѣкоторыхъ. — Они „будутъ весьма ради„ отвѣчалъ я, и больше не говорилъ ни слова. — Часъ спустя онъ прислалъ ко мнѣ черезъ своего Лейтенанта имена пяти Французскихъ Офицеровъ, которыхъ онъ назначилъ вмѣстѣ со мною послать на военной корабль Ассистансъ. Я тотчасъ пошелъ къ нему съ моею благодарностію, и сказалъ ему: „Господинъ Капитанъ! вы думали наказать меня, „приказавши оставить свой корабль; вы „ошиблись; для меня нигдѣ не можетъ „быть пріятно, когда я знаю, что „мои товарищи страждутъ.„ Послѣ

сего прощанья отправился я съ пятью ссылочными съ купеческаго корабля на военной.

Когда мы туда прїѣхали, то Капитанъ *Нортонъ* не хотѣлъ никого изъ насъ допустить къ себѣ, кромѣ меня. „Мнѣ жаль, сударь, сказалъ онъ мнѣ, „что я вижу васъ здѣсь. Вы не будете имѣть свѣжей пищи; у насъ „троимъ Французамъ даютъ обыкновенно порцїю двухъ матросовъ. Однако я пошлю спросить Капитана Брука, котораго вы оставили, угодно ли „ему будетъ, чтобъ вамъ давать цѣлую порцїю одного матроса. — Не „безпокойтесь о томъ, Государь мой! „отвѣчалъ я; Французъ никогда не „жалуется на тѣ притѣсненїя, какїя „онъ долженъ испытать отъ своихъ „побѣдителей. Впрочемъ признаюсь „вамъ, я совсѣмъ иначе думалъ о благородствѣ Англичанъ касательно до „плѣнныхъ воиновъ. Но я не прошу „у васъ никакой милости, и не приму „отъ васъ никакой.„ — Въ ту минуту я его оставилъ, и пробылъ три мѣсяца на его кораблѣ, почти никогда не видясь и не разговаривая съ нимъ.

Наконецъ приказано намъ отпускать по цѣлой порцїи, какую даютъ каждому матросу, и мы принуждены

бы были довольствоваться сею скудною пищею во все остальное время нашего плаванія, естьли бы штабъ корабельный, (о которомъ можно сказать, что всѣ въ немъ были честнѣйшіе люди) естьлибъ они, говорю я, не имѣли болѣе человѣколюбія. Эти добрые и настоящіе Англичане, у которыхъ, по обычаю Англійскому, былъ особенной свой столъ, просили меня въ самой первой вечеръ нашего прибытія, чтобъ я кушалъ съ ними, и уговорили приводить съ собою одного изъ Офицеровъ, кого я захочу, для своей компаніи. Благодѣяніе ихъ тѣмъ болѣе имѣетъ своей цѣны, что они нѣкоторымъ образомъ поступали въ противность своему Капитану, а слѣдовательно подвергались его оскорбленію. Даже и прочимъ моимъ товарищамъ назначили разные столы, которыми они очень были довольны. Съ чувствительнѣйшею признательностію повторяю теперь благородной поступокъ сихъ честныхъ людей; желалъ бы искренно вспомнить ихъ имена, чтобы здѣсь сохранить память ихъ, и начертать ихъ глубоко въ моемъ сердцѣ.

Пріѣхавши на рѣку Темзу, имѣлъ я еще небольшое неудовольствіе, принужденъ будучи оставаться на кораблѣ много дней, и не смѣя сойти на землю.

Наконецъ высадили насъ въ Лондонѣ; тутъ пробылъ я мѣсяцъ, по прошествіи котораго отправился во Францію.

Теперь, Милостивой Государь! естьли собрать вмѣстѣ тѣ трудности воинскія, какія я испыталъ въ Индіи, когда судьба привела меня быть плѣнникомъ у Англичанъ, и всѣ тѣ ужаснѣйшія бѣдствія, которыя постигли меня послѣ моего кораблекрушенія и продолжались даже до самаго возвращенія моего въ Европу: то вы, зная слабость моего сложенія, едва можете повѣрить, какъ малой кустарникъ вытерпѣлъ столько порывовъ сильнаго вѣтра, когда и крѣпчайшіе дубы повалились бы отъ него? *Едва можете* повѣрить, что почти я одинъ изъ всѣхъ товарищей, коихъ постигла одинакая со мною участь, опять увидѣлъ свое любезное отечество! Но какъ могу изобразить вамъ, въ какомъ состояніи пріѣхалъ я въ Парижъ? Мнѣ надобно было, такъ сказать, вновь возродиться, и я обязанъ Гну. *Миссѣ* возобновленіемъ моего бытія; это признаю я съ сердечною благодарностію. Его искусство, его свѣденія достойны гораздо большаго уваженія, большей славы, нежели какую онъ теперь имѣетъ.„

XI.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОЛОДЪ

На Американскомъ суднѣ ла Педжи, на возвратномъ его пути отъ островов Азорскихъ въ Новой-Йоркъ, въ 1765 году.

Голодъ часто доводитъ человѣка до такой крайности, которая заставляетъ содрогаться человѣчество; будучи нечувствителенъ къ гласу природы и разсудка, онъ приближается къ роду плотоядныхъ дикихъ звѣрей; не внимаетъ никакимъ представленіямъ, и съ хладнокровіемъ жаждетъ испить крови себѣ подобнаго человѣка. — Таковой нещастной примѣръ случился въ недавнія времена на одномъ Американскомъ суднѣ.

Въ 1765 году, бригантина *ла Педжи*, нагруженная на щетъ нѣкоторыхъ купцовъ изъ города Новаго-Йорка (1), подъ командою Капитана *Давида Гаррисона*, отправилась на Азорскіе острова (2). Она благополучно прибыла въ Фіалъ, одинъ изъ Азорскихъ островов; а Капитанъ выгрузивши свои товары, взялъ

въ замѣну вина и водки. 24 го Октября тогожъ года, отправился оттуда въ возвратный путь въ Новой — Іоркъ.

Сначала вѣтеръ благопріятствовалъ ихъ плаванію, но съ 29 го совсѣмъ перемѣнился. Сильная буря, продолжавшаяся почти во весь Ноябрь, весьма повредила судно. Не смотря на всѣ усилія экипажа и на великую опытность Капитана, мачты сломало и всѣ парусы розорвало, кромѣ одного; къ большему нещастію нашли во многихъ мѣстахъ течь въ бригантинѣ.

Въ началѣ Декабря вѣтры нѣсколько утихли; но судно удалилось отъ своего пути, лишилось снастей, парусовъ и мачтъ; не можно было имъ управлять; оно оставалось игралищемъ волнъ, которыя иногда гнали его впередъ, иногда уносили назадъ безпрестанно. Но и это нещастіе было еще не самое большое; гораздо ужаснѣйшее вскорѣ оказалось. Освидѣтельствовали, сколько осталось съѣстныхъ припасовъ, и нашли, что почти всѣ они истощились. Въ такомъ жалостномъ состояніи экипажъ ожидалъ себѣ помощи только отъ случая.

Спустя нѣсколько дней послѣ освидѣтельствованія провизіи, въ одно утро примѣтили два корабля, которые

подали лучь надежды нещастному экипажу судна Педжи; одинъ изъ нихъ плылъ изъ Ямайки въ Лондонъ, а другой изъ Новаго - Йорка въ Дублинъ. Волненіе моря не позволило Капитану Гаррисону приближиться къ симъ кораблямъ, и они скоро скрылись изъ виду. Тогда отчаянные матросы лишившись сей единственной надежды, накинулись на вино и на водку, составлявшую грузъ судна. Они оставили Капитану двѣ небольшія мѣры воды, каждая въ четыре пинты: это составляло всю оставшуюся провизію. Прошло нѣсколько дней, и въ это время матросы, упиваясь ежедневно, истребляли нѣкоторымъ образомъ нестерпимое чувство голода.

Въ четвертой день, корабельной служитель, юнга, стоявшій на караулѣ, усмотрѣлъ корабль, приближавшійся къ нимъ на всѣхъ парусахъ: не теряя времени, подали ему сигналы о своемъ бѣдствіи, и весь экипажъ пришелъ въ восторгъ радости, услыша, что съ того корабля отвѣчали на сигналы. Море было довольно тихо, и оба судна могли удобно приближиться одно къ другому. Великое ихъ нещастіе и крайность, въ какай находился экипажъ на суднѣ Педжи, весьма тронула всѣхъ

бывшихъ на приближившемся кораблѣ. Обѣщали дать имъ нѣкоторое количество сухарей, но не дали ихъ въ тожъ самое время: ибо Капитанъ извинялся, что онъ началъ дѣлать нѣкоторое навигацїонное наблюденїе, а не успѣлъ его кончить. Хотя сїя причина и была мало удовлетворительна, однако нещастной экипажъ на Педжи принужденъ былъ удержать свою нетерпѣливость и ждать. Назначенной срокъ приходилъ къ окончанїю, какъ вдругъ къ крайней ихъ горести, Капитанъ, обѣщавшїй имъ помощь, поднялъ парусы и съ кораблемъ своимъ удалился, не сдержавши своего слова. Не возможно выразить того отчаянїя, какимъ объяты были тогда всѣ матросы. Въ бѣшенствѣ и безъ всякой надежды, они бросились тогда на то, что до сихъ поръ сберегли. На бригантинѣ оставались еще пара голубей и кошка; въ одну минуту все было съѣдено. Капитану оказали только ту милость, что оставили ему голову кошки. Онъ послѣ въ объявленїи своемъ увѣрялъ, что эта пища, которой бы онъ гнушался во всякомъ другомъ случаѣ, была для него тогда самымъ прїятнѣйшимъ кушаньемъ. Масло деревянное и всякое другое, свѣчи и кожи служили пищею

симъ нещастнымъ, и все приѣдено до 28 го Декабря.

Съ сего дня до 13 го Генваря, не извѣстно, чѣмъ они жили. Капитанъ Гаррисонъ, съ нѣкотораго времени, не выходилъ изъ своей каюты; жестокая подагра держала его въ постѣли. Но въ этотъ день часовъ въ десять поутру пришли къ нему всѣ матросы: подъ-шкиперъ былъ ихъ начальникомъ: онъ сталъ говорить, и изобразивши ему самую страшную картину общаго ихъ бѣдствія; объявилъ, что необходимо надобно для спасенія другихъ пожертвовать однимъ, что они твердо на то рѣшились, и что жеребій изберетъ нещастную жертву.

Капитанъ, будучи чувствителенъ и человѣколюбивъ, не могъ безъ содроганія слышать такого варварскаго предложенія; онъ возразилъ имъ со всею убѣдительностію, что они люди, и всѣхъ должны почитать своими братьями; что эта пища, отъ которой содрогается человѣческая натура, продлитъ жизнь только не надолго; что они осквернятъ ее такимъ безчеловѣчнымъ убивствомъ, и память ихъ будетъ проклята вовѣки; наконецъ подтвердилъ, что онъ запрещаетъ имъ всею своею властію отважиться на такое

злодѣйство. Капитанъ умолкъ, но онъ говорилъ глухимъ. Всѣ тотчасъ начали кричать: отвѣчали ему, что для нихъ все равно, одобритъ ли онъ ихъ намѣреніе или нѣтъ; что они не изъ подчиненности пришли о томъ объявить ему, а только хотѣли его увѣдомить, что и его жизнь подвержена жребію. Къ тому прибавили, что при общемъ нещастіи пропадаетъ вся подчиненность и всякое отличіе. Потомъ немедленно оставили его, и взошедши на палубу, бросили жеребій.

Негръ, находившійся на бригантинѣ, и принадлежавшій Капитану, былъ *первою жертвою* роковаго ихъ свирѣпства. Весьма вѣроятно, что жеребій брошенъ только для виду, и что нещастному Негру прежде уже назначена была смерть. Его въ тужъ минуту умертвили. Одинъ изъ матросовъ, понуждаемъ будучи голодомъ, вырвалъ печень и сожралъ ее, не имѣя терпѣнія дожидаться, пока ее изжарятъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ сдѣлался боленъ, и на другой день умеръ въ конвульсіяхъ и со всѣми примѣтами бѣшенства. Нѣкоторые изъ его товарищей предложили и его сберечь, чтобъ послѣ Негра употребить въ пищу; но большая часть отвергли

сїе предложенїе, безъ сомнѣнїя боясь той же болѣзни и погибели, какая его постигла. И такъ бросили его въ море.

Капитанъ, въ то время, когда подагра его не мучила, страдалъ также отъ голода, какъ и прочїе изъ экипажу; но онъ всегда противился, когда матросы убѣждали его раздѣлить съ ними сїю ужасную пищу: онъ довольствовался водою, которая ему была уступлена; вливалъ въ нее нѣсколько вина, и эта была единственная его пища во все сїе бѣдственное время.

Тѣло Негра раздѣлено съ великою экономїею, и его достало даже до 26 Генваря; а 29 го экипажъ, мучимый снова голодомъ, опредѣлилъ избрать другую жертву; сперва увѣдомили о томъ Гаррисона, которой сдѣлалъ видъ, будто на то согласенъ, боясь, чтобъ раздраженные матросы не бросили жеребїй безъ него. Они предоставили ему избрать такой родъ жеребья, какой ему угодно. Капитанъ собралъ всю твердость своего духа, велѣлъ написать на маленькихъ билетахъ имя каждаго, бывшаго тогда на бригантинѣ, и свернувши бумажки, положилъ ихъ въ шляпу; нѣсколько времени тресъ ее, чтобъ перемѣшать би-

леты. Во время сихъ ужасныхъ приготовленій, всѣ матросы трепетали отъ ужасу, и въ молчаніи устремили на него глаза; губы ихъ дрожали; на лицѣ всѣхъ ужасъ и отчаяніе написаны были страшными чертами. Наконецъ одному велѣно вынимать жеребій; онъ протянулъ дрожащую руку, вынулъ роковой билетъ и отдалъ Капитану; сей открылъ его, и прочелъ громкимъ голосомъ: *Давидъ Флатъ!* Нещастный, избранный жестокою судьбою, казался готовъ принять смерть. „*Друзья мои!* сказалъ онъ своимъ товарищамъ, *одной милости прошу отъ* „*васъ, не продлите моихъ мученій:* „*умертвите меня также скоро, какъ Негра.*„ Потомъ оборотясь къ тому, кто дѣлалъ сію первую экзекуцію, сказалъ ему: „*Тебя выбираю: ты дай мнѣ* „*смертной ударъ.*„ Еще выпросилъ онъ себѣ часъ, чтобь приготовиться къ смерти. Его товарищи отвѣчали ему только слезами. Однако жалость и убѣжденія со стороны Капитана преодолѣли голодъ и самыхъ безчувственныхъ. Они единогласно рѣшились отложить сію жертву даже до слѣдующаго дня, одиннадцати часовъ утра. Нещастный Флатъ получилъ самое малое утѣшеніе отъ такой маловре-

менной отсрочки. Увѣренность, что онъ долженъ умереть на другой день, сдѣлала въ немъ такое впечатлѣнїе, что всѣ силы его оставили, хотя онъ могъ противиться жесточайшему голоду чрезъ цѣлой мѣсяцъ; жестокая горячка мучила его. Даже его состоянїе было столько тягостно, что нѣкоторые матросы предложили тотъ же часъ умертвить его и тѣмъ прекратить жесточайщїя его мученїя. Но по большинству голосовъ рѣшились ожидать завтрашняго дня, какъ то и прежде положено было.

30 го Генваря, въ десять часовъ поутру, уже развели большой огонь для всѣхъ членовъ нещастной жертвы, какъ вдругъ вдали усмотрѣли корабль, плывшїй съ попутнымъ вѣтромъ къ Педжи; онъ шелъ изъ Виргинїи въ Лондонъ и назывался *Сузанна*.

Капитанъ не могъ удержаться отъ слезъ, видя трогательную картину тѣхъ бѣдствїй, какїя сносили всѣ томимые голодомъ на нещастномъ суднѣ Педжи; онъ велѣлъ наискорѣе привезти къ нимъ пищу и всякихъ снастей, и вмѣстѣ поѣхали въ Лондонъ. Бригантина была въ худомъ состоянїи; отъ береговъ Новаго-Йорка они отстояли слишкомъ далеко, отъ Англїи близко: эти причины побудили ихъ

выбрать сей послѣднiй путь. Плаванiе ихъ было благополучно; умерло только двое матросовъ, прочiе всѣ опять укрѣпились; даже самъ Флатъ выздоровѣлъ, бывши такъ не далекъ отъ смерти.

Какъ скоро сошли они на землю, то Гаррисонъ поспѣшилъ объявить о случившемся съ нимъ нещастiи, какъ для того, чтобъ и себя очистить, такъ и для своихъ матросовъ. Его объявленiе принято было Г. Робертомъ Шанкомъ, Нотарiусомъ, въ присутствiи Г. Георга Нельсона, Лондонскаго Лордъ-Мера. Онъ присоединилъ къ тому свидѣтельство Капитана съ корабля Сузанны, также главнѣйшихъ его Офицеровъ. А какъ грузъ бригантины и самое сiе судно не ему принадлежало, слѣдственно онъ долженъ былъ отдать во всемъ отчетъ своимъ хозяевамъ, отъ которыхъ онъ былъ посланъ; почему для него весьма нужно было, чтобы люди, достойные вѣроятiя, подлинно засвидѣтельствовали всѣ тѣ нещастныя обстоятельства, въ какихъ его нашли. Однако не смотря на всѣ такiя увѣрительныя свидѣтельства, можно сказать, что самая истинна основывается единственно на его повѣствованiи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Новой-Йоркъ*, знатной городъ Сѣверной Америки въ провинціи того же имени. Онъ великъ, хорошо выстроенъ и производитъ весьма знатную торговлю. Богатые мѣхи, доставаемые въ Сѣверной Америкѣ, больше привозимы бываютъ въ Новой-Йоркъ, нежели въ другія мѣста. Въ немъ щитаютъ около 15000 жителей.

Провинція Новой-Йоркъ простирается по восточному берегу Сѣверной Америки: она граничитъ къ сѣверу съ Канадою, къ востоку съ Новою Англіею, къ западу съ Пенсильваніею и Виргиніею, а къ югу границу ея составляетъ Сѣверное море. Кромѣ города Новаго-Йорка, которой есть столица сей провинціи, находится въ ней еще много другихъ довольно знатныхъ городовъ, какъ-то: Албани, Козларъ и проч. Говорятъ, что сія страна открыта въ 1609 году Іоанномъ *Гудзономъ*, славнѣйщимъ мореплавателемъ Англійскимъ послѣдняго вѣку; онъ довольствовался только тѣмъ, что ее развѣдалъ, не заведши тамъ никакого селенія. Вскорѣ потомъ завладѣли ею Голландцы; но послѣ уступили Англичанамъ въ за-

мѣнъ за Суринамъ, что въ Южной Америкѣ; обмѣнъ сдѣланъ въ 1666 году. Кряжь земли въ сей провинцїи весьма плодороденъ всякими произведенїями. Въ морѣ и въ рѣкахъ ее орошающихъ водится множество рыбы.

2) *Острова Азорскїе* лежатъ на Атлантическомъ Океанѣ, между Африкою и Америкою почти за двѣсти миль отъ Лиссабона. Они открыты въ 1448 году Португальскимъ Командоромъ Донъ *Гонзаломъ Велло*, и названы Азорскими по причинѣ множества находящихся тамъ коршиковъ. Ихъ называютъ также *Терцерами*, по имени одного изъ нихъ главнаго. Числомъ ихъ семь: а именно: *Терцера*, *Фїалъ*, *Пико*, *Сентъ-Жоржъ*, *Грацїоза*, *Сентъ-Марїа*, *Сентъ-Мишелъ*, *Форъ* и *Корео*. Городъ Ангра, на островѣ Терцерѣ, есть столица всѣхъ. Азорскїе острова были совсѣмъ необитаемы въ то время, когда ихъ открылъ Гонзало-Велло; но въ скоромъ времени перешли туда поселенцы. Воздухъ тамъ весьма здоровъ, и земля отмѣнно плодородна. Тамъ много хлѣба, винограду, фруктовыхъ деревъ и скота. Португальцы владѣютъ сими островами.

XII.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О нещастной судьбѣ Гжи. Денуайеръ, оставленной въ маломъ челнокѣ, на открытомъ морѣ, двумя Англичанами, убійцами ея мужа, между Лукайскихъ острововъ и Кубою, въ Сѣверной Америкѣ, въ 1766 году.

Плачевное состояніе, до котораго доведена была Гжа. *Денуайеръ*, нещастная, но мужественная Креолянка (*) изъ Ка-Франсуа, тронетъ чувствительныя сердца и добродѣтельныя души. Здѣсь увидитъ читатель, до какой гнусной крайности злодѣйства дошли два чудовища, водимыя единымъ подлымъ корыстолюбіемъ.

Г. Денуайеръ, житель города Ка-Франсуа, пріобрѣлъ себѣ въ семъ мѣстѣ всеобщее почтеніе; онъ принялъ

Ш 4

(*) Симъ именемъ называютъ женщину, которая по происхожденію своему Европейка, а родилась въ Америкѣ.

намѣреніе основать свое жилище въ Саманѣ, у залива на островѣ Сентъ-Домингѣ, въ Ишпанской сторонѣ. Симъ способомъ надѣялся пріумножить свое имѣніе; и такъ сообщивши о томъ своей супругѣ, съ ея согласія туда переселился.

Годъ прожили онъ въ Саманѣ, по прошествіи котораго Гжа. Денуайеръ начала уговаривать своего мужа, возвратиться въ Ка-Франсуа, гдѣ отечественной воздухъ былъ для нея здоровѣе. Г. Денуайеръ, любя нѣжно свою супругу, склонился на ея прозьбу; и такъ они сѣли на гуалету, или небольшое транспортное судно, имъ принадлежавшее, съ мальчикомъ семи лѣтъ, другимъ младенцемъ еще груднымъ, и съ Арапкой, своей служанкой, которая называлась *Катериной*. Между тѣмъ какъ они готовились въ путь, случилось, что небольшое Англійское судно погибло у сего берега, экипажъ къ щастію спасся и вышелъ на землю. Въ то время стоялъ въ Саманѣ небольшой Французской корабль, готовый также къ отъѣзду, подъ командою Г. Верье. Экипажъ, спасшійся отъ кораблекрушенія, просилъ сего Капитана, чтобъ онъ принялъ ихъ на свой корабль и отвезъ бы въ Ка-Франсуа, или въ

Монте - Христо. Г. Верье имѣя у себя многолюдной экипажъ, предложилъ Гну. Денуайеру взять къ себѣ на гуалету двухъ человѣкъ; одинъ изъ нихъ назывался Капитаномъ *Джономъ*, а другой *Йонгомъ*.

Г. Денуайеръ, по свойственному себѣ человѣколюбію, принялъ ихъ съ удовольствіемъ, далъ имъ бѣлья и другихъ нужныхъ потребностей, оказалъ имъ тысячу благодѣяній, а они съ своей стороны обѣщали своему благодѣтелю всю возможную помощь въ дорогѣ.

Г. Денуайеръ поднялъ якорь въ Мартѣ 1766 года, имѣя на своей гуалетѣ еще двухъ Французскихъ матросовъ на своемъ жалованьѣ. Они ѣхали близъ береговъ и приближились къ одному селенію, извѣстному подъ именемъ Манюель Борнь, находящемуся за нѣсколько миль отъ того мѣста, откуда они отправились. Тутъ оба Французскіе матроса просили Гна. Денуайера высадить ихъ на землю, представляя, что тѣ двое Англичанъ, которыхъ онъ принялъ къ себѣ столь гостепріимно, служатъ ему весьма усердно, и кажется искусны въ навигаціи. Г. Денуайеръ согласился на ихъ прозьбу; но это стоило ему жизни.

На другой день, въ десять часовъ утра, Г. Денуайеръ, съ помощїю двухъ Англичанъ, поднялъ парусы и продолжалъ свое плаванїе. Ввечеру бросили якорь у мѣстечка, называемаго Григри, одною милею выше Порто-Платы, на сѣверномъ берегу Сентъ-Доминга. Они ужинали вмѣстѣ подлѣ земли, не далеко отъ одного Испанскаго селенїя, гдѣ обыкновенно достаютъ съѣстные припасы. Послѣ ужина усыпали сверху каюты пальмовыми листьями, и послали тюфякъ для Гжи. Денуайеръ, ея двухъ дѣтей и Арапки. А вмѣсто занавѣсу съ одной стороны развѣсили парусину. Г. Денуайеръ легъ на другомъ тюфякѣ, у ногъ своей жены, а двое Англичанъ расположились на носу гуалеты.

Сонъ ихъ былъ покоенъ до полуночи; шумъ пробудилъ ихъ крикъ младенца; Г. Денуайеръ подоивши молока у козы, которую они для робенка съ собою взяли, далъ его дитяти, а самъ опять легъ. Часа въ три или въ четыре утра, Гжа. Денуайеръ разбужена была шумомъ сильнаго удара; ей показалось, что это ударъ топоромъ по постѣли ея мужа, и она услышала отъ него глубокой вздохъ. Устрашенная и съ трепетомъ она будитъ

Арапку и кричитъ: *Боже мой! Катерина! убили моего мужа!* Въ тужъ минуту подымаетъ она занавѣсъ, какъ вдругъ Англичанинъ, Джонъ, бросается къ ея постѣли, съ топоромъ въ рукѣ, и грознымъ голосомъ въ бѣшенствѣ грозитъ убить ее, естьли она тотчасъ не опуститъ занавѣса, и сдѣлаетъ хотя малѣйшее движенїе встать. Потомъ сей вѣроломной убїйца далъ еще два удара нещастной своей жертвѣ, и послѣ сего жестокаго дѣла, которое болѣе прилично кровожаднѣйшимъ чудовищамъ, а не человѣку, Йонгъ взялъ руль, а Джонъ поднялъ парусы, чтобъ направить путь къ Новому-Йорку.

На разсвѣтѣ судно ихъ было за двѣ мили отъ земли. Гжа Денуайеръ, хладна какъ смерть, едва имѣла силу выттти изъ за-занавѣсу. Какое ужасное зрѣлище поражаетъ ея взоры! Она видитъ тюфякъ, плавающїй по морю, и на немъ окровавленное тѣло своего мужа. Тогда безчеловѣчной Джонъ, довершивъ свое злодѣйство самою злобною насмѣшкою, сказалъ ей: „*Будьте* „*слокойны, вашъ мужъ на морѣ, слитъ* „*глубокимъ сномъ.*„ Черезъ минуту онъ приходитъ къ ней съ кинжаломъ въ рукѣ, и требуетъ оружїй ея мужа и ключей отъ сундуковъ.

Гжа. Денуайеръ даетъ ему все. Сей злодѣй перерылъ все, искалъ, и нигдѣ не нашелъ денегъ; онъ опять отдалъ ей ключи. Тогда отчаянная вдова проливая горькія слезы, которыя до сего времени удерживаемы были неизобразимою печалію и ужасомъ, спросила его, за что онъ убилъ ея мужа, когда нѣтъ у него денегъ? Убійца отвѣчалъ, что имъ надобна его гуалета, и они отведутъ ее въ Новой - Йоркъ. Послѣ сихъ словъ, это чудовище казалось смягчился; онъ подалъ нещастной вдовѣ кушанья, чаю и шоколату. Она отвѣчала, что ей не нужно ничего; тогда Джонъ увѣщевалъ ее, чтобъ она не печалилась, и что онъ не намѣренъ ее ничѣмъ обидѣть; напротивъ того увѣрялъ, что ее высадятъ на Французскую землю со всѣмъ ея имнѣіемъ. Послѣ чего далъ ей свободу весь остальной день предаться совершенно своей горести.

Легко можно представить себѣ, что и ночь не принесла ни малѣйшаго утѣшенія сей нещастной супругѣ. Образъ ея мужа, умерщвленнаго предъ ея глазами убійцами, которыхъ осыпалъ онъ благодѣяніями, этотъ окровавленной образъ слѣдовалъ за нею повсюду; ихъ жестокость, звѣрство и

безчеловѣчнѣйшая неблагодарность усугубляли ея страхъ, когда она обращала взоры на милыхъ своихъ дѣтей. Между тѣмъ, какъ она предалась симъ мрачнымъ мыслямъ, вдругъ слышитъ, что оба убiйцы дѣлаютъ заговоръ къ новому злодѣйству, которое для добродѣтельной женщины ужаснѣе самой смерти. Джонъ, этотъ звѣрской человѣкъ, предлагалъ своему товарищу служанку, а для себя оставлялъ Госпожу; но Йонгъ отвергнулъ такой раздѣлъ, и они привязавши руль, легли спать. Арапка выдумала выколоть имъ глаза гвоздемъ; но вздумала, что *можетъ* быть они только притворяются спящими; почему и оставила свое намѣренiе.

На другой день, при первыхъ лучахъ авроры, распустили парусы и пустились въ море. Гжа. Денуайеръ спросила ихъ, не намѣрены ли они везти ее въ Новой-Йоркъ. Они отвѣчали, что естьли она хочетъ плыть въ Ка-Франсуа, то одинъ изъ нихъ ее отвезетъ туда съ обоими дѣтьми и съ Арапкой, на челнокѣ, которой былъ также на гуалетѣ. Неизвѣстность ея судьбы, видъ сихъ злодѣевъ, омоченныхъ кровiю ея мужа, отчаянное ея положенiе, страхъ и горесть побудили

ее принять сїе предложенїе, не уваживъ того, что челнокъ былъ очень малъ, выдѣланъ изъ пня одного дерева, и что весьма опасно пускаться въ немъ по волнамъ морскимъ. Когда она объявила свое намѣренїе, то Джонъ велѣлъ ей связать въ узелъ свое бѣлье: ибо не можно было поставить большихъ сундуковъ въ маленькую лодочку. Онъ самъ послалъ на днѣ челнока худой соломенной матрасъ, положилъ туда же четыре лепешки, кружку прѣсной воды, мѣрою почти въ четыре пинты, шесть яицъ и нѣсколько ветчины съ чайникомъ. Джонъ свелъ сперва обоихъ дѣтей и Арапку въ челнокъ; потомъ обыскалъ карманы у Гжи. Денуайеръ, нашелъ въ нихъ запонку отъ воротника и башмашныя пряжки ея мужа; онъ все это взялъ, также и бѣлье, которое она связала въ узелъ. Наконецъ сошедши въ челнокъ, она съ нетерпѣливостїю ждала проводника, котораго имъ обѣщали; какъ вдругъ увидѣла, что Йонгъ отрубилъ канатъ, коимъ привязанъ былъ челнокъ къ гуалетѣ; онъ взялъ руль, а Джонъ наставилъ парусы, и судно скрылось отъ глазъ ихъ. Скоро она не видѣла больше ничего, кромѣ неба и воды.

Она прижимаетъ ихъ къ Своему сердцу, орошаетъ Слезами.

Оставшись среди волнъ, на открытомъ морѣ, и не видя никакого берега, нещастная вдова со слезами молитъ убiйцевъ своего мужа, чтобъ они не лишили ее всей помощи; заклинаетъ ихъ со всѣмъ краснорѣчiемъ нѣжнѣйшей матери, сжалиться надъ двумя младенцами. Голосъ ея уже не доходитъ до глухаго слуха злодѣевъ; она дѣлаетъ знаки, и хочетъ преклонить ихъ тѣлодвиженiями, самыми выразительными, самыми трогательными: все *тщетно! Сiи изверги не чувствительны къ ея моленiямъ*: они даютъ ей знакъ рукою, чтобъ она предалась своей нещастной долѣ. — Она не видитъ ихъ болѣе.

Ужасъ ея, крайнее утомленiе, близкая опасность, грозящая погубить и ее и тѣхъ, кто ей драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ, повергаютъ ее въ сильной обморокъ. Ея вѣрная служанка употребляетъ всѣ способы, чтобъ возвратить ей жизнь. Она опомнилась, но только для того, чтобы живѣе чувствовать, какая бездна открыта подъ ея ногами, чтобы горестнѣе оплакивать и свое нещастiе и ужасное состоянiе своихъ любезныхъ дѣтей, которыхъ почитаетъ уже добычею морскихъ чудовищъ. Она прижимаетъ ихъ

къ своему сердцу, орошаетъ слезами, и всякую минуту думаетъ, что устремляетъ на нихъ послѣдній взглядъ. Трепещущими руками подымаетъ къ небу груднаго младенца и поручаетъ его всемирному Спасителю, вышнему Властителю дней нашихъ, праведному Судіи и Мстителю пороковъ и злодѣйствъ. Духъ ея укрѣпляется, она совершенно предается въ волю Провидѣнія, оставляетъ челнокъ на волю волнъ и на управленіе своей Арапки.

Но приближеніе мрачной ночи умножаютъ въ глазахъ ея опасность и усугубляютъ ея безпокойство. Къ большему ихъ нещастію, бушуютъ сильные вѣтры, волны подымаются, гонютъ одна другую, ударяютъ въ челнокъ, и вдругъ одинъ большой валъ вливается въ челнокъ, уноситъ сухари, опрокидываетъ кувшинъ съ водою, и оставляетъ сихъ нещастныхъ въ жестокомъ отчаяніи и въ ожиданіи того, что скоро другой большій валъ поглотитъ слабую ихъ лодку; однако Арапка управляя челнокомъ искусно, избѣжала сего роковаго нещастія. Какая ночь! какъ она была ужасна! какъ длилась она долго!

Наконецъ день, столь давно желанный день, возвратилъ тишину; но онъ

не принесъ имъ никакого другаго утѣшенія. Онѣ не видятъ ничего, кромѣ неба и воды, и не знаютъ, куда имъ направить путь. Въ семъ отчаянномъ состояніи Гжа. Денуайеръ не преставала возсылать мольбы къ Вышнему, единой защитѣ нещастныхъ.

Семь дней и семь ночей боролись онѣ съ яростію волнъ, на маломъ челночкѣ, претерпѣвая всю суровость воздуха въ самое жестокое время года, безъ питья и безъ всякой пищи, кромѣ нѣсколько солонины. Утомленность причиняла нещастной вдовѣ почти каждую минуту обморокъ. Она почти приближалась къ своему концу; но смерть была для ней не столько ужасна, сколько горестное состояніе любезныхъ ея дѣтей. Оставляя ихъ, она хотѣла оставить имъ самой вѣрнѣйшій знакъ своей материнской нѣжности. Она готовилась прорѣзать себѣ жилу, чтобъ продлить жизнь невиннаго младенца, лежащаго у изсохшей ея груди. Вдругъ Арапка усмотрѣла судно. При семъ извѣстіи Гжа. Денуайеръ какъ бы оживаетъ, онѣ обѣ подымаютъ громкіе крики, подаютъ знаки. Скоро примѣтили, что видятъ ихъ знакъ и спѣшатъ имъ на помощь. Но опасность новая останавливаетъ ихъ. Волны уда-

ряясь въ судно и отскакивая, грозили потопить челнокъ. Однако искуснымъ маневромъ Капитана, или лучше сказать, Божіимъ промысломъ, вдова, дѣти и Арапка взяты на судно. Экипажъ въ восторгѣ радости воспѣлъ хвалебную пѣснь: *Тебя Бога хвалимъ!*

Сіе судно прибыло въ хорошую гавань на рейду въ Новомъ Орлеанѣ, мѣсто своего назначенія. Гжа. Денуайеръ нашла тутъ къ своему щастію Гна. Ружота, Нотаріуса и ближняго своего родственника, которой принялъ ее съ великою радостію и нѣжностію, равно какъ и дѣтей сей нещастной вдовы, вышедшей, такъ сказать, изъ гроба.

Жители Лузіанскіе (2), по примѣрному великодушію, сдѣлали сборъ въ пользу Гжи. Денуайеръ, и всякой съ удовольствіемъ доставлялъ ей какое нибудь вспоможеніе; собрано 400 ливровъ, и вся эта сумма ей отдана. Гжа. Денуайеръ просила своего родственника дать отпускную вѣрной Арапкѣ, раздѣлявшей съ нею всѣ ея нещастія; но сія добрая служанка, чувствуя признательность своей Госпожи, не хотѣла ее оставить, говоря, что только смерть разлучитъ ихъ.

Гжа. Денуайеръ подала явочное о себѣ объявленїе въ Архивѣ Новаго Орлеана, и присовокупила подробное описанїе о убїйцахъ ея супруга. Имена сихъ двухъ злодѣевъ посланы въ Новой-Йоркъ; но никогда не получали объ нихъ извѣстїй: можетъ быть погибли они по Божескому праведному попущенїю, или можетъ быть скрылись, принявши ложныя имена.

Для большаго подтвержденїя всего того, что объявила Гжа. Денуайеръ, Капитанъ, принявшїй ее на свое судно, прїобщилъ еще свое свидѣтельство, которое также записано въ Архивѣ Новаго-Орлеана. Мы здѣсь прилагаемъ его читателю, равно и цертификатъ Гна. Массїе, Совѣтника въ Верховномъ Совѣтѣ Портъ-о-Пренсскомъ.

Свидѣтельство Офицеровъ судна ле Догръ-ла-Фортюнъ.

Мы, Офицеры, Маїоры и корабельные служители судна, называемаго *ле Догръ-ла-Фортюнъ*, изъ гавани Новаго Орлеана: плывучи изъ Портъ-о-Пренса, что на островѣ Сенпъ-Домингѣ, откуда мы отправились перваго числа текущаго мѣсяца въ назначенное мѣ-

сто Новаго Орлеана, находясь къ сѣверо-югу отъ острова Кубы, почти за десять миль отъ земли, и направляя путь къ сѣверо-западу, подъ большимъ парусомъ и при крѣпкомъ западномъ вѣтрѣ и морскомъ приливѣ, усмотрѣли челнокъ, борющійся съ волнами, и приближась къ нему, увидѣли въ немъ женщину бѣлую, двухъ дѣтей и одну Арапку, которыхъ благополучно приняли къ себѣ на судно, а челнокъ кинули въ море; и оная бѣлая женщина сказала намъ, что отправившись изъ Саманы, которая составляетъ часть острова Сентъ-Доминга, она, съ мужемъ своимъ, по имени Г. Денуайеромъ, съ двумя своими дѣтьми, изъ коихъ одинъ младенецъ грудной, и съ Арапкою своею, Катериною — вышепоказанная Гжа. Денуайеръ со всѣмъ имуществомъ своимъ въ гоалетѣ, имъ принадлежавшемъ, для возвратнаго пути въ Ка-Франсуа, они приняли къ себѣ двухъ Англичанъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, дабы и ихъ отвезти въ упомянутой городъ Ка-Франсуа; но сіи злодѣи умертвивши мужа ея топоромъ, захватили себѣ судно и все на немъ бывшее, а ихъ пустили по морю на маломъ челнокѣ, безъ пищи и бѣлья: что

мы чрезъ сїе и свидѣтельствуемъ, въ удостовѣренїе истинны ею показанной. На вышесказанномъ суднѣ Дрогъ-ла-Фортюнъ, 11 го Марта 1766 года.

Подписано: Гюйонъ и *Петръ Пласей.*

Цертификатъ Гна. Сассїе.

Я нижеподписавшїйся, Совѣтникъ въ Верховномъ Совѣтѣ Портъ-о Пренса, столичнаго города Французской части на островѣ Сентъ-Домингѣ, свидѣтельствую и подтверждаю, что объявленїе, поданное Г. Боссю, учинено дѣвицею Марїею ле Вефъ, Креолянкою изъ Ка-Франсуа и женою покойнаго Гна. *Денуайера*, жителя того же города; что все сходно съ явочною, которая подана отъ вышеупомянутой Гжи. Денуайеръ, вышедшей на землю въ гаванѣ Новаго-Орлеана, столицы въ Лузїанѣ, гдѣ я былъ тогда Членомъ Вышняго Совѣта сей Провинцїи, прежде уступленїя той страны Ишпанской Коронѣ. Въ Парижѣ, перваго Генваря сего 1776 года.

Подписано: ле Сассїе.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1). *Сентъ-Доминго* или *Испаньола*, одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ Сѣверной Америки. Самое большое его пространство въ длину 180, а въ ширину 60 миль; цѣпь горъ, покрытыхъ лѣсомъ, простирается черезъ весь островъ въ длину отъ востока къ западу. На немъ нѣтъ уже древнихъ жителей, какіе занимали сей островъ, когда онъ открытъ былъ Христофоромъ Колумбомъ въ 1492 году. Сентъ-Доминго раздѣленъ между двумя Державами: Испанцы владѣютъ восточною и лучшею его частію, а Французы населяютъ западную. На семъ островѣ есть много рудниковъ золотыхъ, серебряныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ; талку, горнаго хрусталю, сурьмы и проч. Онъ обилуетъ также плодами всякаго роду; на немъ родится сахарной тростникъ, какао, табакъ, индиго, хлопчатая бумага, маисъ и проч. Всѣ животныя и растѣнія, привезенныя туда изъ Европы, тамъ весьма размножились. Жары на семъ островѣ чрезмѣрны и воздухъ нездоровъ. Частые ураганы свирѣпствуютъ тамъ, какъ и на всѣхъ Антильскихъ островахъ. Городъ Сентъ-Доминго, по имени котораго и островъ

такъ называется, есть столица Испанской части. Онъ общиренъ, хорошо укрѣпленъ и имѣетъ при себѣ гавань. Онъ носитъ титулъ Архіепископскаго города, и въ немъ имѣетъ свое пребываніе Губернаторъ Испанской, котораго власть простирается и на Испанцевъ, живущихъ во всѣхъ Антильскихъ островахъ.

Часть острова, принадлежащаго Французамъ, раздѣлена на два уѣзда: на Сѣверной и Южной. *Ка* или *Ка-Франсуа* есть столица оной. Городъ регулярной и многолюдной съ хорошею гаванью. Въ немъ есть Вышній Совѣтъ. Прочіе города суть: *Леоганъ*, *Портъ-Пе* и *Портъ-о-Пренсъ*. Французская часть сего острова чрезвычайно пострадала отъ землетрясенія въ 1770 году, при которомъ нещастномъ случаѣ разрушена, или весьма повреждена большая часть строеній въ Порто-Пренсѣ, Леоганѣ и въ маломъ Гоавѣ. Въ семъ потрясеніи небольшая рѣчка, служившая къ орошенію двадцати сахарныхъ плантажей, скрылась.

2). *Луизіана*, обширная страна въ Сѣверной Америкѣ, лежитъ между новою Мексикою, Канадою и Флоридою, коея часть она прежде составляла. Почти по серединѣ ея, съ сѣвера къ югу,

протекаетъ Миссисипи, одна изъ величайшихъ рѣкъ въ Америкѣ. Французы основали тамъ селенія свои, въ царствованіе Людовика XIV, и назвали сію страну Луизіаною. При заключеніи мира въ 1763 году, восточная ея часть по сю сторону Миссисипи уступлена Франціею Англичанамъ. Въ 1766 году отдана также и западная ея часть, по правую сторону той же рѣки Ишпанцамъ; такъ что сіи двѣ націи владѣютъ всею тою страною.

Главной городъ Луизіаны есть Новой Орлеанъ, принадлежащій Ишпанцамъ, *не смотря на то*, что онъ находится на лѣвомъ берегу Миссисипи. Въ правленіе Французовъ онъ былъ столицею и центромъ всей колоніи. Улицы въ немъ всѣ прямыя. Домы по большой части кирпичные, и множество каналовъ. Луизіана весьма плодородна; ея произведенія суть: сарачинское пшено, маисъ, хлопчатая бумага, табакъ, воскъ, извлекаемый изъ растѣній, и индиго. Оттуда достаютъ также прекрасные мѣхи и много строеваго лѣсу. Всѣ овощи, привезенные туда изъ Европы, разведены тамъ съ лучшимъ успѣхомъ, нежели во Франціи. Ржи, ячменю и овса родится тамъ

много; но тамошнїй кряжъ не годится для пшеницы. Лѣкарственныхъ зелїй и растѣнїй всякаго рода, не извѣстныхъ въ Европѣ, тамъ множество. Многочисленныя орды Дикихъ населяютъ Луизїану; большїе и неизмѣримые лѣса покрываютъ ее, и множество рѣкъ напояютъ ее.

XIII.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

И нещастныя приключенія Г-жи. Годенъ-Дез-Оіоне, на берегахъ рѣки Амазонской.

ПИСЬМО

*Отъ Г. де ла Кондамина къ Г***, о судьбѣ Астрономовъ, отправленныхъ для измѣренія земли, въ 1735 году (*).*

Изъ Этуилли, близъ Гама въ Пикардіи 20 Октября 1773.

Вы любопытствуете, Милостивый Государь, знать труды Академіи Наукъ, предпринятые для измѣренія земли, и желаете знать судьбу тѣхъ, которые учасшвовали въ семъ трудѣ, раз-

(*) Мы за нужное почли пріобщить сіе письмо, которое заключаетъ въ себѣ нужныя объясненія слѣдующему письму отъ Г. *Годена*: Сіи оба любопытныя письма напечатаны въ *Парижѣ*, въ концѣ 1773 года.

сѣявшись за отдаленныя моря, въ 1735, и слѣдующихъ годахъ. Я могъ бы отвѣчать вамъ слѣдующими стихами Виргилія:

Apparent rari nantes in gurgite vasto.
Въ обширной безднѣ Океана
Съ волнами борются пловцы.

Мы отправились изъ ла Рошели въ Маѣ 1735 года, съ пашпортами отъ Его Католическаго Величества, Короля (Ишпанскаго) Филиппа V, для измѣренія градусовъ близъ экватора (*) въ

(*) Сіи изслѣдованія были весьма важны для Астрономіи и Навигаціи. Академія Наукъ (*Парижская*) не согласна была въ мнѣніяхъ своихъ о фигурѣ земли даже до 1735 года; одни изъ Членовъ ея утверждали, что земля имѣетъ сферическую фигуру; а другіе думали, что она къ полюсамъ сплюснута, или напротивъ остроконечнѣе. Не льзя было рѣшить спора иначе, какъ вымѣрявши съ великою аккуратностію нѣсколько градусовъ подъ экваторомъ и у полярныхъ круговъ. Графъ Морепа узнавъ о таковомъ намѣреніи Академіи, исходатайствовалъ на то согласіе Короля. Члены, избранные Академіею, поспѣшили произвесть въ дѣйство волю своего Монарха. Г. *Бугеръ*, *Годенъ* и *де ла Кондаминъ* отправились въ Перу въ 1735 году; а Г. *Мопертюи*, *Клеро*, *Камюсъ* и *ле*

странахъ Южной Америки, ему принадлежащихъ. Насъ было три Академика: Г. *Годенъ*, Г. *Бугеръ* и я. Намъ въ помощь даны Г. Іосифъ *де Жюссью*, Докторъ, Регентъ факультета Парижскаго, братъ обоихъ Академиковъ, которой принятъ былъ въ Академію во время своего отсутствія; Г. *Сенієргъ*, лѣкарь; а для вспоможенія въ нашихъ изысканіяхъ, Г. *Вергенъ*, морской службы Инженеръ; Г. *Моренвиль*, живописецъ для Натуральной Исторіи; Г. *Куллетъ*, племянникъ Академика; Г. *Годенъ дез-Одоне*, которой подастъ мнѣ главную матерію въ семъ письмѣ, и Г. Гюго, часовщикъ, искусной мастеръ Математическихъ инструментовъ; къ намъ просоединились въ Карфагенѣ, что въ Америкѣ, два корабельныхъ Лейтенанта, бывшіе въ службѣ Ишпанской, и назначенные отъ Мадритскаго Двора вспомоществовать нашимъ наблюденіямъ.

Монье, поѣхали на сѣверъ въ слѣдующій же годъ. Слѣдствіе ихъ изысканій и послѣдующихъ наблюденій не оставляетъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ разсужденіи фигуры нашей земли: она есть сфероидъ, сплюснутой у полюсовъ.

Въ слѣдующій годъ, Г. *Мопертюи*, которому поручено было измѣреніе градусовъ меридіана подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, отправился на караблѣ изъ Руана съ Господами *Клеро*, *Камюсъ* и *ле Монье* младшимъ, Академиками: Гномъ. Аббатовъ *Утьеромъ*, Гномъ. *Целзіюсомъ*, Шведскимъ Астрономомъ, и нѣкоторыми другими помощниками.

Въ 1751 году, Г. Аббатъ *де ла Кальй*, Академикъ, отправился къ Мысу Доброй Надежды, гдѣ между прочими трудами поручено ему вымѣрять два градуса меридіана.

Изъ пяти отправленныхъ къ сѣверному полярному кругу, остался въ живыхъ только Г. Монье. Аббатъ де ла Кальй, предпринявшій одинъ путешествіе къ Мысу, учинился также на возвратномъ пути въ Парижъ жертвою своей Астрономической ревности, въ 1762 году, хотя по видимому казалось, что его здоровье могло бы перенести всякія трудности; той же участи подвергся одинъ Академикъ (*),

(*) Это Г. Аббатъ **Шаппъ д' Отрошъ**, умершій въ Калифорніи, спустя нѣсколько дней послѣ наблюденія своего о прохожденіи Венеры по Солнцу, въ 1766 году.

гораздо моложе его, принявшій Аббата себѣ въ образецъ: онъ умеръ въ Калифорніи въ 1769 году.

Изъ числа моихъ товарищей, предпринявшихъ путешествіе къ экватору, Г. Куплетѣ, человѣкъ крѣпкаго сложенія и одинъ изъ самыхъ молодыхъ, едва пріѣхалъ въ Квито, черезъ три дни умеръ отъ сильной горячки. Я въ другомъ мѣстѣ описалъ трагическую кончину нашего лѣкаря (*). Г. Бугеръ умеръ отъ нарыву въ печени, въ 1758 году; Г. Годенъ, перешедшій въ Ишпанскую службу, и бывшій Директоромъ Академіи Гардемариновъ, въ Кадиксѣ, гораздо моложе Гна. Бугера, пережилъ его только двумя годами; Г. Моренвиль, оставшись въ Провинціи Квито, убился, упавши съ подмостокъ одной церкви, которую онъ строилъ въ Чикалпѣ, близъ города Ріобамбы. Больше пятнадцати лѣтъ не имѣю я вѣрныхъ извѣстій о Гнѣ. Гюго, который женился въ Квито. Я не говорю здѣсь о премногихъ изъ нашихъ служителей, какъ бѣлыхъ, такъ и черныхъ, погибшихъ во время нашего путеше-

(*) См. Lettre fur l'emeure populaire de Cuença, *Paris*, 1745.

ствія, изъ коихъ двое умерли насильственною смертію.

Коммандоръ, Донъ *Жоржъ Жуанъ*, старшій изъ двухъ Ишпанскихъ Офицеровъ, нашихъ сопутниковъ, бывшій Капитаномъ на Королевскомъ кораблѣ на возвратномъ своемъ пути, а послѣ Коммендантомъ Гардемаринновъ въ Ишпаніи, Шефъ эскадры, и Посланникъ при Марокскомъ Дворѣ, бывшій гораздо моложе почти всѣхъ насъ, умеръ недавно въ Мадритѣ отъ апоплексіи (*). Докторъ Іосифъ де Жюсью былъ долго удерживаемъ Королевскимъ судилищемъ въ Квито, по причинѣ своего искусства, а послѣ Вицероемъ въ Лимѣ; наконецъ за два года передъ симъ возвратился въ Парижъ; онъ потерялъ память, точно такъ, какъ нѣкогда лишился ея и извѣстный Донъ Мабилльонъ, которой однако послѣ опять ее возвратилъ. Г. де Жюсью не столько въ томъ щастливъ, и я не знаю, можемъ ли мы двое, т. е. онъ и я, почесться людьми живыми. Еще въ Америкѣ

(*) Г. де ла Кондаминъ не многимъ пережилъ его: ибо и онъ умеръ въ Парижѣ 4 го Февраля 1774 года, спустя около трехъ лѣтъ съ половиной послѣ сего письма. *См.* нѣсколько ниже выписку изъ Газетъ.

сталъ я крѣпокъ на ухо, а теперь почти ничего не слышу; сверхъ того за пять лѣтъ передъ симъ потерялъ я внѣшнюю чувствительность во всѣхъ нижнихъ частяхъ своего тѣла; и только тогда чувствую, что ихъ имѣю, когда при перемѣнѣ погоды внутренняя боль напомнитъ мнѣ о ихъ существованіи. Такимъ образомъ изъ числа одиннадцати путешественниковъ, отправленныхъ въ знойной поясъ, не упоминая о служителяхъ, можно щитать живыми Гна. *Вергеня*, флота Инженера въ Тулонѣ, Донъ *Антонія де Уллоа*, начальника эскадры въ морской Ишпанской службѣ, *прежняго* Губернатора Луизіанскаго (да и они оба не избавились отъ болѣзненности), и Г. Годена дез-Одоне, которой послѣ тридцати осьми-лѣтняго отсутствія недавно возвратился въ Парижъ, и которой подастъ мнѣ матерію съ вами побесѣдовать. Въ Августѣ получилъ я отъ него слѣдующее письмо, въ которомъ онъ удовлетворяетъ моимъ усильнымъ прозьбамъ, и сообщаетъ мнѣ извѣстіе о путешествіи своей супруги: я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, и о ея приключеніяхъ дошли до меня только не вѣрныя слухи. Я думаю, что всего лучше, естьли я вамъ пришлю копію

съ письма Гна. дез-Одоне. Вы увидите, что въ состоянiи здѣлать твердость духа и бодрость. Я увѣренъ, что нѣтъ человѣка, которой не тронулся бы повѣствованiемъ о той ужасной судьбѣ, какая постигла сiю любви достойную женщину. Она воспитана будучи во всемъ обилiи и довольствѣ, непонятнымъ сцѣпленiемъ обстоятельствъ, переносится въ лѣса непроходимые, жилище дикихъ звѣрей и ядовитыхъ пресмыкающихся; подвержена всѣмъ ужасамъ голода, жажды и трудностей; бродитъ по сей пустынѣ многiе дни, видитъ семерыхъ погибшихъ предъ ея глазами, и одна избѣгаетъ наконецъ всѣхъ сихъ опасностей такимъ способомъ, которой можетъ почесться чудомъ. Сверхъ того увидите вы, сколь много обязанъ Г. Годенъ щедрости Его Величества, Короля Португальскаго, и Чиновникамъ, исполнявшимъ приказанiя своего Государя.

По представленiямъ Г. Годена, благодѣтельный Министръ (Дюкъ де ла Врильеръ), которой имѣетъ въ вѣденiи своемъ Академiи, исходатайствовалъ ему пенсiю у Его Величества; онъ ее достоинъ какъ по своей ревности и трудамъ, понесеннымъ при на-

шихъ наблюденіяхъ, такъ и за столь долговременное невольное отсутствіе изъ своего отечества, въ которое онъ не преставалъ всегда переноситься мысленно.

ВЫПИСКА

Изъ la Gazette de France,

Отъ 7 го Февраля 1774 года.

Карлъ-Морисъ де ла Кондаминъ, Кавалеръ Орденовъ Королевскихъ, военныхъ и духовныхъ Божіей Матери и Св. Лазаря Іерусалимскаго, одинъ изъ сорока Членовъ Французской Академіи, Членъ Академіи Наукъ, Королевскаго Общества въ Лондонѣ, Членъ Академіи Берлинской, Санкт-Петербургской, Болонской, Кортонской и Нансійской, извѣстный своими путешествіями, предпринятыми по приказанію Короля, для измѣренія земли и опредѣленія ея фигуры; славенъ по глубокимъ своимъ свѣденіямъ во многихъ родахъ учености, по многимъ своимъ сочиненіямъ о способѣ прививать оспу, и даже по своему таланту въ легкомъ стихотвореніи — скончался въ Парижѣ 4 го Февраля, на 74 году отъ рожденія;

не смотря на слабости, которой былъ подверженъ, особенно же лишившись почти совсѣмъ слуха, онъ сохранилъ даже до конца дней своихъ полную дѣятельность, живость ума и удивительную веселость.

ПИСЬМО

Отъ Гна. Годена дез-Одоне Къ Гну. де ла Кондамину.

Сентъ-Амандъ, Берри, 28 *Іюля* 1773.

Милостивый Государь!

Вы желаете знать о нещастіяхъ моей супруги, случившихся во время ея плаванія по рѣкѣ Амазонской, на томъ же самомъ пути, по которому я слѣдовалъ послѣ васъ. Смѣшанные слухи, дошедшіе до васъ, о тѣхъ опасностяхъ, какимъ она была подвержена, и коихъ избѣгла одна, видя передъ глазами своими погибшихъ восемь человѣкъ: это умножаетъ еще болѣе ваше любопытство. Я рѣшился было никогда объ этомъ не говорить; столько-то горестно для меня сіе воспоминаніе!

но по прежнему съ вами товариществу во время нашего путешествія, по товариществу, которое всегда вмѣняю себѣ въ честь; также по тому участію, какое вы принимаете во всемъ до насъ касающемся, и по той дружбѣ, какую вы мнѣ оказываете, не могу отказать вамъ въ вашей прозьбѣ, и теперь же васъ удовольствую.

Мы пріѣхали въ ла Рошель 26 го Іюня 1773 года, послѣ шестидесяти-пяти-дневнаго плаванія: ибо мы подняли якорь изъ Кайены 21 Апрѣля. Тотчасъ по прибытіи своемъ навѣдывался я о васъ, и съ сожалѣніемъ услышалъ, что мѣсяца четыре или пять васъ уже нѣтъ. Моя жена и я плакали объ васъ; но осушили слезы со всею возможною радостію, узнавши, что въ ла Рошели меньше читаютъ ученыхъ Журналовъ и Академическихъ извѣстій, нежели коммерческихъ газетъ. Примите, Милостивый Государь, наше поздравленіе, равно и засвидѣтельствуйте его вашей супругѣ съ нашимъ усерднѣйшимъ почтеніемъ.

Вы конечно вспомните, что въ послѣдній разъ, какъ я имѣлъ честь васъ видѣть, въ 1742 году, когда вы отправлялись изъ Квито: я вамъ сказалъ, что надѣюсь и самъ ѣхать тою

же дорогою, какую вы избрали, т. е. по рѣкѣ Амазонской, частiю для того, что я имѣлъ желанiе узнать сiю страну, а большею частiю для того, что сiю дорогу щиталъ самою удобною для своей жены, когда напротивъ того дорога сухимъ путемъ и весьма длинна, и премноготрудна въ странѣ гористой, гдѣ можно ѣхать только на мулахъ. Вы по своей дружбѣ, во время плаванiя, дали извѣстiе въ Ишпанскихъ и Португальскихъ селенiяхъ, разсѣянныхъ по берегамъ рѣки, что за вами будетъ ѣхать одинъ изъ вашихъ товарищей; и тамошнiе поселенцы не забыли о томъ, спустя уже много лѣтъ послѣ вашего отъѣзда. Супруга моя весьма желала возвратиться во Францiю; но частая ея беременность не позволяла предпринять такой далекой и трудной поѣздки въ первые годы. Въ концѣ 1748 году, я получилъ извѣстiе о смерти своего родителя; и какъ мнѣ необходимо нужно было привести въ порядокъ фамильныя дѣла, то я рѣшился отправиться одинъ въ Кайену, внизъ по рѣкѣ, и все приготовить, чтобы и моя жена удобнѣе могла предпринять тотъ же путь.

И такъ я отправился въ Мартѣ 1749 года, изъ провинцiи Квито, оста-

вивши жену свою беременну. Въ Апрѣлѣ 1750 году прiѣхалъ въ Кайену. Тотчасъ писалъ я къ Г. Руилье, бывшему тогда морскихъ дѣлъ Министру, и просилъ его исходатайствовать мнѣ пашпорты и рекомендацiи отъ Португальскаго Двора, чтобы мнѣ позволено было плыть вверхъ по рѣкѣ Амазонской, взять моихъ домашнихъ, и тою же дорогою возвратиться назадъ. Можетъ быть другой кто, но конечно не вы, будетъ удивляться, что я предпринялъ такой дальнiй путь, чрезъ цѣлыя 1500 миль, единственно для того, чтобъ приготовить еще другую такую же поѣздку; но вы знаете, что въ этой землѣ требуется меньше приготовленiй, нежели въ Европѣ. Частыя поѣздки, за двенадцать лѣтъ передъ тѣмъ, предпринятыя мною для развѣданiя земли подъ меридiаномъ Квито, когда я ставилъ знаки на высочайшихъ горахъ, ѣздилъ въ Карѳагену и оттуда возвращался: эти поѣздки довольно меня научили. Я воспользовался симъ случаемъ, и отослалъ много достопамятныхъ вещей для Натуральной Исторiи въ садъ Королевскаго Кабинета, между прочимъ зерны салсепарели, бютюа пяти родовъ, и Грамматику, напечатанную въ Лимѣ, о языкѣ Ин-

ковъ, которую я подарилъ Г. Бюфону; но отъ него не получалъ никакого отвѣта. А изъ того отзыва, какимъ почтилъ меня Г. Руилье, я увѣдомился, что Его Величеству угодно, чтобы Губернаторы и Интендантъ Кайенской снабдили меня рекомендацiями въ Губернiю Пару. Тогда я писалъ къ вамъ, Милостивый Государь, и вы по благосклонности своей старались исходатайствовать мнѣ пашпорты. Вы прислали ко мнѣ также рекомендательное письмо отъ Командора де ла Черны, Португальскаго Министра во Францiи, къ Губернатору провинцiи Пары, и письмо отъ Г. Аббата де ла Виля, по которому вы извѣстились, что мои пашпорты приготовлены въ Лиссабонѣ и отосланы къ Пару. Я спрашивалъ объ нихъ у Губернатора сего города; но онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ ничего о томъ не знаетъ. Принужденъ я былъ писать въ другой разъ къ Г. Руилье; но онъ не былъ уже въ Минестерiи. Съ того времени просилъ я письменно разъ пять или шесть каждой годъ о пашпортахъ, но все безъ успѣху. Многiя мои письма потеряны или перехвачены во время войны. Я въ томъ не могу сомнѣваться: ибо и вы также не получали моихъ писемъ, хотя я не переставалъ къ вамъ писать.

Наконецъ услышавъ, что Графъ д' Эрувилль пользуется довѣренностію Герцога де Шуазеля, осмѣлился я, въ 1765 году, писать къ Графу, хотя не имѣлъ чести его знать. Въ немногихъ словахъ сказалъ ему о себѣ, и просилъ, чтобъ онъ принялъ на себя трудъ, предложить о моемъ дѣлѣ Герцогу Шуазелю, и исходатайствовать мнѣ пашпорты. Его только благосклонности обязанъ я успѣхомъ моего предпріятія: ибо въ десятой мѣсяцъ, щитая отъ того числа, когда отправлено мое письмо къ Графу д' Эрувилю, прибылъ въ Кайену палубной галіотъ, снаряженный въ Парѣ по повелѣнію Короля Португальскаго, съ тридцатью гребцами, подъ командою Капитана изъ гарнизона города Пары; онъ наряженъ былъ меня туда отвезти, а изъ Пары, вверхъ по рѣкѣ, даже до перваго Ишпанскаго селенія, тамъ ожидать моего возвращенія, и опять привезти меня въ Кайену со всею фамиліею: все сіе на щетъ Его Величества весьма вѣрно — щедрость подлинно Царская, и даже не многимъ Государямъ свойственная!

И такъ мы отправились изъ Кайены въ послѣднія числа Ноября 1765 года, въ Ойяпокъ, гдѣ я имѣлъ свое жилище, чтобы оттуда взять мое

имущество. Ояпокъ есть гавань на рѣкѣ того же имени, за тридцать миль къ югу отъ города Кайены. Здѣсь сдѣлался я боленъ, и притомъ весьма опасно. Г. *де-Ребелло*, Кавалеръ Ордена Христа, командовавшій галіотомъ, по своей ко мнѣ дружбѣ, ожидалъ меня здѣсь шесть недѣль. Наконецъ видя, что я не въ состояніи плыть далѣе, и совѣстясь употребить во зло терпѣливость сего Офицера, я просилъ его, чтобъ онъ продолжалъ свой путь, и позволилъ бы мнѣ вмѣсто себя отправить кого нибудь, которому я поручу отдать письма моей фамиліи, и постараться о благополучномъ ея возвращеніи. Мое намѣреніе было возложить все сіе попеченіе на *Тристана д' Оркасавала*: я его давно зналъ, и думалъ, что онъ можетъ исправить вѣрно мое поручительство. И такъ я далъ ему пакетъ, въ которомъ были Ордера отъ Главы Іезуитовъ къ Провинціалу Квитоскому и къ старшему изъ Миссіонеровъ Маинасскихъ: снарядить суда и приготовить нужной экипажъ для поѣздки моей супруги. Коммисія, возложенная мною на Тристана, состояла единственно въ томъ, чтобъ онъ отдалъ сіи письма начальствовавшему въ Лагунѣ, главномъ мѣстѣ Ишпанскихъ мис-

сїй въ Маинасѣ; а сего послѣдняго просилъ я отослать мои письма въ Ріобамбу, съ тѣмъ, чтобы моя супруга узнала о снаряженіи судна по повелѣнію Короля Португальскаго, дабы отвезти ее въ Кайенъ. И такъ Тристану оставалось только дожидаться въ Лагунѣ отвѣту изъ Ріобамбы.

Съ такимъ поручительствомъ онъ отправился изъ Ояпока на Португальскомъ галютѣ, 24 го Генваря 1766 года. Онъ прибылъ въ Лорето, первое Ишпанское селеніе вверху рѣки, въ мѣсяцѣ Юлѣ или Августѣ тогожъ года. Лорето есть миссія, недавно заведенная ниже миссіи Певасской: ея еще не было тогда, какъ вы въ 1743 году ѣхали внизъ по рѣкѣ; даже она еще не была учреждена въ 1749 году, когда я плылъ тѣмъ же путемъ; равно какъ не существовала еще миссія Тавашингская, которую Португальцы основали выше миссіи Сан-Паблосской: ибо прежде Сан-Паблосская миссія была послѣднее ихъ селеніе, подымаясь вверхъ рѣки. Для лучшаго о семъ понятія нужно имѣть передъ глазами карту, начерченную вами о теченіи Амазонской рѣки, или карту провинціи Квито, присоединенную къ вашему Ис-

торическому Журналу о путешествіи къ Экватору.

Португальской Капитанъ Г. де Ребелло, командовавшій галіотомъ, высадилъ Тристана въ Ло́ретѣ, а самъ отправился въ Тавитангу: ибо ему приказано было ожидать здѣсь пріѣзда Гжи. Годенъ. Но Тристанъ вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Лагуну, и тамъ отдать мои письма начальнику миссіи, встрѣтившись въ Лоретѣ съ какимъ-то Миссіонеромъ, Ишпанскимъ Іезуитомъ, по имени Отцемъ *Йескеномъ*, которой возвращался въ Квито, отдалъ ему мой пакетъ, по непростительному бездѣльству, и можно сказать, съ какимъ-то злымъ намѣреніемъ. Пакетъ былъ адресованъ въ Лагуну, которая миссія отстояла на нѣсколько дней пути отъ того мѣста, гдѣ находился Тристанъ; а онъ безразсудной послалъ его почти за 500 миль далѣе, за горы Кордельерскія, извѣстныя подъ именемъ *Кордельеры дез-Андъ*, простирающіяся чрезъ всю Южную Америку отъ сѣвера къ югу; а самъ остался въ Португальскихъ миссіяхъ, чтобъ производить торговлю.

Здѣсь надобно припомнить, что я сверхъ многихъ вещей, которыя возложилъ на него продать, далъ ему

слишкомъ довольно на расходы во время его путешествія по Ишпанскимъ миссіямъ.

Однако не смотря на его неосторожной поступокъ, распространился слухъ въ провинціи Квито, и дошелъ до моей супруги, о томъ, что къ ней не только пришли письма, отданныя какому-то Іезуиту, но и прислана въ самыя отдаленнѣйшія Португальскія миссіи барка, снаряженная по приказанію Короля Португальскаго, на тотъ конецъ, дабы отвезти ее въ Кайену. Братъ ея, монахъ Августинскаго Ордена, вмѣстѣ съ отцемъ *Тероломъ*, Провинціаломъ Доминиканскаго Ордена, отнеслись къ Провинціалу Іезуитскому, и просили всемѣрно отыскать тѣ письма. Іезуитъ явился и сказалъ, что онъ отдалъ ихъ другому; сей извинялся тѣмъ же, увѣряя, что онъ отдалъ третьему; но при всѣхъ розысканіяхъ письма не найдены.

Представьте сами, въ какомъ безпокойствѣ находилась моя жена, не зная, что ей начать. О снаряженіи судна были розные слухи: иные ему вѣрили, а другіе въ томъ сомнѣвались. Это былъ бы весьма неосторожный поступокъ, естьлибъ она находясь въ

такой неизвѣстности, вздумала продать всѣ домашніе приборы, снарядилась въ путь и дѣйствительно рѣшилась бы отправиться, сама не зная куда, и не увѣрена будучи ни въ чемъ. Наконецъ, желая подлинно знать, что ей начать, рѣшилась она послать къ Миссіямъ одного Негра, по имени *Іоахима*, человѣка испытанной вѣрности. Негръ отправляется съ нѣсколькими Индѣйцами въ товариществѣ, и совершивши часть пути, задержанъ и принужденъ возвратиться къ своей Госпожѣ, которая послала его въ другой разъ съ новыми приказаніями и съ большею предосторожностію. Негръ преодолѣвши всѣ препятствія, приходитъ въ Лорето; тамъ видится съ Тристаномъ, и съ нимъ обо всемъ переговариваетъ; потомъ возвращается назадъ съ тѣмъ извѣстіемъ, что судно дѣйствительно снаряжено и послано по приказанію Короля Португальскаго, и что Тристанъ находится въ Лоретѣ. Тогда моя супруга рѣшилась отправиться въ путь; она продала изъ мобели что могла; а остальное, вмѣстѣ съ домомъ въ Ріобамбѣ, садомъ и землею Гуассенъ, также другимъ помѣстьемъ между Галытою и Магуаџо, оставила своему деверю.

Можно представить, что съ того времени, т. е. съ Сентября 1766 года, когда мои письма отданы Iезуиту, прошло много времени, пока моя супруга начала свое дальнее путешествiе. Когда вспомнить, скоро ли тотъ Iезуитъ доѣхалъ въ Квито, сколько времени прошло въ розыскахъ о пакетѣ, переходившемъ изъ рукъ въ руки, какъ долго разпространялись слухи по провинцiи Квито, и наконецъ дошли до моей жены въ Рiобамбу; когда вспомнить, какъ долго была она въ нерѣшимости, сколько времени прошло въ двоекратной поѣздкѣ Негра въ Лорето, сколько потребно было на его возвращенiе въ Рiобамбу, сколько на разпродажу домашнихъ мобелей, и на приготовленiя къ такому дальнему пути: — когда все сiе взвѣсить, то нѣчему дивиться, что моя супруга отправилась изъ Рiобамбы, города, отстоящаго за 40 миль къ югу отъ Квито, не прежде перваго Октября 1769 году.

Слухъ о снаряженномъ суднѣ по приказанiю Португальскаго Короля распространился даже въ Гюякилѣ и на берегахъ Южнаго моря, потому что Г. Р. * *, самозванной Французской Докторъ, возвращавшiйся изъ Вышняго Перу, и отправлявшiйся въ Панаму

или въ Порто-Бело, чтобы тамъ найти какое нибудь судно, на которомъ могъ бы онъ достигнуть въ Сентъ-Доминго или въ Мартинику, или по крайней мѣрѣ въ Гавану, а оттуда въ Европу: этотъ Г. Р**, прiѣхавши прямо въ заливъ Гюякильской, у мыса Св. Елены, услышалъ, что нѣкоторая Госпожа изъ Рiобамба приготовляется ѣхать по рѣкѣ Амазонской, и тамъ сѣсть на судно, снаряженное по повелѣнiю Короля Португальскаго, дабы отвезти ее въ Кайену. Узнавши объ этомъ, Г. Р.** тотчасъ перемѣнилъ свой путь, и поднявшись вверхъ по рѣкѣ Гюякилѣ, прiѣхалъ въ Рiобамбу; здѣсь просилъ онъ мою жену, чтобъ она позволила и ему ѣхать съ собою, обѣщая заботиться о ея здоровьѣ, и оказывать ей всякiя услуги. Она отвѣчала ему, что сама не можетъ располагать тѣмъ судномъ, которое прислано собственно для нее. Г. Р.** прибѣгнулъ къ двумъ братьямъ моей жены, которые наконецъ убѣдили ее взять сего Доктора съ собою, представляя ей, что во время такой дальней дороги онъ можетъ быть ей полезенъ.

Сверхъ того и оба сiи братья моей жены приняли намѣренiе, какъ можно скорѣе ѣхать вмѣстѣ съ нею, одинъ

изъ нихъ въ Римъ, куда призывали его дѣла по Ордену, а другой въ Ишпанїю для своихъ частныхъ нуждъ. Сей послѣднїй взялъ съ собою своего сына, мальчика лѣтъ девяти или десяти, котораго хотѣлъ онъ отдать на воспитанїе во Францїи. Г. де *Грандмезонъ*, мой тесть, отправился уже впередъ, чтобы приготовить все къ поѣздкѣ его дочери, даже до того мѣста, гдѣ ей надобно было сѣсть на судно, по ту сторону Большихъ Кордельерскихъ горъ. Онъ сперва нашелъ нѣкоторыя препятствїя со стороны Президента и Главнаго Начальника Провинцїи Квито. *Вы знаете*, Милостивый Государь, что плаванїе по рѣкѣ Амазонской запрещено Королемъ Ишпанскимъ; но сїи препятствїя скоро были прекращены.

При возвращенїи моемъ изъ Карѳагены, куда я былъ посыланъ въ 1740 году по дѣламъ нашей Компанїи, я привезъ съ собою пашпортъ отъ Вицероя Санта-Фетскаго, Дона Себастїана де Эстава, въ которомъ позволено намъ было избрать ту дорогу, какая намъ лучше и удобнѣе покажется. Такимъ образомъ Ишпанской Губернаторъ провинцїи Майнасской и Оманьясской, будучи предувѣдомленъ о при-

бытїи моей супруги, имѣлъ столько учтивости, что послалъ ей на встрѣчу ботъ съ разными съѣстными припасами, какъ то плодами, пищею молочною и проч., и сей ботъ встрѣтилъ ее не далеко отъ Колонїи Оманьясской. Но какїя бѣдствїя, какїя ужасы постигли ее прежде сей щастливой минуты!

Она выѣхала изъ Рїобамбы, мѣста своего пребыванїя, со всею свитою, 1 го Октября 1769 года; прїѣхали въ Канелосъ, *то мѣсто*, гдѣ имъ должно было сѣсть на суда, на маленькой рѣчкѣ Бобоназѣ, которая впадаетъ въ Пастазу, а сїя послѣдняя въ Амазонскую рѣку. Г. Грандмезонъ, поѣхавшїй почти за мѣсяцъ прежде нихъ, нашелъ деревню Кавелосъ, населенную жителями, и тотчасъ сѣлъ въ лодку и продолжалъ свой путь далѣе, чтобы предупредить экипажи о приближенїи своей дочери, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ она должна будетъ ѣхать; зная же, что съ нею ѣдутъ и ея братья, и лѣкарь, и ея Негръ, также три служанки Индѣянки, онъ ни мало не безпокоился о ея судьбѣ, и продолжалъ путь даже до миссїй Португальскихъ. Между тѣмъ въ сей странѣ оказалась оспенная зараза: эту болѣзнь привезли въ

Америку Европейцы, и она для нихъ гибельнѣе, нежели на востокѣ моровая язва, которой здѣсь не знаютъ. Эта ужасная зараза разсѣяла всѣхъ жителей деревни Канелосской, и многимъ причинила смерть: прочїе удалились въ дальнїе лѣса, гдѣ каждой изъ нихъ имѣлъ свой абатисъ, т. е. сельской домикъ.

Моя жена поѣхала со свитою, состоявшею изъ тридцати одного Индѣйца, которые должны были нести ее и ея имущество. Вы знаете, что эта дорога та же самая, по которой ѣхалъ донъ Педро Мальдонадо, отправившїйся также изъ Рїобамбы въ Лагуну, гдѣ вы назначили съ нимъ свиданїе; что эта дорога, говорю я, не способна къ ѣздѣ, даже на мулахъ; и слѣдовательно надобно по ней или итти пѣшкомъ, или, естьли кто не можетъ, то долженъ заставить себя нести на носилкахъ. И такъ моя жена наняла себѣ для услугъ Индѣйцевъ; но въ томъ поступила нѣсколько неосторожно, что заплатила имъ впередъ уговорную плату. Правда, таковъ обычай въ той землѣ: это ее много извиняетъ; но не должно бы поблажать имъ, зная ихъ невѣрность и вѣроломство. И такъ нанятые Индѣйцы дошедши до Кане-

лоса, тотчасъ оставили мою жену и возвратились назадъ, по той ли причинѣ, что опасались заразы, или по той, что боялись, чтобъ ихъ не заставили садиться на суда, чего они ввѣкъ не знавали. Не для чего искать хорошихъ причинъ такого ихъ вѣроломства; вы знаете, Милостивый Государь, сколько разъ оставляли они насъ на высокихъ горахъ, во время нашихъ наблюденій, и при томъ безъ малѣйшаго предлогу. Что было начать въ такихъ обстоятельствахъ моей женѣ? Положимъ, ей можно бы было возвратиться назадъ тѣмъ же путемъ; но желанія достигнуть до того судна, которое послано за нею по повелѣнію двухъ Государей, и желаніе видѣть своего супруга послѣ двадцатилѣтней разлуки, заставило ее преодолѣть всѣ препятствія, какія ей встрѣтились.

Въ деревнѣ осталось только двое Индѣйцовъ, которыхъ зараза пощадила; но у нихъ не было лодокъ: они обѣщали моей женѣ сдѣлать одну лодку и отвезти ее въ миссію Андоасскую, разстояніемъ почти на двенадцать дней пути, спускаясь внизъ по рѣкѣ Бобоназѣ, что можно щитать миль 140 или 150; Гжа. Годенъ платитъ имъ впередъ; лодка окончана, и оци

всѣ отправляются изъ Канелоса, плывутъ два дня; потомъ останавливаются, чтобъ провести ночь. На другой день поутру всѣ встаютъ; но обоихъ Индѣйцовъ нѣтъ: вообразите смятеніе моей жены, и всѣхъ ее сопровождавшихъ! Принуждены были сѣсть въ лодку одни безъ проводника, и этотъ первой день проходитъ безъ всякаго нещастнаго случая. На другой день, около полудня, встрѣчаютъ они лодку, остановившуюся въ небольшомъ портѣ близъ однаго карбета (*); тамъ находятъ Индѣйца выздоравливающаго, и онъ соглашается ѣхать съ ними и управлять рулемъ. На *третій* день случилось, что у Г. Р. * * упала въ воду шляпа; Индѣецъ нагибается и хочетъ ее поймать; падаетъ самъ въ рѣку, и не могши доплыть до берегу, утопаетъ. Вотъ новое нещастіе! лодка опять осталась безъ кормчаго, и никто не умѣетъ нималѣйше управлять ею; отъ того скоро наполнилась

(*) Симъ именемъ называются въ нашихъ колоніяхъ на островахъ и въ Канадѣ такія бесѣдки, или древесные шалаши, которые служатъ жилищемъ Дикихъ и защитою путешественникамъ; Испанцы называютъ ихъ Ранче.

она водою, что и заставило ихъ сойти на землю и сдѣлать себѣ карбетъ, или висячую бесѣдку.

Имъ оставалось не больше пяти или шести дней пути до Андоаса. Г. Р. * * вызвался туда ѣхать и отправился съ другимъ Французомъ, своимъ товарищемъ, и съ вѣрнымъ Негромъ, котораго дала имъ въ помощь моя жена; Г. Р. * * не забылъ взять съ собою всѣхъ своихъ пожитковъ. Я послѣ выговаривалъ своей супругѣ, для чего она не послала съ Г. Р. * * одного изъ своихъ братьевъ, чтобъ они вмѣстѣ искали помощи въ Андоасѣ; она мнѣ отвѣчала, что ни одинъ изъ нихъ не согласился сѣсть опять въ лодку послѣ случившагося имъ нещастія.

Г. Р. * * уѣжжая, обѣщалъ моей женѣ и ея братьямъ, что черезъ пятьнадцать дней или скорѣе увидятъ они опять лодку съ Индѣйцами. Но вмѣсто пятнадцати, моя жена и прочїе оставшїеся на берегу, дожидались двадцать пять дней, и наконецъ потерявъ всю надежду дождаться лодки, они сдѣлали плотъ, на которой и сѣли, взявши съ собою нѣсколько съѣстныхъ припасовъ и пожитковъ. Этотъ плотъ, будучи худо управляемъ, ударился объ одну вѣтвь, опустившуюся въ во-

ду, и опрокинулся: всѣ пожитки пропали, да и сами плаватели упали въ воду. Никто не погибъ: ибо къ ихъ щастїю рѣка въ этомъ мѣстѣ была не широка. Гжа. Годенъ два раза погружалась въ воду, однако спасена своими братьями.

Доведены будучи до такой крайности, каковой до сего времени еще не испытали, рѣшились они всѣ продолжать путь пѣшкомъ, идучи по берегу рѣки. Какое предпрїятїе! Вы знаете, Милостивый Государь, что берега этой рѣки покрыты лѣсомъ, заросшимъ травами и кустарниками, такъ что нельзя по нимъ пробираться, развѣ прорубать себѣ дорогу топоромъ, что отняло бы много времени. Они возвращаются въ свой карбетъ, берутъ съѣстныхъ запасовъ, ими тамъ оставленныхъ, и начинаютъ путь пѣшкомъ. Идучи по берегу рѣки, замѣчаютъ, что ея изгибы слишкомъ увеличиваютъ ихъ дорогу; а чтобъ сего избѣгнуть, они входятъ далѣе въ лѣса, и черезъ нѣсколько дней въ немъ теряются. Утомившись отъ такого многотруднаго пути по непроходимымъ мѣстамъ, исколоты и изранены терновникомъ и колючими кустарниками, истощивши весь съѣстной запасъ, то-

мимы голодомъ, жаждою — они не имѣютъ другаго пособія, какъ питаться какими нибудь сѣмянами, дикими плодами и пальмовымъ цвѣтомъ. Наконецъ голодъ, усталость истощили послѣднія ихъ силы; они не могутъ итти далѣе, садятся и болѣе не въ состояніи встать. Тамъ ожидаютъ послѣдней своей минуты, и дня въ три или въ четыре умираютъ одинъ за другимъ

Гжа. Годенъ ожидая также послѣдняго своего конца, лежала подлѣ умершихъ своихъ братьевъ и другихъ труповъ, почти безъ памяти, безъ чувствъ: и только одно чувство мучило ее *нестерпимо* — жгущая жажда. Наконецъ Провидѣніе, благоволившее сохранить мою нещастную супругу, вселило ей бодрость и даровало силы тащиться и искать спасенія, ее ожидавшаго. Будучи безъ обуви и почти полунагая, едва покрыта была двумя мантильями и рубашкою, изорванною въ клочки отъ колючаго терновника. Въ такой крайности она отрѣзала башмаки у своихъ братьевъ, и подошвы ихъ привязала къ своимъ ногамъ. Это случилось между 25 мъ и 30 мъ числомъ Декабря 1769, что сіи нещастные путешественники отдали послѣдній долгъ человѣчеству. Я это

заключаю по прочимъ обстоятельствамъ вѣрно утвержденнымъ; да и сама моя супруга увѣряла меня, что спустя восемь или девять дней послѣ того, какъ она оставила нещастныхъ умершихъ предъ ея глазами, Небеса благоволили привесть ее къ берегу рѣки Бобоназы. Весьма вѣроятно, что это время показалось ей слишкомъ продолжительно. И въ самомъ дѣлѣ, находясь въ такомъ изнуренїи и крайнемъ истощенїи, можно ли бы подумать, чтобы женщина, воспитанная въ нѣгѣ и изобилїи, сохранила свою жизнь, хотябъ то было и въ четыре только дня?

Она увѣряла меня, что она была въ лѣсу одна десять дней, и изъ нихъ два дня оставалась близъ умершихъ своихъ братьевъ, ожидая и сама послѣдней своей минуты, а другїя во весь дней тащилась, бродя туда сюда. Воображая то ужасное позорище, какого была она свидѣтельницею, обьята ужасомъ среди пустыни, въ дремучемъ лѣсу, во мракѣ ночи, видя каждую минуту смерть передъ глазами: бродила она девять дней, какъ бы для того, чтобъ продлить свои бѣдствїя, и отсрочить свой мучительной конецъ. Все это сдѣлало на нее такое впеча-

тлѣніе, что у ней волосы посѣдѣли. На другой день своего пути она нашла воду, а въ слѣдующія дни находила нѣкоторые дикіе плоды и какія-то зеленыя яйца, ей не извѣстныя; но по ея описанію, я угадываю, что это яйцы рябчиковъ; по крайней мѣрѣ такъ называютъ Испанцы сихъ птицъ, которыхъ водится великое множество въ жаркихъ странахъ Америки. Но желудокъ ея такъ сжался отъ долговременнаго бездѣйствія, что она едва могла проглотить и эту пищу. Однако этого довольно было, чтобъ поддержать тощій ея шкелетъ. Наконецъ настало время получить ей ту помощь, какая была для ней назначена.

Естьлибъ вы прочли въ романѣ, что женщина, нѣжно воспитанная, привыкшая ко всякимъ житейскимъ удобствамъ, доходитъ чуднымъ стеченіемъ обстоятельствъ до самой крайности, падаетъ въ рѣку и едва-едва не утопаетъ; потомъ уклоняется въ непроходимой лѣсъ, будучи сама осьмая, и въ немъ теряется, не имѣя никакого проводника, бродитъ нѣсколько недѣль, терпя голодъ, жажду, крайнюю усталость и изнеможеніе; видитъ двухъ братьевъ своихъ, гораздо

крѣпче сложенїемъ, нежели она, умирающихъ предъ ея глазами; видитъ погибающщаго своего племянника, едва преступившаго границу дѣтства, трехъ молодыхъ женщинъ, своихъ служанокъ, и молодаго слугу лекарева: все это видитъ, и однако укрѣпляется противу всѣхъ такихъ бѣдствїй; потомъ оставшись одна, лежитъ почти безъ чувствъ цѣлые два дни и двѣ ночи между мертвыми трупами, въ такой странѣ, гдѣ есть множество тигровъ и змѣевъ весьма опасныхъ (*), которыхъ однако не видала она ни одного; ободрившись влачится далѣе, сама куда не знаетъ, покрыта рубищемъ, блуждаетъ по лѣсамъ цѣлые семь дней; наконецъ въ осьмой приходитъ къ берегамъ Бобоназы: — естьли бы прочли вы все это, конечно стали бы обвинять Автора, что онъ не соблюлъ вѣроятности; но Историкъ обязанъ повѣствовать своему Читателю простую истинну. Она утверждена оригинальными письмами,

(*) Мнѣ случалось видѣть въ сихъ странахъ родъ черныхъ тигровъ, самыхъ свирѣпыхъ и кровожадныхъ звѣрей; есть тамъ также множество родовъ ядовитыхъ змѣй, какъ то: змѣи съ гремушкою, и извѣстная балалло, называемая въ Каенѣ *serpent grage.*

которыя у меня въ рукахъ отъ многихъ Миссіонеровъ по рѣкѣ Амазонской, принимавшихъ участіе въ семъ печальномъ произшествіи, въ которомъ я весьма удостовѣрился, какъ-то вы увидите изъ послѣдствій. Всѣ сіи нещастія конечно не случились бы, естьлибъ Тристанъ не оказался невѣрнымъ Коммиссіонеромъ; естьлибъ онъ, не останавливаясь въ Лоретѣ, отнесъ мои письма къ Начальнику въ Лагунѣ: тогда бы моя супруга нашла деревню Канелосъ, населенную жителями, и готовую лодку для дальнѣйшаго своего путешествія.

И такъ, *по исчисленію* Гжи. Годенъ, она пришла къ берегу рѣки Бобоназы въ осьмой, или въ девятой уже день послѣ того, какъ удалилась отъ печальныхъ остатковъ своихъ родныхъ и прочихъ спутниковъ. На разсвѣтѣ услышала она шумъ шаговъ за двѣсти отъ себя. Сперва онъ побудилъ ее уклониться далѣе въ чащу лѣса; но послѣ разсудя, что съ нею не можетъ случиться ничего хуже, и слѣдовательно ей нечего бояться, она возвратилась опять къ берегу рѣки, и увидѣла двухъ Индѣйцовъ, спускавшихъ лодку на воду. Въ тѣхъ земляхъ есть обыкновеніе втаскивать на землю лод-

ку совсѣмъ, или до половины, когда кто выходитъ на берегъ проводить тамъ ночь; и въ самомъ дѣлѣ, есть-ли оставить судно ва водѣ во время ночи, то легко случиться можетъ, что веревка оторвется, судно уплыветъ, и что останется тогда дѣлать тѣмъ, которые покойно спятъ на берегу?

Индѣйцы съ своей стороны также увидѣли Гжу. Годенъ, и подошли къ ней. Она заклинала ихъ отвезти ее въ Андоасъ. Сіи Индѣйцы, уклонившіеся съ давняго времени изъ Канелоса съ своими женами, дабы избѣгнуть оспы, теперь возвращались изъ своего Абатиса, которой былъ у нихъ вдали, и намѣрены были плыть въ Андоасъ. И такъ они приняли мою супругу, изъявивъ ей свое соболѣзнованіе, пеклись объ ней, и привезли ее въ сіе селеніе. Ей можно бы было тутъ остановиться на нѣсколько дней для отдохновенія, и можно разсудить, что это для ней было весьма нужно; но она, негодуя на поступокъ тамошняго Миссіонера, въ коего власти она частію находилась, и по сей самой причинѣ, принуждена была скрывать свое огорченіе противъ его несправедливости, не хотѣла долго мѣшкать въ Андоасѣ,

и даже не согласилась бы провести тамъ ночи, естьлибъ это отъ ней зависѣло.

Не за долго передъ тѣмъ произошелъ большой переворотъ въ Ишпанскихъ миссіяхъ въ Америкѣ, зависящихъ отъ Лимы, Квито, Чаркаса и Парагвая; всѣ онѣ до сего времени основаны были Іезуитами, и отправляемы ими черезъ цѣлые два вѣка. Вдругъ неожидаемое повелѣніе отъ Мадритскаго Двора лишило ихъ сего званія, и они удалены отъ миссій. Всѣ арестованы, посажены на суда и посланы въ Папскія владѣнія. Сіе приключеніе произвело не болѣе безпокойства, какъ естьли бы смѣненъ былъ Викарій какого нибудь селенія. Мѣста Іезуитовъ заняты свѣтскимъ духовенствомъ.

Таковъ былъ и тотъ, которой заступилъ мѣсто Миссіонера Андоасскаго; желалъ бы я забыть его имя. Моя супруга, лишась всего, и не зная, чѣмъ изъявить свою благодарность обоимъ Индѣйцамъ, спасшимъ ея жизнь, вспомнила, что у ней остались на шеѣ двѣ золотыя цѣпочки, вѣсомъ около четырехъ унцій: она носила ихъ по обычаю той страны; съ радостію подарила каждому Индѣйцу по одной цѣпочкѣ, а они почти не могли вѣ-

рить своему щастію. Но Миссіонеръ тутъ же при ея глазахъ взялъ у Индѣйцовъ тѣ обѣ цѣпочки, а имъ далъ вмѣсто того три или четыре аршина той толстой и весьма чистой бумажной матеріи, которую, какъ вамъ извѣстно, дѣлаютъ въ тѣхъ странахъ, и называютъ тюкюйо. Моя супруга столько раздражена была такимъ безсовѣстнымъ поступкомъ, что тотъ же часъ потребовала лодку и экипажъ, а на другой день отправилась въ Лагуну. Одна Индѣянка Андоасская сдѣлала ей юпку изъ бумажной матеріи; и какъ скоро моя жена прибыла въ Лагуну, топічасъ послала заплатить этой доброй женщинѣ, а юпку бережетъ какъ драгоцѣннѣйшую вещь вмѣстѣ съ подошвами отъ башмаковъ братьевъ своихъ, изъ которыхъ она сдѣлала себѣ туфли: печальныя остатки! они сдѣлались и мнѣ столько-же драгоцѣнны, какъ и ей.

Между тѣмъ какъ она бродила по лѣсамъ, вѣрной ея Негръ плылъ вверхъ по рѣкѣ съ Андоасскими Индѣйцами, которыхъ велъ онъ ей на помощь. Г. Р. * * какъ скоро прибылъ въ Андоасъ, то занявшись болѣе своими личными нуждами, нежели попеченіемъ о томъ, какъ бы скорѣе изготовить лодку, и

спѣшить на помощь своимъ благодѣтелямъ, этотъ неблагодарной человѣкъ немедленно отправился въ Оманьясъ съ своимъ товарищемъ и пожитками. Вѣрный Негръ прїѣхалъ къ тому Карбету, гдѣ онъ оставилъ свою госпожу и ея братьевъ; а не нашедши тамъ никого, послѣдовалъ по ихъ стопамъ въ лѣсъ вмѣстѣ съ проводниками своими Индѣйцами. Съ какимъ ужасомъ увидѣлъ онъ мертвыя тѣла, уже тронувшїяся, и коихъ не льзя было распознать! Тогда подумалъ онъ, что никто не избѣгъ смерти, возвратился съ Индѣйцами къ Карбету, тамъ собралъ все, что было оставлено, и опять прїѣхалъ въ Андоасъ, прежде нежели судьба привела туда мою супругу. Негръ, не сомнѣваясь болѣе въ смерти своей госпожи, достигъ въ Оманьясѣ Гна. Р. * *, и отдалъ ему всѣ вещи, какїя онъ нашелъ въ Карбетѣ. Сему подлецу было не безызвѣстно, что мой шуринъ Г. Грандмезонъ находится въ Лоретѣ и тамъ съ нетерпѣливостїю ожидаетъ своихъ дѣтей. Даже изъ одного письма Тристанова, которое у меня въ рукахъ, видно, что мой шуринъ, извѣстясь о прїѣздѣ Негра Іоахима, просилъ Тристана отыскать его и къ себѣ привесть; но ни Три-

станЪ, ни Г. Р. * * не разсудили за благо удовольствовать вЪ томЪ моего шурина. НапротивЪ того Г. Р. * * самовольно отослалЪ Негра вЪ Квито, взявши кЪ себѣ всѣ пожитки, имЪ принесенные.

Вы знаете, Милостивый Государь, что селенiе Лагуна стоитЪ не на берегу Амазонской рѣки, но за нѣсколько миль вверхЪ на рѣкѣ Гваллагѣ, впадающей вЪ Амазонку. IоахимЪ, будучи отпущенЪ ГномЪ. Р.* *, не поѣхалЪ вЪ Лагуну искать своей Госпожи, которую онЪ почиталЪ уже умершею. ОнЪ возвратился прямо вЪ Квито: и мы лишились навсегда этаго вѣрнаго Негра. Вы не можете вообразить, какую причину представилЪ мнѣ послѣ Г. Р. * * вЪ свое оправданiе, что онЪ отослалЪ нашего вѣрнаго слугу, которой былЪ намЪ столько нуженЪ. „Я „боялся, сказалЪ онЪ, чтобЪ онЪ меня „не убилЪ. — Что могло подать вамЪ „такое подозрѣнiе, отвѣчалЪ я ему, „на того, коего вѣрность и усердiе вы „конечно знаете, и сЪ которымЪ вы „плыли столь долгое время! Естьлижь „вы того боялись, чтобЪ онЪ не смо„трѣлЪ на васЪ косыми глазами, и не „уличалЪ бы васЪ вЪ смерти своей „Госпожи: то за чѣмЪ не отослали

„вы его къ Г. Грандмезону, которой „его искалъ и былъ отъ васъ недалеко? „По крайней мѣрѣ, для чего не велѣли „вы „оковать его цѣпьми? Вы были у „Губернатора Оманьясскаго, и онъ под- „крѣпилъ бы васъ своею властїю.„ О всемъ этомъ есть у меня цертификатъ Гна. Албанеля, Коменданта Ойяпокскаго, въ присутствїи котораго я дѣлалъ сїи выговоры Гну. Р. * *, и этотъ цертификатъ засвидѣтельствованъ Судьею Кайенскимъ.

Между тѣмъ, Гжа. Годенъ, съ нѣкоторыми Андоасскими Индѣйцами прїѣхала на лодкѣ въ Лагуну, гдѣ и была принята со всѣми возможными ласками Докторомъ Ромеро, новымъ Начальникомъ миссїй; онъ своими услугами и попеченїемъ во все время ея тамошняго пребыванїя, продолжавшагося около шести недѣль, не упустилъ ничего, чѣмъ могъ возстановить ея испорченное здоровье, и истребить изъ памяти случившїяся ей нещастїя. Прежде всего Докторъ Ромеро поспѣшилъ послать извѣстїе Губернатору Оманьясскому о прибытїи Гжи. Годенъ, и въ какомъ изнуренїи она находится. По сему извѣстїю Г. Р. * *, обѣщавшїй ей всѣ свои попеченїя, не

могъ обойтись, чтобъ не пріѣхать къ ней въ Лагуну; онъ отдалъ ей четыре серебряныхъ тарелокъ, бокалъ, бархатную юпку, также тафтяную, нѣсколько бѣлья, оставшагося частію послѣ братьевъ, частію ея собственнаго; и прибавилъ, что все прочее сгнило. Онъ забылъ, что золотыя браслеты, табакерки, золотыя священнохранительницы и изумрудныя серьги не гніютъ, равно какъ много другихъ подобныхъ вещей. „Естьлибъ вы привели ко мнѣ моего Негра, сказала ему „моя жена, то я бы узнала, куда онъ „дѣвалъ всѣ тѣ вещи, какія онъ конечно нашелъ въ карбетѣ. Но теперь на комъ мнѣ ихъ взыскать? „Подите съ глазъ моихъ, Государь „мой! мнѣ не можно забыть, что вы „причиною всѣхъ моихъ нещастій, „всѣхъ потерь; примите свои мѣры, „я не могу болѣе терпѣть васъ при „себѣ.„ Это намѣреніе моей супруги было по самой сущей справедливости основательно; но убѣжденія со стороны Доктора Ромеро, которому не могла она ни въ чемъ отказать, и которой ей представлялъ, что естьли она оставитъ Г. Р. * *, то онъ подлинно не знаетъ, что съ нимъ дѣлать: эти убѣжденія преодолѣли ея гнѣвъ, и она

наконецъ позволила ему слѣдовать за собою.

Какъ скоро Гжа. Годенъ нѣсколько оправилась, то Доткоръ Ромеро писалъ къ Гну. Грандмезону, что она находится внѣ опасности, и нужно только прислать къ ней Тристана, чтобъ онъ проводилъ ее до Португальскаго галіота. Въ то же время писалъ онъ также къ Губернатору, восхвалялъ ея терпѣніе, бодрость и благочестіе, представлялъ ему, что она почти только начинаетъ свой дальній тягостный путь, хотя и совершила уже 400 миль и болѣе, однако ей остается еще въ четверо или въ пятеро столько же до Кайены; что она, едва избѣгши смерти, опять подвергается новымъ опасностямъ; что онъ предлагалъ ей возвратиться при всѣхъ удобствахъ въ Ріобамбу, мѣсто прежняго ея жилища; но она ему отвѣчала, что удивляется такому предложенію; что Богъ сохранилъ ее одну отъ тѣхъ опасностей, которыя причинили погибель всѣмъ ея спутникамъ; что единственное ея желаніе есть соединиться съ мужемъ; что для этаго только намѣренія предприняла она такой дальній путь, и думаетъ, что это противно Промыслу, хранящему

ее, когда она не воспользуется тою помощїю, которую получила отъ двухъ добрыхъ Индѣйцевъ и ихъ женъ, и даже тѣмъ вспоможенїемъ, какое доставилъ ей самъ онъ, Г. Ромеро; что она обязана жизнїю всѣмъ имъ, и что одинъ только Богъ можетъ воздать имъ за ихъ благотворенїя.

Моя супруга была для меня всегда любезна; но такїя чувствованїя возбудили во мнѣ сугубое къ ней почтенїе. Г. Ромеро долго ждалъ Тристана, но безполезно; и такъ онъ снарядилъ лодку и приказалъ отвезти Гжу. Годенъ къ судну Короля Португальскаго, не останавливаясь ни въ какомъ мѣстѣ. Тогда-то Губернаторъ Оманьясской, зная, что она плыветъ внизъ по рѣкѣ, и нигдѣ не будетъ останавливаться, послалъ ей на встрѣчу лодку съ разнымъ запасомъ.

Португальской Капитанъ, Г. де Ребелло, узнавши также о приближенїи моей супруги, снарядилъ челнокъ, поручилъ его въ команду двумъ изъ своихъ солдатъ, и снабдивъ всякою провизїею, приказалъ плыть на встрѣчу Гжѣ. Годенъ. Они настигли ее у деревни Павасъ. Сей доброй Капитанъ, желая точнѣе исполнить повелѣнїя своего Государя, подвинулся съ своимъ галїо-

томъ вверхъ съ великимъ трудомъ, удвоивши число гребцовъ, и приближился даже къ Ишпанскому дому въ Лоретѣ, гдѣ и принялъ къ себѣ на судно мою супругу. Она увѣряла меня, что отъ сего времени, даже до прибытія ея въ Ояпокъ, почти чрезъ тысячу миль, не терпѣла она недостатку ни въ какихъ удобствахъ, и была довольствуема во всемъ, чего даже ожидать не могла, и можетъ быть нѣтъ подобнаго примѣру при таковомъ плаваніи; впереди галіота шли двѣ лодки со всякою провизіею, съ винами и другими напитками, которыхъ она никогда не употребляетъ, со множествомъ дичи и рыбъ. Губернаторъ Пары насалъ нужные приказы почти во всѣ мѣста, и доставлялъ свѣжіе запасы.

Я забылъ вамъ сказать, что страданія моей супруги еще не прекратились; у ней чрезвычайно болѣнъ большой палецъ на рукѣ. Странствуя по лѣсу, она занозила его колючками, которыхъ не могли до сихъ поръ вытащить; отъ того сдѣлался страшной нарывъ, сухая жила и даже кость повредилась. Совѣтовали ей отрубить палецъ. Однако въ Санъ-Пабло вытащили у ней нѣсколько колючекъ, хотя съ величайшею болью; пальца она не

лишилась, только потеряла способность имъ двигать. Галіотъ продолжалъ свое плаваніе до крѣпости Кюрюпы, которую вы знаете, почти за шестьдесять миль выше Пары. Г. де *Мартель*, Кавалеръ Ордена Христа, Маіоръ гарнизона Параскаго, прибылъ туда на другой день по приказанію Губернатора, чтобы принять начальство надъ галіотомъ, и отвезти Гжу. Годенъ къ крѣпости Ояпоку.

Вскорѣ послѣ выхова своего изъ рѣки, при устьѣ рѣки, коея Индѣйское имя, испорченное въ Кайенѣ, есть Карапа-Пурри, и въ такомъ мѣстѣ близъ берегу, гдѣ быстрины весьма сильны, лишился онъ одного якоря; а какъ не благоразумно было бы, отважиться плыть далѣе съ однимъ остальнымъ якоремъ, то онъ и послалъ впередъ шлюпку въ Ояпокъ, просить помощи, которая ему немедленно послана. При семъ извѣстіи я самъ выѣхалъ изъ Ояпока на галіотѣ, мнѣ принадлежавшемъ, и держась берегу, плылъ вверхъ на встрѣчу давно ожиданному судну; въ четвертой день настигъ его при Максакарѣ; и тамъ-то послѣ двадцатилѣтней разлуки, тысячи безпокойствъ и бѣдствій, обнялъ я опять свою дражайшую супругу, которую

отчаялся уже видѣть. Среди сихъ объятій я забылъ о нѣжныхъ залогахъ нашего супружескаго союза, и даже благодарилъ Небо за то, что преждевременная смерть избавила ихъ отъ той роковой судьбы, которая ожидала ихъ въ лѣсахъ Канелосскихъ, вмѣстѣ съ ихъ дядями, въ глазахъ нѣжной матери, коея чувствительное сердце конечно не перенесло бы такого ужаснаго случая. Послѣдняя моя дочь умерла отъ оспы, за 18 мѣсяцевъ передъ отъѣздомъ матери своей изъ Ріобамбы, имѣя отъ роду осьмнадцать лѣтъ. Она родилась спустя три мѣсяца послѣ моего отъѣзду изъ провинціи Квито; и объ этомъ узналъ я изъ вашего письма, полученнаго мною въ Кайенѣ изъ Парижа въ 1752 году.

Мы стали на якорѣ у Ояпока 22 го Іюля 1770 году. Я нашелъ въ Гнѣ. Мартелѣ Офицера столько же отличавшагося своими свѣденіями, сколько и наружною пріятностію. Онъ знаетъ почти всѣ Европейскіе языки, даже искусенъ въ Латинскомъ; и могъ бы играть знатную роль на важнѣйшемъ театрѣ, нежели въ Парѣ. Онъ происходитъ изъ Франціи отъ той знатной фамиліи, коея имя на себѣ носитъ. Я имѣлъ удовольствіе наслаждаться его

компанїей пятнадцать дней въ Ояпокѣ, куда Г. Фидмондъ, Губернаторъ Кайенской, тотчасъ прислалъ провизїю на одномъ суднѣ, какъ скоро получилъ извѣстїе о нашемъ прїѣздѣ отъ Коменданта Ояпокскаго. Надобно было починить Португальской галїотъ; его поправили на верфтѣ, и прибавили парусъ, съ помощїю котораго можно было удобнѣе итти противъ быстринъ. Комендантъ Ояпокской далъ Гну. Мартелю береговаго кормчаго, которой долженъ былъ провожать его даже до границъ. Я предложилъ ему, что хочу также проводить его до того мѣста на своемъ галїотѣ; но онъ не позволилъ мнѣ слѣдовать за собою далѣе мыса Оранжскаго. Я оставилъ его съ тѣми чувствованїями искренней привязанности и благодарности, какїя внушилъ онъ въ насъ своими благородными поступками и вѣжливыми услугами какъ къ моей супругѣ, такъ и ко мнѣ. Равно и всей его нацїи обязанъ я тою же признательностїю. Я уже приготовленъ былъ къ тому при моей прежней поѣздкѣ.

Мнѣ должно бы было васъ предувѣдомить, что когда я ѣхалъ, въ 1749 году внизъ по Амазонской рѣкѣ, не имѣя никакой другой рекомендацїи къ

Португальцамъ, кромѣ только того извѣстія, какое вы сообщили имъ о томъ, что одинъ изъ вашихъ товарищей будетъ плыть тою же самою дорогою, какою и вы: и однако во всѣхъ селеніяхъ Португальскихъ принятъ я былъ отъ миссіонеровъ и отъ всѣхъ Комендантовъ крѣпостей со всѣми возможными ласками. Проѣжжая у Санъ-Пабло, досталъ я себѣ лодку, на которой плылъ по рѣкѣ внизъ даже до крѣпости Кюрюпы, а отсюда писалъ къ Губернатору провинціи Гранд-Пары, Г. Франциску Мендоцѣ Гойяо, увѣдомляя его о моемъ пріѣздѣ и прося позволенія ѣхать изъ Кюрюпы въ Кайену. Онъ почтилъ меня такимъ учтивымъ письмомъ, что я нимало не мѣшкая, рѣшился перемѣнить дорогу, и сдѣлать большой кругъ съ тѣмъ только, чтобы принести ему мою благодарность, и изъявить то почтеніе, какимъ я былъ ему обязанъ. Онъ принялъ меня съ отверзтыми объятіями, далъ мнѣ квартиру, не позволилъ имѣть другаго стола, кромѣ его собственнаго, удержалъ меня восемь дней у себя, и даже провожалъ меня до Сентъ-Лудовика де Маранао, откуда опять возвратился назадъ.

Послѣ его отъѣзду, я опять плылъ вверхъ даже до Кюрюпы на своей лодкѣ, имѣя при себѣ еще другую гораздо большую, которую далъ мнѣ Комендантъ сей крѣпости для поѣздки въ Пару: сей городъ, какъ вы сами замѣтили, стоитъ на большой рѣкѣ, которую ложно почитаютъ правымъ рукавомъ рѣки Амазонской, съ коею рѣка Пара сообщается натуральнымъ каналомъ, изрытымъ приливами, и сей каналъ называется Тагипюрю. Я нашелъ въ Кюрюпѣ большой ботъ, дожидавшійся меня, по приказанію Губернатора Параскаго; онъ былъ подъ командою гарнизоннаго сержанта; на немъ было четырнадцать гребцовъ. Они имѣли повелѣніе отвезти меня въ Кайену, куда я и отправился черезъ Макану, держась лѣваго берегу рѣки Амазонской даже до самаго ея устья, не сдѣлавъ, такъ какъ вы, кругу около большаго острова, Жоанеса или Марайо. Послѣ такого благосклоннаго пріема, которымъ я имѣлъ щастіе пользоваться безъ всякой рекомендаціи, а только по собственному добродушію Г. Португальцовъ, не долженъ ли уже я былъ всего ожидать отъ нихъ тогда, когда Его Величество, Государь Португальской, удостоилъ меня своею

милостію, и далъ именное повелѣніе отправить судно даже до границъ своихъ владѣній, тамъ взять мою фамилію и отвезти насъ къ Кайену? — — Теперь возвращаюсь къ прерванному своему повѣствованію. . . . . . .

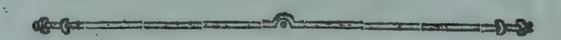
Разставшись съ Гномъ Мартелемъ у Оранжскаго мыса, со всѣми объясненіями, обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ между морскими Чиновниками, я возвратился въ Ояпокъ, откуда отправился въ Кайену.

Мнѣ оставалось только кончить свою тяжбу, которую я выигралъ однако безъ пользы для себя. Тристанъ требовалъ своего жалованья, которое я ему обѣщалъ дать, по шестидесяти ливровъ на мѣсяцъ. Я предлагалъ заплатить ему за осьмнадцать мѣсяцовъ: ибо въ это время онъ несомнѣнно могъ бы окончить мою коммиссію, естьлибъ, какъ честной человѣкъ, принялся ее исполнить. Рѣшеніе Вышняго Совѣта Кайенскаго, отъ 7 го Генваря прошлаго года, опредѣлило, чтобъ онъ далъ мнѣ отчетъ въ семи или осьми тысячахъ франковъ за тѣ пожитки, какія я ему поручилъ; но сей нещастный, употребивши во зло мою довѣренность, бывши причиною смерти осьми человѣкъ, включая въ то число и утоп-

шаго Индѣйца; бывши виновникомъ всѣхъ нещастій моей супруги, и расточивши все, что онъ досталъ за мои пожитки, не имѣлъ, чѣмъ выплатить определенной мнѣ суммы; а я не счелъ за нужное умножать еще свои убытки тѣмъ, чтобы кормить его въ тюрмѣ. —

Теперь, Милостивой Государь, я надѣюсь, что удовлетворилъ вашему желанію. Дорого стоило мнѣ воспоминаніе о всѣхъ подробныхъ обстоятельствахъ моего нещастія. Тяжба съ Тристаномъ и частыя болѣзни моей супруги, бывшія слѣдствіемъ претерпѣнныхъ ею страданій, не позволили мнѣ предпринять съ нею дальняго пути въ Европу прежде нынѣшняго году. Теперь она вмѣстѣ съ своимъ отцомъ въ нѣдрахъ моей фамиліи, которая приняла ихъ съ нѣжностію. Г. Грандмезонъ не думалъ сперва ѣхать во Францію; онъ только хотѣлъ довезти свою дочь до Португальскаго судна; но видя уже приближившуюся старость, лишась своихъ дѣтей, и тронувшись горестію о такой потери, оставилъ онъ все, сѣлъ вмѣстѣ съ нею на галіотъ, и поручилъ все оставшееся свое имущество другому своему зятю Гну. *Савалѣ*, жительствующему въ Ріобамбѣ. Сколько мы ни употребляемъ стара-

нiй, чтобъ развеселить мою супругу; но она всегда остается печальна; ея нещастiя безпрестанно занимаютъ ея душу. Сколько труда мнѣ стоило развѣдать отъ ней о всѣхъ тѣхъ объясненiяхъ, которыя нужно было представить въ суду при моемъ процессѣ съ Тристаномъ! И я догадываюсь, что она умалчиваетъ отъ меня нѣкоторыя подробности, желая и сама забыть ихъ, и меня не опечалить еще болѣе. Даже она не хотѣла, чтобъ я имѣлъ тяжбу съ Тристаномъ, и изъявляла свое великодушное соболѣзнованiе къ тому, кто былъ столько вѣроломенъ, и учинился виновникомъ всѣхъ ея бѣдствiй.

ПРИМѢЧАНIЕ.

Мы за лучшее разсудили, помѣстить въ семъ мѣстѣ нѣкоторыя замѣчанiя о рѣкѣ Амазонской, дабы не прерывать трогательнаго повѣствованiя о нещастiяхъ Гжи. Годенъ.

Амазонка, или *Мараньонъ* есть величайшая рѣка во всемъ свѣтѣ. Она протекаетъ всю землю полуденной Америки, отъ востока на западъ, и

во всемъ своемъ теченiи почти не удаляется отъ равноденственной линiи. Сiя рѣка имѣетъ свой источникъ въ Перу, въ нѣкоторомъ озерѣ близъ Гванюко, за 50 миль отъ Лимы. Начиная отъ Жаена, гдѣ сiя рѣка становится судоходною, она протекаетъ еще около 1100 миль. Какъ съ сѣвера, такъ и съ юга принимаетъ въ себя несчетное множество рѣкъ, изъ коихъ иныя имѣютъ свое теченiе отъ пятисотъ до шестисотъ миль; и даже нѣкоторыя изъ нихъ не меньше Дуная и Нила. Сiя великая рѣка впадаетъ въ Океанъ. Ея устье находится подъ самымъ Экваторомъ, между Терра-Ферме и Бразилiею.

Еще за полтораста лѣтъ до сего времени, берега ея были населены премногими нацiями, удалившимися во внутренность земли, съ того времени, какъ увидѣли они Европейцевъ. Но теперь встрѣчаются тамъ весьма немного сельбищъ, заселенныхъ природными тамошними жителями, недавно вышедшими изъ лѣсовъ, и нѣсколько образовавшимися, частiю стараніями Испанскихъ миссiонеровъ вверху рѣки, близъ Перу, а частiю Португальскими миссiонерами, у нижней части рѣки, при Бразилiи.

Франциско д' Орелане, Испанской Капитанъ, первой изъ Еврейцовъ открылъ сїю рѣку въ 1539 году; Iезуитскїе миссїонеры, *д' Акунья* и *д' Артїеда*, объѣжжали ее въ 1638 году, по приказанїю Мадритскаго Двора. Повѣствованїе о ихъ путешествїи, переведенное съ Ишпанскаго (*на Французской языкъ*) Гномъ. Де Гомбервилемъ, можно еще найти въ нѣкоторыхъ библїотекахъ. Наконецъ Г. *де ла Кондаминъ*, окончивши свои Академическїя работы, предпринятыя для измѣренїя степеней подъ Экваторомъ, плылъ въ 1743 году по сей рѣкѣ даже до ея устья. Онъ снялъ и карту всего ея теченїя; она присоединена къ сокращенному повѣствованїю, изданному имъ о его путешествїи по внутренности полуденной Америки; сїя карта есть самая вѣрная изъ всѣхъ.

Влажность и жары способствуютъ вмѣстѣ къ величайшему плодородїю береговъ рѣки Амазонской. Ни одна рѣка, даже не выключая Нила и Гангеса, не столько благотворна къ странамъ ею орошаемымъ. Да и весьма натурально, что она всѣхъ ихъ превосходитъ въ семъ случаѣ, будучи всѣхъ ихъ больше.

Съ обѣихъ сторонъ сей рѣки видны только неизмѣримыя долины, гдѣ взоръ теряется въ отдаленіи, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и пространныя лѣса, скрывающія въ густотѣ своей множество животныхъ и растѣній всякаго роду. „Самой трудолюбивой Натуры - Испытатель, имѣя при себѣ множество живописцевъ, говоритъ Г. де ла Кондаминъ, найдетъ тамъ себѣ упражненія на много лѣтъ.„

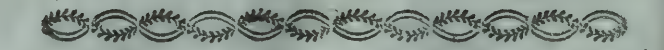
Рѣки, впадающія въ Амазонку, и самая сія рѣка обилуютъ множествомъ рыбъ; болѣе же всего находится тамъ черепахъ, такъ что ими одними и ихъ яйцами могли бы достаточно прокормиться жители береговъ сей рѣки. Тамошнія черепахи весьма вкусны, и ихъ вывозятъ въ дальнія мѣста, особливо въ Кайену. Онѣ живутъ многіе мѣсяцы не въ водѣ безъ всякой примѣтной пищи.

Одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ изображается слѣдующими выразительными словами о удивительномъ плодородіи береговъ сей рѣки.

„Щитая отъ Боржи, течетъ Ама„зонка 400 или 500 миль среди непро„ходимыхъ лѣсовъ, гдѣ почти не льзя „увидѣть земли подъ множествомъ ра„стѣній, ее покрывающихъ. Во всемъ

„этомъ пространствѣ едва ли можно
„найти хоть одинъ камень. Отъ са-
„маго существованія сей земли При-
„рода, оставленная сама себѣ, приго-
„товила тамъ огромное ложе изъ ты-
„сячи тысячь растѣній. Это сокро-
„вище назначила она тому мудрецу,
„которой увѣрившись въ той истиннѣ,
„что золото Американское не сдѣлало
„Европу щастливѣе, удалится туда
„искать спокойствія, щастія, свѣт-
„лаго неба и земли плодородной.„ См.
Похвальное Слово Гну. де ла Кондами-
ну, говоренное Маркизомъ Кондорсетомъ,
въ книгѣ **Memoires de l' Academie des Sciences, année 1774.**

XIV.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Англійскаго судна Согласія, на песчаной отмѣли острова Ре, на западномъ берегу Франціи, въ 1775 году.

Сіе повѣствованіе, писанное въ формѣ письма, весьма занимательно для всякаго чувствительнаго человѣка по тѣмъ благороднымъ поступкамъ, которые столько отличаютъ Французскую націю; оно заслуживаетъ также вниманія Читателей по тѣмъ похваламъ, которыя приписываетъ ей соревнующая нація. Мы дадимъ мѣсто говорить самому Офицеру, Автору сего письма.

„6 го Октября 1775 года, мы сѣли въ Ритцембутелѣ на корабль *Согласія*, въ числѣ ста осмидесяти семи человѣкъ, подъ командою Капитана *Неаля*, а перваго Ноября пустились въ путь къ Гибралтару. Наше плаваніе было благополучно до 13 го тогожъ мѣсяца; но 14 го, часовъ въ семь или восемь утра, Капитанъ съ ужасомъ увѣдомилъ насъ, что въ кораблѣ преболь-

шая течь, и скоро онъ конечно потонетъ. Онъ тотчасъ велѣлъ спустить на воду три шлюпки, и уговаривалъ прибѣжавшихъ Офицеровъ, чтобъ они поспѣшили настигнуть транспортное судно, не далеко отъ насъ находившееся. Офицеры соскочили тотчасъ въ одну шлюпку, которая запутавшись между канатами, опрокинулась, и они всѣ поглощены волнами. Вотъ имена Офицеровъ, погибшихъ при семъ случаѣ. Подполковникъ *Валтгаузенъ*, Капитанъ-Лейтенантъ *Фондеръ-Вензе*, Лейтенанты *Олденбургъ*, *де Бакмейстеръ* и *де Бремеръ*, Прапорщикъ *Доримъ*, лѣкарь *Суффертъ*, не щитая четырехъ матросовъ.

Капитанъ видѣлъ сіе печальное зрѣлище; но не заботясь болѣе ни о комъ, кромѣ себя, бросился со многими матросами въ другую шлюпку; и боясь, чтобъ наши солдаты за нимъ не послѣдовали, кричалъ кормчему, приказывая ему обрубить веревки съ одной стороны шлюпки, а самъ между тѣмъ побѣжалъ на другой конецъ, чтобъ его высвободить. Солдаты, страшась предстоявшей опасности, хотѣли также оставить корабль; но я удержалъ ихъ, обѣщая съ ними жить, съ ними и умереть. Между тѣмъ Ка-

питанъ наказанъ былъ за свою неразсудительную поспѣшность; онъ долженъ былъ дѣйствовать въ одно время съ кормчимъ; но случилось, что они не въ тужь минуту обрубили канаты, шлюпка одною стороною опустилась въ воду, и потонула въ глазахъ нашихъ, одному только матросу удалось воротиться на корабль. Сіи печальныя приключенія произошли въ одну четверть часа.

Между тѣмъ мы оставались въ ужаснѣйшемъ положеніи. Корабль наполнился водою, и у насъ осталось не больше шести матросовъ, всѣ незнающіе и неспособные управлять кораблемъ. Въ такомъ находясь состояніи, мы уже видѣли близкую свою погибель. Однако я уговорилъ всѣхъ приняться за нососы; и въ то же время мы дали знаки о своей погибели другому судну, бывшему недалеко отъ насъ; но какъ море чрезвычайно волновалось, то мы почти не имѣли надежды къ нашему спасенію. Вѣтеръ погасилъ огонь въ фонарѣ, зажженный нами ночью, и вѣроятно, что наши сосѣди почли насъ погибшими: ибо на другой день ихъ уже не видно стало.

Мы рѣшились приближиться къ самой ближней землѣ и надѣялись, что

мы находимся не далѣе сорока, или пятидесяти миль отъ Мыса Финистерре. Между тѣмъ всѣ заняты были насосами безпрестанно чрезъ цѣлые два дня. Послѣ обѣда 15 го числа, усмотрѣли мы землю вправо отъ себя, и направивши къ ней путь, продолжали плаванїе даже до ночи. Въ восемь часовъ вечера увидѣли огонь. Одинъ матросъ сказалъ мнѣ, что онъ почитаетъ этотъ берегъ опаснымъ, и совѣтовалъ мнѣ, не говорить о томъ печальнымъ нашимъ товарищамъ, и безъ того уже довольно нещастнымъ. Не смотря на то, мы щастливо прошли мимо огня; но черезъ минуту тотъ же матросъ усмотрѣлъ землю такъ близко отъ насъ, что мы почитали уже себя погибшими невозвратно. Матросъ, правившїй рулемъ, направилъ путь прямо къ землѣ: къ нашему щастїю большой валъ увлекъ насъ на песчаную мѣль, гдѣ корабль сталъ: это оживило опять нашу бодрость. Однако мы не совсѣмъ освободились еще отъ опасности: высокїя волны безпрестанно подымались надъ нашими головами, и ежеминутно грозили разбить корабль.

16 го, на разсвѣтѣ, увидѣли на берегу сбѣжавшихся множество людей, и между прочими часть полку Королев-

скаго-Корсиканскаго. Мы скоро узнали, что находимся у берегу острова Ре (1). Подполковникъ *де Марангее* употреблялъ всѣ возможные способы, чтобы подать намъ помощь, и солдаты не одинъ разъ подвергали свою жизнь опасности для спасенія нашей; особенно обязаны мы изъявить равную свою признательность Гдамъ. *Фальеру* и *Жироду*. Впрочемъ хотя мы были близко отъ берега, однако не могли къ нему достигнуть, не подвергшись великой опасности; не смотря на то, къ вечеру шестьдесятъ пять человѣкъ солдатъ и матросовъ избавлены были стараніемъ и неустрашимостію гарнизона. Всѣхъ ихъ помѣстили въ казармы, и снабдили всѣмъ нужнымъ.

На другой день, 17 го числа, не можно было перевезти на землю больше пятидесяти пяти человѣкъ по причинѣ чрезвычайно сильнаго вѣтру. 18 го спасли всѣхъ оставшихся еще на кораблѣ, и даже ласкались надеждою спасти часть грузу. Полковыя знамена отданы на руки Королевскому Лейтенанту. При семъ кораблекрушеніи погибли шесть Офицеровъ, лѣкарь, четыре Унтеръ-Офицеровъ, семь солдатъ, много матросовъ и одна женщина. Графъ де Жанлисъ, Инспекторъ

надъ войсками въ селенїяхъ, находился лично во все то время, пока занимались перевозкою насъ на землю; также Г. Сакомора, Офицеръ Королевскаго Корсиканскаго полку, прилагалъ равное попеченїе при этомъ случаѣ. Вообще мы обязаны величайшею и живѣйшею признательностїю той нацїи, которая имѣетъ столько мужества, что для спасенїя другихъ подвергаетъ опасности собственную свою жизнь.

Сей человѣколюбивой ихъ поступокъ не остался безъ воздаянїя. Изъ Французскихъ газетъ, отъ 22 го Генваря 1776 году, видно, что Англїйской Королъ послалъ Графа Тауба, принести благодарность Его Христїаннѣйшему Величеству за ту помощь, какую оказалъ гарнизонъ острова Ре, войскамъ Ганноверскимъ. Съ нимъ же послана сумма тысяча фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ, чтобъ ихъ раздѣлить между всѣми, оказавшими ту услугу, особливо же наградить солдатъ полку Королевскаго - Корсиканскаго.

Раздача сей суммы сдѣлана на островѣ Ре, въ первыя числа Февраля 1776 года, и она послужила поводомъ къ новому великодушному поступку, о которомъ не можно здѣсь умолчать. По раз-

дѣлу определено было раздать гренадерамъ Королевскаго полку пятнадцать луидоровъ; когда имъ предложили сію сумму, то они единодушно отреклись принять ее, говоря, *что довольно награждены своимъ Государемъ, и не хотятъ принять награды за то, что исполнили долгъ человѣчества къ нещастнымъ.* Сей благородной поступокъ дѣлаетъ много чести Французскому воинству, и мы не могли умолчать объ немъ въ сихъ листахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Островъ Ре*, на берегу Франціи на Атлантическомъ Океанѣ, принадлежитъ къ Губерніи Онисской, отстоитъ отъ твердой земли за тысячу четыреста туазовъ (шестифутовая сажень); въ окружности имѣетъ около тридцати тысячь туазовъ. На семъ островѣ много винограду и соли. Тамошнія вины посредственной доброты; но изъ нихъ дѣлаютъ прекрасную водку и настойки. Дерева тамъ рѣдки. Сей островъ имѣетъ самое выгодное для коммерціи положеніе, и онъ весьма многолюденъ. Жители не платятъ подати: ибо островъ почитается какъ

бы чужею землею, и пользуется особыми привилегїями. На отдаленнѣйшемъ западномъ краю острова построена высокая башня, называемая Китовою Башнею (la Tour des baleines), и на ней держатъ большой огонь, которой горитъ чрезъ цѣлую ночь, и служитъ сигналомъ для судовъ, находящихся по близости.

Кромѣ главнаго города *Сентъ-Мартена*, есть на островѣ семь другихъ приходовъ, одно Аббатство Бернардинское, имѣющее титулъ Божїей Матери, и много хорошихъ крѣпостей для защиты острова. На немъ щитаютъ *три тысячи пятьдесятъ* дворовъ.

Сентъ-Мартенъ прежде сего почти не достоинъ былъ имени города; но послѣ онъ распространился и укрѣпленъ новою стѣною, по методу Маршала Вобана. Нынѣ онъ почитается однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ мѣстъ во Францїи. Цитадель имѣетъ такое положенїе, что она защищаетъ и городъ, и гавань, и поле.

XV.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ

Французскаго корабля ле Дюраса, на морѣ Индѣйскомъ, близъ острововъ Мальдивскихъ, въ 1777 году.

Повѣствованіе о злополучномъ мореплаваніи, при которомъ молодая, нѣжно-воспитанная женщина оказываетъ себя Героинею въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, такое повѣствованіе конечно заслужитъ вниманіе Читателей.

Г. *Шевро*, Кригскомиссаръ Французской, прибылъ въ Иль-де-Франсъ вмѣстѣ съ своею супругою, въ Августѣ 1776 году. Ему должно было ѣхать вмѣстѣ съ Гномъ. Белькомбомъ, освидѣтельсвовать селеніе въ Мадагаскарѣ; но какъ наступившее позднее время года не позволяло фрегату *ла Консолантъ*, на которомъ они ѣхали, достигнуть въ Пондишери иною дорогою, кромѣ отдаленной: то Г. Шевро оставилъ свою супругу въ Иль-де-Франсѣ, намѣреваясь взять ее съ собою въ такое время, когда переѣздъ не про-

должается болѣе мѣсяца, и притомъ всегда при ясномъ небѣ. Но Гжа. Шевро (она родомъ изъ л' Оріанта, и ей было тогда не больше двадцати трехъ лѣтъ), по своей нетерпѣливости не могла дождаться, пока пройдетъ то опасное время, а сѣла на корабль *ле Дюрасъ*, съ дѣвицею *Гулиль*, молодою знатною особою, которая намѣрена была также возвратиться въ Пондишери, въ нѣдра своей фамиліи. 14 го Марта, усмотрѣли берегъ, и между тѣмъ, какъ старались развѣдать, дѣйствительно ли это сѣверной мысъ Мадагаскара, за которой его почли, вдругъ настала страшная непогода, причинившая имъ много страху и опасностей. 11 го Марта, громъ ударилъ за пятьдесятъ туазовъ отъ корабля, поднялся сильной вѣтеръ 21 го. Онъ былъ совсѣмъ противенъ мореплавателямъ, и жестокость его не позволяла управлять рулемъ даже до 24 го; собрали также парусы, и оставили только по одному на каждомъ краю судна, чтобъ корабль не учинился игралищемъ вѣтровъ. За сею бурею слѣдовалъ страшный вихрь, и тогда тщетны были всѣ усилія корабельщиковъ: судно осталось добычею вѣтровъ и морскихъ стремнинъ. Претерпѣвши страшную

грозу, градъ и проливной дождь, безвѣтрія и противныя вѣтры, корабль перешелъ 7 го Апрѣля на сѣверную гемисферу, и плаватели направили путь такъ, чтобы пройти между Мальдивскими и Пагвалдивскими островами, или лучше сказать, Архипелагомъ, продолжающимся параллельно съ Малабарскимъ берегомъ.

Попутной умѣренной вѣтеръ приводилъ уже въ забвеніе тѣ безпокойства, какія испытали доселѣ наши мореплаватели: на всѣхъ парусахъ шли они діоганально, желая найти проходъ на девятомъ градусѣ широты, отъ котораго, по ихъ щету, были еще отдалены за 40 миль. Находясь въ такомъ отдаленіи, они думали, что можно плыть безъ всякаго опасенія; и хотя ночь съ одиннадцатаго на двенадцатое число Апрѣля была очень пасмурна, однако не оказалось никакой примѣты, чтобы вблизи находилась земля. Всякъ наслаждался пріятностію сна, и прохлада ночи дѣлала его еще усладительнѣе; какъ вдругъ, часа въ два утра, караульной Офицеръ замѣтилъ что-то бѣлое. Онъ закричалъ кормчему, чтобъ перемѣнить дорогу; но это уже было поздо: настало мѣлководье, и корабль чѣмъ быстрѣе

плылЪ, тѣмЪ съ большею силою ударился дномЪ.

Всѣ пробудились сЪ ужасомЪ; казалось, что ночь сдѣлалась гораздо темнѣе, и тщетно всѣ старались проникнуть взорами миракЪ ихЪ окружавшій. Они еще не знаютЪ, посреди ли моря тѣ роковые подводные камни, о которые ударился корабль, или они соединены сЪ какою нибудь землею; наконецЪ черезЪ полчаса усматриваютЪ огонь на одномЪ небольшомЪ островѣ. Среди такого ужаса и предстоявшей погибели, это подаетЪ имЪ еще лучь надежды, и всѣ стараются сыскать средство, какЪ бы избѣгнуть кораблекрушенія.

ТотчасЪ срубаютЪ артимонЪ-мачту, спускаютЪ на воду шлюпку и лодку, и стараются облегчить корабль, срубивши прочія мачты, которыя составляли для него опасной грузЪ. НаконецЪ успѣваютЪ вЪ томЪ, хотя не безЪ великаго труда. Между тѣмЪ свирѣпыя волны ударяютЪ вЪ корабль, подымаютЪ его и бросаютЪ опять на скалу; каждую минуту можно было опасаться его разрушенія. Гжа. Шевро забываетЪ слабость своего пола, надѣваетЪ на себя легкое платье, которое бы меньше ей мѣшало, всходитЪ

на палубу, увѣщаетъ свою подругу, дѣвицу Гупиль, не отчаяваться, ободряетъ Офицеровъ своею неустрашимостію, и всѣхъ матросовъ своими словами; не показываетъ ни малѣйшаго желанія спасаться прежде всѣхъ. Въ ту минуту почувствовали новой ударъ, гораздо сильнѣе прежнихъ; всякой думалъ, что насталъ послѣдній его часъ. „Боже мой! вскричала Гжа. Шевро: какъ я щастлива, что моего супруга нѣтъ со мною!„ Подлинно трогательное восклицаніе, обнаруживающее высокую ея душу, когда помыслимъ, что при такихъ обстоятельствахъ сердце совершенно предается своимъ собственнымъ движеніямъ, не умѣетъ притворяться, не умѣетъ лживо увеличивать своихъ чувствованій!

Проходятъ три часа въ приготовленіяхъ, какъ бы спастись съ съѣстными припасами для своего прокормленія, и съ оружіемъ для защищенія. Лодка разбивается, и подобной участи долѐжно было ожидать шлюпкѣ; тогда всѣ занялись сплотить плотъ. Начала показываться ранняя заря, и первой лучь дневнаго свѣта позволилъ имъ отличать предметы вдали. Тамъ увидѣли они многихъ Черныхъ на пес-

чаной отмѣли, за сто двадцать туазовъ отъ корабля. Призываютъ ихъ на помощь, но они отказываются; дѣлаютъ много ружейныхъ выстрѣловъ, подавая знакъ о своемъ бѣдствіи; но ни чѣмъ не можно было привлечь Черныхъ. Одинъ матросъ, по имени *Маммелонъ*, бросается въ море, и приближается къ нимъ вплавь; у него за поясомъ былъ ножъ; кажется, что это ихъ устрашаетъ, они бѣгутъ. Не было надежды достигнуть до земли на плоту, не основавши какого нибудь мѣста, гдѣ бы можно было его одерживать: Іеремей *Амиро*, Венеціанской матросъ, вызывается утвердить его; онъ плыветъ къ утесамъ съ легкою веревкою, и съ помощію его доводятъ плотъ постепенно до отмѣли.

Г.жа. *Шевро*, въ кофтѣ и панталонѣ спускается на плотъ съ неустрашимостію. Большой валъ увлекаетъ ее; но она хватается за веревку, взбирается по ней на плотъ, и безъ ужасу становится близъ дѣвицы Гупиль. Плотъ пристаетъ къ отмѣли, отдаленной отъ земли за четверть мили. Гжа. Шевро шла цѣлые полчаса въ водѣ по шею, по коралковому дну. Наконецъ выходятъ они на берегъ, тамъ островитяне принимаютъ ихъ чело-

вѣколюбиво, приводятъ въ свой шалашъ, покрытой древесными листьями, и подаютъ имъ прохладительный напитокъ, сдѣланный изъ соку кокосовыхъ орѣховъ и соку выжатаго изъ сахарнаго тростнику, приносятъ также соленой рыбы и курительнаго табаку. Страждущая красота внушаетъ сожалѣнїе и въ самихъ дикихъ людей; это обнаружилось въ жителяхъ острова *Имитая*, которые столь много тронуты были нещастїемъ Гжи. Шевро и дѣвицы Гупиль. Они приготовили для нихъ чай и похлебку для ужину; наконецъ сожалѣя о нѣжности ихъ пола, или тронувшись *ихъ прелестями*, изготовили имъ постѣль изъ морскаго тростника.

Какъ скоро корабельный Капитанъ вышелъ на землю, то островской Начальникъ посѣтилъ его, и обѣщалъ доставить экипажу сарачинскаго пшена; въ то же время писалъ къ своему Королю о семъ приключенїи. 21 го, онъ получилъ повелѣнїе, поступать съ ними, какъ съ нещастными друзьями, и обнадеживанїе со стороны Короля, что немедленно прислано будетъ къ нему на островъ всякое вспоможенїе. Въ самомъ дѣлѣ 24 го, прїѣхало большое судно со многими другими, и возвратило

надежду бѣднымъ препьерпѣвшимъ кораблекрушенїе: первой Министръ, Генералъ армїи и Португальской переводчикъ предстали къ обѣимъ Госпожамъ, объявили имъ отъ имени Короля о его соболѣзнованїи, и обнадежили всѣми возможными пособїями. Вѣтеръ помѣшалъ имъ отправиться отсюда прежде 27 го въ пять часовъ вечера. Гжа. Шевро, дѣвица Гупиль, двое Офицеровъ, пассажировъ, и Капитанъ сѣли на большое судно, коего носъ былъ длинной и остроконечной, и на немъ одна только мачта весьма наклоненная назадъ, съ треугольнымъ парусомъ. Черезъ двадцать четыре часа они прїѣхали на островъ, гдѣ Король имѣетъ свою резиденцїю.

Король Мальдивской велѣлъ объявить Гжѣ. Шевро, что онъ почитаетъ себя щастливымъ, когда оказанными ей почестями изъявитъ свое дружеское расположенїе къ ея нацїи. Въ слѣдствїе чего, какъ скоро она вышла на землю, то поздравлена залпомъ изъ всей островской артиллерїи, расположенной вокругъ всего острова. Великой Визирь встрѣтилъ ее на берегу и подвелъ вмѣстѣ съ дѣвицею Гупиль подъ балдахинъ; такимъ образомъ шли они при звукѣ инструментовъ, между

двумя рядами поставленныхъ въ строй солдатъ, и прибыли къ большому Дворцу, гдѣ Король расположился ихъ принять.

На семъ островѣ было два Короля: одинъ законный, но низверженный съ трона ближнимъ своимъ родственникомъ. Онъ жилъ въ неизвѣстности и нищетѣ, пока наконецъ сынъ похитителя, умершаго скорою и подозрительною смертію, взошелъ на престолъ, и первымъ своимъ долгомъ почелъ, призвать изгнаннаго Государя и воздать ему всѣ почести, приличныя Монарху, удержавши однако у себя всю власть и права Царскія. Вскорѣ по прибытіи Гжи. Шевро, пришли и *они* въ провожаніи всѣхъ Вельможей, отдать ей визитъ.

Оба Государя были статны и сановиты; черты лица ихъ правильны. Правительствовавшій Государь отличался непосредственнымъ умомъ и вѣжливостію; они одѣты были въ длинныя мантіи изъ шелковаго штофу, вышитаго золотомъ.

Царица также изъявила свое желаніе видѣть обѣихъ Француженокъ; тотчасъ поставлена бесѣдка между Дворцомъ Царицы и тѣмъ домомъ, въ коемъ помѣщена была Гжа. Шевро. Въ

бесѣдкѣ сдѣланы двѣ двери, каждая соотвѣтствовала одному изъ ихъ апартаментовъ. Онѣ обѣ вошли туда въ одно время, каждая въ свои двери, и приближились одна къ другой. Гжа. Шевро была въ маленькомъ козакинѣ и въ юпкѣ, голову повязала платкомъ. На Царицѣ была длинная роба, весьма похожая на Пасторскую мантію; на шеѣ, на рукахъ и ногахъ было у ней множество золотыхъ украшеній и галантерейныхъ вещицъ. Сіе свиданіе продолжалось одинъ часъ: онѣ сѣли, кушали бетель, а между тѣмъ Царица дѣлала Гжѣ. *Шевро* нѣкоторые вопросы.

Король, прежде нежели оставилъ сихъ Дамъ, велѣлъ спросить ихъ, готовы ли онѣ раздѣлить съ нимъ тронъ. Онѣ съ почтеніемъ отказались, и 15 го Мая сѣли на *ла Бретанъ*, судно подъ командою Гна. *Термилліера*, и прибыли въ Пондишери съ Гдами. *дю Сосе* и *дѣ Барре*, пѣхотными Офицерами, бывшими въ числѣ пассажировъ на разбившемся кораблѣ. Они-*то* сообщили подробныя обстоятельства сего кораблекрушенія, при которомъ слабой и нѣжной полѣ превзошелъ самыхъ мущинъ своею бодростію и рѣшимостію.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Острова *Мальдивскіе* состоятъ изъ великаго множества большихъ и малыхъ островов и скалъ, находящихся на юго-западѣ отъ полуострова Восточной Индіи по сю сторону Гангеса. Они простираются въ длину по сю и по ту сторону Экватора, почти отъ четвертаго градуса южной широты до осьмаго широты сѣверной. Число ихъ полагаютъ больше десяти тысячь; но многіе суть не иное что, какъ каменные утесы. Главный островъ называется *Мало*; въ окружности не болѣе полутора мили; на немъ Король имѣетъ свое мѣстопребываніе. Весьма вѣроятно, что всѣ сіи тысячи островов составляли нѣкогда одинъ великой островъ, которой послѣ, усиліемъ ли двухъ морей или страшнымъ землетрясеніемъ, разорванъ на множество мѣлкихъ частей. Мальдивскіе острова занимаютъ на морѣ пространство около двухъ сотъ миль въ длину, и около тридцати пяти въ ширину. Всѣ они раздѣлены на тринадцать частей, называемыхъ *Аттолонами*. Всякой Аттолонъ окруженъ большею каменною коссою, почти совершенно круглою, и всѣ они раздѣлены между собою кана-

лами; только четыре изъ нихъ столько глубоки, что большiе корабли могутъ по нихъ проходить; но крайней опасности подвергаются тѣ, которые не знаютъ тамъ подводныхъ камней. Португальцы открыли сiи острова въ 1507 году; нѣсколько лѣтъ производили тамъ торговлю; потомъ нечувствительно оставили ихъ, частiю потому, что они мало плодородны, а частiю потому, что трудно приставать къ нимъ. Вообще и самые смѣлые мореплаватели стараются не приближаться къ окружностямъ Мальдивскихъ острововъ; но какъ они далеко простираются, и притомъ находятся почти на пути ѣдущимъ въ Индiю или изъ Индiи, то весьма трудно избѣгнуть ихъ, особливо при безвѣтрiи или противныхъ вѣтрахъ; тогда морскiя быстрины удобно увлекаютъ ихъ туда: ибо парусы не могутъ имъ помочь.

Большая часть Мальдивскихъ острововъ совершенно пусты, и не производятъ ничего, кромѣ деревъ и травъ; другiе же даже лишены и зелени, покрыты однимъ сыпучимъ пескомъ, которой во время приливовъ частiю остается подъ водою. Только на островахъ обитаемыхъ есть прѣсная вода, но не рѣчная, а получаемая изъ ко-

лодцевъ: нужно только выкопать земли на три, или четыре фута, то выступаетъ вода въ изобилiи. Частные каналы, отдѣляющiе острова каждаго аттолона, столь мѣлки, что рѣдко бываетъ тамъ воды больше трехъ футовъ. Впрочемъ жители никогда не переходятъ ихъ иначе, кромѣ на судахъ, опасаясь крокодиловъ и паймоновъ (родъ большихъ рыбъ, которыя ломаютъ ноги у людей и ихъ пожираютъ); сверхъ того дно моря тамъ усѣяно острыми камнями. Тамъ находятъ также вѣтви коралловъ твердыхъ и пористыхъ.

На Мальдивскихъ островахъ не родится ни хлѣба, ни сарачинскаго пшена; но нѣтъ такой земли, гдѣ бы въ большемъ обилiи были кокосовые орѣхи; тамошнiе померанцы, лимоны, гранатки и бананы также превосходны. Купцы ѣздятъ туда за кораллами, сѣрою, амброю и черепаховою костью, которая тамъ бываетъ лучше, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ Индiи. Маленькiя прекрасныя раковинки служатъ тамъ вмѣсто монеты. Тамошнiя мануфактуры доставляютъ ковры и штофы; но большая часть бумажныхъ матерiй идетъ на употребленiе народа.

Близкое разстоянїе сихъ острововъ отъ Экватора, причиною тому, что жары на нихъ несносны и воздухъ не здоровъ, особливо для иностранцовъ. Тамъ бываетъ только два времени года: лѣто, продолжающееся шесть мѣсяцовъ, и зима столько же. Лѣтомъ рѣдко идетъ дождь, зимою почти безпрестанно.

Жители Мальдивскихъ острововъ суть настоящїе Магометане, наблюдаютъ всѣ праздники и церемонїи сей религїи. На каждомъ островѣ есть свои храмы, свои мечети.

Воспитанїе дѣтей есть главнѣйшїй предметъ, которой обязаны соблюдать жители всѣхъ сихъ острововъ по своему законоположенїю. Матери должны сами кормить своихъ дѣтей, не выключая даже Царицъ. Тамъ не знаютъ обвивать младенца пеленами; и не смотря на то, нѣтъ между ними уродовъ. Черезъ девять мѣсяцовъ младенецъ начинаетъ ходить; въ семь лѣтъ совершаютъ надъ нимъ обрѣзанїе, а въ девять заставляютъ заниматься науками и другими упражненїями той земли.

Общїй языкъ Мальдивцовъ весьма отличенъ отъ другихъ. По Арапски учатся они съ самаго дѣтства, какъ

у насъ въ Европѣ по Латыни. Многїе изъ нихъ говорятъ также на Камбайскомъ, Гузаратскомъ, Малакскомъ и даже на Португальскомъ языкахъ.

Иноземцы, претерпѣвшїе кораблекрушенїе, не могутъ опасаться тамъ потерянїя своей вольности, какъ то часто случается на утесахъ или берегахъ Архипелага Антильскаго; здѣсь напротивъ того островитяне жалостливы къ судьбѣ таковыхъ нещастныхъ, и спѣшатъ подать имъ всякую помощь.

Правленїе тамъ деспотическое: оно ведетъ свое начало отъ древнѣйшихъ временъ. По Королѣ первыми слѣдуютъ Принцы крови и другїе Принцы, происходящїе отъ колѣна прежнихъ Царей: они составляютъ первой классъ въ Государствѣ. Второй классъ состоитъ изъ главнѣйшихъ Вельможей или Чиновниковъ короны, изъ коихъ первой называется Килагъ, какъ бы Генералъ-Лейтенантъ Королевской; прочїе суть: Канцлеръ, Статскїй Секретарь, Экономїи-Директоръ, Казначей, шестеро Мускулїевъ или Государственныхъ Совѣтниковъ, и проч. Третїй классъ занимаетъ дворянство; а четвертой простой народъ. Королевская гвардїя со-

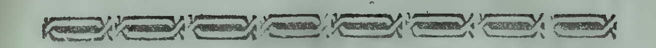
стоитъ изъ шести ротъ, каждая рота изо ста человѣкъ. Сверхъ того Государь содержитъ еще всегда десять другихъ ротъ, коихъ Начальники суть важнѣйшія особы въ Государствѣ; но онѣ слѣдуютъ за Королемъ только во время войны. Солдаты пользуются знатными привилегіями.

Внутренніе покои Королевскаго Дворца и домовъ знатныхъ господъ украшены наилучшими штофами Китайскими, Бенгальскими и Масулипатанскими. Золото и шелкъ блистаютъ тамъ со всѣхъ сторонъ, и прельщаютъ взоръ разнообразными фигурами и цвѣтами.

Обитаемые острова сего Архипелага весьма многолюдны. Малдивцы, а особливо живущіе на островѣ Малѣ и на другихъ, къ которымъ иноземцы пристаютъ и производятъ торговлю, вѣжливы, умны, трудолюбивы, любятъ художества, и даже способны къ наукамъ, и весьма уважаютъ ихъ, особливо Астрономію. Они также храбры, искусны въ войнѣ, любятъ порядокъ и благоустройство. Женщины тамъ прекрасны; и хотя большая часть изъ нихъ оливковаго цвѣту, однако есть иныя также бѣлы какъ и Ев-

ропейки. Царицы и жены большихъ господъ, также дворянки одѣваются весьма благопристойно и не безъ вкуса. Одежда ихъ есть настоящая роба изъ легкой матерїи или бумажная; онѣ также украшаютъ себѣ шею, руки и ноги разными золотыми вещами, весьма искусно выдѣланными.

XVI.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О кораблекрушеніи Французскаго судна, въ недальнемъ разстояніи отъ плотинъ города Дила, въ 1777 году. Неустрашимость кормчаго Буссарда, прозваннаго Молодцомъ (le brave - homme) отъ Его Величества Лудовика XVI.

Мало найдемъ примѣровъ, даже въ самой древности, чтобы человѣкъ съ такимъ великодушіемъ подвергалъ жизнь свою опасности для спасенія ближнихъ, съ какою готовностію то учинилъ кормчій *Буссардъ*, въ концѣ Августа 1777 года.

Парижской Журналъ, и всѣ другіе Авторы періодическихъ изданій прославили сей великодушной поступокъ неустрашимаго сего человѣка. Читателямъ нашимъ конечно пріятно будетъ видѣть здѣсь всѣ подробныя обстоятельства онаго.

Во время бурной ночи, 31 го. Августа 1777 года, въ девять часовъ вечера, вышедшій изъ гавани ла Рошель-

ской одинъ корабль, нагруженный солью, съ осьмью человѣками экипажу и двумя пассажирами, приближился къ плотинѣ Дипской. Вѣтеръ былъ сильный, и море въ такомъ волненіи, что прибрежный кормчій тщетно покушался четыре раза выитти, и ввести корабль въ гавань. Буссардъ, одинъ изъ кормчихъ, примѣтя, что корабельной кормчій дѣлаетъ опасной маневръ, покушался сперва отвести его слуховыми трубами и знаками; но тьма, свистъ вѣтровъ и шумъ волнующагося моря помѣшали Капитану его видѣть и слышать. Вскорѣ потомъ тщетны были всѣ усилія управить корабль; его бросило на каменистое дно, и онъ разбился тамъ за тридцать туазовъ отъ плотины.

Слыша крики нещастныхъ погибавшихъ, Буссардъ рѣшился итти имъ на помощь, не внимая никакимъ совѣтамъ, и ни мало не заботясь о томъ, что его предпріятіе по видимому не будетъ имѣть успѣха, и только причинитъ ему погибель. Прежде всего онъ велитъ удалиться отъ себя своей женѣ и дѣтямъ, которые хотѣли удержать его; потомъ обвязываетъ около себя веревку, которой конецъ укрѣпленъ былъ на плотинѣ, и бросается въ

волны. Одни только мореплаватели, и тѣ, которые смотрѣли вблизи на волнующееся море, и на ярость волнъ, особливо близъ какой либо преграды: они только могутъ вообразить, какой опасности предался сей неустрашимой человѣкъ. Послѣ невѣроятныхъ усилій онъ приближился уже къ кораблю, раздробляемому въ куски ударами волнъ; какъ вдругъ большой валъ отрываетъ его и выбрасываетъ назадъ на берегъ; такимъ образомъ много разъ былъ онъ бросаемъ волнами, и ударяемъ о каменистое дно. Но онъ не ослабѣваетъ духомъ, опять погружается въ море; сильная волна влечетъ его къ кораблю; уже почитали его погибшимъ; но онъ опять появляется, держа въ рукахъ матроса, которой бросился съ корабля и уже тонулъ въ безднѣ: Буссардъ приноситъ его на землю, бездыханнаго и почти лишеннаго жизни. Наконецъ послѣ многихъ безполезныхъ покушеній, будучи окруженъ отломками, которые еще болѣе умножали опасность, и покрытъ ранами, достигаетъ онъ до корабля, хватается за него, и привязываетъ къ нему свою веревку. Тамъ ободряетъ экипажъ, и даетъ нужные совѣты. Онъ велитъ всѣмъ матросамъ ухватиться за сію спасительную ве-

ревку, которая пролагаетъ имъ дорогу среди тьмы и волнъ. У кого силы ослабѣваютъ, онъ ихъ несетъ; какъ Ангелъ Хранитель плаваетъ около нихъ, и боровшись съ волнами, которые съ ревомъ ищутъ поглотить свою добычу, онъ взводитъ на берегъ семерыхъ.

Изнемогши отъ сего самаго триумфа, Буссардъ съ трудомъ достигаетъ до той хижины, гдѣ поставленъ флагъ: тамъ силы его совершенно оставляютъ, и нѣсколько минутъ лежитъ онъ въ страшномъ безчувствіи. Его старались привести въ себя, подавали ему помощь; онъ изблевалъ морскую воду, и началъ *приходить* въ чувство, какъ вдругъ новой крикъ поражаетъ слухъ его. Вопль страждущаго человѣчества дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ спиртовъ, и возвращаетъ ему прежнія силы и бодрость: онъ бѣжитъ къ морю, бросается въ него въ другой разъ, и съ такимъ щастіемъ, что ему еще удается спасти одного изъ пассажировъ, которой оставался на кораблѣ, и по причинѣ своей слабости не могъ слѣдовать за прочими. Буссардъ беретъ его въ руки, выноситъ на берегъ, и идетъ домой, будучи сопровождаемъ осьмью избавленными отъ смерти, которые громкими криками

прославляютЪ его, какЪ своего избавителя. ИзЪ десяти человѣкЪ, бывшихЪ на кораблѣ, погибли только двое; ихЪ трупы найдены на другой день на каменистомЪ днѣ.

Сія неустрашимость, оказанная БуссардомЪ при семЪ случаѣ, будетЪ достойна большаго удивленія, когда мы узнаемЪ, что она не есть слѣдствіемЪ слѣпаго инстинкта, или простаго человѣколюбія, кЪ которому присоединился навыкЪ преодолѣвать опасности на морѣ, и избѣгать ихЪ: никакЪ; это благородное великодушіе есть плодЪ разсудительной его рѣшимости, единожды утвержденной и навсегда постоянной; есть ежедневная жертва, приносимая имЪ его отцу, утопшему безпомощно. Дабы загладить сіе невольное преступленіе, БуссардЪ сдѣлалЪ священной обѣтЪ, сЪ опасностію собственной своей жизни спасать всѣхЪ нещастныхЪ, подверженныхЪ кораблекрушенію: и онЪ держитЪ свое слово. ТакимЪ образомЪ его великодушіе есть двоякая добродѣтель: онЪ спасаетЪ человѣчество, и эту дань платитЪ сыновней любви. Сія побудительная причина, которая извѣстна уже стала послѣ сего благороднаго его

поступка, дѣлаетъ его въ глазахъ благомыслящихъ людей еще болѣе почтеннымъ.

Жители города Дипа 1) изъявили свое одобренїе сему доброму гражданину рукоплесканїемъ часто повтореннымъ, а послѣ Правительство простило ему казенной долгъ, и почтило его не маловажною наградою. Г. де Кроенъ, Руанской Интендантъ, увѣдомилъ Директора Государственныхъ доходовъ о благородномъ поступкѣ Буссардовомъ, письмомъ отъ 17 го Декабря. Г. Некеръ донесъ о томъ Королю, и получивъ приказанїе, поспѣшилъ самъ написать слѣдующее *письмо* *кормчему* Дипскому:

Brave-Homme!

„Третьяго дня узналъ я отъ Г. „Интенданта о томъ благородномъ „поступкѣ, которой вы сдѣлали 31 го „Августа; а вчера донесъ о томъ мо„ему Государю, которой приказалъ „мнѣ изъявить вамъ свое благоволенїе, „и предложить въ награду тысячу „франковъ; да сверхъ того ежегодную „пенсїю по триста ливровъ. По этому „поводу писалъ я къ Гну. Интенданту. „Продолжайте помогать ближнимъ,

„сколько то будетъ въ вашихъ си„лахъ, и благословляйте добраго ва„шего Государя, которой любитъ и „награждаетъ людей достойныхъ.„ *Подписано: Некеръ, главный Директоръ государственныхъ доходовъ.*

Парижъ, 22 Декабря 1777 года.

Содержанїе сего письма, столь достойное такого благотворительнаго Министра, котораго Король возвысилъ на степень главнаго Директора государственныхъ доходовъ, скоро стало извѣстно всѣмъ въ городѣ Дипѣ. Всѣ сограждане Буссардовы пришли поздравить его съ сею Королевскою милостїю, и убѣждали ѣхать въ Парижъ, и лично изъявить Королю свою благодарность. Буссардъ уступилъ ихъ совѣтамъ. 3 го Генваря слѣдующаго года, прїѣхалъ онъ къ Г. ле Муану, Меру города Дипа, которой былъ въ Парижѣ съ нѣкотораго уже времени, и которой принялъ на себя охотно представить его Гну. Некеру; а сей привелъ его самъ къ Графу де Морепа. Г. ле Муанъ, поставляя себѣ за честь сопровождать всюду добраго Буссарда, не замедлилъ прїѣхать съ нимъ въ Версалїю. Тамъ

поставили его въ Геркулесовой залѣ, мимо которой должно было проходить Королевской фамилїи. Черезъ минуту Его Величество изволилъ шествовать по залѣ. Герцогъ д' Эйанъ представилъ Буссарда Королю, которой смотря на него съ чувствительностїю, сказалъ: „Вотъ прямо честной человѣкъ! Voila un Brave Homme!„

Такая благосклонность отъ Его Величества къ простому кормчему, возбудила во всѣхъ должное къ нему уваженїе. Толпа господъ всякаго состоянїя окружили его, и потому Королева, которая изволила шествовать нѣсколько минутъ послѣ Короля, могла видѣть его только издали сквозь толпу придворныхъ: однако она своими взорами изъявила сему доброму человѣку, сколько уважаетъ она его благородный поступокъ, которой былъ тогда общимъ предметомъ разговоровъ и удивленїя при Дворѣ. Послѣ того Буссардъ принятъ былъ Министрами со всѣми знаками ласки. Г Сартинъ, Министръ военныхъ дѣлъ, исходатайствовалъ ему патентъ на полное жалованье, по двадцать два ливра въ мѣсяцъ, которое ему прежде положено было, какъ лоцману, хотя онъ про-

силѣ только о половинѣ сего жалованья. Г. Бертенъ, у коего въ Департаментѣ находилась Нормандія, поручилъ Гну. ле Муану сыскать въ городѣ Дипѣ пустое мѣсто, на которомъ бы можно построить домъ для Буссарда и его фамиліи. Хранитель печати, будучи уже готовъ къ отъѣзду своему въ Парижъ, пригласилъ и его съ собою. Не меньше ласково былъ онъ принятъ и въ сей столицѣ: Герцогъ Орлеанской, Герцогъ и Герцогиня де Шартръ, также Герцогъ де Пантіевръ изъявили ему тѣже знаки благосклонности и милости. Почести и ободренія, воздаваемыя добродѣтели, способны умножить ее и возвысить. Щастлива, тысячекратно щастлива та нація, которая ихъ даетъ и получаетъ!

Доселѣ Читатель видѣлъ въ Героѣ города Дипа только неустрашимаго человѣка и избавителя своихъ ближнихъ; но слѣдующее письмо обнаружитъ душу его простую, откровенную и вмѣстѣ великую.

ПИСЬМО

Одного морскаго Офицера къ Издателямъ Парижскаго Журнала.
№ 16. 1778.

Ей Богу! Государи мои! что за прекрасную повѣсть вы сообщили намъ въ прежнемъ вашемъ номерѣ! Что это за человѣкъ, Буссардъ! Я восхищенъ, читая повѣствованіе о неустрашимости этого *Молодца*.

Это имя останется *его*: я смѣю то пророчить: оно дано ему Гномъ. Некеромъ, и конфирмовано самимъ Королемъ.

Нетерпѣливо желая узнать этаго браваго кормчаго, поспѣшилъ я взять почтовыхъ лошадей и ѣхать въ Дипъ; вдругъ слышу, что онъ у Двора, что онъ въ Парижѣ. Какая радость! Не теряя ни минуты, скачу изъ однаго общества въ другое, ищу моего Героя. Наконецъ вижу его: ростъ Геркулесовъ, почти въ шесть футовъ; голова маленькая, плеча широкія, нога переломлена почтенною раною, полученною въ службѣ Королевской. Будучи окруженъ толпою знатныхъ господъ всякаго рода, онъ ничего не боится, и

ни мало не приходитъ въ замѣшательство: всегда держитъ себя, какъ прилично честному и благородно-мыслящему человѣку. Мнѣ хотѣлось пощупать его ума и сердца: вы можете о томъ судить изъ его отвѣтовъ.

На что ты употребилъ, спросилъ я его, тѣ сто пистолей, которыя выданы тебѣ единовременно? — „Я выплатилъ свои долги: ибо прежде всего идетъ справедливость; потомъ одѣлъ свою жену и дѣтей, и это еще первой разъ въ ихъ жизни; а для себя сдѣлалъ только фуфайку: мнѣ больше нужны гроты, нежели платье. Это, *что теперь* на мнѣ, мое свадебное; оно еще новехонько.„ — А сто ефимковъ пенсіи будетъ ли для тебя довольно на безнужное содержаніе со всею фамиліею? — „У меня еще и останется: а впрочемъ, на что мнѣ богатство? Когда похороняютъ богача, кладутъ ли ему хоть одинъ луидоръ на глаза?„ — Восхищенъ будучи его отвѣтами, я продолжалъ спрашивать далѣе: „Скажи пожалуй, эти люди, которыхъ ты спасъ, они тебѣ ни родственники, ни друзья: чтожь внушило тебѣ такую неустрашимость? — „Ч* меня возьми! (Вамъ надобно знать, Государи мои, что онъ еще лучше

„моего клянется.) Человѣчество и „смерть моего отца: онъ утонулъ, а „меня тамъ не было: нѣкому было „спасти его. Съ тѣхъ поръ клялся „я подавать помощь всѣмъ, которые на „морѣ подвергаются опасности.„ — — Герои древности закалали жертвы на гробницахъ своихъ предковъ; а здѣсь Герой новыхъ временъ, избавляя нещастныхъ отъ погибели, симъ благотворенїемъ приноситъ жертву тѣни отца своего, погибшаго въ подобныхъ случаяхъ. Какъ это благородно, дать такую клятву, и исполнять ее!

Буссардъ, какъ самой честной человѣкъ, удивляется, за что Государь почтилъ его такою наградою: ибо онъ щитаетъ свой поступокъ единственно долгомъ, какой обязанъ исполнять каждой человѣкъ къ подобному себѣ человѣку. „Я сдѣлалъ много такихъ дѣлъ, „какъ и это, говоритъ онъ; и не знаю, „отъ чего это послѣднее надѣлало „столько шуму. Мои товарищи также „ничѣмъ меня не хуже.„ Судя по себѣ, какъ высоко мыслитъ онъ о другихъ людяхъ, и какогожъ почтенїя заслуживаетъ самъ отъ людей!

Впрочемъ не подумайте, будто онъ не знаетъ цѣны своей. Ему хотѣлось

обнять мальчика, которой испугался высокаго его росту „Не бойтесь, сказалъ онъ ему, это сдѣлаетъ вамъ „честь, обнять честнаго человѣка.„ Однако тутъ нѣтъ тщеславія, тутъ одно только чувствованіе своей чистой совѣсти. Онъ весьма чувствуетъ ту благосклонность и уваженіе, которое всѣ ему оказываютъ; я спрашивалъ у него, какъ его гдѣ принимали, и примѣтилъ, что это ему весьма чувствительно; между прочимъ онъ мнѣ сказалъ: „Ч* меня возьми! что это за „бравая дама Гжа. Некеръ! Я нанялъ из„вощика, по причинѣ моей хромой ноги, „и поѣхалъ *отдать* ей свое почтеніе; она „тотчасъ ему заплатила и отослала „назадъ, а меня велѣла отвезти въ „своей каретѣ.„! — — О естьли бы Буссарды умножались болѣе и болѣе, и естьли бы прекрасный полъ всегда уважалъ ихъ!

Прощайте, Государи мои! мнѣ нѣтъ времени писать къ вамъ болѣе; бѣгу обнять еще разъ этаго *Молодца*, прежде нежели онъ уѣдетъ въ Дипъ.

ДРУГОЕ ПИСЬМО

Къ Издателямъ Парижскаго Журнала. № 211. 1779 *года.*

Въ началѣ прошедшаго года случилось мнѣ ѣхать мимо Дипа; я желалъ узнать того, коего благородной поступокъ былъ доселѣ предметовъ всеобщихъ разговоровъ, и для того пошелъ въ гавань. Мнѣ не хотѣлось призвать его къ себѣ: этому имѣлъ я свои особенныя причины. И такъ пошелъ одинъ, и у перваго встрѣтившагося со мною спрашивалъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ поступка *Буссардова*, и просилъ проводить себя къ нему. Это былъ самъ Буссардъ; онъ привелъ меня на ту плотину, возлѣ которой спасъ онъ корабельный экипажъ, когда корабль свирѣпою бурею брошенъ былъ на берегъ и тамъ разбился. Но меня не столько удивила его неустрашимость, сколько чувствительность его и неописанное добросердечіе; онъ думалъ, что это его дѣло не стоитъ никакой награды, что это одинъ долгъ человѣчества; больше всего дивился тому, что въ этотъ разъ такъ дорого оцѣнили его пожертвованіе: ибо по-

добной опасности для спасенія другихъ подвергался онъ много разъ. Онъ увѣрилъ меня, что положилъ твердой обѣтъ, поступать такъ всегда, съ того времени, какъ его отецъ утонулъ по ошибкѣ и нерадѣнію кормчаго, которому порученъ былъ тогда фаросъ у сей гавани. Тѣмъ-то хочетъ онъ отмстить за раннюю смерть своего отца.

Я чувствовалъ, что нѣтъ нужды хвалить такого человѣка, которой по своему характеру, а еще болѣе по всеобщей славѣ о его дѣлахъ, превыше всѣхъ похвалъ; однако разсудилъ, что нужно изъявить ему то, сколько онъ почтенъ въ глазахъ моихъ, и сколько я принимаю участія въ его судьбѣ: судя по его чувствительности, которую не могъ истребить и низкой родъ жизни, мнѣ это казалось возможнымъ.

Я сталъ говорить о томъ маломъ щастіи, какое для него приготовляютъ, о его дѣтяхъ, обо всемъ, что только мнѣ казалось для него интересно.

Въ эту минуту пришелъ его старшій сынъ; ему отъ роду лѣтъ двенадцать, и онъ бывалъ уже на морѣ не меньше двенадцати разъ. Доброй Бус-

сардъ сказалъ мнѣ, что для него всего пріятнѣе та награда, которую обѣщали ему сдѣлать, построивши для него маленькой домикъ: какъ бы онъ малъ ни былъ, прибавилъ Буссардъ, только бы стоялъ на плотинѣ, и вотъ какую причину сказалъ онъ мнѣ тому: „Въ „самое дурное время мнѣ чаще надобно „быть на плотинѣ, чтобы видѣть, „нѣтъ ли какого корабля въ опасности. „Правда, у меня есть маленькая хи- „жина, но она для меня очень не „удобна.„

Мы были отъ нея очень близко: я вошелъ, и увидѣлъ, что эта хижина, у которой въ кровлѣ есть отверзтіе для того, чтобы днемъ выставлять флагъ, а ночью фонарь, весьма неудобна для караульнаго. Я съ удивленіемъ услышалъ, что въ самой тотъ часъ, какъ онъ возвратился изъ Версаліи, видя волнующееся море и бурную погоду, не позволилъ своему товарищу, которой безъ него заступилъ его мѣсто, оставаться на караулѣ и на одинъ день долѣе, а тотъ же часъ пошелъ самъ стеречь и охранять безопасность мореплавателей, не смотря на то, что онъ отъ дороги былъ въ крайнемъ изнеможеніи; даже преодо-

лѣлъ ту сердечную радость, которою заранѣе восхищался, вспоминая, какъ онъ увидитъ свою жену и дѣтей, коихъ онъ любилъ нѣжно. И я думаю, что эта любовь къ человѣчеству, эта чувствительность нѣжнаго сердца есть истинный источникъ его неустрашимости и всегдашней готовности подавать помощь страждущимъ. И такъ вы видите, Государи мои, что почести и награды ни мало не перемѣнили этой простой и великой души.

Вы конечно будете однихъ со мною мыслей, услыша, какая печаль была для него несноснѣе въ прежней бѣдности. „Мнѣ не изъ чего было покупать „веревокъ, говорилъ онъ; а веревки „мнѣ очень нужны при нещастныхъ „случаяхъ. Я бралъ въ займы; иная „потеряется, иную порветъ силою „волнъ: тогда я не смѣлъ казаться на „глаза тѣмъ, у кого ихъ занималъ; „ибо мнѣ не чѣмъ было отдать. „ — Теперь больше всего заботится онъ о томъ, чтобъ получить позволенїе имѣть еще одну мачту, съ помощїю которой можно бы было поднять фонарь гораздо выше.

Чѣмъ долѣе я бесѣдовалъ съ этимъ честнымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе

удивлялЪ меня его характерЪ. Наконецъ хотѣлЪ я видѣть, что онЪ называетЪ новымЪ своимЪ щастïемЪ; мы вошли кЪ нему вЪ домЪ, и я увидѣлЪ его жену и дѣтей; онЪ показалЪ мнѣ матрасЪ, недавно купленный, шкапЪ и коморку, гдѣ онЪ кладетЪ своихЪ дѣтей. ТутЪ то я сЪ удивленïемЪ примѣтилЪ, сколь мало потребЪ нужно для человѣка честнаго и добродѣтельнаго.

РазсказавЪ мнѣ, на что онЪ употребилЪ свои деньги, прибавилЪ еще, что онЪ нѣсколько сберегЪ на платье для своей небольшой фамилïи, и вЪ тужь минуту обнялЪ всѣхЪ ихЪ при мнѣ; всѣ его чувствованïя такЪ горячи, такЪ натуральны, что я не зналЪ, какЪ мнѣ сЪ нимЪ разстаться.

Не должно забыть того, что я хотѣлЪ дать ему денегЪ; онЪ ихЪ не принялЪ. ТотчасЪ побѣжалЪ взять письмо Гна. Некера, которое онЪ тщательно бережетЪ вЪ коробкѣ, и не позволяетЪ никому до него прикасаться, боясь, чтобы кто не перемѣнилЪ вЪ немЪ чего нибудь: это для него безцѣнное сокровище!

ОнЪ проводилЪ меня, когда я сЪ нимЪ разставался; между тѣмЪ какЪ

удовлетворялъ мнѣ на вопросы о разныхъ приключеніяхъ, вдругъ я удивился, что его остановила молодая дѣвушка, прекрасная собою и скромная какъ Ангелъ. Какъ скоро она къ нему приближилась, то поставила на землю сосудъ съ свѣжими овощами, и бросилась на шею Буссарду, которой обнялъ ее нѣжно; я нѣсколько отъ нихъ отошелъ, примѣтя, что она стала ему говорить тихонько. Скоро онъ опять нагналъ меня и сказалъ: „Это моя милая племянница; я имѣлъ щастіе ее „воспитать. Я возвратился нѣкогда „съ моря, былъ еще очень молодъ; ея „отецъ и *мать* не *задолго* передъ тѣмъ „*умерли*, она и меньшая ея сестра не „имѣли другаго прибѣжища, кромѣ меня; правда я самъ ничего не имѣлъ, „однако не оставилъ ихъ; тотчасъ поѣхалъ на ослѣ, по причинѣ моей раны, „которую я получилъ на морѣ на сраженіи, искать ихъ въ одной деревнѣ „за двѣ мили отсюда; привезъ къ себѣ „этихъ обѣихъ бѣдныхъ дѣвушекъ; не „знаю самъ какъ, только я ихъ вскормилъ и выростилъ: онѣ награждаютъ „меня многимъ утѣшеніемъ, и теперь „живутъ честно своими трудами.„ — И такъ вы видите, Государи мои,

что этотъ человѣкъ совсѣмъ не зная меня, не ожидая отъ меня ничего, даже отказавшись принять отъ меня, что я хотѣлъ ему дать, этотъ человѣкъ меньше нежели въ два часа обнаружилъ передо мною больше добрыхъ качествъ, больше безкорыстія, больше великодушія и готовности къ вспоможенію ближнимъ, больше благородства мыслей и добросердечной простоты, нежели премногіе изъ людей могутъ обнаружить во всю свою жизнь. Тѣмъ-то самимъ оставилъ онъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе, и я бы желалъ сообщить его вамъ, Государи мои, а через васъ и тѣмъ Читателямъ, которые въ состояніи цѣнить такого человѣка.

Честь имѣю быть, и проч.

Бравой Буссардъ, вѣрно исполняя свою клятву и тѣ обязанности, какія онъ наложилъ на себя касательно до нещастныхъ подверженныхъ опасностямъ, продолжаетъ и день и ночь бдительно и неусыпно осматривать гавань и плотины Диппскія. При малѣйшемъ волнованіи Океана, или когда онъ увидитъ какое либо судно въ опасности, Буссардъ бросается въ волны

вмѣстѣ съ веревками, и спасаетъ погибающихъ. Естьли ярость моря противится тому, и ему не можно ввести судно въ гавань, то онъ хватаетъ матросовъ и пассажировъ, и переноситъ ихъ порознь на берегъ.

Почтенный Издатель книги: Etrennes de la Vertu. 1767 годъ, стр. 27 и *слѣд.* собралъ нѣкоторыя новыя черты неусыпной благотворительности Буссарда отца и старшаго его сына. Мы предложимъ ихъ здѣсь такъ, какъ они изданы въ свѣтъ, несомнѣнно надѣясь, что это продлитъ удовольствіе чувствительнаго Читателя.

Осенью 1786 года, около полуночи усмотрѣлъ Буссардъ, что неподалеку отъ плотинъ погибаетъ одна барка. Привлеченъ будучи воплемъ нещастныхъ, борющихся въ волнахъ, онъ бросаетъ имъ веревки, которыми всегда тщательно запасается, и зоветъ себѣ на помощь тѣхъ, кои были на берегу, и могли слышать его голосъ. Ночь была такъ темна, что онъ не могъ видѣть погибавшихъ; да и сіи едва могли примѣтить ту слабую помощь, какую онъ имъ подавалъ. Старшій сынъ Буссардовъ былъ также въ числѣ шести претерпѣвшихъ кораблекруше-

нїе; ему удалось ухватиться за одну веревку, и съ помощїю ея онъ могъ бы удобно достигнуть до плотины; но видя подлѣ себя молодаго человѣка лѣтъ четырнадцати, коего силы совсѣмъ истощились, и волны несли его безпрепятственно, молодой Буссардъ, достойный сынъ честнаго неустрашимаго отца, рѣшился съ опасностїю своей жизни избавить его отъ погибели. Тотчасъ онъ протянулъ конецъ веревки ему подъ руки, а себѣ провелъ ее между ногами. Но веревка лопнула отъ такой тяжести; нещастные громко закричали, Буссардъ отецъ догадался, тотчасъ бросилъ другую веревку, которую и поймалъ его сынъ. Сей неустрашимой молодой человѣкъ рѣшился не оставлять въ такомъ опасномъ случаѣ бѣднаго мальчика, котораго онъ взялъ на свое попеченїе; сей послѣднїй держался за него крѣпко. Молодой Буссардъ обвязалъ его опять другою веревкою, и былъ столько щастливъ, что при помощи своего отца, вытащилъ его на плотину. Трое другїе также спаслись съ помощїю веревокъ Буссардовыхъ.

Не опустимъ здѣсь новой черты, обнаруживающей чувствительность сего честнаго человѣка. Буссардъ отецъ,

будучи сострадателенъ къ человѣчеству, меньше радовался при семъ случаѣ о спасенiи пятерыхъ нещастныхъ, въ числѣ коихъ былъ его сынъ, нежели сколько печалился о смерти шестаго; и трудно было утѣшить его въ этой потери, которую онъ приписывалъ отчасти своей винѣ.

Сей благородной поступокъ Буссарда сына, которой раздѣляетъ съ отцомъ достойную славу, былъ уже не первой опытъ его неустрашимости: еще въ 1784 году, онъ спасъ жизнь четырехъ погибавшихъ отъ кораблекрушенiя. Г. де Кросинъ, бывшiй тогда Интендантъ Руанскiй, наградилъ его подаркомъ 400 ливровъ. Гда. Члены Коммерцъ-Коллегiи прибавили къ тому серебряную медаль, равно какъ отцу его прежде того дали золотую.

Удивленiе согражданъ Буссардовыхъ не тѣмъ только кончилось, что они воздавали ему достойныя похвалы. Нѣкоторой знатный человѣкъ, оставшiйся неизвѣстенъ по его собственному желанiю, будучи восхищенъ поступкомъ сына Буссардова, которой двоекратно употреблялъ всѣ способы и усилiя спасти четырнадцатилѣтняго отрока, и наконецъ спасъ его — этотъ

честной человѣкъ, коего имя, хотя неизвѣстно здѣсь, но воспрославится тамъ, гдѣ его благотворенiе получитъ награду; онъ подарилъ ему билетъ на внесенную сумму при тогдашнемъ государственномъ займѣ.

Дай Богъ, чтобы неустрашимые Буссарды продолжали благотворить отечеству, спасая каждой годъ погибающихъ на морѣ!

ПРИМѢЧАНIЕ.

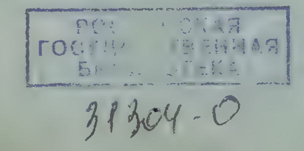
1) *Дипъ*, Французской городъ въ Верхней Нормандiи, съ гаванью открытою въ Океанъ. Онъ есть главное мѣсто страны де Ко. Лежитъ при устьѣ рѣки Аркъ, за 12 миль отъ Руана; а отъ Парижа за 38 миль. Сей городъ былъ нѣкогда знатенъ, и въ немъ щиталось до тридцати тысячь жителей; но отмѣненiе Указа Нантiйскаго и бомбардированiе, коимъ онъ разоренъ отъ Англичанъ въ 1694 году, много способствовали къ его паденiю. Двѣ плотины окружаютъ входъ въ его гавань; онѣ удерживаютъ стремленiе волнъ и останавливаютъ песокъ и ка-

мни, которые могли бы со временемъ наполнить гавань. Генрикъ IV побѣдилъ Герцога де ла Майена, въ 1589 году почти подъ стѣнами сего города, на Аркскомъ сраженіи. Флотъ Англійской и Голландской были также разбиты на высотѣ Дипа, въ 1690 году. Главная коммерція сего города состоитъ въ рыбѣ, слоновой кости и кружевахъ. Въ Дипѣ есть Адмиральтейство и фабрика, въ которой вьютъ табакъ. Во всѣхъ частяхъ города проведены фонтаны.

КОНЕЦЪ.

Третьей и послѣдней Части.

мни, ко … мъ
наполни … бѣ-
дилъ Ге … 589
году поч … да,
на Арко … Ан-
глїйской … же
разбиты … 590
году. Г … ода
состоит … и
кружева … ль-
тейство … отъ
табакъ. … ода
проведен

Тре

